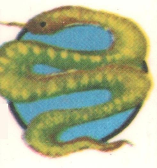
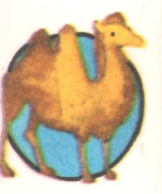
юрий дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ



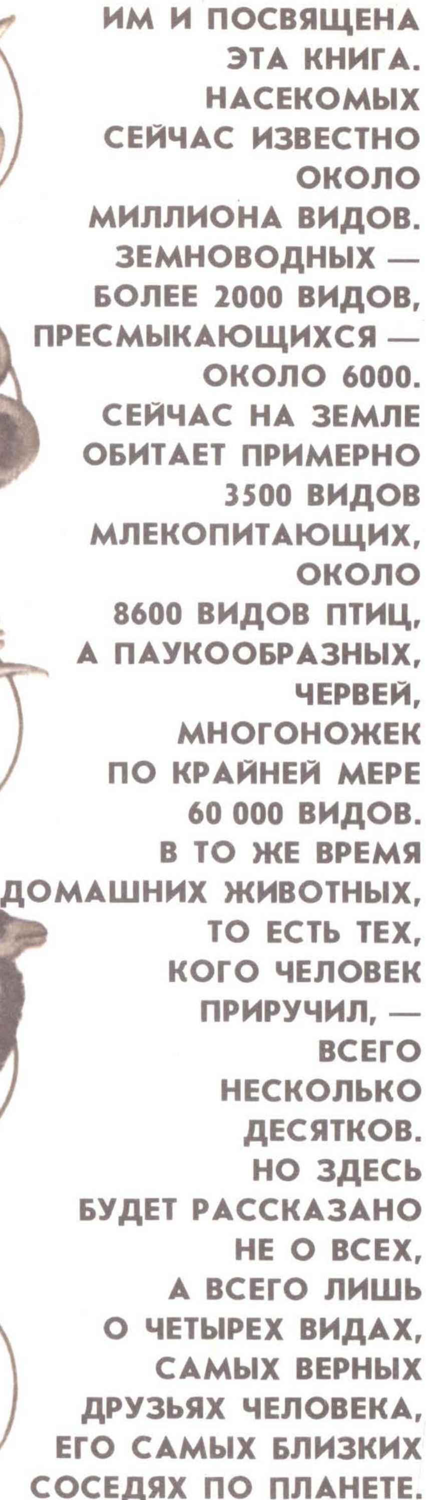


издательство «детская литература»

...Мы все
уносимся вдаль
на одной и той же
планете — мы экипаж
одного корабля.

Антуан де Сент-Экзюпери

ЭТО — ПЯТАЯ КНИГА
О НАШИХ
СОСЕДЯХ
ПО ПЛАНЕТЕ.
ПЕРВАЯ
БЫЛА ПОСВЯЩЕНА
НАСЕКОМЫМ,
ВТОРАЯ —
ЗЕМНОВОДНЫМ
(АМФИБИЯМ)
И ПРЕСМЫКАЮЩИМСЯ
(РЕПТИЛИЯМ).
ТРЕТЬЯ КНИГА
РАССКАЗЫВАЛА
О МЛЕКОПИТАЮЩИХ,
ЧЕТВЕРТАЯ —
О ПТИЦАХ.
ВСЕ ПРЕДЫДУЩИЕ
КНИГИ БЫЛИ
ПОСВЯЩЕНЫ
ДИКИМ ЖИВОТНЫМ,
ХОТЯ, КОНЕЧНО,
УДАЛОСЬ РАССКАЗАТЬ
ДАЛЕКО НЕ О ВСЕХ
НАШИХ СОСЕДЯХ
ПО ПЛАНЕТЕ:
РЯДОМ С НАМИ
ЖИВУТ РЫБЫ
И ПАУКООБРАЗНЫЕ,
МОЛЛЮСКИ, ЧЕРВИ,
МНОГОНОЖКИ.
А ЕСТЬ ЕЩЕ
И ДОМАШНИЕ
ЖИВОТНЫЕ —
ОНИ ТОЖЕ НАШИ
СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ,
И ПРИТОМ —
САМЫЕ БЛИЗКИЕ!



ИМ И ПОСВЯЩЕНА
ЭТА КНИГА.
НАСЕКОМЫХ
СЕЙЧАС ИЗВЕСТНО
ОКОЛО
МИЛЛИОНА ВИДОВ.
ЗЕМНОВОДНЫХ —
БОЛЕЕ 2000 ВИДОВ,
ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ —
ОКОЛО 6000.
СЕЙЧАС НА ЗЕМЛЕ
ОБИТАЕТ ПРИМЕРНО
3500 ВИДОВ
МЛЕКОПИТАЮЩИХ,
ОКОЛО
8600 ВИДОВ ПТИЦ,
А ПАУКООБРАЗНЫХ,
ЧЕРВЕЙ,
МНОГОНОЖЕК
ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ
60 000 ВИДОВ.
В ТО ЖЕ ВРЕМЯ
ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ,
ТО ЕСТЬ ТЕХ,
КОГО ЧЕЛОВЕК
ПРИРУЧИЛ, —
ВСЕГО
НЕСКОЛЬКО
ДЕСЯТКОВ.
НО ЗДЕСЬ
БУДЕТ РАССКАЗАНО
НЕ О ВСЕХ,
А ВСЕГО ЛИШЬ
О ЧЕТЫРЕХ ВИДАХ,
САМЫХ ВЕРНЫХ
ДРУЗЬЯХ ЧЕЛОВЕКА,
ЕГО САМЫХ БЛИЗКИХ
СОСЕДЯХ ПО ПЛАНЕТЕ.

юрий дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ
ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

КОШКИ, СОБАКИ, ЛОШАДИ, КОРОВЫ

За книги «Соседи по планете» автор в 1982 году был удостоен Международной Европейской премии

москва • детская литература • 1990

28.693.36
Д 53

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Оформила макет

ОЛЬГА
КОНДАКОВА

Рецензенты:

кандидат биологических наук
А. Г. ЕВРЕИНОВ,

кандидат сельскохозяйственных наук
Ю. Н. СОКОЛОВ

Художники

ВЛАДИМИР
ЛАПОВОК

ОЛЬГА
КОНДАКОВА

Д $\frac{4802020000-094}{M101(03)-90}$ 032—90

ISBN 5—08—001804—6

Эта книга отличается от всех предыдущих книг о наших соседях по планете, написанных мною и вышедших в 1977—1984 годах в издательстве «Детская литература». И не может не отличаться, потому что предыдущие книги были посвящены диким животным, а эта — животным домашним.

Но домашние животные очень разные. Есть такие, как, например, собака — преданный и верный друг, а есть такие, как, например, овца или свинья; они тоже очень нужны человеку, но вряд ли их можно назвать друзьями в привычном смысле этого слова — овца или свинья часто даже в лицо не знают своего хозяина.

Поэтому из всех домашних животных мы выбрали лишь четырех — самых близких и самых надежных: собаку, кошку, лошадь и корову. Они обитают рядом с человеком уже не одно тысячелетие, и человек как будто бы хорошо их знает, у него вроде бы меньше проблем с ними, чем с дикими животными. Действительно, в книге нет, например, главы «Проблемы спасения», как в предыдущих книгах серии; проблемы эти остро стоят в отношении диких животных. А с домашними у человека другие проблемы: как можно полнее и многостороннее использовать сложившиеся в течение тысячелетий взаимоотношения с этими животными.

Вот первое, что я хотел сказать.

Второе: мне хотелось бы в предисловии сказать, что эту книгу я задумал вместе со своим самым близким другом. Когда мы задумывали ее, нам помогали кот Данила и собака Пальма. О каждом из них можно написать по большой книге, рассказать об их сообразительности, об их характерах и поведении, об их проделках и так далее. И наверное,

все, у кого была или есть собака или кошка, кто имел или имеет дело с лошадьми или коровами, могут тоже без конца рассказывать о них. Поэтому мы решили не описывать поступки и проделки наших питомцев — это тема совсем другой книги. В этой же книге собран обобщающий материал, а если тут и приводятся отдельные эпизоды, то лишь для того, чтобы конкретными фактами подтвердить какое-то общее положение или вывод.

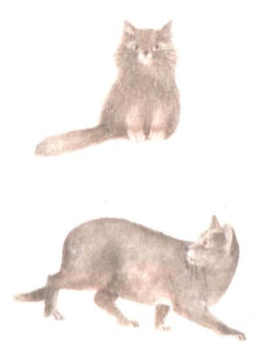
В-третьих, в этой книге сознательно уделено много места истории домашних животных. С каждым днем они становятся все нужнее человеку. И в недалеком будущем людям придется решать много серьезных и важных проблем в животноводстве, во многом придется пересмотреть отношение к домашним животным, возможно — значительно изменить его. Но чтоб понять настоящее и заглянуть в будущее, очень важно знать и прошлое.

Юрий Дмитриев, 1985 г.

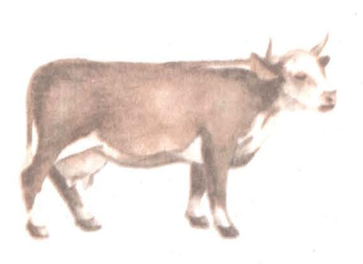
**ВНИМАНИЕ!
В ПОСТАНОВКЕ
И РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ
УЧАСТВУЮТ:**

*Об этих животных
ты прочитаешь на страницах,
указанных черными цифрами,
и увидишь их на таблицах,
обозначенных коричневыми*

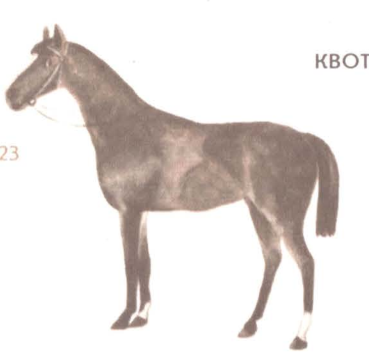
КОШКИ

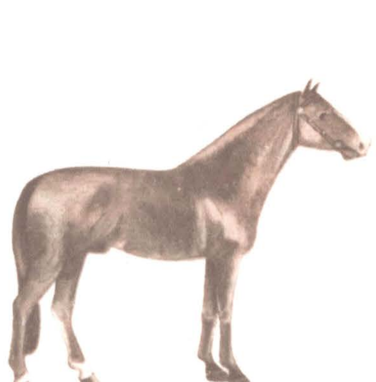


КОРОВЫ

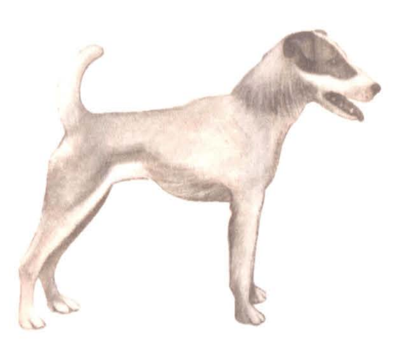


ЛОШАДИ

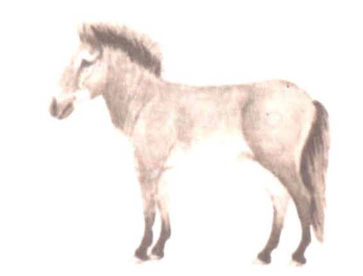




СОБАКИ



Кроме того, в книге упоминаются дикие животные:



Часть первая ПРОБЛЕМЫ

Часть вторая

ПАРАД

В параде принимают участие:

СОБАКИ

часть первая

ПРОБЛЕМЫ
УЗНАВАНИЯ

ПРОБЛЕМЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ПРОБЛЕМЫ
НЕПОЗНАННОГО

ПРОБЛЕМЫ

— Кто ты? — спросил Маленький принц. — Какой ты красивый!

— Я — Лис, — сказал Лис.

— Поиграй со мной,—попросил Маленький принц. — Мне так грустно...

— Не могу я с тобой играть,—сказал Лис.— Я не приручен...

— А как это — приручить?..

— Это давно забытое понятие, — объяснил Лис. — ...Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу...

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

ПРОБЛЕМЫ УЗНАВАНИЯ

КТО ТЫ, СОБАКА?

Кто ты, собака?

Я посмотрел на нее, лежащую у моих ног, и, наверное, произнес эти слова вслух. А может быть, только подумал. Но все равно пес что-то услышал или что-то понял. Он встал, поднял уши и посмотрел на меня. Он понимал: в комнате никого больше нет и, значит, слова адресованы ему. А если так, он должен, обязан сделать что-то, что я прошу. Но что — пес понять не мог. И он смотрел на меня, будто просил повторить или разъяснить ему мои слова...

Я погладил собаку по голове. Она на мгновение прикрыла глаза, чуть опустила уши, положила голову мне на колено. Но только на короткое мгновение. И снова посмотрела мне в глаза. Я знаю, что она готова помочь, готова сделать все, что я потребую от нее, даже если ей это и не захочется делать, даже если ей будет очень трудно. Но она сделает все не колеблясь.

И, глядя в глаза собаки, я немного устыдился своего вопроса. Ведь ответ известен давным-давно, и, умей собака говорить, она тут же сказала бы мне, кто она. Но и без ее слов хорошо известно, кто́ она: преданный друг человека, доказавший это на протяжении многих тысячелетий, доказывающий это ежедневно, ежечасно и сейчас.

Наверное, не так надо было ставить вопрос. Наверное, надо было спросить — откуда ты пришла в мой дом? Или, может быть, так: кто были твои далекие предки и как стала ты тем, что ты есть сейчас?..

Пес продолжал внимательно смотреть на меня. Но я молчал. И в его глазах стало исчезать острое выражение, исчезло напряжение во всем теле, чуть опустились уши. Я еще раз погладил собаку по крутому, умному лбу, и она чуть слышно вздохнула, словно поняла, что я сейчас не нуждаюсь в ее помощи. Она снова легла у моих ног, готовая в любую минуту вскочить и прийти на помощь. Но ответить на вопросы, которые я сейчас задаю самому себе, она, к сожалению, не может. Не может не потому, что ей не дано разговаривать и, как остроумно заметил известный английский ученый Бертран Рассел, она не способна рассказать свою биографию, как бы красноречиво ни лаяла, не в состоянии сообщить нам, что ее родители были хотя и бедными, но честными собаками. И не потому, что она не способна мыслить, как мыслят люди. А потому, что на многие вопросы вообще еще нет ответа. И будут ли — неизвестно.

Это может показаться странным. Собаки — самые близкие соседи че-

ловека по планете. Человек издавна уделяет им огромное внимание, существует колоссальное количество книг, мало того, есть целая наука о собаках — кинология (от греческих слов «кинос» — «собака» и «логос» — «наука») — одна из древнейших отраслей зоотехники. Собаки, как мы увидим дальше, сыграли в жизни людей огромную роль, возможно, даже одну из решающих ролей. И тем не менее многие вопросы, связанные с собаками, еще не решены или решены совсем недавно, да и то лишь частично.

Один из таких вопросов — происхождение собаки, то есть кто был ее дикий предок (или предки).

Нельзя сказать, что людей это не интересовало. Еще великий греческий ученый Аристотель, живший почти две с половиной тысячи лет назад, описывая собак Древней Греции, уделил внимание вопросу их происхождения. По Аристотелю выходило, что среди предков собак были даже тигры. Потом тигров из предков собак исключили. Но гиены, лисы, койоты, волки и шакалы остались. Постепенно из предполагаемых предков собак исключили и всех прочих зверей, кроме волков и шакалов. Зато мнение, что собаки произошли от волков и шакалов, держалось очень долго. И не удивительно: огромное разнообразие пород собак — величина и внешность, нрав и характер — все говорит о том, что у этих животных должно быть несколько предков. Столь разнообразные породы не могли произойти лишь от волков — волки во всем мире слишком похожи друг на друга, и, имея столь однородный «исходный материал», как говорят ученые, невозможно создать такое многообразие пород. Поэтому считали, что среди предков собак были и шакалы, которые, если и не отличаются разнообразием, все-таки не такие уж однотипные, как волки.

Действительно, сейчас известно около 400 пород собак. На Земле не много найдется животных, принадлежащих к одному виду, но в то же время таких разнообразных, так непохожих друг на друга. Трудно поверить, что маленькая, длиною в 8 сантиметров, мексиканская чихуахуа и огромная, чуть ли не полутораметровой длины, борзая (одна длиннее другой почти в 20 раз!), крошечная, весящая полкило, собачка — тойтерьер и восьмидесятикилограммовый сенбернар (один тяжелее другого в 160 раз!) — близкие родственники. А сложение? Массивный боксер и тоненькая левретка, коротконогие таксы и великаны доги — что между ними общего? Короче говоря, собаки настолько разнообразны, что ученые не могли допустить мысли о происхождении их от одного предка. Разнообразие пород ввело в заблуждение даже великого натуралиста Чарлза Дарвина. Этой точки зрения ученые придерживались и до наших дней. До сих пор во многих печатных работах — будь то ученые труды или научно-популярные книги — еще говорится о собаках двух типов: «волчьих» и «шакальих».

А ведь помимо чисто внешних признаков имеются и другие. Например, кости собак, которые находили при раскопках в Европе, больше похожи на кости шакалов, нежели на кости волков.

Но вот сравнительно недавно ученые пришли к выводу, что ни одно

домашнее животное, в том числе и собака, не может произойти от двух, а тем более от нескольких предков. И «сегодня можно считать общепризнанным, что домашняя собака происходит от волка; и притом только от него, то есть совершенно исключается ее происхождение от двух предков», — пишет советский ученый К. Фабри.

Но почему же все-таки волк, а не шакал?

«Будучи видом высокоорганизованным, волки так или иначе должны были стать объектом селекции, способствующей дальнейшему развитию многообразия их черт, столь необходимых и полезных в деле, где требуется сотрудничество. Ведь высокая степень многообразия допускает столь же высокую степень разделения обязанностей. Например, волчья стая получает одинаковую пользу от присутствия в ней как чрезмерно робких индивидуумов, которые мгновенно и безошибочно чувствуют приближение опасности, так и более решительных, которые не бегут прочь при первой же тревоге, а стараются понять причину, напугавшую некоторых из собратьев, дабы определить, насколько она действительно представляет опасность для всей стаи», — пишет известный американский ученый, один из крупнейших в мире специалистов по псовым Джон Пол Скотт. Он же провел исследование, благодаря которому установил, что из 90 основных черт поведения собак, более 70 имеются и у волков. У шакалов же общих с собаками черт гораздо меньше. В частности, вой и лай собак и волков очень схожи (то, что собаки лают чаще — свойство не природное, а приобретенное с помощью людей), а вой и лай собак и шакалов сильно различаются.

Именно этот факт и заставил крупнейшего современного этолога Конрада Лоренца отказаться от теории смешанного происхождения собак («волк — шакал»), которой он придерживался многие годы.

Однако 70 общих признаков у волков и собак — это, видимо, не все общие признаки. Дж. П. Скотт считает, что их, возможно, больше, но некоторые пока просто не обнаружены. (В силу определенных условий жизни у собак они стали малозаметными, у волков же видны хорошо.) Но все главные признаки поведения у волков и собак — общие.

Что же касается разнообразия пород — то это дело рук человеческих. Выведение пород происходило на протяжении многих и многих веков. А за такое время можно сделать буквально чудеса. Собственно, мы и сейчас являемся свидетелями этого.

Кто не знает эрдельтерьеров или доберманов-пинчеров? А ведь сто—сто пятьдесят лет назад таких собак не было. Эрделей вывели полтораста лет назад англичане, и сейчас эта удивительная собака «покорила мир». То же самое можно сказать и о добермане-пинчере, «возраст» которого еще меньше.

Трудно сказать, мечтал ли немецкий колбасник Людвиг Доберман о собственной славе или о славе выведенной им породы. Но он добился и того и другого — выведенная им порода собак увековечила его имя. Это одна из самых красивых, смышленых собак, она обладает многими качествами, делающими ее отличной служебной и отличной сторожевой собакой. А ведь порода создана искусственно (собственно, как и все

остальные), и представители ее не похожи ни на кого!

А разве не создаются новые, совершенно не похожие на другие, породы собак в наше время? Мы в дальнейшем познакомимся с ними, а сейчас скажем лишь о черном терьере, как об одном из самых «свежих» примеров. Собаки этой породы — сильные, отважные, выносливые, пригодные ко всем видам сторожевой службы — выведены совсем недавно советскими собаководами.

Конечно, можно возразить: и у тех, кто выводил полтораста лет назад эрдельтерьеров, и у того, кто несколько десятилетий назад вывел добермана-пинчера, и у тех, кто в наши дни вывел черного терьера, имелся уже достаточно разнообразный «исходный материал». Так, например, черный терьер был получен на основании трех пород: ризеншнауцера, ротвейлера и эрдельтерьера. И от каждой породы он взял какие-то черты, какие-то качества. Так же, как, например, выведенный совсем недавно в нашей стране московский водолаз, полученный от ньюфаундленда, восточноевропейской и кавказской овчарок, как московская сторожевая — «потомок» сенбернара и кавказской овчарки. Да, конечно, у современных селекционеров гораздо больше возможностей, нежели было у собаководов прошлого. Но ведь и пород в прошлом было меньше.

Породы собак появлялись постепенно. И предком их был волк. Может быть, не все ученые еще убеждены в этом, но большинство сейчас считают, что это именно так.

Однако если с происхождением собак вопрос как будто бы уже про-

Московская сторожевая похожа на своих предков — сенбернара и кавказскую овчарку.

яснен, то многие другие вопросы остаются спорными или вообще неразрешенными. В частности: когда человек приручил собаку, где это произошло и как это было?

КОГДА И ГДЕ?

Две истины несомненны: собака была первым животным, прирученным человеком, и произошло это очень и очень давно. Но вот когда именно? На этот вопрос вряд ли можно дать однозначный ответ. И вряд ли нужно пытаться это сделать. Тем не менее заглянуть в дале-

кое прошлое нашего самого близкого и верного соседа по планете стоит.

Любопытное доказательство того, что собаки очень давно одомашнены, приводит советский ученый-языковед академик Н. Я. Марр. Само слово «собака», говорит Марр, во многих языках гораздо старше, чем слова, обозначающие диких родственников собаки. Древний человек нашел имя сначала своему четвероногому другу. А диких хищников он называл «большими собаками» (львов, волков) и «малыми собаками» (лисиц).

Лишь много позже эти хищники получили свои собственные имена.

Но конечно, не одна лингвистика помогает выяснить историю собаки.

Известно, что огромный материал для изучения далекого прошлого дают раскопки. Археологи находят предметы быта (или части этих предметов), оружие и орудия труда, раскапывают целые города и воссоздают быт людей, некогда живших на Земле.

Антропологи изучают кости и скелеты людей очень далекого прошлого, изучают их близких и отдаленных родственников — ископаемых и современных обезьян, — чтоб восстановить путь, который прошел человек в своем развитии.

Палеонтологи изучают животных и растения, существовавшие тысячи и миллионы лет назад, выясняют, какие животные и растения обитали в тех или иных местах, сколько их было и как они выглядели, как изменялись на протяжении тысячелетий. И не только это: скелеты и отдельные кости древних животных помогают современным ученым узнать и понять, что происходило в те далекие времена на нашей планете, как менялся климат, растительность, как относились животные друг к другу. И наконец, раскопки помогают, в частности, узнать и понять отношения людей и животных в определенные периоды, помогают узнать, как эти отношения складывались и как развивались.

Особенно богатый и ценный материал ученым дают раскопки на местах стоянок наших дальних предков. А о взаимоотношении людей и животных рассказывают большие, иногда даже очень большие, холмы. Ученые называют их «кухонными кучами», потому что это действительно свалки в основном остатков еды древних людей. А так как питался первобытный человек главным образом животной пищей, то для палеонтологов, точнее, для палеозоологов и просто зоологов такие раскопки — настоящий клад: огромное количество костей рассказывает ученым, какие животные служили пищей человеку в тех местах, какие животные жили там, каких было больше, каких меньше.

Среди костей в «кухонных кучах» немало и собачьих. Кажется, чего проще: определить возраст собачьих костей (современная наука делает это очень точно), и станет ясно — столько-то тысяч лет назад собака уже жила рядом с человеком.

Однако где гарантия, что найденные кости — это кости именно прирученной собаки, а не убитого и съеденного волка или шакала? Ведь древний человек не брезговал и этими животными, когда других не удавалось добыть. Но вот ученые стали обращать внимание, что до какого-то времени все кости крупных животных, в том числе и кости собак,

были раздроблены или расщеплены: первобытный человек поедал не только мясо убитых животных, но и их костный мозг. Однако в других мусорных кучах, образовавшихся позднее (или в старых, но в слоях, относящихся к более позднему периоду), среди раздробленных костей стали находить и целые. Быстро определили, что это кости собак. Значит, можно предположить, что в какой-то период собак перестали убивать ради мяса. Предположение подтвердилось и таким открытием: на костях некоторых животных можно было увидеть следы зубов и человека, и собаки. Видимо, человек уже начал подкармливать собаку, делиться с ней своей едой или отдавать ей остатки еды.

Находки, проливающие свет на происхождение собак, имеют возраст 8—10 тысяч лет. Отсюда, естественно, напрашивается вывод: именно тогда и была приручена собака. В пользу такого вывода высказывается ряд ученых, подчеркивая, что именно в этот период произошло великое событие в истории человечества — были изобретены лук и стрела.

Теперь человек начал чувствовать себя совсем иначе: ему уже не надо было осторожно подкрадываться к чуткому зверю, чтобы оглушить его дубинкой, не надо было ждать часами, чтобы подкараулить и схватить птицу, не надо было зависеть от случайностей, уповать на то, чтобы зверь попал в ловчую яму. Теперь люди могли бить зверя на расстоянии, им легче стало обеспечивать племя едой.

Но возникли другие трудности. Например, стало труднее находить зверей: охота активизировалась, стала добычливей, а значит, и зверей стало меньше. Или другое: раненное с большого расстояния животное могло скрыться в лесу, спрятаться в кустах или пещере, и человек терял его след. Вот тогда незаменимым помощником оказывалась собака — она помогала отыскивать зверей.

Очень логично и вполне убедительно: человек приручил собаку для того, чтобы она помогала ему в охоте. Однако у этой логичной и, казалось бы, вполне убедительной версии имеется одно слабое место: кости, которые находили и находят вблизи стоянок первобытных людей в разных местах, сильно отличаются по величине, массивности и так далее. То есть явно принадлежат разным собакам.

До того времени, пока ученые считали, что собаки произошли от разных предков, это объяснялось так: в одних кучах кости волкообразных собак (то есть происшедших от волка), в других — происшедших от шакала. Шакалы могут отличаться друг от друга, к тому же собаки, даже прирученные, продолжали скрещиваться с волками и шакалами. Поэтому нет ничего удивительного, что у племен, живших в разных местах, и собаки были разные. Это убедительное объяснение, казалось бы, никак не противоречит тому, что собаки появились у человека 10—8 тысяч лет назад. Но, приняв это, мы тут же сталкиваемся с новым вопросом. Например, с таким: как люди, жившие, допустим, на берегах моря, которое мы сейчас называем Балтийским, могли приручить и одомашнить шакала (считалось, что собаки, кости которых найдены в этих местах, происходят от шакалов), если шакалы 10—8 тысяч лет назад

здесь уже не водились? А череп небольшой и, по мнению специалистов, уже одомашненной собаки, найденной при раскопках одной из стоянок древнего человека на Балтийском побережье, ученые относят примерно к 20 тысячелетию до нашей эры.

Значит, собака пришла сюда вместе с человеком? Да, видимо, так. Но ведь прийти она могла только одомашненной: дикий зверь вряд ли пойдет за человеком на многие сотни километров. Ну, допустим, пошла собака за человеком, будучи полуодомашненной, то есть привыкшей уже жить вблизи человека, рядом с ним, но еще не в тесном контакте и общении.

Можно было бы допустить такое, если бы не одна подробность: в этих местах люди строили свои жилища на сваях в воде. И добирались на сушу в лодках. В таком случае вряд ли полуприрученные собаки оставались бы вблизи человека — их интересовала непосредственная близость человека и те небольшие выгоды, которые эта близость им давала. А находиться на берегу в то время, как человек жил в хижинах посреди воды, собаки не стали бы. Значит, и они жили в хижинах. Значит, уже были не наполовину, а целиком одомашнены. Настолько, что садились в лодку. А для этого собака уже должна очень доверять человеку.

Разнообразие же собак в этот период (судя по найденным костям) объясняется теперь не смешанным происхождением этих животных (волк и шакал). Оно свидетельствует об уже имевшейся тогда некоторой направленности в выведении собак, о каком-то зачаточном искусственном отборе, который, по определению известного немецкого ученого прошлого века К. Келлера, «дал породы».

Иными словами, собаки, жившие в стойбищах человека 10—8 тысяч лет назад и кости которых находят в «кухонных кучах», были приручены гораздо раньше. Но вот когда?

На этот вопрос определенного ответа не было до тех пор, пока однажды, примерно лет восемьдесят назад, учитель Савенков, прогуливаясь по берегу Енисея неподалеку от Красноярска, не забрел на небольшое возвышение, называвшееся местными жителями Афонтовой горой. Внимание Савенкова привлекла пещера. Разобрав заваленный вход, он обнаружил множество предметов, говоривших о том, что тут находилась стоянка древнего человека. Немало было там и костей животных. Одна из них показалась учителю очень похожей на собачью. Но сам он определить точно не мог: собачья это кость или волчья.

Савенков сообщил о своей находке ученым. Костью заинтересовались, тщательно исследовали ее и установили: найденная кость — собачья.

Находка Савенкова произвела сенсацию. Дело в том, что возраст стоянки человека в пещере Афонтовой горы определен в 16 тысяч лет. Значит, 16 тысяч лет назад собака уже жила рядом с человеком. Значит, можно предположить, что процесс одомашнивания начался гораздо раньше. А когда вслед за сибирским открытием подобные же были сделаны в Крыму и на Кавказе, в Дании и во Франции, где в стоянках, имевших примерно такой же возраст, как и стоянка на Афонтовой

горе, тоже были найдены кости собак, уже никто не сомневался, что собака служит человеку не десять, а минимум пятнадцать тысяч лет. Да, это — минимум. Конрад Лоренц высказал мысль, что человек поселил в своем доме собаку по крайней мере за 20 тысяч лет до нашей эры, а начал приручать, подкармливать предков нашей домашней собаки за 50 тысяч лет до нашей эры.

К. Лоренц не одинок: некоторые ученые предполагают, что первые шаги к сближению с четвероногим другом человек сделал даже не 50, а 60 тысячелетий назад! А это значит, что первые шаги мог сделать не наш непосредственный предок — кроманьонец, а даже его предшественник — неандерталец.

Но это пока лишь предположения, фактов, которые убедительно подтвердили бы их, пока нет. Впрочем, пока нет и фактов, способных опровергнуть эти предположения.

Но если не 50 тысяч лет служит собака человеку, то сколько — 10, 16, 18, 20 тысяч лет?

Очень возможно, что ответ: и 10, и 16, и 18, и 20 тысячелетий — будет правильным. Правильным, потому что приручение происходило не в одном, а в разных местах земного шара и в разное время — где-то раньше, где-то немного или много позже.

Сейчас лучше других изучены стоянки древнего человека в Европе и частично в Азии. И основными сведениями о времени приручения собак мы располагаем благодаря этим раскопкам.

А ведь считается, что древнейшие центры приручения и одомашнивания животных — Северная Африка и Юго-Западная Азия. И может быть, какие-то находки, которые будут сделаны в тех местах, подтвердят, что К. Лоренц и те, кто разделяет его точку зрения, правы?

КАК ЭТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ?

(лирическое отступление)

Пес спит у моих ног. Спит? Не знаю. Глаза закрыты, дыхание ровное, лобастая голова спокойно лежит на сильных лапах. Похоже — спит. Но стоит мне шевельнуться, скрипнуть стулом — уши немедленно поднимаются, открываются глаза. В них — ни малейшего признака сна. Я не знаю, спят ли вообще собаки. То есть спят ли в нашем понимании, когда заторможено сознание, в значительной степени отключены органы чувств, когда организм отдыхает. Некоторые специалисты говорят, что собака спит вполглаза — вроде бы спит, даже, возможно, видит сны (вздрагивает во сне, иногда скулит или даже легонько тявкает) и в то же время слышит все, что делается вокруг; другие специалисты считают, что сон собаки — непрерывное чередование коротких отключений и быстрых включений. Есть и иные мнения по этому поводу. Но безусловно одно — спит собака очень чутко. И может быть, именно это качество будущей собаки послужило тем толчком, тем отправным моментом, который приблизил волка к человеку?

Мы уже имеем данные, подтверждающие «срок службы» собак у человека. Возможно, появятся новые, уточняющие эти даты.

Мы уже знаем, где раньше всего начали приручать предков наших собак. Возможно, появятся новые дан-

ные, уточняющие географию приручения или расширяющие ее.

Но мы не знаем, как это произошло. И вряд ли когда-нибудь у нас будут достоверные данные, появятся какие-то убедительные факты. Мы можем фантазировать. И фантазии наши будут в той или иной степени реальны. Мы можем предполагать. И предположения эти будут в той или иной степени достоверны. Но ни подтвердить, ни опровергнуть их нельзя. Во всяком случае — пока.

Никто не может поручиться за то, что произойдет в будущем, — может быть, ученые найдут что-то такое, что перевернет все наши прежние представления и о собаках и о животном мире вообще; может быть — а вдруг?! — поступит сообщение от инопланетян, которые побывали на нашей планете много тысяч лет назад и знают о ней больше, чем мы; да мало ли что может быть! (Кстати, это тоже из области предположений и фантазий.)

А пока почему бы нам не предположить, что первый шаг на пути к человеку собака сделала благодаря своей чуткости? Может быть, даже правильнее сказать не первый шаг к человеку, а первые шаги навстречу друг другу сделали человек и собака. Ведь мы не знаем и этого: собака ли пошла к человеку сама, человек ли позвал собаку, или они пошли навстречу друг другу.

Можно поразмышлять и пофантазировать. Но прежде — оттолкнемся от известного нам.

Человек далекого прошлого (живший, скажем, сто тысяч лет назад) не был ни богатырем, ни великаном, как его иногда представляют себе. Жизнь не баловала нашего далекого предка — он страдал от голода и холода, его мучили различные кровососы и болезни. Неандертальцы — люди, жившие 200—35 тысяч лет назад, редко доживали до 40-летнего возраста. И хоть владели топорами и дубинами, давно уже знали огонь — не чувствовали себя достаточно уверенно на Земле. Да, человек уже успешно охотился на мамонтов и на шерстистых носорогов, но могучие львы, пещерные медведи и саблезубые тигры были явно сильнее его. То же самое можно сказать и о кроманьонцах — людях, живших на нашей планете 40—10 тысяч лет назад. Они, конечно, были уже гораздо выше неандертальцев во многих отношениях, у них были и более совершенные топоры, и дротики, и палицы, затем у них появилось мощное оружие — лук. Тем не менее жизнь этих людей тоже была очень и очень нелегкой.

Однако человек боялся не только хищников — он боялся многого. Мы не знаем, какие мысли роились в голове древнего человека, какие образы возникали, но знаем, что очень часто им владел страх. Особенно по ночам. Первобытный человек боялся темноты. Не потому, что воображение рисовало ему каких-то злых духов, не потому, что он думал о злых силах, прячущихся во мраке. Тогда он, видимо, не имел представления ни о том, ни о другом. Просто исчезало привычное очертание окружающего мира и становилось страшно. Страх был очень силен. Настолько силен, что навсегда запечатлелся в мозгу человека и сохранился до сегодняшних дней. (Не случайно маленькие дети очень часто безотчетно боятся темноты. А ведь он, этот страх, пришел из очень далекого прошлого!)

Но был у первобытного человека и вполне реальный страх: он боялся темноты еще и потому, что именно ночью выходили на охоту его враги — могучие хищники и как раз ночью человек оказывался особенно беспомощен перед ними. С ужасом вглядывался он в темноту, с трепетом прислушивался к ночным звукам. Но хищник мог подкрасться и бесшумно — его часто не пугали костры, не останавливало и то, что люди укрывались в пещерах. Правда, кое-какое сопротивление — нередко даже удачное — человек оказывал хищникам. Но лишь тогда, когда успевал подготовиться. А ведь часто хищник нападал неожиданно. И наверное, бессонными ночами прислушивались первобытные охотники к доносившимся из темноты звукам. Возможно, они умели расшифровывать эти звуки, определять по ним, что происходит вокруг. Возможно, слышали грозный рев, рычание и дрожали от страха. Но, несомненно, слышали они голоса и других хищников. В частности, волков.

Люди не очень опасались волков, волки же не очень боялись людей и нередко подходили к стоянкам первобытного человека достаточно близко. Нельзя сказать, чтобы эти звери и люди испытывали друг к другу полное доверие, но и большого страха друг перед другом у них не было. Волки не нападали на людей, потому что вокруг было еще достаточно зверей и птиц, по этой же причине люди не охотились и на волков — разве что в крайнем случае, когда охота оказывалась особенно неудачной.

У волков, конечно, тоже были неудачные дни. И возможно, с отчаяния, мучимые голодом, они и нападали на одинокого охотника или отошедшую слишком далеко от стойбища женщину. Но видимо, нередко можно было и иначе утолить голод: ведь вокруг стоянок часто валялось немало костей, кусков шкур и внутренностей животных — все, что после удачной охоты люди не съедали и выбрасывали.

Может быть, этого волка, изображенного на стене пещеры Фон-де-Гом во Франции, первобытный художник нарисовал с натуры?

Постепенно волки привыкли к такой «подкормке» и все чаще стали располагаться вокруг стоянки в надежде на легкую добычу. Может быть, поначалу люди и не радовались такому соседству. Но вот стали замечать: в какой-то момент волки проявляли беспокойство и вслед за этим всегда появлялся опасный хищник. Безусловно, первобытный человек был наблюдательным и уже достаточно логически мыслящим существом. Через какое-то время он увязал в своем сознании, что рычание или лай волков совпадали с появлением пещерного медведя или саблезубого тигра. Получив такое «предупреждение» от волков, человек успевал подготовиться к встрече с врагом или скрыться в надежном месте.

Случалось, по какой-то причине волки уходили от людей. И тогда хищники появлялись неожиданно и застигали людей врасплох. Видимо,

немало жертв было принесено хищникам, прежде чем до людей дошла мысль: нужны сторожа.

Сколько сотен или тысяч лет прошло с того времени, когда человек сообразил, что волки его «сторожат», до того момента, когда он решил оставить «при себе» этих сторожей, мы, конечно, не знаем. Даже если бы вдруг появились данные, они все равно были бы неточными: где-то это могло быть раньше, где-то позже — об этом уже говорилось. Но несомненно одно: тот человек, который догадался положить кусок мяса неподалеку от стоянки, чтоб волки не ушли в эту ночь, сделал величайшее для всего человечества дело.

Видимо, много, очень много лет жили люди и волки на расстоянии, очень медленно сближались и очень трудно понимали выгодность сближения. Но тем не менее оно происходило. И вот наступило время, когда волкам уже не надо было бродить вокруг стоянок людей, а людям украдкой разбрасывать мясо, — волк вошел в пещеру и растянулся у костра.

Так вполне могло быть. И одна из существующих сейчас гипотез относительно приручения собак именно такова: сначала шло взаимное ознакомление, возникало доверие, отдельные животные приручались, а затем и одомашнивались. Однако как все-таки было окончательно преодолено недоверие между людьми и волками — гипотеза эта объяснить не может. И еще одно: не все ученые убеждены в том, что волку было выгоднее получать еду от человека, чем добывать ее самостоятельно, а человек тогда не мог еще догадаться, какие выгоды ему несет превращение дикого животного в домашнее.

Тем не менее Конрад Лоренц — не только знаменитый ученый, но и прекрасный писатель — пошел еще дальше в своем воображении. Он представил себе, что племя, согнанное с привычного места другим, более сильным племенем, уходило в неведомые края. Люди теряли голову от страха и почти обезумели от голода. И все-таки, найдя полуразложившуюся тушу какого-то животного, вождь племени оставил кусок мяса для шакалов, голоса которых слышались в отдалении. (Когда Лоренц писал об этом, он считал, что собаки происходят не только от волков, но и от шакалов.) Вождь повторял это неоднократно. И голоса зверей стали слышаться все ближе и ближе. Страх, который охватывал людей с наступлением темноты, постепенно проходил: они слышали голоса своих «хранителей» — сторожей и знали — теперь будут предупреждены об опасности. Мало того — на родине человек и зверь были еще на расстоянии, на новых землях они стали гораздо ближе: люди позвали зверей и звери пошли за ними.

Тут, пожалуй, стоило бы сказать еще следующее. Среди ученых нет единого мнения, ради чего, в конце концов, была приручена собака: одни считают, что ради охоты — только с появлением лука и стрел собака по-настоящему стала необходима человеку. Другие считают, что первоначальным толчком к приручению была необходимость сторожевой службы, охраны. Потом уж собак стали использовать на охоте, а затем началась более узкая специализация: у одних собак люди усовер-

шенствовали их охотничьи качества, у других еще больше развили качества сторожевые.

Наши предположения, о которых мы говорили выше, основываются на версии, что первоначально собака появилась у людей в качестве сторожа. И в поддержку этой версии я позволю себе привести забавную легенду, которая издавна существует у живущего на Филиппинах племени куми.

Когда бог задумал создать первых людей (все остальное, в том числе и животные, уже было создано), он вылепил из глины две человеческие фигурки и, утомившись, заснул. Воспользовавшись этим, приползла огромная змея и съела человеческие фигурки.

Бог вынужден был лепить новые. Но и их постигла та же участь. Так повторялось много раз. Однако бог — на то он и бог! — все-таки нашел выход. В очередной раз, занявшись лепкой, он начал не с людей, а вылепил собаку. И поставил ее ночью рядом с человеческими фигурками. Когда приползла змея, собака набросилась на нее и прогнала.

С тех пор собака стала надежным сторожем у человека.

Итак, первоначально — собака-сторож. И ради этого приблизил ее к себе человек (или сам приблизился к ней).

Но могло быть и иначе.

...Маленький пушистый щенок уже почти потерял голос: голодный, замерзший, он несколько часов выл, скулил, пищал. И никак не мог понять, почему не идет мать. Раньше она так надолго не оставляла его. Но, даже оставляя ненадолго, возвращалась немедленно, едва волчонок подавал голос. А сегодня... Откуда волчонку было знать, что мать уже никогда не вернется, чтобы согреть и накормить детеныша, что она еще ночью погибла в неравной борьбе с саблезубым тигром. Волчонок продолжал жалобно скулить, может быть все еще надеясь на возвращение матери. А может быть, он уже ни на что не надеялся — просто ему было очень плохо. Ему было так плохо, что он даже не заметил, как рядом оказались странные двуногие существа и одно из них наклонилось над волчонком.

Возможно, дети отправились в этот день собирать хворост, может быть, у них были какие-то другие дела, заставившие их покинуть стойбище, но, наверное, ни хвороста они в этот день не принесли, ни других дел не сделали. Они вернулись с маленьким пушистым комочком.

Что заставило их взять волчонка, мы никогда не узнаем, как никогда не узнаем, действительно ли все было так на самом деле. Но если допустить, что так могло быть, то можно допустить и другое: детей тронула доверчивость волчонка, его беспомощный вид и жалобный писк, покорило то, что, едва оказавшись на руках, он сразу успокаивался, а опущенный на землю, начинал пищать и скулить еще громче. И скулил до тех пор, пока его снова не брали на руки.

Дети, очевидно, знали, что такое волк. Волчонок же, конечно, не знал, что такое люди, не знал, в чьи руки он попал. И едва эти руки касались его, волчонок переставал скулить, даже, смешно посапывая, дремал на руках у детей.

Потом, через много тысячелетий, ученые поймут и объяснят, почему

волчонок перестал скулить на руках у человека, почему, повзрослев, не только не убежал из стойбища, но и стал охранять его, воем, лаем и рычанием предупреждая о приближении врага. Потом, через много тысячелетий, ученые обратят внимание на то, что домашними животными становились лишь те, которые жили стаями или стадами.

Волки жили стаями. Каждый член стаи был ее частью, он «заботился» не только о себе, но и об остальных. И остальные «заботились» о нем. А все вместе они подчинялись вожаку — без него не может существовать стая или стадо.

Осиротевшему волчонку нужна была стая. Но, потеряв мать, он потерял связь со стаей. И вот люди заменили ему волчью семью. Они стали как-то заботиться о волчонке, во всяком случае, кормили его, согревали, разрешая спать около костра или в пещере. И подросший волчонок даже не сомневался, что на заботу «стаи» он должен ответить тоже «заботой». По крайней мере предупреждать об опасности и быть готовым к сражению. (Кстати, это еще одно подтверждение того, что собаки произошли от волков, а не от шакалов: шакалы не живут стаями — обычно парами. Если же и собираются вместе, то все равно это лишь видимость стаи, во всяком случае, с волчьей ничего общего она не имеет. В волчьей стае у каждого своя «роль», все как бы связаны друг с другом и все подчиняются вожаку. У шакалов совсем не так — они большие индивидуалисты.)

Итак, наш домысел о появлении волка среди людей мы можем дополнить научно обоснованным утверждением, почему он там остался, — ему нужна была стая и он обрел ее, стал выполнять свои обязанности по отношению к стае, подчиняться ее законам, стал подчиняться ее вожаку. И иного он уже не представлял себе. Дело в том, что на ранней стадии развития у животных происходит так называемый импринтинг, то есть «запечатление». О сроках запечатления у щенков имеются разные мнения: К. Лоренц считает, что это происходит в пятимесячном возрасте; известный итальянский зоолог и этолог Д. Майнарди считает, что раньше — месяца в два-три. Но так или иначе, в ходе этого запечатления щенки (как, наверное, все животные) приобретают те привычки, от которых они уже никогда не отделаются, и полученный ими в это время опыт во многом, если не во всем, определит дальнейшее поведение.

Ну, сказанного, очевидно, достаточно, чтобы понять, почему щенок (или подросший волк) остался с людьми.

А вот почему люди приняли в свою «стаю» чужака? Научно обосновать это мы не можем. Можем лишь рассуждать, в той или иной степени опираясь на косвенные доказательства и в большей степени — на логику.

Трудно сказать, как отнеслись взрослые к поступку ребят. Вряд ли были уж очень рады этому — разве могли они предположить, что этот бездумный, порожденный лишь порывом детской души, поступок явится величайшим событием в истории человечества, событием, с которым по значению может сравниться лишь создание первобытной металлургии! (А возможно, и более значимый.)

Кто знает, может быть, взрослые

хотели убить волчонка и остановило их лишь сознание, что это они успеют сделать и потом: если охотников племени начнут преследовать неудачи, можно будет убить и съесть волчонка.

Кстати, существует даже гипотеза, что волки кое-где служили людям «живыми консервами», хотя, как пишет советский ученый Г. Е. Марков, это этнографическими данными не подтверждается.

Но к счастью для человечества, охотникам того племени везло. (Если действительно они оставили волчонка, чтобы съесть в случае голода.) И очень может быть, что дальше события развивались таким образом: выросший волчонок, превратившийся уже во взрослую волчицу, на какое-то время исчез, а затем волчица вновь появилась у костра, но уже не одна — она привела к человеческому костру свое потомство. Волчица уже доверяла людям — ведь люди не только ничего плохого ей не сделали, но, напротив, кормили ее и заменили ей стаю.

Наконец, существует еще одна гипотеза, объясняющая появление волков среди людей. (Впрочем, гипотез много, но мы остановимся еще на одной.) По этой гипотезе появление волков в стане людей объясняется «любительством». Некоторые ученые предполагают, что отдельных, пойманных на охоте животных, главным образом молодняк, люди приносили в пещеры и оставляли для забавы.

Молодые животные быстро привыкали к людям, участвовали в играх детей, возникала дружба между человеком и зверем, которая могла перерасти в серьезную привязанность.

Но так или иначе — волк поселился среди людей.

Появление первых волчат, очевидно, не изменило уклад жизни людей. Однако присутствие нескольких уже подросших, а тем более — взрослых волков должно было заставить людей принять серьезное решение. Естественно было бы прогнать волков или перебить их. Ведь волк — иждивенец, который требует много мяса. А мясо надо добывать на охоте. Охотиться же человеку тогда было очень нелегко. Тем не менее человек не перебил зверей и не прогнал их от себя. Трудно сказать, почему он этого не сделал. Может быть, наблюдая за поведением первого своего питомца, люди уже поняли выгоду от присутствия рядом чуткого зверя? А может, не поняли, но не прогнали зверей по какой-то иной причине? Во всяком случае, человек не мог еще осознать выгодность сотрудничества с волками; ведь, как писал К. Лоренц, «люди... еще не умели мыслить абстрактно и, жившие только настоящей минутой, не замечали помощи своей четвероногой свиты». Возможно, это правильно.

И уж наверняка наши далекие предки никак не могли прогнозировать пользу, которую даст в будущем приручение зверя.

А может быть, люди действительно привязались к волку, начали испытывать к нему какие-то теплые чувства?

Привязались... Испытывали какие-то теплые чувства... Симпатизировали... Это слова из нашего сегодняшнего лексикона, определяющие эмоциональные состояния современного человека. А был ли способен на подобное древний человек?

ПОЧЕМУ ЭТО МОГЛО СЛУЧИТЬСЯ!

(лирическое отступление)

Многие зарубежные ученые, да кое-кто и в нашей стране, считают, что первобытный человек не способен был на какие-либо чувства, что все его действия определялись исключительно соображениями выгоды, которую он получал от общения с собакой.

Прямых доказательств у этих ученых нет, есть логические рассуждения, возможно — косвенные подтверждения.

У нас тоже нет прямых доказательств обратного. Попробуем и мы найти косвенные подтверждения своей точки зрения на этот вопрос. И, воспользовавшись правом на лирическое отступление, обратимся к наскальной живописи.

Наскальная живопись — произведения первобытных художников, нарисованные, вырезанные, выбитые на скалах или на стенах пещер, сейчас играют большую роль в изучении древних людей, помогают изучать и животный мир прошлого. Но к собакам это не относится, ибо собаки, как это ни странно (ведь ближайший друг!), не встречаются в произведениях первобытных художников. Но мы сейчас — не о собаках, мы — о чувствах.

Когда были найдены первые картины древних художников, ученые отказались верить в подлинность этих картин — считалось, что первобытный человек был слишком примитивен и не мог рисовать. Тем более создавать картины, которые нередко поражали своей экспрессивностью, эмоциональностью...

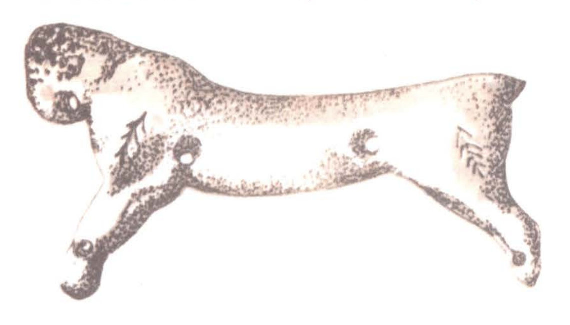
Потом ученые не только признали эти рисунки, но и расшифровали их. Обнаружив стрелы и копья на изображении, ученые решили, что первобытный художник воссоздавал сцены охоты. А изучив обычаи и обряды современных племен — австралийских и южноамериканских, стоящих на очень низком, близком к каменному веку, уровне развития, — ученые поняли, что рисунки эти имели большой смысл для художника: изображение убитого животного, по убеждению первобытных людей, обеспечивало удачную охоту.

Но чем больше находили картин первобытных художников, тем больше убеждались: эти художники уже обладали фантазией, умели посвоему видеть мир. Мало того, когда подсчитали количество картин с изображением поверженных животных (или тех, рядом с которыми изображено оружие), выяснилось, что они составляют всего 2 (два!) процента от общего числа изображений. Сейчас существует иная теория: первобытный человек изображал зверей не для того (или точнее, не только для того), чтобы предстоящая охота была удачной. А напротив, после удачной охоты он изображал зверей, считая, что это поможет им возродиться и охотничьи угодья, таким образом, не будут опустошаться.

Возможно, ученые найдут еще какие-то картины, и возникнут новые трактовки деятельности первобытных художников. Во всяком случае, уже известны картины, на которых первобытный художник изображал пейзаж.

Известны и другие изображения — юмористического характера. (В коллекции советского ученого П. И. Мариковского имеется что-то

Костяная фигурка животного с символическими отверстиями от стрел.



около тысячи копий таких рисунков.) На них изображены различные, очевидно смешные, с точки зрения первобытного человека, животные. Например, восьмирогий олень или лошадь с верблюжьим горбом или с козлиной бородой. Наверное, смешной выглядела, с точки зрения нашего далекого предка, и двухголовая лошадь. Не будем судить о тонкости юмора первобытного человека. Отметим лишь, что он имелся. Значит, уж не так примитивен был наш далекий предок, он мог позволить себе не только «утилитарное творчество» — мог позволить себе и пошутить. А может быть, он позволял себе рисовать и «для души», чтоб, как мы сейчас говорим, выразить себя, свое настроение в рисунках? К тому же не следует забывать и еще одно: многие картины первобытных художников ярко раскрашены. Для того чтобы изобразить животное в практических целях, можно было бы ограничиться лишь его контурами, что в ряде случаев и делалось. Но в других случаях первобытный художник изготовлял яркие краски, перетирая для этого с жиром мелко истолченные перекись марганца и окись железа. Первобытный художник шел на этот нелегкий труд. Для чего? Только ли для того, чтоб животные были более похожи, или у художников имелось какое-то представление о красоте, какие-то свои эстетические критерии?

Или еще пример: сейчас точно установлено, что люди, жившие много тысяч и даже десятков тысяч лет назад, клали на могилы и в могилы умерших сородичей цветы, причем, как определила французский палеоботаник Арлетт Леруа-Гуран, это были в основном яркие цветы. Конечно, можно строить различные догадки, делать всякие предположения, увязывать этот обычай с ритуалами, верованиями. «А может быть, ими двигали те же чувства, которые побуждают современных людей

Медведь с длинным хвостом и волк без хвоста, но с медвежьими лапами. Таких животных первобытный человек видеть не мог. Так, может быть, этот наскальный рисунок свидетельствует о фантазии древнего художника или о его чувстве юмора?

убирать цветами могилы и могильные памятники?» — пишет американский антрополог и литератор Джордж Констэбл. И почему бы нам тоже не подумать об этом? Не слишком ли мы, отрицая всякие эстетические (пусть зачаточные, элементарные) критерии, обедняем мир первобытного человека?

А теперь перейдем от цветов и изображений животных к самим животным. Если о многом, пришедшем из далекого прошлого, рассказывают ученым обычаи современных аборигенов Австралии и Южной Америки, находящихся на очень низком уровне развития, то не подскажут ли они и как относились к животным наши далекие предки?

Путешественники свидетельствуют, что селения коренных австралийцев и южноамериканцев наполнены прирученными животными, которых здесь любят и взрослые и дети. И почетное место среди них часто занимают собаки.

Впрочем, и это может не убедить тех, кто упорно отказывает нашим далеким предкам в способности испытывать нечто похожее на любовь или привязанность вообще, и к животным в частности. (Речь, естественно, идет не о стадной или стайной и не о материнской привязанности, свойственной многим высшим животным, по-разному проявляющими ее.)

Есть ученые, которые утверждают, что не только в очень давние времена, но и позже человек не испытывал к собаке тяготения, а ценил ее лишь за практическую пользу.

Не будем спорить — человек далекого прошлого был, возможно, не так эмоционален, как современные люди, вероятно, он был груб в своих чувствах и их проявлениях, безусловно, был существом практичным. Эта практичность сказывалась на его отношениях к собакам и в очень далеком прошлом, и много позже. Возможно, именно поэтому люди стали выводить новые породы, создавать собак — «узких специалистов». Но разве под силу, не имея даже очень приблизительного представления о зоотехнике и селекции, выводить новые породы без огромной любви к животным? Сколько терпения надо для этого, сколько выдержки, воли и главное — горячего желания! Ведь несколько тысячелетий назад, выводя новую породу, человек далеко не всегда мог рассчитывать увидеть конечные результаты своего труда. Это сейчас новую породу собак можно вывести в течение 20—50 лет. А в далекие времена на это требовалось гораздо больше времени — возможно, сотни лет. И тем не менее мы знаем, что еще за несколько тысячелетий до нашей эры уже существовали различные, и причем сильно отличающиеся друг от друга, породы собак.

«УМОМ СОБАКИ ДЕРЖИТСЯ МИР»

Считается, что первую научную классификацию пород собак сделал знаменитый французский натуралист Бюффон, живший в XVIII веке. К тому времени было уже известно около сотни пород, и классификатор, очевидно, столкнулся с немалыми сложностями. Трудно сказать, что руководило Бюффоном, когда он решил классифицировать собак, но пошел он по довольно странному, как нам может сейчас показаться, пути — он основывался на форме

Жорж Луи Леклерк де Бюффон (1707—1788).

ушей. К одной группе он отнес собак со стоячими ушами, к другой — с полустоячими, далее — с висячими, в особую группу он объединил собак с «дряблыми» ушами и так далее. А ведь за семь с лишним тысячелетий до Бюффона люди уже не только хорошо различали породы собак, но и как-то классифицировали их. Конечно, не было ни научной, ни какой-либо другой строгой классификации, да и пород-то существовало немного. Даже в Древнем Египте, где собаки в жизни людей занимали значительное место и где собаководству придавали, видимо, большое значение, насчитывалось полтора (насколько нам сейчас известно) десятка пород, и разница между ними была хорошо видна. При желании и необходимости их легко можно было классифицировать отнюдь не по форме ушей, а по более существенным признакам или по той роли, которую отводили собакам люди.

О жизни Древнего Египта мы знаем по различным источникам, в частности по изображениям, которые делали египтяне на гробницах и других памятниках. Именно эти изображения дают нам достаточно полное и достаточно точное представление о быте и нравах, общественной жизни и занятиях древних жителей долины Нила. И именно благодаря этим изображениям мы сейчас знаем, какие собаки имелись в Египте и какую роль они играли там. Мало того, благодаря изображениям ученые определили, что в Древнем Египте было по крайней мере 13—15 пород собак, причем повторение очень схожих собак на разных памятниках подтверждает, что это действительно были породы, а не случайные особи.

Первое место на изображениях занимают охотничьи собаки: сцены охоты древних египтян повторяются довольно часто. Изображения дают также возможность узнать не только о самих собаках, но и о том, какие были наиболее любимыми: их с особой тщательностью изображали художники. Это египетские борзые — длинноногие, поджарые, с острыми, стоячими ушами. Борзых использовали в охоте на газелей. Собаки, как правило, были в ошейниках, часто украшенных драгоценными камнями.

Были и массивные гончеобразные собаки — по величине, если верить художнику, они не уступали львам и использовались для охоты на львов: на одном изображении запечатлена именно такая сцена.

Были в Египте и таксы. Правда, мы не знаем, вывели ли их египтяне, или

Изображение собаки
на древнеегипетской фреске.

такса пришла уже к ним такой, какая она есть, не знаем и для чего использовалась эта собака — для охоты или как декоративная.

Имеются на изображениях собаки, похожие на современных пойнтеров. Они явно использовались на охоте.

Были в Древнем Египте и пастушьи собаки, охранявшие и перегонявшие скот, — их изображения мы тоже видим на различных памятниках. Были и рабочие собаки — тоже крупные и сильные, приводившие в движение колеса сооружений, перекачивающих воду.

Мы сейчас знаем, что в Египте имелись и маленькие собачки. Возможно, и они выполняли какие-то служебные роли. Например, в одной из сцен охоты с борзыми присутствует маленькая собачка без поводка — похоже, что она помогает чемто двум борзым и прирученному льву в охоте на быка.

Но если роль этой собачки не очень ясна, так же как не очень понятно, играла ли она вообще тут какую-нибудь роль, то о других маленьких собачках, живших в Египте, нам известно доподлинно: практического значения они не имели и служили для забавы. (Известно даже имя одного из тех, кто разводил маленьких собак — царский писец Ногар-Гу. У него имелось 200 таких песиков.) Этих собачек очень любили в Древнем Египте — по умершей собачке носили траур, ее бальзамировали и торжественно хоронили.

Впрочем, тут дело, видимо, не только, а может быть, даже не столько в том, что собачек любили.

Не было, пожалуй, в истории человечества народа, имевшего такое количество богов, как египтяне, не было страны, где бы боги играли столь большую роль в сознании людей. Боги главные и второстепенные, боги общегосударственные, или общенародные, и боги локальные, почитаемые в отдельных административных территориальных единицах (номах). Боги управляли всем — солнцем и водой, жизнью и смертью, войнами и урожаем. В определенный период египетской культуры боги имели облик животных или по крайней мере принимали их облик. Позже боги стали приобретать черты человека. Однако и тогда они сохраняли определенные черты животных. Наконец, некоторые животные хоть и не были богами, но считались священными. Все сказанное относится и к собаке.

Современные ученые считают, что культ животных в Египте развился на тотемической основе.

Тотемизм — вера в то, что группа людей (род) произошла от определенных видов животных, реже растений. Тотемных животных, то есть животных-предков, в Египте было множество. Была в их числе и собака. (Любопытно, что ее изображение, как и изображение некоторых других тотемных животных, помещалось на знаменах.) Собака поначалу была локальным божеством. После объединения Египта многие локальные божества утратили свое значение, другие (если ном был могуч, подчинял себе другие номы) превратились в общенациональные. Претерпело изменение и божество-собака: из локального она превратилась в общеегипетское божество Анубиса — бога умерших. Сначала бога умерших олицетворяла просто собака, а затем, когда боги стали приобретать человеческий облик, Анубис стал изображаться человеком с собачьей или шакальей головой.

Душа умершего перед богом Анубисом. Бронза. Древний Египет.

А собака была посвящена этому богу. В частности, ему была посвящена и маленькая собачка, которую после смерти бальзамировали.

Существует мнение, что священными животными в Египте были те, которые приносили человеку какую-то пользу (или, по крайней мере, те, которые, по мнению людей, полезны). Если это так, то ни одно животное не имело большего права на признательность со стороны человека, как собака. И нет ничего удивительного, что она была сначала одним из важнейших богов Древнего Египта, потом была посвящена ему и часто изображалась рядом с Анубисом. Однако собака почиталась и сама по себе. И для почитания ее у древних египтян были веские причины.

Египтяне обратили внимание, что накануне ежегодного разлива Нила на горизонте обычно появлялась яркая звезда. Разливы Нила имели огромное значение для египтян: после спада воды на берегу оставался плодородный слой ила, дававший возможность возделывать поля и получать хороший урожай. Поэтому к разливу реки заранее готовились, ждали его. Своим появлением звезда как бы предупреждала людей о предстоящем разливе. Естественно, египтяне считали появление яркой звезды божественным предзнаменованием. В сознании людей образовалась связь между священной звездой, предупреждающей о разливе, и собакой, которая своим лаем предупреждает о чьем-нибудь появлении. Поэтому собака стала священным символом бдительности. Ее изображение появилось над входами в храмы как эмблема бдительности.

В Америке, как считают ученые, собаки не одомашнивались — они попали туда уже прирученными или полуприрученными — пришли через перешеек, на месте которого затем образовался пролив, именуемый теперь Беринговым, вслед за людьми, тоже попавшими в Америку из Азии. Однако довольно быстро собака заняла важное место и в практической жизни людей, и в их сознании: стала тотемным и священным животным. Среди членов одного индейского племени Северной Америки до сих пор из уст в уста передается предание о собаке-тотеме, которая погибла, защищая людей этого племени — была растерзана великаном.

У другого индейского племени — черноногих — собаки тоже были священными: их приносили в жертву умершему и хоронили вместе с ним.

Люди верили в загробную жизнь и считали, очевидно, что и там человеку без собаки не обойтись. Или, может быть, считали, что в этот длинный и скорбный путь собака проводит человека, укажет ему дорогу, возможно, поможет в пути, а если надо — защитит. А для этого отлетевшая после смерти и вернувшаяся вновь в тело умершего душа должна найти это тело в целости и сохранности. Поэтому и мумифицировали трупы людей и животных тщательно. По этим же причинам мумифицировали трупы маленьких собачек в Древнем Египте (о мумиях больших собак, хоть они, как мы знаем, тоже почитались, сведений пока нет), по этим же причинам мумифицировались трупы собак и на территории Северной Америки. Сравнительно недавно на юго-западе Соединенных Штатов были найдены захоронения, сделанные людьми доколумбовой эпохи. В одной из могил были похоронены две собаки (одна, кстати, очень похожая на современного спаниеля), а рядом с мумиями заботливо положенные две оленьи косточки, окрашенные в красный цвет, — еда на время путешествия в неизвестность. В другой могиле была найдена мумия собаки, очень похожей на колли. Мумия так хорошо сохранилась, что ее демонстрировали на собачьей выставке, где она была удостоена приза так называемой «Голубой ленты». (Все это свидетельствует и о том, что в Новом Свете — так называли тогда Америку, — еще до прихода европейцев, существовало немало различных хорошо выраженных пород собак.)

Керамический сосуд в виде собаки. Древнеперуанское искусство.

Любопытные захоронения собак обнаружили на территории нашей страны экспедиции, руководимые профессором Н. Н. Диковым и академиком А. П. Окладниковым.

Экспедиция Дикова, работавшая на Камчатке, обнаружила могилу собаки, которая была захоронена примерно 10 тысяч лет назад с больши-

ми почестями, как очень знатная особа. Рядом с ней обнаружили следы красной охры — символа крови и возрождения. Есть все основания считать, что собака в тех местах была тотемным животным местных жителей.

Иного характера находка экспедиции Окладникова. Работала экспедиция на острове в озере Байкал и обнаружила некрополь, где три с половиной—четыре тысячи лет назад был похоронен предводитель одного из сибирских племен. Рядом с ним археологи обнаружили двух собак, которые, видимо, должны были охранять своего хозяина и указать душе умершего дорогу в страну предков.

Мумии небольших собачек были найдены и в Мексике. Их изображения часто встречаются на мексиканских пирамидах. Этих собачек называли мексиканскими терьерами, орнаментальными собачками и так далее.

Сравнительно недавно они получили «официальное» имя — чихуахуа по названию одного из мексиканских штатов.

Чихуахуа была когда-то широко распространена в Центральной и Южной Америке и у ацтеков — древних жителей Мексики — считалась священной. О ней, как об одном из чудес Нового Света, рассказывал Христофор Колумб.

В отличие от других собак, служивших людям далекого прошлого, о которых мы знаем лишь по изображениям, некоторым описаниям и костным остаткам, о чихуахуа мы можем судить по «подлиннику» и даже представить себе, почему ацтеки считали ее священной.

Чихуахуа не изменила своего облика до наших дней. В XVIII веке она попала в Европу, но не прижилась, как не прижилась и в Северной Америке. Лишь в конце прошлого века получила она «постоянную прописку» в Северной Америке.

В Европе она вторично появилась лет 40—45 назад и быстро завоевала симпатии европейцев. Еще бы! Крошечное, менее десяти сантиметров в длину, существо имеет отважное сердце и, несмотря на свою величину, не задумываясь бросается на защиту хозяина, точно выполняет все его команды. И можно предположить, что именно это сочетание — крошечные размеры и огромная отвага, сообразительность и исполнительность — побудило ацтеков преклоняться перед ней, считать ее священной.

Большими почестями и уважением пользовалась собака у народов Востока. Возможно, и здесь, как и в других странах, религиозные воззрения тесно переплетаются с реальными представлениями о большой пользе, которую приносят животные. Во всяком случае, в зороастризме — в религии, предшествовавшей в некоторых странах исламу (кстати, зороастризм долгое время господствовал в Древнем Египте), собаке принадлежала исключительная роль. В той части Авесты, священного писания, где говорится об обрядовой, религиозной и юридической стороне и которая называется Вендидат или Вэндидат, что значит «против дэвов данная» (дэвы—злые духи), две главы целиком посвящены собаке. Там, в главе XIII, имеются такие слова — «разумом собаки держится мир».

Конечно, в священной книге говорится о священных собаках, но фак-

тически речь идет о собаках вообще. (Где они, священные, кто их видел, чем они отличаются от остальных?) Поэтому слова священной книги о том, что собака наиболее чистое животное, распространялись на всех собак. И все они, как утверждала Авеста, обладали таинственной силой в борьбе против мрачного божества Анхра-Майнью и его духов. Поэтому убивать собак категорически запрещалось, их хоронили с почестями в специальных могилах — оссуариях — глиняных ящиках, где хранили кости умерших людей.

Однако мнимая святость собаки, ее борьба со злыми духами отступала перед ее реальной пользой как пастуха и сторожа. И не случайно, когда в ряде стран зороастризм уступил место исламу, объявившему собак «нечистыми» животными, когда люди стали жить по корану (а он предписывал изгонять собак из человеческих жилищ и держать их подальше от себя), когда в городах начались гонения на собак, бедуины-кочевники не захотели расстаться со своими друзьями. А чтоб как-то выйти из положения — не потерять четвероногого друга (это была салука, арабская борзая, воспетая всеми арабскими поэтами доисламского периода, назвавшими ее самым прекрасным существом на Земле, приписывавшими ей все самые благородные качества на свете) и в то же время не прогневить аллаха, бедуины просто-напросто решили не считать салуку собакой!

Как видим, собака занимала огромное место и в жизни и в сознании большинства народов мира уже в очень отдаленные времена. Почитанием, любовью и заботой были окружены собаки и в античном мире. Правда, в религиозных верованиях древних египтян и греков была значительная разница. Еще Плутарх — греческий писатель и философ, живший в I веке н. э., — отмечал, что «египтяне почитают настоящих животных, греки, наоборот, говорят более определенным образом, что голуби посвящены Афродите, ворон — Аполлону, собака — Артемиде и т. п.». Кроме Артемиды собака была посвящена также богу Гермесу — покровителю торговли и государственных дел, Гекате — богине мрака и волшебства и Помоне — богине садовых плодов.

Не будем сейчас обсуждать, почему именно этим богам решили древние греки посвятить собак, отметим лишь сам факт: собаки состояли при нескольких, причем достаточно важ-

Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

ных, богах. И естественно, почитались. Но вряд ли причастность собак к божествам побуждала античных писателей и поэтов так много и так восторженно говорить об этих животных. Конечно же, вдохновляла их любовь к собакам. Об этом прямо говорит Аристофан в одной из своих комедий; о собаке Аргосе, принадлежащей царю Одиссею, сообщается в 17-й песне поэмы Гомера; о них пишут крупнейшие писатели, ученые и поэты Древней Греции и Рима Варрон и Вергилий, Ариан и Лукреций, Геродот и Плутарх, Плиний и Страбон. Известный древнегреческий писатель Ксенофонт сочинил специальный трактат об охоте с собаками, древнеримский поэт Гораций Фалиск пишет стихотворный трактат об уходе за собаками. Видимо, в Риме уже тогда собаками занимались всерьез. И не только в Риме, но и в Греции — во всяком случае Аристотель оставил нам довольно подробное описание восьми породных групп собак. Одну из таких собак, описанных Аристотелем (она похожа на современного шпица), греки изобразили на монетах.

В Римской империи собаки ставились тоже очень высоко и их изображения были выбиты на монетах сицилийских городов. Особенно ценили римляне так называемых молосских (догообразных) собак, попавших сначала из Азии в Грецию, а затем в Рим. Существует несколько версий относительно того, как попали эти собаки в Европу. Одна из наиболее достоверных: привез их Александр Македонский, вернувшись из похода в Азию. (Греческий историк Флавий Арриан, живший во втором веке, в своем труде «Поход Александра» писал, что индийский царь Сапиф среди множества богатых даров, преподнесенных Македонскому, подарил ему и полторы сотни собак, удивительных по своей величине и силе. «Говорили, — писал Арриан, — что это помесь кобелей с тигрицами».)

В Древней Греции и Риме продолжают совершенствовать и выводить новые породы собак, в том числе и комнатных. Но особый упор делается все-таки на служебных. Люди начинают шире использовать собак: они уже несут не только сторожевую службу, охраняя дома граждан, но и караульную, выполняя роль часовых в гарнизонах. Появляются и собаки-ищейки. Любопытны в этой связи клички собак, которые приводит Флавий Арриан: Филакс (Сторож), Медакс (Стереги), Тайхон (Хватай), Хорме (Нападающий).

Видимо, тогда общественных собак — очевидно, военных и караульных — было уже так много, что в Греции, Риме и некоторых других странах Западной Европы вводятся специальные законы, обязывающие земледельцев вносить определенную плату или отдавать какую-то часть урожая на содержание собак.

Были, конечно, собаки, принадлежавшие отдельным гражданам. Любопытно, что при раскопках Помпеев — города, погибшего в 79 году во время извержения Везувия, была найдена табличка с надписью, соответствующей теперешней: «Осторожно, злая собака!»

Собаки участвовали в сражениях рядом с воинами, а зачастую и впереди них. Они были в боевых доспехах и специальных, защищающих в бою шею и горло ошейниках с длинными шипами. Такие собаки

сражались в войсках римлян и ассирийцев, а у Александра Македонского и Ганнибала имелись особые отряды или воинские подразделения собак.

В Индии собаки шли в бой с горящими факелами, укрепленными на их спинах.

Собаки участвовали в войнах и гораздо позже. Например, в XII—XIII веках английские короли широко использовали собак в борьбе с шотландцами; граф Эссекс, отправляясь на борьбу с ирландцами, взял с собой собачье «войско» из 800 собак, а три столетия спустя Генрих VIII, заключив союз с германским императором Карлом V, послал ему 400 собак для борьбы с французами.

Участвовали собаки и в различных завоевательных походах, в частности, помогали испанцам покорять коренных жителей Америки. А затем помогали плантаторам отыскивать беглых рабов-негров. Безусловно, это черные страницы в истории отношений людей и собак. Но разве были виноваты в этом собаки? Они лишь выполняли то, чему их научили. Но «как бы человек ни старался выучить собак истреблять людей, он никогда не достигнет того, что это животное сделается таким же испорченным существом, как он сам», — писал в середине прошлого века французский натуралист А. Манжен. Конечно, это звучит наивно, но по существу — правильно: собака благородна по сути своей. А все остальное — отклонение от сути!

И поэтому, наверное, не за воинские подвиги ценили люди собак. Во всяком случае, за воинские подвиги ценили меньше всего. Характерно, что древние германцы, тоже широко использовавшие боевых псов, не считали нужным назвать штраф за похищение такой собаки, хотя даже за похищенную дворовую собаку назначался штраф в одну золотую монету (за пастушью — три, за гончую — шесть, а за ищейку взимался штраф в двенадцать золотых!).

На Руси военных собак не существовало. Собака Петра I, постоянно находившаяся при нем во время сражений и служившая часто связной, — не в счет. Однако и на Руси за кражу собаки налагался штраф, причем очень большой — 3 гривны. (Лишь за вола, самого нужного в крестьянском хозяйстве животного, налагался такой же штраф.) Этот закон действовал, насколько нам сейчас известно, с XI века, когда Ярославом Мудрым был издан первый на Руси свод законов «Русская правда». Действовал он и много позже — этот же штраф указан и в «Правосудии Митрополичьем», относящемся к XIII веку, по предположению одних ученых, а по предположению других к XVI веку. Чтоб была понятнее цена собаки, укажем: гривна представляла собой слиток серебра весом в 205 граммов. Она делилась на ногаты — 1/20, либо на куны—1/50 часть гривны. По ценам тех времен корова стоила 40 кун (меньше гривны), резвый жеребец—одну гривну, а собака — три, то есть столько же, сколько три скакуна, больше, чем три коровы, или столько же, сколько 30 овец! (Овца стоила 5 кун.)

Можно продолжать рассказ о том, как люди ценили собак и как их использовали, как собака все больше и больше становилась нужна человеку, как расширялось ее «поле деятельности», как совершенствовались породы и выводились новые, все более специализированные. И рас-

сказ этот будет бесконечен, потому что значение собак в жизни людей тоже бесконечно. И все-таки главное — то, что собаки, по выражению известного русского физиолога М. Богданова, «вывели человека в люди». Эту шутливую фразу, в которой заложена огромная истина, в несколько измененной форме любил повторять И. П. Павлов.

Давайте вспомним.

Поначалу собака охраняла человека от диких животных — точнее, предупреждала его об опасности. И это не вызывает сомнения. То, что она стала помогать ему на охоте, — тоже не вызывает сомнения. Благодаря собакам охота стала удачнее, добычливее, что благотворно сказалось на развитии рода человеческого.

Однако охота не спасла бы человечество от катастрофы — экологического кризиса, как бы мы сказали сейчас: род человеческий увеличивался, а охотничьих зверей становилось все меньше и меньше. Над человечеством навис призрак голода. К счастью, в это время уже начало развиваться земледелие. Но и земледелие через какое-то время не спасло бы человечество, если бы не скотоводство. Оно появилось почти одновременно с земледелием — где-то чуть раньше, где-то чуть позже, но как раз вовремя, чтобы спасти человечество от нового экологического кризиса.

Мы сейчас не будем говорить о том, как шло одомашнивание животных — о некоторых поговорим ниже. Здесь же скажем лишь, что не всегда человек на охоте убивал зверей — иногда ловил их. И стремился пойманную добычу сохранить про запас. Но ведь ни поймать зверя, ни сохранить его без собак человек не мог бы. Так собака, приобретя новую специальность «пастуха», в какой-то степени стала «основоположником» скотоводства.

Проходили века, тысячелетия. Человечество взрослело, умнело, развивалось. А рядом с человеком постоянно шел его самый первый, самый верный спутник и самый близкий сосед по планете — собака, которая, как однажды сказал замечательный украинский писатель М. М. Коцюбинский, «за долгий срок жизни около человека... приобрела нечто от человеческой души».

«ЖЕЛТАЯ КОШКА»

Если о собаке долгое время велись споры — кто ее предки и когда собака была приручена, то о кошке как будто бы особых дискуссий не велось: большинство ученых единодушны в том, кто ее предки (или предок) и когда это животное стало служить людям. Правда, есть другие, еще не проясненные вопросы относительно кошек, но о них — позже. А сейчас о том, что как будто бы уже ясно.

Во-первых, о том, когда и где появилась кошка.

Появилась она среди людей сравнительно поздно. Считается, что из животных, которые сейчас служат людям, кошка пришла к нам позже всех. Или, по крайней мере, позже других стала служить людям.

Уже паслись тучные стада скота, уже шли по следу, охраняли жилища, несли караульную службу и сражались собаки разных пород, уже мчались колесницы и всадники, уже петухи будили людей по утрам своими криками и сообщали этим, что «злые духи» ушли, а кошачье мяу-

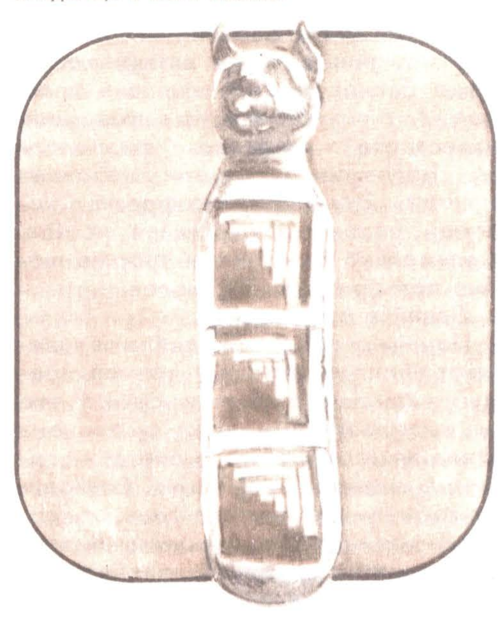
канье еще не слышалось в домах азиатских и европейских народов. Не знали о кошке и древние индусы — иначе о ней обязательно было бы сказано в одной из их священных книг.

Еще в начале новой эры не было кошек в домах древних греков и римлян. Иначе их обязательно изобразили бы на вазах или монетах того времени, как изображали других животных. А уж Аристотель, или Плиний, или кто-нибудь другой обязательно не только упомянули бы кошку, но и описали бы ее и даже воспели. Правда, древнегреческие историки Геродот (V век до н. э.) и Диодор (I век до н. э.) уже знали о кошках в Древнем Египте.

Что и говорить, история загадочная: Аристотель, живший в IV веке до н. э., описал животных не только Греции, не только Европы, но и других материков (тех, кого он знал или мог узнать). Среди этих животных были очень редкие или совсем неизвестные европейцам, тем не менее Аристотелю кошки не были известны. Плиний, живший уже в I веке нашей эры и, для того чтоб написать свою «Естественную историю», изучивший более двух тысяч книг самых разных авторов, тоже не упоминает о кошке. А ведь на берегах Нила — в Древнем Египте — она жила к тому времени по крайней мере уже две тысячи лет. И как жила! Почти в буквальном смысле царила и правила!

У нее были роскошные храмы, свои жрецы и свои почитатели. Умерших кошек хоронили на специальных кладбищах в специальных гробах. Кошек бальзамировали, тщательно заворачивали в полотняные платки, усы и уши прижимали к голове, а наружу торчали уши и усы, искусно сделанные из того же полотна.

Мумия кошки, найденная на кошачьем кладбище в Бени-Хасане.



В 1860 году в Египте, недалеко от города Бени-Хасана, обнаружили кошачье кладбище, где было похоронено 180 тысяч кошек, многие из которых лежали в ящиках, сделанных из золота или серебра и украшенных драгоценными камнями. (Кстати, такое тщательное захоронение, как указывает Келлер, сохранило трупы кошек почти совершенно неизмененными до наших дней, и ученые имели возможность детально изучить египетских кошек вплоть до цвета их шерсти.)

Бени-Хасан был одним из центров поклонения кошкам. Но главным центром почитания кошек был город Бубаст, или Бубастис, как называли его греки. По свидетельству Геродота, в этом городе ежегодно устраивались пышные празднества в честь

кошек, на которых «выпивали виноградного вина больше, чем за весь год. Собирается же здесь, по словам местных жителей, до 70 000 людей обоего пола, не считая детей». Советский египтолог М. А. Коростовцев пишет, что «цифра эта, разумеется, преувеличена, но празднества, несомненно, были всенародными и пользовались большим успехом».

В жертву богине приносились многочисленные фигурки кошек, сделанные из золота и серебра, бронзы и глины (некоторые сохранились до нашего времени).

И все это потому, что в многочисленном пантеоне египетских богов (английский египтолог Е. Бадж считает, что их было более пяти тысяч) кошка занимала очень важное и почетное место. Мы сейчас не можем точно сказать, когда начался культ кошки — видимо, задолго до того, как была написана знаменитая «Книга мертвых», где один из самых главных богов египетского пантеона, бог солнца Ра, выступает как «великий кот». Но по-настоящему расцвел культ кошки в те времена, когда она стала богиней луны, плодородия и деторождения и получила имя Баста (или Бубаста, или Бастет). А с великим Ра она связи не утратила — считалась его родной сестрой. Жрецы указывали множество признаков, которые роднили ночное животное — кошку с дневным светилом — солнцем. Один из самых убедительных — глаза: чем выше солнце, тем зрачки у кошки у́же. И наоборот: чем солнце ниже, тем зрачки шире. Солнце зашло, наступила темнота, и зрачки кошки совсем расширились, а глаза стали круглыми, как маленькие солнца. И естественно, что богине Бубасте — она изображалась женщиной с головой кошки — поклонялись, а саму кошку, которая считалась добрым духом дома, тщательно оберегали. Во время пожара, например, египтяне в первую очередь старались спасти кошку, если она находилась в доме, а потом уже спасали имущество или гасили огонь. (А ведь поймать в горящем доме обезумевшую от страха кошку было нелегко!)

Смерть кошки в доме считалась огромным несчастьем. В знак траура все члены семьи брили брови и подрезали волосы. А уж убийство кошки считалось страшным грехом. Даже нечаянное каралось по закону смертью. Но народ, не дожидаясь исполнения приговора по закону, нередко сам устраивал самосуды над убийцей. Причем продолжалось такое отношение к кошкам и много позже, даже когда Египет был завоеван Римом. Греческий историк Диодор рассказывал: «Один римлянин убил кошку, и сбежалась толпа к дому виноватого, но ни посланные царем для уговоров власти, ни общий страх, внушаемый Римом, не мог освободить от мести человека, хотя он и совершил убийство нечаянно».

Существует предание, в котором рассказывается, как из-за кошек египтяне проиграли сражение персам. Царь персов Камбиз, готовясь напасть на египетский город Пилузу (сейчас на месте этого города находится Порт-Саид), приказал наловить в его окрестностях побольше кошек. Пустив впереди себя этих кошек и взяв в руки вместо щитов по кошке, персы пошли в наступление. И египтяне сдались без боя: ведь драться с персами значило убить какое-то количество священных животных. А на это египтяне пойти не могли.

Шли века, в Египте менялись правители, приходили и уходили завоеватели, а кошка, которая, как пишет А. Брем, называлась «бубасто», но чаще «мау-ми», продолжала быть неприкосновенной и почитаемой. Даже когда исчезла древнеегипетская культура и на смену ей пришла арабская культура и арабский язык, когда в Египте уже утвердилось мусульманство, кошки продолжали оставаться в привилегированном положении. Коран, объявивший собак «нечистыми» животными, к кошкам был благосклонен. И если они перестали иметь свои храмы и своих жрецов, то почет, уважение и «материальная помощь» у них оставалась еще долго. Рассказывают даже, что сам Магомет любил кошек. Причем любил настолько, что когда одна из кошек заснула у него на халате, а он должен был уйти, то отрезал полу, на которой спала кошка, чтоб не снимать ее с халата и не потревожить ее сон.

Что касается Магомета, который якобы за свою любовь к кошкам помимо прочих титулов носил звание и «отца котов», то это — легенда, что же касается более земных покровителей и ревностных защитников кошек, то на этот счет имеются более достоверные сведения. В частности, султан Эль-Дахер-Бибарс, царствовавший в Египте в XIII веке и сравниваемый некоторыми египтологами с Цезарем по храбрости и с Нероном по злобности, так любил кошек, что завещал им в окрестностях Каира огромный фруктовый сад для жительства и огромные богатства на их содержание. И в течение многих десятилетий сад этот кишел кошками, в определенное время в него сбегались кошки чуть ли не со всего города, уже зная, что между полуднем и закатом солнца их будут кормить.

Заметим, кстати, что культ кошек в Египте существовал чуть ли не до наших дней. Во всяком случае, еще в XIX веке в Верхнем Египте было очень широко распространено поверье, что в кошек вселяются духи добрых джиннов, приносящих счастье. Однако почтительное отношение к кошкам имеет и оборотную сторону: сейчас в Египте они так размножились, что «кошачья проблема» превратилась в общегосударственную: там их сейчас около 10 миллионов!

Из всего сказанного можно было бы сделать вывод, что кошки — исконные животные Египта и их больше нигде не было. (Во всяком случае, долгое время, а если и появлялись где-нибудь, то лишь отдельные экземпляры.)

Однако кошка — не исконное египетское животное! Между первым и шестым порогами Нила, на том месте, где сейчас располагается Восточный Судан, была когда-то очень богатая страна — Нубия. Древнеегипетские фараоны время от времени совершали на нее набеги. И вместе со скотом и ценными породами дерева, вместе с золотом и слоновой костью они вывозили и кошек, водившихся там.

Зоологи называли этих кошек поразному, чаще всего — нубийской кошкой. Келлер и другие — желтой. Называют ее и буланой. Если в Египте она появилась, как полагают, примерно пять тысяч лет назад, то в Нубии — значительно раньше: в Египет она попала уже прирученной или почти прирученной. А для этого ведь понадобилось время. Поэтому неко-

Так изобразил кошку древнеегипетский художник.

торые ученые считают, что в Нубии прирученные кошки появились за несколько тысяч лет до того, как они попали в Египет (по их оценке, кощка была одомашнена 9 тысяч лет назад).

Но есть и другая версия: в Нубии кошек не одомашнивали, а ловили диких, некоторое время держали их в доме или на привязи, и кошки скоро становились совершенно ручными. (Считают, что желтая кошка очень быстро привыкает к человеку.) Однако вполне достоверных данных у нас об этом нет.

Итак, сначала Нубия (здесь была уже одомашненная или только прирученная кошка), потом Египет (здесь уже совершенно домашняя). Многие ученые считают Египет первым и единственным центром одомашнивания кошек. Долгое время ее не разрешали вывозить из Египта под страхом смерти. Поэтому в другие страны она попала, как мы увидим ниже, довольно поздно.

Однако сравнительно недавние открытия археологов несколько поколебали эту устоявшуюся точку зрения.

В Армении обнаружены остатки некогда могучей крепости Тейшебаини, которая погибла в VI веке до нашей эры. В одном из кувшинов для хранения вина, найденном при раскопках, археологи обнаружили скелет кошки. Это дало основание некоторым ученым считать, что в Закавказье, точнее, в древнем государстве Урарту одомашнили кошек независимо от Египта. Отрицать это трудно, хотя убедительных доказательств для такого вывода нет. Кроме, конечно, самого факта — скелета кошки. Он существует. Но можно предположить по этому поводу иное: Урарту — богатое и сильное государство — вело обширную торговлю со многими странами. Торговали урартийцы и с Египтом. И вполне вероятно, что в числе прочих ценностей, каким-то незаконным путем, контрабандой, как мы бы сейчас сказали, вывозили и кошек. Может быть, со временем появятся какие-то новые доказательства одомашнивания кошек в Закавказье или других местах. А пока у нас таких доказательств нет, вернемся к нубийским кошкам.

Сегодняшним любителям кошек нубийская вряд ли понравилась бы. Она была очень длинноногая, имела короткую шерсть и маленькую голову. Но может быть, именно такая кошка нравилась людям тогда? А может быть, у них не было выбора, а «рабочие качества» этих животных вполне устраивали египтян?

Об основных рабочих качествах и достоинствах кошек мы поговорим позже. А сейчас скажем, что до нас дошли изображения египетских кошек в ошейниках и за странным, казалось бы, для них занятием — охотой. Не только на мышей или мелких

птиц, нет — с кошками в Египте охотились и на довольно крупных животных. Как дрессировали или «натаскивали» в Египте кошек, остается тайной. Но факт есть факт. Правда, как предполагают некоторые ученые, эти «охотничьи кошки» были не обычные домашние, а болотные рыси, которые одно время числились среди домашних животных в Древнем Египте (их мумии тоже находят).

Охота фараона с кошкой.
Конечно, на этой фреске древнеегипетский художник польстил и фараону, и кошке, приукрасив обоих.

Потом болотные рыси из списка домашних животных исчезли.

Но если это были не болотные рыси, а обычные кошки, то они утратили в дальнейшем свои охотничьи наклонности, то есть их перестали использовать на охоте в прямом смысле слова. У кошек появились другие, более важные задачи. И в Египте, и в Европе, куда они в конце концов попали.

Однако, прежде чем говорить о дальнейшем распространении кошек и об их судьбе на других материках и в Европе, скажем вот о чем.

Долгое время ученые были убеждены, что предки наших кошек не только нубийские, что они произошли от смешения многих видов диких кошек. Однако против этой точки зрения выступил Чарлз Дарвин. Можно привести убедительные аргументы крупных ученых, в частности С. Боголюбского и К. Келлера, привести данные анатомических исследований домашних и диких кошек, показывающие их коренные отличия и свидетельствующие, что дикие кошки (кроме нубийских) не причастны к происхождению наших домашних. Но не будем этого делать — повторим лишь то, что говорили выше о происхождении собак, то, что сегодня уже доказано не только в отношении кошек: ни одно домашнее животное не может происходить от нескольких предков.

«ЧЕРНАЯ КОШКА»

Черная кошка — обыкновенная кошка черной масти. Но это — еще и символ чего-то таинственного, причем всегда с отрицательным значением. Однако таким символом кошка стала через много веков после того, как попала в Европу.

Когда это произошло — сказать трудно. Документальное подтверждение появления кошек в Европе относится к I веку нашей эры — о них впервые упомянул греческий историк Плутарх. (Утверждение некоторых современных авторов, что еще в XII веке до нашей эры кошки уже жили в Греции и на Крите, лишено оснований.) Но и в I веке кошки, видимо, еще не были распространены в Европе — единичное упоминание ничего не значит; а других данных о появлении кошек в Европе, относящихся к тому времени, у нас нет.

Итак, первое упоминание — I век. А первое изображение появилось лишь в IV веке. Это изображение кошки на греческой вазе. В IV веке кошки, видимо, были еще редкими. Однако примерно через столетие кошки перестали быть редкостью (очевидно, дала себя знать их плодовитость) — во всяком случае, в конце V века уже довольно часто их изображают на вазах и на монетах. Правда, распространению кошки мешали ее «соперники» — маленькие удавчики, ласки — они были ручными, жили в домах и уничтожали не очень многочисленных (по крайней мере, в сравнении с последующими веками) грызунов. Но кошка упорно вытесняла своих «соперников» и постепенно распространялась по Южной Европе, жила в домах, убивать ее запрещалось, она была уважаема и почитаема. В Риме кошка считалась символом свободы и независимости и являлась непременным атрибутом богини свободы — Либертас, — изображалась рядом с ней. И недаром, когда Спартак возглавил восстание рабов, он поместил изображение кошки на боевых знаменах своих отрядов.

Однако, укрепив свои позиции в античном мире, кошка не торопилась «покорять» остальную Европу: в X—XI веках в Западной Европе кошка еще считалась редкостью.

Появление большого количества грызунов способствовало расселению кошек по странам Европы.

И всюду кошка встречала благожелательный прием, в некоторых странах ее, как и в Египте, считали священным животным, в других — просто любили и уважали.

С кошкой было связано много добрых поверий и примет. Она считалась (кстати, как и в Египте) хранительницей дома, домашнего очага. Не случайно издавна во многих странах была примета: прежде чем войти в новое жилище, надо впереди себя пустить «хозяйку»—кошку. Она обеспечит благополучие.

У английских моряков издавна существовала (говорят, существует и до сих пор) такая примета: если на корабле имеется кошка, особенно черная, без единого светлого волоска, — это верный признак того, что корабль во время плавания избежит всех опасностей. Если же кошка «подводила» и корабль терпел бедствие, моряки тем не менее в первую очередь спасали все-таки кошку. В прибрежных районах Англии люди твердо убеждены: пока кошка в доме — рыбаку не грозит опасность в море.

Англичане считали, что если черная кошка перебежала дорогу — это добрая примета; если она забежала в дом или в комнату — хозяина ждет радость; если чихнула недалеко от невесты — молодоженам обеспечена счастливая семейная жизнь.

Были и у других народов добрые приметы и обычаи, связанные с кошками. Например, в прирейнских провинциях Южной Германии кошка была посвящена богине любви Фрейе, и девушки перед замужеством подкармливали кошек различными яствами, чтоб обеспечить себе счастливое супружество.

Трехцветная кошка, как считают в некоторых странах, предохраняет дом от пожара, людей от лихорадки и других несчастий.

Черные кошки (особенно это относится к черным котам) — хранители садов и полей, а также охраняют человека от некоторых болезней. Кстати, кошкам вообще часто приписывали магические лечебные свойства. Кроме того, они служили «предсказателями»: по их поведению можно было якобы заранее узнать о приходе гостей, предстоящих радостях и неприятностях и так далее.

Однако в Англии добрых примет и обычаев, связанных с кошками, было, пожалуй, больше всего. И когда в Европе началось гонение на кошек, Англия оказалась единственной страной, где этих животных не преследовали, по крайней мере там не было такого массового уничтожения кошек.

Брем рассказывает, что в уэльском своде законов, изданном принцем Ховеллой Лебоном в X веке, определяется наказание за жестокое обращение с кошкой и указывается ее стоимость. Этот закон, считает Брем, не только показывает отношение англичан к кошкам, но и доказывает, что дикая европейская кошка не может быть родоначальницей нашей домашней кошки (как считали некоторые ученые во времена Брема) или быть одним из ее предков (как считают иногда еще и сейчас). Мы уже говорили, что мнение это опровергнуто, однако рассуждение одного из крупнейших натуралистов и писателей прошлого века очень любопытно и стоит его привести. Брем считает: ценность кошек в Англии в те времена свидетельствует о том, что этих животных было мало. Диких

же кошек в Англии тогда было такое изобилие, «что не представлялось ни малейшего затруднения разводить и одомашнивать, ловя молодых и приручая их в любом количестве».

Однако вернемся к гонению на кошек. Оно началось в средние века, когда христианская церковь, набрав достаточно силы, пошла в открытое наступление на «еретиков».

Сигналом к наступлению явилось, пожалуй, уничтожение Александрийской академии и знаменитой библиотеки, находившейся в Александрии.

Когда-то в этом городе, основанном Александром Македонским, жили или приезжали в него работать крупнейшие ученые того времени — Архимед и Птолемей, Евклид и Аристарх, здесь был центр науки, в Александрийской библиотеке насчитывалось 700 тысяч книг-свитков, многие из которых уже тогда были уникальными.

Но пришли другие времена, и огненный столб вырвался из разрушенного храма Сераписа, где хранилась большая часть рукописей. А фанатики, окружившие храм, с диким восторгом наблюдали, как корчились в огне, сгорая, свитки редчайших произведений.

Сгорела библиотека, и толпа с ревом помчалась по улицам Александрии, чтоб разрушить, уничтожить, стереть с лица земли Александрийскую академию и анатомический театр, уникальные ботанические и зоологические сады.

А в своих апартаментах патриарх Феофил довольно потирал руки. Это он натравил толпу фанатиков на сокровищницу мировой мудрости, это он подал первый сигнал: жги, бей, разрушай все, что «против учения Христа». А «против Христа» было даже умение читать! И христианская церковь обрушилась на библиотеки, на ученых, просто на грамотных людей.

Обрушилась она и на животных, почитаемых ранее.

Епископ Августин Блаженный заявил: «Неужели из опасения кратковременного пламени, в котором погибнут немногие, представить всех вечному огню геенны?» Пламя костров инквизиции было не кратковременным — оно горело века, и погибли в нем не немногие, а сотни тысяч людей. Погибали в нем и животные. Жгли «колдунов», жгли «ведьм», жгли животных, которые были «порченые» или могли навести «порчу», животных, которые связаны с дьяволом, и так далее. Кошкам тут уделялось особое место — они все поголовно были объявлены ведьмами. (В 1484 году папа Иннокентий VIII издал специальную буллу, в которой проклял кошку как «ведьмино отродье».)

Причин для такого обвинения имелось более чем достаточно. (Помимо главного, но не оглашаемого: кошка пользовалась почетом на Востоке, а все, что шло оттуда, подлежало искоренению огнем и железом!) Где бывает кошка ночью и что делает в это время? Ведь сколько ни пытались подсмотреть за кошкой — не удавалось. Значит, не зря таится, значит, делает черные дела! А почему ходит бесшумно? Любой зверь, состоящий из плоти и крови, считали церковники, производит какой-то шум.

А эти?.. Так ходить может только дьявол. А почему в темноте у кошки горят глаза? И что это за огонь — уж не адский ли?

Если верить средневековым монахам, страшнее кошки действительно зверя нет.

Много и других подобных вопросов задавали средневековые монахи, и на все был ответ один: кошка — нечистая сила, исчадье ада, пособница ведьм или сама ведьма.

Французский монах Пьер Ле Луайе, крупный знаток всякой чертовщины, писал в те времена: «Нет такого четвероногого зверя, вида которого не принял бы дьявол». Особенно часто принимает дьявол (а также ведьмы и колдуны) облик кошки. Для этого надо только поесть приготовленные особым способом мозги кошки и потереть себе спину маленьким кусочком пуповины новорожденного ребенка. В 1503 году папа Юлиус II писал, что ведьмы особенно опасны потому, что умеют превращаться в кошек.

Конечно, путаница была изрядная: кошки сами по себе — ведьмы и дьяволы, или люди принимают их обличье, или наоборот — кошки принимают обличье людей? Но стоило ли разбираться? Проще — жечь ведьм на кострах, в каком бы обличье они ни были — человечьем или кошачьем. И жгли. И пытали. Тысячами, сотнями тысяч. Кошек еще и поджаривали, и закапывали живыми в землю. Во всех странах Европы, где господствовал католицизм, творили суд и расправу над кошками (особенно над черными, некогда особо уважаемыми); существовали определенные дни (обычно в христианские праздники), когда объявлялась массовая облава на кошек и массовое их уничтожение. И так продолжалось несколько столетий. В некоторых странах этот обычай сохранился чуть ли не до наших дней. Профессор С. Н. Боголюбский пишет, что во Фландрии, в городе Ипр, сбрасывали кошек с башни в иванов день

даже во второй половине XIX века. Любопытно, что в это время уже по всей Европе начался обратный процесс — кошки снова превратились в любимых животных. И если их не боготворили, то отдавали им должное. Кошек лепили скульпторы и рисовали художники. (Вспомним хотя бы знаменитых швейцарцев — Теофила Штайлена, выпустившего альбом с рисунками котов, и Готфрида Минда, всю жизнь рисовавшего кошек и прозванного поэтому «кошачьим Рафаэлем».)

Да, Европа очнулась от мрачного сна — после средневековья наступило Возрождение. Многое изменилось. Изменилось и отношение к животным вообще, и к кошкам в частности. И только в Англии ничего не менялось: англичане не сжигали кошек, не закапывали их в землю, не сбрасывали с высоких башен. В России хоть и существовало мнение, что кошки могут превратиться в ведьм (или наоборот) — вспомним хотя бы гоголевского «Вия», — их не жгли, не убивали, не особенно преследовали. Побаивались суеверные люди — да, побаивались; может быть, и были какие-то отдельные случаи расправы с кошками, и то скорее обвиненными в воровстве.

С кошками в России, точнее, на территории, которую сейчас занимает наша страна, люди знакомы с древних времен. Совсем недавно считалось, что кошка попала к нам поздно, во всяком случае, гораздо позже, чем в страны Западной Европы. Но вот недавние находки археологов опровергли это мнение.

Некогда на берегу Черного моря, которое греки называли Понт Эвксинский («Гостеприимное море»), был заложен греческими колонистами город Ольвия. При раскопках античного города в наши дни были найдены кости кошки. Археологи датируют эту находку VI веком до новой эры. Выходит, что в колониях узнали домашнюю кошку раньше, чем в метрополии по крайней мере на пятьсот лет?

Позже в Северном Причерноморье основали римляне свои города. И в этих городах, существовавших на рубеже старой и новой эры, были найдены кости домашних кошек. Получается, что и римские колонии знали этих животных задолго до того, как они появились в самом Риме.

И видимо, в то же примерно время, в которое кошки появились в Греции и Риме, появились они и на территории теперешней Украины: там, где сейчас расположена Одесская, Черкасская и Кировоградская области, ученые обследовали три древних поселения. И в каждом обнаружили по кошачьему скелету. Это, конечно, не значит, что там уже было изобилие кошек — напротив, они были, очевидно, очень редки, по нашим теперешним данным — по одной кошке на все поселение! Но факт, что были. А ведь это всего II—V век новой эры!

В VI—VII веках кошки продвинулись далеко на север — останки их нашли при раскопках вблизи Ярославля, на территории Пскова и в Прибалтике.

Сейчас стало известно, что в VII—IX веках они уже имелись в Среднем Поволжье, а в X—XII — широко расселились по Руси.

Конечно, это не значит, что кошек было уже много — они по-прежнему оставались редкими, «заморскими зверями» и очень высоко цени-

лись: в том же «Правосудии Митрополичьем», о котором мы говорили в связи с собакой, указано наказание за похищение кошки — 3 гривны, то есть самая высокая цена. (Мы уже говорили выше, что столько же брали за собаку и вола, столько же за трех лошадей или за 30 овец.) Но этого составителям свода законов показалось мало, и они включают еще одну статью: если кто-то убьет кошку или собаку, обязан заплатить штраф (гривну) и отдать владельцу другую кошку или собаку.

Естественно, что столь дорогой зверь мог быть «по карману» только очень богатым людям. Но в XV—XVI веках кошка уже по-настоящему широко распространилась — появилась даже в жилищах бедняков, причем не только в городах, но и в деревнях.

Говоря о расселении кошек по земному шару, надо сказать, что в Западное полушарие они попали вскоре после начала колонизации Америки — первые упоминания о кошке в Северной Америке относятся к 1626 году.

В Южной Америке кошки, как считают, появились в середине XVIII века.

Сейчас на Земле, по самым приблизительным подсчетам, полмиллиарда домашних кошек. Живут они уже давно в наших домах[1], рядом с нами, и мы, кажется, хорошо знаем их, хорошо представляем себе их кошачью натуру.

Но так ли это на самом деле?

[1] Часто, когда говорят о домашних кошках, упоминают и о бесящихся с жиру богатеях, которые строят для своих любимиц дворцы, кормят их на золотых и серебряных блюдах, оставляют им в наследство колоссальные суммы. Однако к кошкам это никакого отношения не имеет. И поэтому они не заслуживают иронического тона, как это часто бывает в описании подобных случаев. Виноваты тут только люди. Кошки ни при чем!

КОШАЧЬЯ НАТУРА

(лирическое отступление)

Пес лежит у моих ног. Кошка свернулась клубочком на тахте. Она спит. Или, может быть, дремлет. Но видимо, даже во сне к чему-то прислушивается. Во всяком случае, уши у нее то и дело вздрагивают, слегка шевелятся. А может быть, во сне лижет лапы или охотится: французский ученый М. Жуве установил, что кошки во сне видят лишь то, что происходит с ними наяву.

Собака вскакивает, услышав мой голос. Кошка, очевидно, тоже слышит его. Но не шевелится. А может, и не слышит — слух-то у нее особый: тонкий, но «избирательный». Потом кошка открыла глаза, лениво потянулась и быстро соскочила с тахты. Постояв немного, она не торопясь направилась ко мне, потерлась о ногу и бесцеремонно вскочила мне на колени. Пес застыл пораженный. Конечно, такое видел он уже много раз, но, очевидно, каждый раз поражается бесцеремонности кошки. И уж конечно, завидует ей. Как, наверное, хотел бы он очутиться на месте кошки! Он готов был лежать у меня на коленях, наверное, всю жизнь... Да, он-то готов, а вот кошка... Я погладил ее — она мурлыкнула в ответ, однако как-то коротко и не ласково — «хорошо, мол, но мало». Я стал ее гладить. Осторожно, по шерсти. Она замурлыкала, закрыла глаза, вся как-то размякла. И вдруг затихла, соскочила с коленей — резко, быстро — и направи-

лась к двери. Пес даже вздрогнул. Нет, не от испуга — наверное, от возмущения: как можно?! Мы посмотрели друг на друга — вот, оказывается, можно. И не только это — кошка требовательно мяукнула, и я послушно встал, чтобы открыть ей дверь. Она посмотрела на меня большими, круглыми, глубокими, как вечность, глазами и величественно удалилась.

Я вернулся на свое место, пес снова лег у ног. Повозившись немного, он успокоился. А я продолжал думать о кошке.

Сколько пословиц и поговорок сложено о кошке! И ведь все — о ее хитрости, коварстве, неверности. «Лукава, как кошка», «знает кошка, чье мясо съела», «не все коту масленица» и так далее. И в литературе кошка или кот — либо ворюга, либо лодырь и бездельник, либо хитрец и плут. Неверный, лживый, эгоистичный зверь. Ну правда, как оценить хотя бы вот это его поведение? По крайней мере — бездушие или равнодушие.

Но — отбросим эмоции, не будем делат' поспешных выводов и постараемся разобраться в кошачьей натуре. Конечно, насколько это возможно. Антон Павлович Чехов как-то заметил: «Чужая душа — потемки, а кошачья — тем более». Верно. Но все-таки постараемся чуть-чуть познакомиться с кошачьей жизнью и понять ее натуру.

Однако, прежде чем начать разговор о характере и поведении кошек, вспомним одно очень существенное обстоятельство: ведь кошка — единственное из всех ставших домашними животных — не жила в стае или в стаде. Мы помним, какое значение для приручения собак имело то, что их предки жили в стае и имели вожака. Это было определяющим, а возможно — решающим обстоятельством, сделавшим собак домашними животными. Это же относится и к другим животным, одомашненным человеком. А кошка — зверь-индивидуалист. У нее нет вожака, она не нуждается в стае. И тем не менее она одомашнена и живет среди людей. Как кошка пришла к людям, что заставило ее это сделать, почему она осталась рядом с человеком?

Ответа на эти вопросы нет. Иногда шутливо говорят: может быть, не кошка пришла к человеку, а человек пришел к кошке? Что ж, возможно, в шутке есть большая доля истины. Но если так было, то все равно неизвестно, как сблизились люди и эти звери, что заставило их это сделать: ведь и человек в те времена, когда начал приручать и одомашнивать кошку, вряд ли достаточно ясно видел в этом для себя какую-то пользу, и кошка не видела для себя никакой выгоды от сближения с человеком. Тем не менее это произошло.

Еще один существенный момент: собака пришла к человеку на заре его сознательного существования и помогла ему «выйти в люди», кошка пришла тогда, когда у людей уже была высокоразвитая цивилизация. И это, очевидно, тоже наложило свой отпечаток на ее натуру — ведь ей не пришлось претерпеть всего того, что выпало на долю собаки, не пришлось пройти тот путь, который прошла собака вместе с человеком. Она явилась как бы «на готовенькое».

Возможно, все это сказывается на характере кошки. Но дело-то в том, что характер этот совершенно не та-

кой, каким его представляют себе многие люди, черты которого отражены в фольклоре и литературе.

Удивительное дело: любителей кошек на свете, наверное, не меньше, чем любителей собак. Но если любители собак часами могут рассказывать о своих питомцах, о их характере, повадках, привычках, вкусах, то много ли могут рассказать о своих питомцах любители кошек?

Замечательный английский писатель Р. Киплинг написал сказку о кошке, где рассказывает, что кошка, хоть и живет рядом с человеком, ходит сама по себе, куда хочет, когда хочет и что хочет делает. Сказка так и называется: «Кошка, которая гуляла сама по себе».

Но не только Киплинг — многие ученые долго считали, что кошка, хоть и живет в доме человека, — зверь дикий, поведение ее стихийное, непредсказуемое и не укладывается в какие-то определенные рамки.

Киплинг в своей сказке предлагает: чтоб узнать, уходит ли кошка по ночам, надо намочить ей лапы. Тогда на подоконнике останутся мокрые следы и будет ясно...

Но мочить кошке лапы совершенно не обязательно: и без следов на подоконнике известно, что по ночам она уходит. Но вот куда и зачем?

Этот вопрос задали себе немецкие ученые из Института психологии животных и под руководством Конрада Лоренца занялись изучением поведения кошек.

И вот после долгих и тщательных наблюдений ученые установили, что кошка совсем не ходит «сама по себе», то есть не ходит так, как ей захочется, или туда, куда ей вздумается, что она не скрывает своего поведения — просто она ведет ночной образ жизни и к тому же, как всякий индивидуалист, предпочитает одиночество. И эта кошачья жизнь протекает в строгих рамках, точнее было бы сказать — в определенных зонах.

Некоторые ученые считают, что в этих зонах кошка сохранила в неприкосновенности все свои дикие привычки и замашки. Однако это все-таки не так. Особенно в первой зоне.

Первая зона — дом, где она живет, ест, спит, приносит котят и чувствует себя в полной безопасности. Тут кошка — не зверь, не дикарь. Тут она член семьи. Да, своенравна, как может показаться, с характером независимым, но тем не менее — член семьи. Она вступает в контакт с людьми, как самое настоящее домашнее животное, и позволяет соответственно к себе относиться. И при этом чувствует себя полной хозяйкой: изгоняет любую другую кошку, появившуюся в доме.

Вторая зона — небольшая площадка типа двора или сада при доме. Это — тоже «собственность» кошки, и ее она тоже охраняет от чужаков. Тут поведение кошки «смешанное»: она еще продолжает оставаться ручной — например, может отозваться на призыв хозяина, может пообщаться с ним. Но уже более холодно и сухо.

Третья зона — охотничья. Это самая большая зона — она включает в себя предыдущие две и имеет четкие границы. Обычно кошки их строго соблюдают. И здесь посторонняя

кошка или кот встречают отпор со стороны хозяев. Причем вообще кошки так решительно защищают свои владения, что нарушитель, даже если он и сильнее хозяев, все равно вынужден отступить. Особенно яростно кошки защищают первую и вторую зоны. Тут почти не бывает исключений — нарушитель уходит. В третью сильный нахал может вторгнуться и хозяйничать там, несмотря на протесты, угрозы и даже попытки хозяина силой прогнать пришельца. Но такое бывает нечасто.

Кошки защищают свою территорию отважно и идут в бой «с открытым забралом».

К. Лоренц — один из немногих людей, по-настоящему знавших кошек, — утверждал, что «кошка — самое гордое и самое честное из наших домашних животных». И, защищая свою территорию или отстаивая какие-то другие свои жизненно важные интересы, кошки доказывают это: они никогда не нападают исподтишка, никогда не стараются укусить или оцарапать сзади. Они всегда предупреждают противника, издавая грудное урчание, которое время от времени переходит в шипение. При этом кошка стоит на вытянутых лапах, круто изогнув спину, вздыбив шерсть. Она как бы хочет стать выше, больше, внушительнее. (Может быть, это — единственная хитрость, которую позволяют себе кошки.) Если поза и шипение не помогают — кошка наносит удар лапой по носу противника, а потом бросается в бой. Но это — если она сражается с себе подобным существом. Если противник собака — кошка после предупреждения взлетает, как развернувшаяся тугая пружина, в воздух и вцепляется в морду собаки. Однако все-таки от сражения с собаками или драк с людьми кошки стараются всеми силами уклониться, используя для этого любую возможность. А такие у кошки всегда есть. Она прекрасно, до мельчайших подробностей, знает свои зоны: путешествуя по ним, она пользуется всегда одними и теми же дорогами, на которых нет никаких препятствий, которые наиболее удобны и которые приводят к основным точкам на территории. Знает она на своей территории и все заборы, строения, деревья, столбы и молниеносно может взобраться на них, если понадобится.

Любопытно, что сама кошка не идет навстречу противнику — обычно стоит в угрожающе-оборонительной позе и ждет приближения врага. И лишь в одном случае она сама бросается навстречу приближающемуся противнику или любому существу, в котором может видеть недруга, — когда она защищает своих котят. Особым галопом, свойственным лишь кошкам (Лоренц отмечает, что у котов такого способа передвижения не бывает, так как котам не приходится оказываться в подобной ситуации — защищать котят), кошка движется навстречу любой опасности и будет биться с любым противником, чего бы это ей ни стоило. Помимо материнского чувства силу и решимость придает ей, по-видимому, место, где такие сражения могут произойти, — это, как правило, вторая, а чаще — первая зона, где кошка считает себя полновластной хозяйкой.

Есть у кошек и нейтральные зоны, где они собираются на свои «заседания», устраивают «концерты», где

коты проводят поединки и ухаживают за «дамами».

Жизнь кошки строго регламентирована: спит она обычно в одно и то же время, в одно и то же время уходит и возвращается, знает, когда ее кормят, и всегда к этому времени бывает на месте.

Правда, есть немало людей, которые могут засвидетельствовать, что их питомцы едят не всегда в одно и то же время или не всегда уходят по ночам «на волю». Конечно, правил без исключения не бывает. Существуют и некоторые отклонения от нормы. У кошек ведь тоже свои привычки, свой темперамент. Но если понаблюдать за кошкой, ведущей обычный для нее образ жизни (которая, например, не заперта в городской квартире круглые сутки), — принципиальная схема поведения всегда выдерживается.

Это относится и к поведению кошки, попавшей в незнакомое помещение. Сначала она исследует пол и нижние части стены. Потом начинает изучать возможности отступления в случае опасности и только потом начинает отыскивать наиболее высокие точки, тоже очень важные для нее. Если помещение ей подходит, кошка выбирает себе место для спанья и намечает точный маршрут, которым она обычно будет двигаться по комнате и выходить из нее.

Итак, какие же выводы из сказанного? Во-первых, кошка — повторим слова К. Лоренца еще раз — самое гордое и самое честное из домашних животных. Добавим к этому, что никто не может похвастаться тем, что кошка заискивала перед ним. Такого с нормальными кошками не бывает. Люди, которые говорят о лживости кошек или их лицемерии, никаких доказательств тому не имеют. Напротив, разве независимое поведение кошки, хотя бы такое, о котором говорилось в начале этой главки и которое так удивляет мою собаку, не свидетельствует об обратном?

Во-вторых, кошка — существо очень четкое, организованное. Доказательство тому — ее образ жизни. Наконец, в-третьих, она отважное существо, умеющее постоять за себя, и в то же время разумное — хорошо знает, когда надо вступать в сражение, а когда лучше удрать. (Это не трусость, это — реальная оценка положения.)

Наконец, кошка послушна. Да, как это ни странно звучит. Ведь мы уже говорили и о ее своенравии, и о ее независимости. И тем не менее кошка может прекрасно слушаться человека, даже подчиняться ему, выполнять его команды.

Это знали люди давно. Еще у великого итальянского поэта Данте Алигьери была пара котов, которые по приказу хозяина приносили ему различные мелкие предметы и переворачивали страницы книги.

Лет сто назад русская газета «Новое время» сообщала, что «некоторые охотники нашли возможность дрессировать кошек для охоты за белками».

Ну, а уж какие они могут быть артисты — известно по выступлениям их в Уголке имени В. Л. Дурова, в Театре зверей под руководством Н. Ю. Дуровой, по выступлениям в цирке вместе с известным советским клоуном Юрием Куклачевым. Секрет успеха в том, что дрессировщики не заставляют кошек делать то, что им не свойственно, а используют

их умение быстро бегать, высоко прыгать, ловко лазать. И направляют это умение в нужное русло. А главное, не принуждают кошек к повиновению — кошки этого действительно не терпят. Принимают только добро. А добром и терпением можно сделать многое.

Кошки, как это ни странно, очень привязчивы к человеку, радуются приходу хозяев, сопровождают их на прогулках, без особого труда привыкают ходить на поводке.

Теперь главный вопрос — ее отношение к человеку.

Известно много случаев (о некоторых мы будем говорить ниже), когда кошки возвращались к своим хозяевам издалека. Однако принято считать, что возвращаются они не к конкретным хозяевам, а к дому, к которому, при внешнем равнодушии, очень привязаны. Что же касается человека, то пожалуйста: кошка позволяет себя гладить, сидит на коленях у человека только дома, то есть в первой зоне. Увидав хозяина во второй, а тем более — в третьей зоне, она в лучшем случае сделает вид, что незнакома с ним. А то и просто удерет поскорее.

Скажем честно: мы не знаем, почему так ведет себя кошка на улице — но наверняка у нее есть на это свои резоны.

Очень может быть, что как раз в это время кошка, находясь в третьей, охотничьей зоне, собирается охотиться, выслеживает кого-нибудь или «разрабатывает план» ночной охоты, ведет разведку или занята какими-то другими, не менее важными для нее делами. А так как она, в отличие от собаки, — охотник-индивидуалист, то ей в это время посторонние не нужны, они ей только мешают. Кстати, может быть, именно тем, что собаки — животные стайные, и объясняется их общительность, привязанность к человеку, кошка же, хоть и любит хозяина (не будем это отрицать), испокон веков привыкла к одиночеству, ни на кого не рассчитывает, ни на кого не надеется. Поэтому главное для нее — не стая, а охотничья территория, которую хорошо знает, на которой чувствует себя (и только себя) хозяйкой. И это чувство плюс хорошее знание территории дают кошке гарантию, что она не умрет с голода.

Возможно, именно это и заставляет кошек возвращаться домой, возможно, именно поэтому кошки очень привязаны к определенному месту и, увезенные, могут вернуться обратно, даже покинув хозяина.

Однако так бывает далеко не всегда — все зависит от характера кошки, ее привязчивости, темперамента. Ведь часто кошка следует за хозяевами, когда те уезжают в другие места.

Но еще более показательно и убедительно отношение кошек к людям в экстремальных условиях. Вот несколько примеров.

Это произошло в одной югославской деревне. Кот по имени Марко сидел рядом со своей маленькой хозяйкой в саду. Неожиданно он заволновался. Девочка посмотрела туда, куда глядел кот, и увидела большую гадюку, свесившуюся с дерева. Еще минута, и... Но этой минуты не было: Марко взвился в воздух и вцепился в гадюку.

Случайность? Единичный случай? Но ведь подобный случай произошел у нас в Армении, где кот, защи-

щая ребенка, вступил в единоборство с ядовитой змеей. В Азербайджане кошка по имени Мастан ценой собственной жизни спасла от ядовитой змеи трехлетнего ребенка. Наконец, случай, произошедший сравнительно недавно: на окраине Туапсе кот Васька, игравший с мальчиком, мгновенно среагировал на появившуюся неожиданно ядовитую змею и спас жизнь своего хозяина.

Эти и другие примеры сейчас широко известны — о них писали в газетах. А сколько было подобных случаев, но о них мы просто не знаем!

А вот еще пример отношения кошки к человеку.

Произошло это в Вене. Разъяренная овчарка неожиданно напала на трехлетнюю девочку. Девочка закричала, на крик ее вылетела откуда-то кошка по имени Микка и молниеносно ринулась на овчарку. Вцепившись в морду овчарке, кошка повисла на ней и не разжала когтей, даже когда собака начала ее рвать.

Девочка была спасена, кошке же пришлось плохо, и ветеринарные врачи много потрудились, чтобы спасти жизнь отважной Микки.

Можно рассказать еще о многих подвигах кошек, их преданности (совсем не кошачьей, как кажется) людям. Но все-таки главный подвиг кошек — не этот. О нем мы еще расскажем.

ПЕРВАЯ ЛОШАДЬ И ПОСЛЕДНИЙ ТАРПАН

Судьба, происхождение, путь к людям собак и кошек, о которых мы уже говорили, хоть и имеет еще немало «белых пятен», все-таки достаточно ясны. Мы знаем предков собак и кошек, то есть знаем, от каких животных они произошли, более или менее (для кошек — более, для собак — менее) знаем, где появились первые домашние кошки и собаки, можем с той или иной долей достоверности предполагать, как это произошло. А вот с лошадью все сложнее. Тут до сих пор ведутся споры, и «все наши современные представления о месте и времени одомашнивания лошадей не выходят, по существу, за пределы догадок, пока еще довольно слабо подтвержденных конкретными данными остеологических исследований»[1], — писал известный советский ученый, крупный знаток истории домашних животных В. И. Цалкин.

Неизвестно точно, где это произошло. Есть мнение большинства ученых на этот счет, но меньшинство с ним не согласно, и с этим меньшинством тоже надо считаться.

Неизвестно точно, как это произошло. Тут тоже имеются разные точки зрения.

Неизвестно и кто были предки нашей домашней лошади. Наконец, ведутся еще споры, кто приручил лошадь и когда. Собака пришла к первобытным охотникам — это сейчас признается почти всеми, кошка появилась уже в высокоцивилизованном земледельческом обществе. Лошадь же, по мнению одних ученых, появилась у кочевников, по мнению других — у скотоводов, живших оседло.

Но задолго до того, как лошадь стала домашней, то есть стала служить человеку, она его кормила:

---

[1] Остеология — от греческих слов: «остео» — «кость» и «логос» — «наука».

первобытный человек не делал различия между парнокопытными и непарнокопытными — мясо диких быков, оленей и лошадей одинаково годилось для еды. Причем в некоторых местах, похоже, лошадям даже отдавалось предпочтение. Например, племена, жившие на территории теперешней Франции, явно больше другого мяса любили конину: при раскопках «кухонных куч» в области Солютрэ было найдено более 10 тысяч лошадиных скелетов.

Возможно, наши далекие предки заметили, что конина хорошо усваивается организмом, так как конский жир плавится при более низкой температуре, чем жир других животных (конский — при температуре 30—35 градусов, в то время как бараний или говяжий — при 44—51 градусе). Конечно, этого не могли не знать и люди позднейших эпох, любимым блюдом которых была конина.

Впрочем, во многих странах, особенно в странах Азии и Африки, до сих пор употребляют в пищу конское мясо. В нашей стране примерно 30 миллионов человек — представителей разных национальностей — и сейчас предпочитают это мясо говядине.

Христианская церковь в Европе запрещала употребление конины. Любопытно, что причины этого запрещения были те же, что и причины гонения на кошек: конина была очень популярна на Востоке, а раз так — христианская церковь должна с этим бороться. Еще в 732 году папа Григорий III писал настоятелю одного из монастырей: «Ты дозволил некоторым есть мясо диких лошадей, а большинству и мясо от домашних. Отныне же, святейший брат, отнюдь не дозволяй этого».

Неизвестно, внял ли приказу папы Бонифаций — настоятель монастыря, которому было адресовано это послание, но известно, что и много позже монахи продолжали употреблять в пищу мясо лошадей. Во всяком случае, как писал крупный знаток истории домашних животных Ф. Кепен, еще в 1000 году настоятель Сен-Галленского монастыря в Швейцарии Эккегард выпустил книгу застольных молитв, среди которых была и такая: «Да будет вкусно вам мясо дикого коня под знаменем креста». Неизвестно, когда монахи прекратили употреблять в пищу конину (и прекратили ли?), среди же цивильного населения она пользовалась популярностью вплоть до XVII века. В эти времена здесь еще бродили табуны диких лошадей, повреждая посевы, причем лошадей было так много, что в некоторых местах существовали специальные отряды охотников, содержащиеся на общественный счет, в обязанность которых входило уничтожение диких лошадей.

Трудно, конечно, отказаться от традиционного представления о том, как и зачем человек покорил лошадь. Немало книг написано об этом, немало снято фильмов, где имеются захватывающие кадры: в степи или прерии пасутся дикие лошади, к ним неслышно подкрадываются люди, накидывают на шею лассо или веревку, затем самый ловкий вскакивает на спину пойманной лошади. Она отчаянно сопротивляется: встает на задние ноги, мчится во весь опор, делает все, чтоб сбросить седока.

Иногда это ей удается, иногда — нет, но в любом случае через некоторое время она покоряется челове-

ку и спокойно дает себя взнуздать или оседлать.

Красиво, конечно. Но истина — дороже, хотя она совсем не такая красивая, даже наоборот — очень прозаичная. Дело в том, что человек приручил лошадь не для того, чтоб скакать на ней или перевозить груз. «Вряд ли будет правильным предположить, что кони стали одомашниваться как транспортные животные в связи с потребностью кочевок. Вернее представить себе, что они, как и другие промысловые животные, постепенно одомашнивались для питания», — писал профессор С. Н. Боголюбский. А уж потом... Но об этом — чуть ниже. Сейчас мы постараемся представить себе, где же это произошло.

Из II и даже III тысячелетия до нашей эры до нас доходят сведения о лошадях, использовавшихся в Месопотамии и Малой Азии. Причем сведения — и письменные источники, и изображения лошадей на печатях, памятниках — вполне достоверные и дающие понять, что уже тогда в этих странах имелись прирученные и широко используемые лошади. Так как других столь же убедительных доказательств существования домашней лошади и ее широкого использования где-либо еще не было, то это дало основания многим ученым считать центром одомашнивания лошадей именно эти места — у хеттов и вавилонян. Однако советский ученый В. О. Витт очень убедительно доказал, что лошадь по своим биологическим особенностям может существовать только в умеренном климате и в степном географическом ландшафте. Предположение Витта нашло свое подтверждение в работах других биологов, показавших, что и по способу добывания пищи, и по типу самой пищи, и по срокам размножения, и по целому ряду специфических особенностей поведения, и по целому ряду физиологических особенностей лошади — жители степей умеренного климата.

А вскоре это убедительно доказали и археологические находки: при раскопках на территории теперешней Украины было подтверждено, что уже в середине IV тысячелетия до нашей эры там существовали не только одомашненные кони — были уже коневоды, всерьез занимавшиеся разведением (а может быть, и селекцией) этих животных. Во всяком случае, найдены останки коня, высота которого в холке имела 144 сантиметра, в то время как, судя по другим костным остаткам, лошади тогда обычно не превышали 130 сантиметров.

Итак, степные и лесостепные районы теперешней Украины. География одомашнивания лошадей может быть расширена — южная Сибирь, Монголия, Казахстан. Но основное место все-таки так называемая южная Русь.

Теперь уже относительно ясно место приручения и одомашнивания лошади. Неясно только, как это произошло.

Если в отношении собаки имеется много версий, исходя из некоторых предпосылок и подключив фантазию, мы можем даже довольно подробно представить, как происходило сближение человека и собаки; если в отношении кошки мы не имеем определенных данных, но можем предполагать и даже задавать вопрос: уж не кошка ли приручила к себе человека? — то в отношении лошади у нас нет никаких сведений на

Дикая лошадь, изображенная первобытным художником на стене пещеры Нис во Франции.

этот счет. Правда, некоторые ученые считают, что все могло начаться с приручения жеребят, пойманных охотниками и отданных ребятишкам для игр и забав, — может быть, и так. Есть предположение, что молодых лошадей приводили плененными и оставляли «про запас», как «живые консервы», а лошади тем временем привыкали к человеку. Человек же по каким-то причинам не убивал их. И так постепенно... Сомнительно, но поскольку у нас нет никаких фактов ни «за», ни «против», отрицать это мы не имеем права. Безусловно, тут сыграло роль то, что лошади — животные стадные. Но вот каким образом это помогло их приручению — пока не ясно.

Есть и еще один не очень понятный вопрос. Некоторые ученые считают, что одомашнивание лошади совпадает с началом кочевничества людей. А ведь кочевая жизнь не упрощает, а, напротив, усложняет процесс приручения. Но так или иначе, лошади начали одомашниваться в IV тысячелетии до нашей эры, и процесс этот продолжался, как считает Боголюбский, 5—6 веков. А затем лошадь «двинулась в путь».

Двинулась, конечно, вместе с людьми. Люди назывались индоевропейцами, или ариями. Они были ближайшими родственниками славян и германцев, греков и хеттов, романских народов и других. Долгое время вокруг прародины индоевропейцев велись ожесточенные споры. Сейчас установлено: ею была территория, простиравшаяся от Балкан и Дуная до Урала. Именно здесь проживали различные племена, которые мы называем индоевропейскими. Начали распространяться они по Азии и Северной Африке примерно в начале II тысячелетия до нашей эры — но это, так сказать, массовое переселение. В отдельных случаях некоторые племена индоевропейцев (или какая-то часть племен) переселились, возможно, и гораздо раньше.

Конечно, индоевропейцы переселялись вместе с лошадьми. И, попадая в страны Востока, лошади сравнительно быстро начали занимать одно из ведущих мест среди животных этих стран. Однако тут есть некоторые не вполне проясненные моменты. Так, например, при раскопках на Иранском нагорье, где когда-то было государство Элам, найдены кости домашних лошадей, относящиеся, как определили ученые, к III тысячелетию до новой эры. В Месопотамии найдено изображение всадника, тоже относящееся к этому времени. Наконец, известно, что и хетты использовали лошадей за

две тысячи лет до новой эры: найдена хеттская печать, относящаяся именно к этому времени, на которой изображена четверка лошадей, запряженных в повозку. А так как мы теперь знаем, что одомашнивание лошадей происходило в южной Руси (таково, по крайней мере, мнение большинства ученых), то надо полагать, что к хеттам лошадь попала уже одомашненная. И может быть, не во втором тысячелетии попала лошадь на Восток, а гораздо раньше?

На этот счет существуют два предположения. Первое: где-то в этих местах существовало локальное приручение диких лошадей, правда не принявшее столь массового характера, как в Евразии, и не внесшее сколько-нибудь значительный вклад в коневодство, но оставившее по себе память в виде костных остатков и изображений.

Второе: всадник, изображение которого найдено при раскопках в Месопотамии, — пришлый. Не случайно слово «лошадь» на языке шумеров — жителей Месопотамии — означало «осел из чужой страны». (Кстати, в Египте поначалу они тоже назывались ослами с гор или ослами с востока.) Но так или иначе, если лошадь и была в странах Востока до прихода индоевропейцев, то, видимо, была очень редкой. Об этом мы можем судить по дошедшей до нас стоимости лошадей: так, в городе-государстве Мари, находившемся на территории современной Сирии, лошадь стоила столько же, сколько шесть хороших рабов или поле в десять гектаров.

В Индии лошадь появилась вместе с ариями примерно во II тысячелетии до новой эры (во всяком случае, никаких сведений о существовании там лошадей до прихода ариев не имеется). Это же относится и к Египту, где она появилась примерно в то же время, что и в Индии, может быть, немного позже. По одним предположениям, лошади попали туда из Азии, по другим — были завезены племенами гиксосов, живших в долине Нила. Правда, есть сведения, что и до гиксосов египтяне имели лошадей, хотя и немного, видимо, они очень высоко ценились и принадлежали только весьма знатным людям. Кучера считались очень важными лицами, а при дворе ведали лошадьми принцы.

Но пока лошади «завоевывают мир», вернемся назад и попытаемся ответить на вопрос: кто были их прямые предки (или предок)? Без этого история лошади, даже такая краткая, какую мы здесь даем, будет неполной.

До недавнего времени предками лошади считали ее диких родичей — кулана, лошадь Пржевальского и тарпана. Раньше думали, что были и другие предки у домашних лошадей, но потом остановились на трех.

Кулан. А почему бы и нет? Он похож на лошадь во многом. Он красив — стройный, поджарый, мускулистый. Правда, несколько великовата голова, но это его не портит. И уж совсем не мешает мчаться по степям, пустыням, горным тропинкам. (Считают, что кулан — один из самых быстрых среди копытных: может развить скорость до 65 километров в час, а на короткие дистанции — более 70.)

Он неприхотлив: питается сухой травой летом и мерзлой, доставая ее из-под снега, зимой. Это, кстати, типичный признак лошади — даже научное название домашних лоша-

дей — «кабо» — произошло от латинского слова «кабаллус», что значит «копаю».

Он смел. Если убегает, то не от трусости — просто этот способ защиты для него надежный. Но если выхода нет — бесстрашно бросается на врага, пуская в ход зубы и очень крепкие копыта.

Куланы легко уживаются с другими животными и друг с другом — на зиму собираются по нескольку десятков (а когда куланов было много, то, очевидно, собирались в большие стада). Летом бродят небольшими косяками — по 10—20 голов. В косяках порядок полный — вожак строго следит за дисциплиной, особенно

Кулан действительно очень похож на лошадь. Не случайно же его долго считали предком наших домашних лошадей.

следит за поведением молодняка: чтоб не особенно резвились, когда не следует, а главное, чтоб подростки не обижали малышей, которые в косяке находятся на особом, привилегированном, положении.

В поведении кулана есть многое, что заставляло ученых считать его прямым предком домашней лошади. (Кстати, это считал и А. Брем.) Однако есть и признаки, отрицающие это. В частности — строение черепа и то, что кулан трудно приручается. И наконец, потомство. От лошади и кулана жеребята появляются. Но эти помеси сами потомства не дают. Так что о выведении какой-то породы или разновидности не может быть и речи.

Кулан отпал. Остались лошадь Пржевальского и тарпан.

Лошадь Пржевальского (названная так в честь известного русского путешественника Н. М. Пржевальского, впервые привезшего череп и шкуру этой лошади и подробно рассказавшего о ней) ближе к домашней лошади. Ряд ученых, в том числе и такие крупные, как С. Н. Боголюбский и В. Г. Гептнер, считали, что в происхождении домашних лошадей в той или иной степени участвовали и лошади Пржевальского. Основания для такого мнения имелись: среди предков домашней лошади выделяются два типа — легкий, тонкокостный и более крупный и тяжелый. Считалось, что ко второму типу и имеет отношение лошадь Пржевальского.

Однако советский ученый В. И. Громова — крупнейший знаток истории лошадей — на основании тщательных исследований доказала, что лошадь Пржевальского не имеет отношения к современным лошадям,

хотя и является близкой родственницей. Впоследствии это мнение подтвердил и хромосомный анализ: у лошади Пржевальского оказалось 66 пар хромосом, а у домашней—64.

Остался тарпан. Правда, современные зоологи склонны считать всех диких лошадей, живших в Евразии, представителями одного вида — «тарпаны», а лошадь Пржевальского — лишь азиатский вид того же тарпана. Но обычно все-таки, говоря о тарпанах, имеют в виду диких лошадей, живших в степях Южной и Западной Европы. Тех самых, против которых собирались большие отряды охотников и против поедания мяса которых восставала христианская церковь, тех самых, о которых писал Владимир Мономах в своем «Поучении детям». Водились они в Крыму и в Прибалтике, на Украине и в Поволжье, на Дону и в Приуралье. И всюду их не любили местные жители: тарпаны травили посевы и съедали заготовленное людьми на зиму сено для домашних животных, уводили с собой, отбивая от стада, домашних лошадей. Надо ли говорить, что тарпанов старались уничтожить всеми доступными средствами. Но даже и без этого «тарпан был обречен на гибель самим ходом экономического развития страны», — писал профессор В. Г. Гептнер. Заселялись пустующие земли, распахивались ковыльные степи, и тарпанам уже не оставалось жизненного пространства. Дольше всего тарпаны сохранились в степях Украины. Там они дожили до середины XIX века. Но в 1879 году (по странному совпадению — в том же году, когда была открыта лошадь Пржевальского) погиб последний вольный тарпан.

История «одноглазого тарпана», вошедшего в историю лошадей под таким именем, хорошо документирована, и мы имеем возможность достаточно полно проследить ход событий.

В начале прошлого века в южных степях Украины и в Крыму было еще много тарпанов. Но в 70-х годах они полностью исчезли. И вдруг стало известно, что на землях помещика Александра Дурилина в Рахмановской степи (к северу от Крыма) появился тарпан. Неизвестно, откуда он появился, неизвестно, где скрывался до сих пор и как жил в одиночку (и в одиночку ли?), но факт есть факт: одинокое дикое животное тянулось к своим домашним родичам. Сначала тарпан смотрел на домашних лошадей издали, не решаясь подойти, потом постепенно, если люди были далеко, начал приближаться и даже пасся вместе с табуном домашних лошадей. Однако едва человек приближался—убегал.

Может быть, эта дикая лошадь по натуре своей была недоверчива, может быть, уже имела дело с людьми, может быть, видела истребление своих сородичей охотниками и в ее мозгу прочно соединился человек и смерть воедино — мы не знаем. Но знаем, что почти три года не доверяла людям эта дикая лошадь. Через три года она наконец решилась вместе с другими лошадьми войти в зимний загон. И тут Дурилин совершил непростительную ошибку: видимо решив, что тарпан стал уже прирученным, он распорядился выгнать из загона всех домашних лошадей, а тарпана запереть в загоне. Но тарпан не мог этого вынести — начал вырываться из плена. (Тогда-то и выбил себе глаз.) Однако потом ло-

шадь немного успокоилась. И весной даже родила третьего жеребенка (два других у нее появились раньше). И снова люди совершили ошибку: считая, что она теперь-то уж стала окончательно ручная и не покинет своего жеребенка, ее выпустили на вольный выпас. Но тарпаниха умчалась в степь. Вернулась она через некоторое время, чтоб увести с собой своего жеребенка. Это ей удалось.

Но через некоторое время разнесся слух, что в степи снова появился тарпан. Крестьяне решили поймать его, а заодно испытать своих лошадей. Конечно, это была нечестная игра: отобрали лучших коней и лучших всадников, расставили посты и в непрекращающейся погоне передавали эстафету этой погони друг другу, меняли коней и наездников. Людям хотелось во что бы то ни стало догнать или загнать дикую лошадь. И они «навалились всем миром» на одно животное. Однако, возможно, и это не помогло бы, если бы дикая лошадь не сломала себе ногу. И тут преследователи увидали, что это та самая одноглазая тарпаниха, которая вырвалась из плена Дурилина. Может быть, людям стало стыдно, может быть, у них появилось чувство уважения к свободолюбивому животному, но они попытались спасти тарпана — местный коновал сделал примитивный протез. Это, конечно, не помогло, и лошадь погибла.

Правда на Земле оставался еще один тарпан. Он жил в конюшне И. Н. Шатилова — большого любителя и знатока лошадей вообще и диких в частности.

С неволей этот тарпан смирился, так как был пойман в недельном возрасте.

Своего тарпана Шатилов привез в Петербург, а вскоре привез и второго — в 1862 году в Таврических степях был пойман еще один тарпан. Известный в то время ученый академик И. Брандт, увидав шатиловского тарпана, усомнился, что это дикая лошадь. Мало того — он заявил, что это вовсе не тарпан, а «скверная крестьянская лошаденка». Конечно, последующие исследования доказали, что это действительно был тарпан. Но дело не в этом, а в том, что сомнения Брандта лишний раз подтвердили, насколько тарпан похож на домашнюю лошадь.

Один из тарпанов, привезенных Шатиловым, прожил в зоопарке два года и в конце восьмидесятых годов умер. Считается, что это был последний тарпан на Земле.

Однако имеется свидетельство зоотехника Н. П. Леонтовича, который сообщал, что в 1914—1918 годах еще один тарпан жил в имении Дубровка, в Миргородском уезде, Полтавской губернии. Свидетельство Леонтовича не вызывает сомнений, и гибель последнего тарпана, как писал Гептнер, «таким образом, переносится с восьмидесятых годов на 1918—1919 годы».

И тем не менее... Тот, кто бывал в заповеднике Беловежская пуща, мог видеть небольшую, мышастого цвета, с типичной для диких лошадей стоячей гривой лошадку. Тарпана? Да, тарпана! Значит, они сохранились все-таки на Земле? Нет, правильнее будет сказать — «воскресли». Конечно, «воскресли» с помощью людей.

В конце прошлого века в имении панов Замойских был довольно богатый зверинец. Среди прочих животных в нем содержались и тарпаны.

Неизвестно, по каким причинам, но в 1908 году хозяева зверинца решили раздать двадцать тарпанов крестьянам. Видимо, привыкшие к людям, не рвавшиеся уже на свободу, тарпаны быстро приручились и стали хорошими помощниками в крестьянском труде. От этих тарпанов появилось многочисленное потомство, в котором были рассеяны по крупицам признаки диких лошадей. В 1936 году польские ученые решили снова собрать эти признаки воедино и заново создать тарпана. И это им удалось: появились лошади, по всем признакам похожие на своих диких предков, имеющие один из наиболее типичных признаков диких лошадей — стоячую короткую гриву.

«...Ни одно существо не может считаться полностью вымершим, пока его наследственные качества сохраняются в потомках, — писал директор Берлинского зоопарка Лутц Хек, — эти качества умелым скрещиванием с другими видами животных можно попытаться выявить более отчетливо в гибридах такого скрещивания. С помощью современных достижений генетики можно даже полностью восстановить наследственность вымершего животного». Исходя из этих принципов, Лутц Хек и его брат Гейнц — директор Мюнхенского зоопарка — стали вести работу по восстановлению тарпанов почти одновременно с поляками. Много трудностей было на их пути — и не только научных — война, гибель животных в Берлинском зоопарке и другие. И тем не менее успех был достигнут — была восстановлена примитивная дикая лошадь. «Она родилась, когда ни один человек не надеялся ее увидеть. Все случилось, как в волшебной сказке!» — писал Л. Хек.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭОГИППУСА» И ПОЯВЛЕНИЕ БОЖЕСТВА

Рассказывая о домашних животных, об их истории, обычно говорят и об их диких предках. Но очень и очень далеких предков, живших миллионы лет назад, как правило, не вспоминают. (И мы не говорили о тех зверях, живших миллионы лет назад, от которых в конечном счете произошли собаки и кошки.) А вот когда говорят о лошади, почему-то вспоминают ее далеких предков. Может быть, потому, что очень уж был интересен этот далекий предок — эогиппус, величиной с небольшую собаку. Или, может быть, очень любопытно узнать, откуда и как у лошади появились копыта, которые, в общем-то, не копыта, а пальцы, точнее, даже один палец на каждой ноге.

История лошади насчитывает шестьдесят миллионов лет. Именно тогда во влажных и густых лесах Америки жил эогиппус (эохиппус, как называют его другие ученые, или хиракотерий, как называют его третьи). Ни ростом, ни аркообразной спиной, ни длинным хвостом этот зверек не напоминал лошадь. И уж конечно, у него не было копыт — были пальцы: по четыре на передних и по три на задних лапах. И зубы у него были совсем иные — приспособленные не для перетирания травы, а для щипания и перетирания листьев молодых побегов.

Анхитерии — потомки эогиппусов — были уже покрупнее, разме-

ром с современного пони. У них тоже, конечно, еще не было копыт, но пальцев на каждой ноге было по три. Все предки лошади, возникая в Америке, переселялись в Европу и Азию, так как эти материки некогда были соединены с Америкой. Однако ни в Европе, ни в Азии они не приживались. А в Америке развитие лошадей шло своим чередом.

Двадцать пять миллионов лет назад на планете нашей произошло событие, сильно повлиявшее на ее животный мир: стали появляться безлесные пространства. До этого вся суша была покрыта лесами, и, естественно, животные были приспособлены к жизни в них. Но вот начали появляться безлесные равнины с сухой, достаточно твердой почвой. Так как лесов стало меньше на Земле, то и часть животных вынуждена была поселиться на безлесных пространствах, а поселившись на них, вынуждена была как-то приспосабливаться к новым условиям. «Когда трехпалые анхитерии пошли на большие сухие луга древнего миоцена, то нужны были ноги только для опоры на сухой, твердой, невязкой почве; пошло развитие лошади и преобладание одного пальца...» — писал замечательный русский ученый Владимир Онуфриевич Ковалевский, которому мир обязан знаниями истории современной лошади. Однако это произошло не сразу. Сменилось еще несколько форм предков дикой лошади, пока наконец не появился гиппарион. Это были уже довольно крупные животные, напоминающие, как писал Ковалевский, быстроногих газелей (впрочем, они были разных размеров), и имели уже некоторые признаки лошадей. Однако копыт у гиппарионов еще не было.

Гиппарионы были очень многочисленны. Появились они, как и другие виды, в Америке, а потом, через Аляску и перешеек, который тогда соединял Америку и Евразию, проникли в Европу, Азию и даже Африку. До сих пор не решен вопрос, являются ли гиппарионы прямыми предками лошадей или это боковая ветвь. Но так или иначе они уже были ближе к современным лошадям, чем кто-либо. А примерно пять миллионов лет назад неожиданно появились однопалые лошади — плиогиппусы.

На Земле снова начали меняться природные условия. В саваннах, где в изобилии жили гиппарионы, сильно увлажненная почва, на которой произрастали сочные растения, сменилась сухими степями. Гиппарионы стали вымирать, вытесняемые однопалыми лошадьми, хотя в Восточной Европе, Северной Африке и Центральной Азии они некоторое время еще жили бок о бок. Но однопалая лошадь «победила» — она именно своей «однопалостью» была лучше приспособлена к существованию. И быстро заселила Европу, Азию и Африку. Так, «рядом постепенных перемен мы доходим до однопалой лошади, от форм, опирающихся на землю тремя почти плотными, насквозь костяными цилиндрами, мы переходим к формам, у которых... эти три тонкие плотные цилиндра заменяются одной полою внутри трубкою, то есть самым выгодным приспособлением, сочетавшим легкость и дешевизну питания с большой крепостью», — писал В. О. Ковалевский.

Но все эти изменения происходили с лошадьми в Восточном полушарии.

В Америке тоже были лошади,

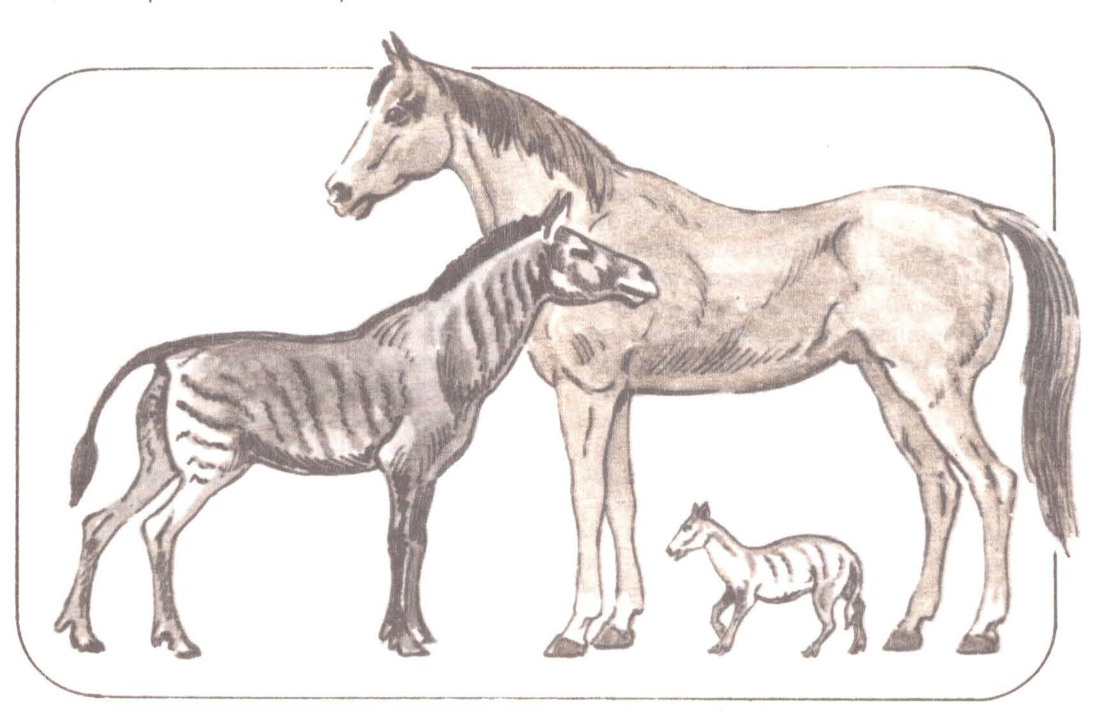
причем мир их был очень разнообразен — от карликов до великанов, от легковесов до тяжеловесов. И вдруг — это произошло примерно десять тысяч лет назад — все лошади исчезли, вымерли. Почему — непонятно. Но ни в Северной, ни в Южной Америке не осталось ни одной лошади или животного, сколько-нибудь на нее похожего. Однако прошло много-много лет — и эогиппус вернулся в Америку...

Ну нет, конечно, вернулся не эогиппус.

Через много лет в Америку прибыли уже далекие потомки эогиппуса — настоящие, давно одомашненные лошади. И возвращение это было трагическим.

В 1519 году Эрнан Кортес — будущий губернатор и правитель Новой Испании (так после завоевания ее европейцами называлась Мексика) — с полутысячным отрядом и 16 лошадьми отправился в поход против многолюдной и процветающей страны. Трудно сказать, на что рассчитывал этот авантюрист — индейцы были многочисленны и хорошо вооружены, они защищали свою родину и готовы были драться не на жизнь, а на смерть. И даже те несколько пушек, которые были у Кортеса, конечно же, не помогли бы

Современная лошадь — гигант по сравнению со своими далекими предками: гиппарионом и совсем крошечным эогиппусом.



ему. Может быть, он рассчитывал на лошадей? Мы этого не знаем. Не объясняет этого нам и Бернальд Диас — «летописец» походов Кортеса. Правда, благодаря Диасу мы знаем, что лошади сыграли в этих походах огромную роль — не случайно он пишет о них постоянно (кстати, описывая подробно каждую лошадь и ее историю). Он же с полной ответственностью заявляет: «Если бы не лошади — мы бы погибли».

И это действительно так. Уже в первом серьезном столкновении, когда во много раз превосходящие силы индейцев готовы были разгромить испанский отряд, появившиеся лошади так напугали наступавших, что они побросали оружие и в панике бросились прочь.

Так было неоднократно — исход боя решали появлявшиеся неожиданно лошади. С помощью нескольких лошадей была без боя взята столица Мексики Теночтитлану (теперешний город Мехико), с помощью лошадей испанцы окончательно покорили индейцев в 1521 году.

Б. Диас объясняет это таким образом: «Никогда еще индейцы не видели лошадей, и показалось им, что конь и всадник — одно существо, могучее и беспощадное».

Действительно, поначалу индейцы именно так и считали. Однако постепенно предводители индейцев начали понимать, что конь — обычное живое существо и смертен, как и все живое. Поэтому не случайно, когда в одном из боев под испанским всадником была убита лошадь, индейцы стремились захватить не самого всадника, который был окружен и легко мог быть взят в плен, а труп лошади. Он нужен им был для «наглядной агитации» — индейцы возили убитую лошадь по ближайшим городам, чтоб показать: это самое обыкновенное, смертное, а не сверхъестественное существо и его нечего бояться.

Однако на этом история лошади в Новом Свете не кончается. Еще не совсем отгремели сражения, еще дымились развалины городов инков и ацтеков, а в тех местах, где когда-то бегали эогиппусы и прыгали гиппарионы, появились полудикие, вернее, одичавшие лошади.

Уже в 1532—1536 годах, во время завоевания Перу испанцами, которыми командовал Франциско Писарро, индейцы не испытывали такого ужаса перед лошадьми. В Северной Америке индейцы научились, пользуясь лассо, стягивать всадников с лошадей. Оставшись без всадников, многие лошади убегали в прерии, в степи Техаса, привыкали к вольной жизни, дичали. Так на просторах Америки появились дикие (точнее, одичавшие) лошади, которые получили название мустангов.

Есть другая версия появления мустангов: в 1539 году большой отряд испанцев высадился на берегу Флориды и двинулся вдоль Миссисипи в глубь страны. Однако, встретив мощное сопротивление индейцев, испанцы вынуждены были бежать на Кубу. Семьдесят уцелевших лошадей они бросили на берегу (всего у этого отряда было триста пятьдесят лошадей, возможно, какие-то лошади были и раньше захвачены индейцами).

Некоторые считают, что именно эти лошади дали начало многочисленным стадам мустангов.

Наконец, еще одна версия. Около 1535 года в Южной Америке испанцы основали поселение, на месте

которого впоследствии вырос Буэнос-Айрес. Но тогда завоеватели не выдержали натиска индейцев и им пришлось покинуть форт. Несколько лошадей они вынуждены были бросить. А когда через сорок пять лет, в 1580 году, испанцы вернулись вновь — их встретили огромные табуны диких (одичавших, конечно) лошадей.

Одичавшие лошади в Северной Америке называются мустангами, в Южной — цимарронами. Но суть не в названии — суть в том, что и тех и других начали нещадно уничтожать. Цимарронов, очевидно, сейчас уже полностью уничтожили, хотя еще в прошлом веке их было много в Венесуэле, Аргентине, Колумбии.

Настоящий мустанг — довольно невзрачная и низкорослая лошадка (ее даже прозвали «индейским пони»), а не красавец конь, которого показывают в ковбойских и приключенческих фильмах.

В Северной Америке мустанги пока есть. Вот именно — пока. Они хорошо послужили индейцам, которые научились их приручать и даже вывели небольших, но очень крепких и выносливых лошадок, получивших название «индейские пони». Мустанги хорошо послужили и ковбоям, которые тоже вывели благодаря мустангам быстроходную лошадь — спринтера, способного промчаться четверть мили со скоростью 70 километров в час. (Эту породу так и называют «четверть мили».) Но пришло время, и скотоводы начали постепенно вытеснять мустангов с их пастбищ. Когда мустанги не уходили добровольно, их уничтожали. Потом люди решили, что вообще было бы полезно уничтожить всех диких лошадей. И тогда на них начали устраивать облавы. Мустангов загоняли в резервации, окруженные колючей проволокой, и расстреливали из пулеметов. В других местах подгоняли стада к обрывистому берегу и топили в реке, в третьих местах загоняли в горы и сбрасывали со скал в глубокие пропасти. Но настоящее избиение началось после второй мировой войны. Для борьбы с дикими лошадьми применялись не только новейшее оружие и техника — разрабатывались специальные планы уничтожения этих животных в глобальных масштабах.

Теснимые охотниками, уходили поредевшие косяки мустангов все дальше и дальше в гористые районы запада. День и ночь преследуемые, они становились все более чуткими и осторожными, живя постоянно в опасности, учились прятать и пу-

тать свои следы. Но ни крутые горы, ни осторожность, ни хитрость уже не могли спасти мустангов: не имея возможности преследовать лошадей в горах на машинах (а этот «спорт» был широко развит в США), люди бросали против них авиацию.

Самолеты и вертолеты разыскивали с воздуха прячущихся в горах мустангов и, включив специально приспособленные сирены, на бреющем полете начинали преследовать лошадей. Обезумевшие от ужаса животные мчались по крутым склонам, срывались в пропасти, слабые падали замертво, но основной косяк, преследуемый страшным ревом, продолжал двигаться туда, куда умело направляли его летчики.

В конце концов, мустанги оказывались на каком-нибудь заранее намеченном охотниками плато, где ожидали своей очереди другие охотники, прибывшие на грузовых фургонах.

Нет, тут мустангов не убивали — им была уготована другая, более мучительная смерть.

Обессиленных животных загоняли в фургоны, точнее, набивали ими фургоны до отказа и отправляли на скотобойни.

У истребителей мустангов были свои резоны: во-первых, мустанги, как считали скотоводы, вытаптывают пастбища и поедают траву, предназначаемую для скота (хотя в горах, куда загнали мустангов, скот не пасли), а во-вторых, из мяса и костей мустангов предприимчивые дельцы научились делать удобрения! Поэтому в фургоны набивали столько лошадей, что они там даже пошевелиться не могли. Но это, конечно, никого не беспокоило — не об удобствах же увозимых на смерть животных думать! И не беда, если в дороге погибнут несколько лошадей...

Однако эта беспечность и подвела современных «ковбоев».

Однажды некая миссис Вилья Джонсон ехала в автомобиле по дороге вслед за грузовым фургоном. Ее внимание привлекла кровь, которая лилась из закрытой машины. Отважная миссис потребовала остановить фургон и, несмотря на недовольство сопровождающих его, заставила открыть дверцу. Она увидела десятки прижатых друг к другу, измученных животных, а на полу — затоптанного крошечного жеребенка.

С этого дня Вилья Джонсон начала борьбу за спасение мустангов, которая длилась больше двадцати лет.

Американское правительство было равнодушно к уничтожению мустангов. Его не беспокоило, что уже не сотни, не десятки тысяч, а всего девять тысяч диких лошадей осталось в Америке. Да, собственно, о чем беспокоиться? Настоящих ковбоев уже нет, индейцы загнаны в резервации — кому нужны дикие лошади? А так — хоть какая-то польза: удобрения!

Властям было безразлично, что мустангов уничтожали самыми варварскими и мучительными способами: устраивали облавы весной, когда животные еще слабы после зимовки и не могут спастись бегством от своих преследователей, когда они, загнанные, быстро теряли силы. В результате охотники часто выгоняли на плато или в долину слишком много мустангов — фургоны не в состоянии были увезти всех. В таких случаях охотники ловили мустангов, стягивали им ноздри проволокой и отпускали. Но животные

не могли уйти далеко: особенность дыхания лошади состоит в том, что дышит она только через ноздри. Когда мустангам стягивали ноздри проволокой, то из-за недостатка воздуха они быстро слабели, и охотникам, возвращавшимся за следующей партией, разыскивать, а тем более преследовать полузадохнувшихся мустангов уже не приходилось.

Конечно, мустангов не кормили и в пути и на мясоперерабатывающих комбинатах: предприимчивые американцы быстро сообразили, что гораздо выгоднее хранить мясо не в холодильниках, а в «живом виде» — держать мустангов в загонах и забивать по мере надобности. А надобность могла возникнуть и через неделю, и через десять дней. И все это время животных не кормили. Ну что за беда, если и падут от голода некоторые? Ведь удобрение можно делать и из павших.

Чтоб узнать все это, Вилье Джонсон не потребовалось много времени и сил: «охотники» и их хозяева и не скрывали своих методов. Не испугались они и тогда, когда все это стало известно американской общественности. И они оказались правы: власти по-прежнему оставались равнодушными к судьбе мустангов.

Правда, в 1959 году был издан закон, запрещающий охоту на мустангов с автомобилей. Но о вертолетах и самолетах ничего не было сказано. А ведь именно они-то и были основным оружием охотников на диких лошадей — в грузовых фургонах мустангов только перевозили. Истребление продолжалось.

И тогда подали в защиту лошадей свой голос американские мальчишки. Наверное, и они смотрели фильмы о гангстерах и читали комиксы, наверное, и они были вооружены автоматическими игрушечными пистолетами, которые мало чем отличались по виду от настоящих. И может быть, любимыми героями многих из этих мальчишек были лихие гангстеры или сыщики. Но любовь к животным — видимо, какое-то еще не познанное учеными чувство — восторжествовало над всем.

В США это движение называли «бунтом детей», хотя скорее можно было бы назвать его «голосом разума».

Дети Америки встали на защиту мустангов. Они не издавали законов, они не могли запретить охотникам использовать самолеты и вертолеты, автофургоны и автоматическое оружие. У них было другое средство: они засыпали сенатора Генри Джонсона (всего лишь однофамильца отважной миссис Вильи) письмами и рисунками, они организовывали в городах демонстрации, они рисовали плакаты и оклеивали ими автомашины. «Спасите мустангов!» — требовали дети. «Спасите диких лошадей!» — кричали плакаты во многих городах страны. И взрослые не выдержали. Сенатор вынужден был разработать законопроект, запрещающий уничтожение мустангов, предусматривающий размещение диких лошадей в резервациях. От имени тысяч мальчишек и девчонок (впервые в истории США!) перед комиссией американского конгресса выступил одиннадцатилетний инициатор движения в защиту мустангов Грегори Гьюд. Он потребовал утверждения закона. И закон был принят.

Сейчас в США мустанги охраняются даже на частных землях. Нарушителю закона грозит большой штраф

и тюремное заключение. И все-таки браконьеры орудуют, и мустангов становится все меньше и меньше. И может так случиться, что и эта лошадь исчезнет навсегда в Америке, как исчезли некогда ее далекие предки.

Такова история «возвращения эогиппуса». Впрочем, было и еще кое-что, связанное с этим возвращением, — у индейцев появилось новое божество.

У индейцев — мы об этом уже много говорили в предыдущих книгах — существовала (очевидно, существует и теперь) вера в животных-предков — тотемизм. Тотемизм возник давно, задолго до появления в Западном полушарии лошадей, поэтому животные-предки у индейцев были исконно американские: бизоны, вороны, кондоры и так далее. Но как можно было пройти мимо лошади?

Да, поначалу она устрашала. Но умные и проницательные индейцы скоро поняли, какое это великолепное и благородное животное. И очень скоро включили его в круг почитаемых животных. Некоторые племена все-таки сделали его своим тотемом, стали называть себя «люди-кони» и очень удачно исполнять «пляски коня», прекрасно подражая движениям этого животного.

У других племен лошадь сделалась духом-покровителем, она стала покровителем так называемых тайных союзов — обществ, создаваемых индейцами для охраны родовых и племенных традиций. Союзы часто назывались именами животных, и среди них было немало «союзов коня».

Любопытное братство знахарей-врачевателей и ветеринаров существовало среди племен индейцев, живших на равнинах Америки. Их покровителем был конь. Он якобы являлся во сне посвященному в этот союз и обучал его искусству врачевания, рассказывал о целебных травах, учил магической «пляске коня».

Кочевые индейские племена поклонялись лошадям и хоронили их вместе с покойниками — приносили лошадей в жертву богам, причем лошадей перед этим украшали перьями, надевали на них лучшую сбрую или упряжь.

Культ лошади был и у южноамериканских индейцев. Ему предшествовал трагикомический случай, связанный с завоеванием испанцами материка.

Во время одного из походов любимый конь Кортеса серьезно повредил себе ногу. Предводитель испанцев оставил его в городе Тайясале на попечение правителя города, взяв с него клятвенное обещание, что о коне будут заботиться и оберегать его.

Индейцы сдержали слово: лошади отвели самое лучшее в городе помещение — роскошный храм и стали ее усиленно кормить и ублажать. Но так как индейцы лошадей не знали, но считали их знатными особами, то, естественно, засыпали храм благоухающими цветами, а саму лошадь стали кормить отборным мясом. В результате такой заботы конь умер от голода.

Испуганный правитель города приказал изготовить из камня копию лошади и вымаливать у нее прощение. Лошадь была изготовлена и получила имя Цимин Чак, что означало «Громовой Тапир» (тапиров индейцы хорошо знали, но конского ржания никогда не слышали, поэтому реши-

ли, что гром вызывается ржанием этого необычного животного).

С тех пор уже прошло более четырех веков, уже забыта история «рождения» этого божества, но многие племена индейцев продолжают поклоняться лошади, точнее, Цимин Чаку, которого считают вторым по значению богом после бога дождя.

Однако, конечно же, не в Америке начался культ лошади — здесь мы просто упомянули о нем, поскольку это связано с «возвращением лошади» в Америку и появлением у индейцев новых божеств. А началось почитание лошади задолго до того, как была открыта Америка, и совсем в другом месте.

Первые сведения о культе лошади относятся к концу IV или началу III тысячелетия до нашей эры. На правом берегу Днепра, недалеко от Кременчуга, было обнаружено первое, как считается, поселение древних коневодов.

Издавна в этих местах жили люди — носители так называемой ямной культуры. (Своих покойников они хоронили в глубоких ямах под курганами — отсюда и термин в археологии.) Носители ямной культуры были первыми в мире коневодами — наряду с крупным и мелким рогатым скотом они выращивали коней, используя мясо и молоко кобылиц. В стадах этих племен лошади иногда составляли шестьдесят, а то и восемьдесят процентов. И естественно, что лошадь занимала в жизни людей большое место, и естественно, что она почиталась. И вот в одном из поселений древних коневодов было найдено самое древнее ритуальное захоронение коня.

Со временем коня начинают почитать все больше и больше — он становится воплощением богов и вместе с тем покровителем вождей, символом их могущества. Кони дают вождям физическую силу и способность возрождаться после смерти. И не случайно, конечно, в могилах (ямах) вождей находят каменные скипетры с головами коня — символа власти умершего.

Поклонялись коню и скифские народы — с лошадьми у скифов были связаны многие обряды, в частности — жертвоприношение.

Всюду, где были лошади, — всюду им поклонялись. Всюду, где они появлялись, — сразу занимали почетное (если не ведущее) место среди богов. Так, появившись, например, в Индии, конь сразу же превратился в нескольких небесных богов.

Поклонение коням, признание их божественности было свойственно если не всем, то почти всем народам Востока. Есть косвенные доказательства того, что ассирийцы — жители древнего государства, находящегося на территории теперешнего Ирана, содержали даже священных лошадей в парках при храмах и поклонялись им.

Но особенно почитались на Востоке белые кони. А среди них так называемые нисейские — высокие, сильные, элегантные. Этих коней, которых разводили в некоторых районах Ирана и Средней Азии, иранцы считали непосредственной собственностью богов. На земле же единственным владельцем их мог быть царь, ибо эти кони были одним из семи его сокровищ. И не случайно, когда Ксеркс I возглавил поход персов в Грецию, впереди его войска шли десять священных белых лошадей. Затем ехала колесница, запряженная белыми лошадьми, — пу-

стая, так как теоретически она предназначалась для бога, и только потом — Ксеркс в колеснице, опять-таки запряженной белой лошадью. Правда, все это не помогло — греки тогда разгромили персов. Но почитание белой лошади от этого не стало меньше. Желание обладать такими лошадьми было столь велико, что из-за них нередко начинались войны: известно, что китайские императоры не раз затевали походы «на запад» — в Среднюю Азию, — чтоб увести «небесных лошадей», ибо, как считалось в древнем мире, они давали бессмертие императору и могущество державе, которой он правил.

Кстати, с белым конем связано немало ритуалов и поверий и у других народов. Например, в Японии при храмах держали белых лошадей, которые принимали участие в религиозных обрядах.

У древних германцев тоже были священные белые лошади. Но германцы держали их не в храмах, а в конюшнях, так как верили, что эти лошади могут отогнать злых духов — они имеют такую власть, поскольку являются представителями богов на земле. (По другим данным, белые лошади у германцев были посвящены богам и являлись их собственностью.)

Священные, или посвященные богам, белые лошади были и у славян. В языческом святилище Арконе, находившемся в Балтийском море на острове Рюген, жил белый конь, на котором никто не должен был ездить, потому что он принадлежал богу Святовиту.

Но, пожалуй, один из самых ярких культов лошади был в Древней Греции.

Греки узнали лошадей, видимо, раньше, чем арабы, и заслугу их приручения и одомашнивания, как, впрочем, и других животных, ставших служить человеку, они приписывали Прометею. Но, видимо, еще до возникновения мифа о Прометее греки почитали богиню плодородия, которая представлялась им в облике кобылицы. В древней Трое на торжествах в честь божества грозы вокруг города возили огромное изображение лошади — воплощение этого бога. Видимо, этот обряд и послужил основанием для создания мифа о «троянском коне».

Несколько позже лошадь в Греции «перешла» к одному из главных богов — богу моря Посейдону.

Конечно, странно, что сухопутное животное посвящено богу вод, однако греки считали: лошади — морского происхождения. Доказательства налицо: во-первых, бег лошадиных табунов очень похож на стремительный бег волн; во-вторых, лошадь, как известно, предпочитает луга с сочной травой, то есть более влажные (опять же — вода!); в-третьих, — и это «доподлинно» было известно грекам — бог Посейдон имел еще имя Гиппий, то есть конный, и получил он ее за то, что разъезжал на четверке запряженных в колесницу коней с рыбьими хвостами. Вот почему Посейдон считался покровителем коней и коневодства, и именно к нему, как утверждает легенда, и обратился юноша Пелоп. Юноша очень хотел жениться на красавице Гипподамии, но для того чтоб получить на это право, нужно было стать победителем в состязании колесниц.

Посейдон посочувствовал юноше — подарил ему золотую колес-

ницу и крылатых коней. Тот, конечно, выиграл состязание, и в честь этого события, как утверждают греки, был сооружен в Олимпии гипподром (ипподром) — «место бега лошадей».

О лошадях-богах, об участии лошадей в различных перипетиях Олимпа и его обитателей, о важной роли этих животных греки сложили немало легенд. Можно вспомнить и крылатого коня Пегаса, и человеко-коней — кентавров. Не ушли кони из мифологии и позже, когда богов уже начали представлять в человеческом облике: они обязательно были посвящены какому-нибудь богу и являлись его спутниками или помощниками.

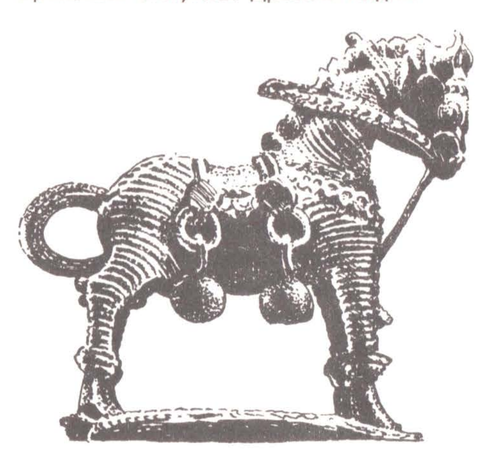
На Большом театре в Москве — колесница, которую мчат четыре коня. В колеснице — покровитель искусств бог Аполлон. Подобные квадриги можно было видеть на многих театрах. И не случайно: Аполлон — покровитель театра, а лошади — животные Аполлона.

В Греции разъезжал на лошадях сам Зевс (они тоже были посвящены ему), а в Риме — сам Юпитер!

Впрочем, боги (самые главные, конечно) вообще разъезжали на колесницах, запряженных лошадьми. И не только древнегреческие боги, но и древнеиндийские — Индра и Варуна. Кстати, в «Ригведе» (первом, дошедшем до нас памятнике индийской литературы, относящемся к X веку до новой эры) солнце называется «быстроконным», а лучи его сравниваются с развевающимися гривами коней.

Именно с грохочущих колесниц мечут огненные стрелы (молнии) хеттский Пирва и иранский Веретраген, литовский Перукунас и славянский Перун.

Священный конь.
Бронзовая статуэтка. Древняя Индия.



Потом, когда вместо Перуна появился Илья Пророк, он тоже продолжал разъезжать, грохотать на колесницах. И он, и его лошади, естественно, были почитаемы на Руси, хотя тут, кстати, долгое время не знали слова «лошадь». Воины князя Игоря, во всяком случае, очень удивились бы, узнав, что они едут на лошадях. В русский язык слово «лошадь» пришло поздно, лет 700—800 назад, из тюркских языков: конь в тюркских языках — «алаш». У славян сначала отпала буква «а», а затем «лаш» превратилось в «лошадь».

Лошадь в России — символ всего доброго и самого важного. У нее здесь были даже свои святые покровители — Фрол и Лавр.

У многих народов лошадь считалась символом плодородия. И этот символ надолго пережил религию. Уже давно забыты легенды и предания, уже никто не помнит о богах плодородия — их заменила агрономия, а на русских вышивках или кружевах часто можно видеть женщину,

держащую под уздцы двух лошадок. А чтоб не было сомнения, что это именно богиня плодородия (в общем-то, какая нам разница — были бы красиво вышитые полотенца и кружева, но традиция есть традиция), рядом с ней (или даже вместо нее иногда) вышивается дерево — символ плодородия (обычно это елочка, дерево, видимо, наиболее удобное для вышивания и опознания), а над всей этой композицией — крест или ромб как символ солнца.

Ну, уж если на то пошло — как не вспомнить подкову, приносящую счастье нашедшему ее? Наивное, но милое суеверие!

Лошадь в той или иной степени была почитаема у всех народов, знавших ее. И конечно, не случайно. Ибо роль и значение ее в жизни людей переоценить просто невозможно!

ПРОСТО ЛОШАДЬ

(лирическое отступление)

Знаменитый французский философ д'Аламбер возмущался ученым, который написал: «Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное, гордое, пылкое и проч.». Философ удивлялся — почему просто не сказать: лошадь?

Александр Сергеевич Пушкин, приводя этот пример в одной из своих статей, пишет: «Признаюсь, я почти согласен с его мнением» (то есть с мнением д'Аламбера).

Ученый, которым возмущался д'Аламбер, был знаменитый французский натуралист Бюффон. Бюффон любил и умел писать красиво. Красиво он писал о многих животных. А уж о лошади-то как не писать красиво? Да один ли Бюффон писал о лошади так?

Уже на заре коневодства люди стали воспевать, превозносить лошадей. В одной из арабских рукописей, относящихся к IV веку новой эры, было сказано: «Не говори, что это мой конь, скажи, что это мой сын. Он бежит быстрее бури, быстрее взгляда. Он чист, как золото... В темноте разглядит он волосок; он может настигнуть газель, он говорит орлу: «Я мчусь, как ты...» Он так легок, что мог бы танцевать на груди твоей любимой, не тяготя ее. Бег его так ровен и покоен, что на всем скаку на спине его ты можешь выпить чашку кофе, не пролив ни капли...» А сколько прекрасных слов сказано в поэмах Гомера о лошадях?!

Во все века, во все эпохи воспевали лошадей — их стать, их внешность, их силу, быстроту, изящество, ум, нрав. Сколько книг и поэм посвящено лошадям — сказать просто невозможно, сколько замечательных писателей вкладывали душу и весь свой талант в описание лошадей — тоже трудно перечислить. Библиотека не научной (это само собой), а художественной литературы, если собрать все, что написано о лошадях, была бы колоссальной. И все самое лучшее, что сказано о лошадях, — все правда, все самые красивые слова, обращенные к лошадям или отнесенные к ним, — все правильно.

И все-таки «просто лошадь»... Да, просто лошадь, потому что она сама по себе не нуждается ни в каких красивых словах, ни в каких пышных эпитетах.

Могут возразить: но ведь далеко не все лошади «гордые и пылкие», есть и невзрачные, коротконогие или

толстобрюхие, флегматичные и понурые... Да, есть. И были всегда. Всегда были лошади-аристократы и лошади-плебеи. И тем не менее это были лошади, которые сыграли в жизни человеческого рода огромную роль.

Дальше мы будем говорить о боевых колесницах, которые возили лошади, и о всадниках, о том, что благодаря лошадям в битвах решались судьбы народов и государств, будем говорить о чемпионах и рекордсменах, героях ипподромов. Но при этом мне хочется, чтобы все время помнили: лошади, участвовавшие в сражениях или жившие в роскошных конюшнях, — лишь часть лошадиного племени. Другие — и их было, наверное, не меньше — в это время тащили плуг или соху, везли скрипучие телеги или розвальни. Это были те самые неказистые лошаденки, на которых воины и не посмотрели бы, но без которых уже вряд ли могли бы существовать и сами воины, и страны, и государства, которые они покоряли или защищали. Не случайно же у В. Даля в «Толковом словаре живого великорусского языка» приведено около 200 пословиц и поговорок, связанных с лошадью. Наверное, подобное отношение к лошадям и у многих других народов.

А вспомним любимое заклинание, знакомое нам еще с детства: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой». Здесь сконцентрировано все: и «вещая» (знающая будущее, мудрая, умная), и готовая по первому приказу человека появиться перед ним (в сказках после этого заклинания лошадь обязательно появляется), и всемогущая, потому что, появившись, выполняет любое желание человека. И очень часто спасает его.

И ведь все это — и пословицы и заклинания — родилось в народе, где были лошади-кормильцы (потеря такого кормильца часто была равносильна смерти!), отнюдь не гордые и пылкие, а тихие, работящие, часто не досыта кормленные, но всегда безропотно работающие, работающие до полного изнеможения, если требовалось.

Нет нужды перечислять достоинства лошадей — «просто лошадей» — и говорить, как они важны. И не имеет, конечно, смысла противопоставлять одних лошадей другим. Просто надо всегда помнить (и читая дальнейшие страницы этой книги), что лошадь — второе после собаки (а в ряде случаев — и первое) животное — самый верный друг человека, самый близкий наш сосед по планете.

И если тебе когда-нибудь случится протянуть лошади кусочек сахара или корку посоленного хлеба, посмотри в ее удивительно умные и добрые, глубокие и прекрасные глаза. А когда ты почувствуешь прикосновение к своей ладони ее мягких, осторожных, ласковых губ, увидишь, как она благодарно кивнет тебе головой, — сердце твое обязательно забьется учащенно. Может быть, мысленно ты будешь подыскивать самые прекрасные слова для этого животного. Подыскивай, найди, если хочешь, произнеси их вслух, скажи их лошади. Но можешь и не говорить. А только знай: какой бы ни была лошадь внешне — это все равно и гордое, и пылкое, и умное, и прекрасное, и преданное, и работящее, и смелое, и сильное животное. Это просто лошадь!

ПОСЛЕДНИЕ ТУРЫ И ПЕРВЫЕ КОРОВЫ

Осенью 1627 года в Мазовецких лесах, лежащих между Варшавой и Гродно, часто по ночам раздавался тоскливый рев. Жители окрестных деревень с грустью прислушивались к этому реву: они знали, что это тоскует одинокая турица. Но не знали они, что эта турица — последняя на нашей планете.

Вскоре рев прекратился — животное погибло. Туры вообще перестали существовать.

А когда-то туров было много, очень много, и не только в этих лесах — по всей Европе. Еще в IX веке французский король Карл Великий «угощал» охотой на туров арабских послов; как свидетельствуют летописи, в 1000 году на туров велась активная охота в Швейцарии, и, наконец, имеется свидетельство Владимира Мономаха (а это уже XII век!), который в своем послании детям писал о том, что тур поднял его на рога, да еще вместе с конем.

Охотились на туров и позже, но они стали настолько редки уже, что в Польше, например, такая охота была привилегией лишь царствующих особ.

Правда, это не касалось графа Мазовецкого. Во всяком случае, он так считал и, будучи хозяином Мазовецких лесов, ежегодно устраивал охоту на туров. Со всех стран Европы съезжались именитые вельможи, чтобы участвовать в этой охоте или хотя бы присутствовать на ней. Туры, уже исчезнувшие во всех европейских странах, еще водились в лесах Мазовья. Но и тут они были обречены: в 1564 году там их оставалось лишь 30 голов, в 1599-м —24, через три года, в 1602-м, — всего 4, а через 25 лет пала последняя турица. Правда, имеются сведения, что еще один тур продержался до 1669 года в Кенигсбергском зоопарке. Но так или иначе — триста с лишним лет назад туры исчезли с лица Земли. Однако исчезли не бесследно.

Если посмотреть на достаточно подробную карту хотя бы нашей страны, можно увидеть немало названий типа Турово, Туров, Туров лог, Туры. (Раньше таких названий было гораздо больше.) В Польше есть Туржец, в Швейцарии Кантон Ури, на гербе которого изображен дикий бык, тоже обязан своим именем туру: по-латыни тур — урус, по-немецки — ур.

Немалую память о себе тур оставил и в языке, и в устном народном творчестве. Вспомним существующие до сих пор выражения «турнуть», «вытурить», то есть прогнать, выгнать. А это мог сделать только сильный и свирепый зверь. Наверное, таким и был тур. Не случайно же до сих пор на Украине существует поговорка «натура, як у тура». Но если географические названия помогают современным ученым понять, где водились туры, то фольклор дает возможность узнать и об их характере, и кое-что об образе жизни.

Так, например, в былине о Добрыне Никитиче говорится:

Уж ты гой еси добрый тур!
Прибегай ко мне со черных грязей,
Прибегай ко мне с болотных вод.

И в других фольклорных произведениях упоминается о том, что туры паслись на болотах, и это подтверждает предположения ученых: в лесах туры скрывались от опасностей,

в степях и на болотах — кормились.

О силе, мощи, величине тура свидетельствуют такие слова из былины:

В та поры Владимир князь
Приказал наливать чару зелена вина
в полтора ведра
В турий рог меду сладкого пол-третья
ведра...

О смелости тура рассказывается и в былинах, и в летописях. Например, в «Ипатьевской летописи» (1201) сказано: «Храбор бо бе яко и тур», а в «Слове о полку Игореве» — «Буй тур Всеволод».

Свидетельствуют современники и о могучем реве этого зверя.

Он втретье зрявкнул по-туриному:
Триста жеребцов испугалися,
С княжеского двора разбежалися, —

говорится в былине «Иван гостиный сын».

А в былине об Илье Муромце сказано так:

Он втретье зрявкает по-туриному:
А князья бояре испужалися,
На карачках во дворец наползалися.

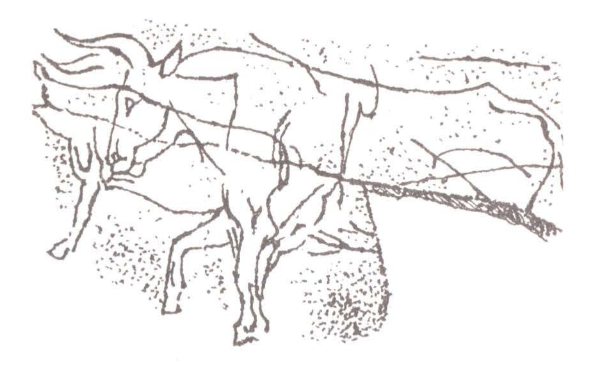
Имеются и «научные описания» тура, которого иногда называли единорогом и наделяли фантастическими чертами и свойствами. Так, в «азбуковниках» XVI—XVII веков говорится: «Зверь подобен есть коню, страшен и непобедим; промеж ушию имать рог великий, тело его медяно, в розе имать всю силу. И всегда гоним, возбежит на высоту и ввержет себя долу без напасти пребывает. Подружия себе не имать, живет 532 лета...»

Были и более достоверные описания. Так, посланник германских императоров Максимилиана I и Карла V барон Герберштейн, побывав в 1517 и 1526 годах в Москве, выпустил в 1526 году в Базеле книгу «Московия». Есть там и строки, посвященные туру. Писал их посланник с чужих слов, ну и сам от себя, наверное, прибавил немало. Так что «словесный портрет» тура получился не очень похожий, как и рисунок, помещенный в книге. Правда, тура Герберштейн все-таки видел: в Польше ему подарили мертвого зверя.

Сейчас мы можем довольно точно представить себе облик предка нашей коровы. Это были большие и могучие животные, вес которых доходил до 900 килограммов, с крупной головой и мощными, направленными вперед рогами. «Длинная шерсть черной, темно-бурой или гнедой масти, особенно густая и косматая на лбу, придавала турам довольно грозный вид. Самки были мельче, но тоже вооруженные рогами», — пишет профессор Г. К. Отрыганьев.

Туры жили и в Европе, и в Азии, и в Африке. Об этом свидетельствуют многочисленные находки различных вещей, на которых изображен дикий предок афро-азиатских коров и быков. Когда он перестал быть диким и когда его потомки стали домашними — сказать трудно. Во всяком случае, когда в Европе пала последняя турица, ее потомки уже жили рядом с человеком не одно тысячелетие. Считается, что крупный рогатый скот был приручен примерно 10 тысячелетий назад. Это, конечно, очень приблизительно, так что ошибка на тысячелетие допустима. Но если о времени приручения мы имеем хоть какое-то представление,

Наскальное изображение тура.



то где это произошло — до сих пор неизвестно.

Одно время считали, что это произошло в Древнем Египте.

Египетское государство образовалось в 3200 году до новой эры, когда отдельные разрозненные общины — номы — объединились. И с этого времени ведет свой счет египетская культура. Древние египтяне, как мы уже говорили в связи с собаками, оставили много свидетельств, в том числе и письменных, благодаря которым мы не только знаем, какие животные были в Древнем Египте, но и как с ними обращались, знаем даже, сколько животных было у некоторых египтян. Так, например, запись на гробнице главного жреца Харра, жившего примерно 4200 лет назад, сообщает, что он владел 1055 головами крупного рогатого скота. Существовали скотовладельцы, имевшие по 1300—1500 голов, а у одного было даже около 5 тысяч коров, быков и волов. Конечно, такие стада могли принадлежать только очень знатным вельможам древнего царства.

В едва появившемся египетском государстве скотоводство было уже широко развито. Значит, скот был приручен гораздо раньше. Но не в Египте, а скорее всего в прилегавших к нему землях. Одни ученые считают, что это произошло в Северной Африке и в Сахаре, которая тогда была отнюдь не пустыней, а цветущей долиной, другие называют родиной домашнего скота Судан, третьи связывают появление домашнего скота с Азией. «Во всяком случае, еще до образования египетского государства, — пишет С. Н. Боголюбский, — на обширных сопредельных с этим будущим государством землях животноводство уже окрепло».

Недавние открытия советских ученых позволяют предположить, что впервые рогатый скот был одомашнен в Двуречье. Во всяком случае, именно там, в Санджарской долине, на территории теперешнего Ирана, появилась одна из первых земледельческих культур и именно там — в слоях земли, относящихся к VI тысячелетию до нашей эры, — советские археологи нашли кости крупного рогатого скота.

Но может быть, и не только там — ученые считают сейчас, что приручение тура происходило сразу в нескольких местах в Азии. Не исключено, что приручали его и в Европе.

Однако если археологические находки могут указать, где это происходило, могут подсказать, когда это могло произойти, то, как это произошло, нам никто не укажет и не подскажет.

Правда, туры издавна занимали значительное место в искусстве и устном народном творчестве людей (о русских былинах мы уже говорили), о них сообщалось в летописях. Но всюду имеются сведения лишь об охоте на них. Охоту на туров описы-

вали и греческие писатели, о турах говорит и Юлий Цезарь, рассказывая о своих походах.

Даже такие детали, как использование турьих рогов (в римской армии для сигнализации, у скифов они служили сосудами для питья), известны нам. Неизвестно лишь, как происходило приручение.

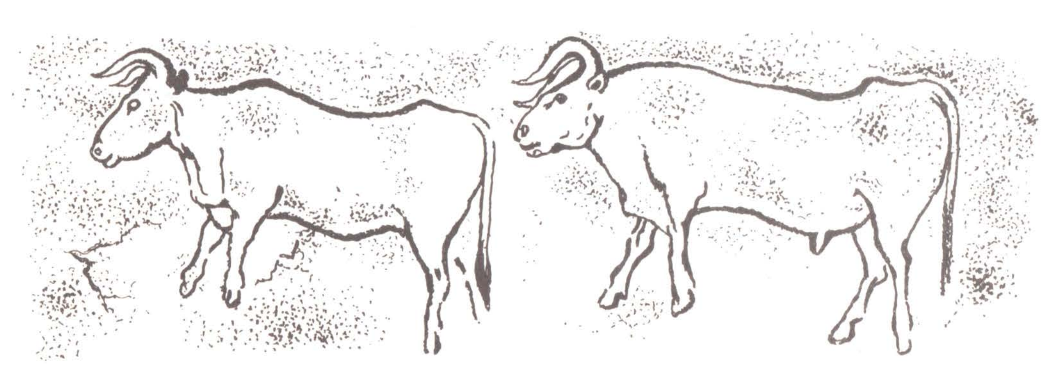
Конечно, описывать или изображать охоту куда интереснее, чем рассказывать о приручении. Да и как о нем расскажешь, если продолжалось это долго, наверное не одно столетие. Правда, до нас дошли описания ловли диких быков, которых, по мнению некоторых современных ученых, после поимки приручали. Делалось это так: всадники окружали дикого быка, подгоняли его к яме, перед которой лежали намасленные воловьи шкуры, и тур, соскальзывая с них, падал в яму. Там его морили голодом до тех пор, пока обессиленное животное не становилось покорным.

Возможно, так на туров и охотились, возможно, таким образом и брали их живыми. Но вряд ли таким образом можно было приручить взрослое животное.

Хвастливое заявление ассирийского царя Тиглатпаласара I (1200 г. до н. э.): «Я брал молодых риму (то есть туров) и разводил от них стада» — лишь подтверждает, что «взять» можно было только молодых туров. Взрослых же убивали. Что же касается стад, которые якобы разводил ассирийский царь, то это могли быть и стада диких животных, пойманных, а затем выпущенных на новом месте и размножившихся там.

Конечно, нельзя поручиться, что Тиглатпаласар I, точнее, те из его придворных, которым была поручена забота о скоте, не пытались приручить диких туров или с их участием вывести какую-то новую породу. Ведь известно же, что Александр Македонский прислал из Индии в Македонию стадо в 23 тысячи голов азиатских горбатых коров зебу для того, чтобы этих животных разводили в Греции или вывели с их помощью новые породы. Очевидно, подобные попытки делались не раз, и, возможно, приручение диких туров и выведение с их помощью новых пород имело успех. Но все-таки это было только приручение, а если и создавались новые породы, то,

Наскальное изображение коровы и быка.



главным образом, с помощью уже ранее одомашненного скота. А вот как были сделаны самые первые шаги в скотоводстве, как появилась у людей первая корова — мы не знаем, видимо, не узнаем никогда и можем только предполагать, только строить догадки с относительным процентом достоверности.

Возможно, тут была некоторая аналогия с приручением волка. Правда, волки были приручены гораздо раньше — первобытным человеком, туров же приручили люди, стоявшие уже на гораздо более высокой ступени цивилизации. Но несомненно, что туры попадали к людям в очень раннем возрасте. Кроме того, одомашнивание стало возможным потому, что они были стадными животными, нуждались в «вожаке», в стаде. И вожака и стадо заменил ему человек.

Однако при наличии принципиального сходства есть и существенное отличие: собаку человек приручил почти интуитивно, еще не представляя, какую это принесет ему пользу. Одомашнивать крупный рогатый скот человек стал сознательно, когда для этого уже появились социально-экономические предпосылки и тур стал ему нужен.

СВЯЩЕННЫЙ АПИС И БОЖЕСТВЕННАЯ ИЗИДА

С появлением одомашненного рогатого скота появился и его культ.

Мы уже много говорили о культе животных и сейчас не будем повторяться, не будем говорить об его истоках и возникновении, о роли его в сознании людей. Скажем лишь, что долгое время среди западно-европейских ученых было распространено мнение: причиной одомашнивания животных служили религиозные, мистические мотивы. Первобытный человек, теряясь перед силами природы, поклонялся всему подряд, поклонялся и животным. А ухаживая за священными животными, он, в конце концов, приручил некоторых из них и одомашнил.

Сейчас эта теория опровергнута (хотя никто не отрицает мистического отношения первобытных людей к животным). Однако проблемы одомашнивания никак нельзя связывать с первоначальным культом. Мы уже видели, что собаке люди начали поклоняться после того, как она стала жить рядом с человеком, кошка тоже стала богиней, уже будучи домашним животным. В еще большей степени это относится к коровам.

Культ коров и быков был у многих народов. Но, пожалуй, одним из самых активных он был в Египте.

По утверждению египетских жрецов, душа одного из основных богов египтян — бога Озириса поселилась в быке, а душа его сестры — Изиды — в корове. И неудивительно поэтому, что бык занял первое место среди священных животных Египта. У священного быка было много имен: каждый город, поклонявшийся быку (в Египте у многих городов были свои, особо чтимые животные), давал ему свое имя. Но наиболее известны имена священных быков Мневиса и особенно — Аписа.

В Египте вообще быки пользовались большим уважением. Однако священными были далеко не все. Священными объявлялись лишь быки, отвечающие целому ряду требований (а их было около 30). Например, на правой стороне у него долж-

но было быть пятно, похожее по форме на луну, а под языком — узел, который египтяне называли «жуком». Шерсть у быка должна была быть черной и жесткой, на лбу — квадратный пучок белой шерсти, на спине — пятно, напоминающее по форме орла, конец хвоста должен раздваиваться. Не легко было найти такого быка! Но жрецы умели выходить из положения, и когда оказывался нужным бык со священными признаками, его находили довольно быстро. То ли жрецы «подделывали» обыкновенного быка, то ли заранее припрятывали «священного», но почитатели Аписа не долго дожидались нового божества.

Найденного священного быка с почестями препровождали в храм, где он становился предметом поклонения. Двадцать пять лет проводил бык в роскошном храме, украшенном золотом, серебром, драгоценными камнями, совершал прогулки по парку, устроенному специально для этого вокруг храма, питаясь только отборным зерном, купаясь в благовонных ваннах. Через двадцать пять лет быка умерщвляли — топили в бассейне, так как душа Озириса не могла больше находиться в старом теле.

Правда, в последнее время появились сообщения, что обнаружены захороненные священные быки, которые, как установлено специалистами, умерли в гораздо более почтенном возрасте, и это опровергает общепринятую точку зрения о двадцатипятилетнем «царствовании» священных быков.

Утопив быка, жрецы в знак траура брили себе головы, облачались в траурные одежды и отправлялись на поиски нового «вместилища души бога». Но мертвого не выбрасывали — в нем же двадцать пять лет жила душа Озириса! А когда Озирис слился с другим очень важным богом Египта — Пта, — слава и величие Аписа еще больше возросли. Но куда девались трупы утопленных быков, долгое время было неизвестно ученым.

Неизвестно, пока в 1851 году французский археолог Огюст Мариет не занялся раскопками на левом берегу Нила, вблизи Каира. Мариет начал раскопки в долине Саккара не случайно — он предполагал, что его ждут интересные находки. Но то, что он нашел, превзошло все ожидания. Сначала из-под земли возникла целая аллея сфинксов. Затем был найден полуразрушенный храм, у подножия которого оказался вход в подземелье. Подземелье представляло собой огромный, длиной в 350 метров, коридор, по сторонам которого, в особых нишах, находились колоссальные — длиной в четыре, шириной в два, высотой в три метра — саркофаги из красного и черного полированного гранита. (Потом выяснилось, что вес такого саркофага был не менее шестидесяти пяти тонн.) А в саркофагах лежали мумии священных быков. В течение полутора тысяч лет хоронили здесь священных Аписов, живших в храме города Мемфиса.

Однако, как ни многочисленны и как ни почитаемы были боги у египтян, у индусов их было не меньше. И почитали их тоже не меньше.

Индусы верили в переселение душ. Они считали, что человеческое тело — это только оболочка, в которой находится бессмертная душа. После смерти человека (оболочки)

душа покидает ненужное уже помещение и переселяется в животных. И вот бегает, например, по улице собака. Собака как собака. А может быть, в ней поселилась чья-нибудь душа? А чья — как узнать? Или другой пример: умер всеми уважаемый человек. Его душа куда-то переселилась. А куда? Вокруг полно животных, и в одном из них поселилась душа уважаемого человека. Ударишь, допустим, козла или убьешь какую-нибудь птицу, а оказывается, ударил или убил носителя души того, к кому и мысленно не смел притронуться!

Трудно приходилось индусам: ведь даже сам Брама, создатель Вселенной, не раз перевоплощался в животных, был и вороном и воробьем. А главный индусский бог Вишну перевоплощался то в рыбу, то в черепаху, то в кабана или свинью. Попробуй-ка, тронь их!

Грозный бог Шива, по представлению индусов, часто ездил на белоснежном быке. Древнеиндийская миниатюра.

Но даже если это животное не бог и если в этой свинье или черепахе еще не успела поселиться чья-нибудь душа (а как это узнать?!), то все равно животное опасно трогать: ведь боги многими из них пользуются для верховой езды.

Если же некоторыми и не пользуются для верховой езды — у них все равно имеются немалые заслуги. Например, благодаря обезьянам бог Вишну одержал победу над страшным и злым великаном. Вишну заключил союз с обезьяньим царем, и тот прислал на помощь богу многочисленные отряды обезьян и медведей.

У тех, у кого нет подобных заслуг, имеются другие. Например, слоны (их семь) держат на своих спинах Землю. Сами же они в свою очередь стоят на спине черепахи.

Если же, наконец, зверь не бог, не вместилище чьей-то души, если он не участвует в сражениях и не поддерживает Землю, то является символом. Например, лев — символ силы, собака — бдительности, петух и павлин, кроме бдительности, олицетворяли еще и гордость, белый бык — справедливость и добродетель и т. д. Были и злые символы — тигр, ворон, змея. Символы опять-таки нельзя трогать!

Короче говоря, список священных, пользующихся уважением или неприкосновенностью животных был почти безграничен. И по-настоящему верующий не мог ни убить, ни уда-

рить животное, он должен был питаться только растительной пищей, должен сворачивать с дороги, чтобы не раздавить червяка. Ни блоху, ни комара, ни муху не мог убить истинно верующий! Еще совсем недавно в Индии можно было увидеть людей с марлевыми повязками на лицах — чтоб случайно не проглотить мошку!

Да, трудно было быть истинно верующим. Поэтому уже в далекой древности научились люди обходить священные законы, и действительно неприкосновенных животных оставалось не так уж много. Среди них первые места занимают корова, белый слон и обезьяны.

Корова — символ доброты и верная подруга главного бога Вишну — пользовалась исключительным почетом. Самое богатое воображение не могло придумать больше того, что придумали индийские священнослужители — брамины. Почести, воздававшиеся быкам и коровам в Египте, ничто по сравнению с почестями корове в Индии.

Огромные статуи лежащих священных быков возводились в Древней Индии прямо под открытым небом.

Индия — страна, когда-то населенная дравидами, была одной из самых развитых. Уже в начале третьего тысячелетия до нашей эры дравиды вели обширную торговлю, занимались земледелием, имели ирригационные системы, у них были прекрасно развиты ремесла.

В середине второго тысячелетия до нашей эры в Индию вторглись арии, вторглись со своими огромными стадами, которым эти скотоводы-кочевники уделяли главное внимание. С приходом ариев крупный рабочий скот прочно вошел в быт Индии. Скота становилось все больше и больше. Вождь племени назывался «гопати», что значит — обладатель коров», слово «война» — «гавишти» — переводилось как «стремление приобрести коров». То есть войны объявлялись для того, чтобы захватить побольше скота.

Чтобы создать пастбища, стали даже выкорчевывать целые участки джунглей. Вместе с тем все больше укреплялся в стране культ животных.

Даже дождь, считали индусы, не что иное, как молоко небесных коров, которых с громом доит властелин неба бог Индра. А оканчивается гроза часто радугой — «гопати тахоной», что в переводе значит «супругом коровы».

Самым тяжким преступлением в Индии считалось убийство брамина. Умышленное, преднамеренное убийство коровы приравнивалось к убийству брамина! И конечно, каралось смертью. Если же убийство коровы совершалось случайно, то преступник мог искупить свою вину следующим образом: обрив голову,

Ритон — священный сосуд из кносского дворца на Крите. Сделан в виде головы быка.

он в течение месяца должен был жить среди коров, питаясь лишь зернами ячменя и укрываясь шкурой убитой им коровы. В течение следующих двух месяцев он мог есть по вечерам раз в два дня небольшое количество других зерен без соли. Он должен был следовать каждый день за коровами и дышать пылью из-под копыт и т. д. и т. п.

«Кроме того, — предписывает священное законодательство, — преступник по окончании покаяния должен представить десять коров и одного быка, или если у него нет на это средств, то он должен отдать все свое состояние браминам».

Правда, там, где господствует буддийская религия, корову не считают священной — она священна лишь там, где браминская религия. И там часто культ коровы принимал самые уродливые формы. Истинное назначение коров забывалось, животные становились фетишем. Они уже не только переставали служить человеку — они превращались в обузу. Особенно ярко проявился культ животных, и в частности коров, в Индии. Не изжит он там и до сих пор.

Как считают специалисты, Индия, занимающая одно из первых мест в мире по количеству коров (в стране их насчитывается в настоящее время примерно 200 миллионов голов), могла бы выручать от экспортирования говядины огромные суммы. Однако в стране действует закон, запрещающий убивать коров. И 99% этих животных умирает от старости. Естественно, что их мясо непригодно в пищу, молока такие коровы тоже не дают. (Лишь 10% коров, имеющихся в Индии, дают молоко.)

Правда, положение постепенно меняется, и, хоть кровавые «коровьи бунты», которые не раз «в защиту коров» поднимали религиозные фанатики, не такое уж далекое прошлое, передовые люди Индии ведут упорную борьбу за обновление поголовья скота, за отмену закона о неприкосновенности коров. Ведь это не просто частный вопрос сельского хозяйства — это вопрос здоровья и жизни сотен тысяч людей!

Культ быка был широко распространен и у древних иранцев. В священной книге зороастрийцев Авесте говорится, что священный бык был покровителем скота и воды (самое главное в жизни людей того времени в тех местах). Но бык был не только покровителем — он был и создателем. Правда, как повествует легенда, сначала создали его самого. Создал быка и человека верховное божество

зороастрийцев Ахурамáзда. А уж потом бык и человек стали создавать остальной мир. Создавали три тысячи лет — им все время мешали злые силы и в конце концов погубили быка. Но из погибшего быка, точнее, из его тела вырастают 55 видов зерна и 12 лечебных растений, корова и бык. А от них, в свою очередь, пошли все полезные животные — 272 вида, как утверждает Авеста.

Египтяне оставили нам своеобразную энциклопедию своей жизни в виде многочисленных изображений на гробницах и стенах храмов. Арии, покорившие дравидов и в конечном счете смешавшиеся с ними, оставили потомкам Веды — священную книгу — не менее подробную и полную энциклопедию, позволяющую судить о развитии народов, об их верованиях, нравах, обычаях, культуре, хозяйстве.

Шеду — фантастический крылатый бык. Древняя Ассирия.

Такой же своеобразной энциклопедией, рассказывающей о культуре, хозяйстве и быте народа, населявшего один из крупнейших островов Средиземного моря — Крит, является лабиринт «царя Миноса» — развалины дворца в городе Кноссе.

Фрески и рисунки, многочисленные печати и предметы быта, на которых изображены животные, дают нам достаточно полное представление не только о самих животных, но и об отношении к ним людей, о той роли, которую играли животные на Крите. Мы знаем теперь, что там существовал бой быков — «тавромахия», что быки там участвовали в цирковых представлениях. Имеются изображения акробатов, исполняющих опасные трюки между рогами быков. И это, кстати, было не просто развлекательное зрелище — эти игры с быком были связаны с культом плодородия. Наконец, мы знаем и о том, какое хозяйственное значение имели коровы и быки на Крите.

На Крите родился и миф о чудовищном полубыке-получеловеке Минотавре, которого победил Тезей.

На континенте — в соседней Греции — бык был посвящен Зевсу (Зевс даже иногда принимал облик быка, как, например, в мифе о похищении Европы), а корова — богине Луны — Селене и «волоокой» Гере. У древних греков (кстати, как и у некоторых других народов) изогнутые рога коровы символизировали молодой народившийся месяц.

Литературные памятники, монеты, предметы быта, скульптуры и фрески рассказывают о скотоводстве в Греции и Риме и подтверждают роль, которую играли животные в жизни и сознании людей.

Корова была древнейшим символом богини Иштар в Вавилоне. А имя ассиро-вавилонского божества Мардук истолковывается как «телец солнца».

Не случайно каменные изображения крылатых быков украшали храмы в Ассирии и Персии — там тоже был культ быков и коров.

Поклонялись быкам и коровам и в Европе: германцы считали белых коров священными, а скандинавы были уверены, что мир и людей сотворила гигантская корова Аудумбла.

Почитались коровы и у других народов, можно рассказать и о разных обрядах, связанных с этими животными, о жертвоприношениях священных коров и еще о многом. Но и сказанного достаточно, чтобы понять, какое место коровы и быки занимали в сознании людей.

И ведь не зря!

В нашей душе должно гореть
благородное желание — вложить что-нибудь
от себя в ту богатую сокровищницу истины,
нравственности и свободы,
которую мы получили от наших предков
и которую должны передать обогащенную
нашим потомкам...

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИЛИ ОТНОШЕНИЕ!

Поскольку домашние животные, и в частности — собаки, уже очень давно живут рядом с человеком, можно было бы и не останавливаться на этом вопросе: животные, прирученные или одомашненные человеком, служат ему, человек в той или иной мере заботится о них.

Все правильно. И тем не менее давай все-таки немного задержимся на вопросе взаимоотношений человека и собаки.

Если говорить о собаках, тут ответ однозначный: собака — верный друг и помощник человека, преданный ему по самой своей сути. И если есть отклонения (злобная или угрюмая, эгоистичная или неконтактная собака) — вина в этом человека, и только его! Собака служит человеку на протяжении многих тысячелетий без малейшего отклонения.

Человек — дело другое. Не будем сейчас говорить об отдельных людях — о тех, кто жесток с собаками, или нетерпим к ним, или любит собак до самозабвения и любовь эта принимает уродливые формы. Скажем чуть ниже об этом. Сейчас посмотрим на отношение к собакам вообще.

Знаменитый французский ученый Ж. Кювье заявил, что «собака составляет самое замечательное, совершенное и полезное из всех приобретений, какие когда-либо сделал человек. Весь вид в целом сделался нашей собственностью; каждая особь его вполне принадлежит человеку, своему хозяину, сообразуется с его потребностями, знает и защищает его имущество и остается верной ему до самой смерти. Все это она делает к тому же не из нужды, не из боязни, но исключительно из чистой любви и привязанности...». И тем не менее этот же самый Кювье определил отношение человека к домашним животным как к рабам!

Такая точка зрения была распространена очень широко. И не только потому, что ее высказал сам Кювье. Рабы! А раз так — и обращаться с животными следут, как с рабами. (Рабы, конечно, тоже были всякие — одних любили, других — нет, одними не дорожили, другими дорожили, и, может быть, даже очень. Но все равно они были рабы!)

Профессор К. Келлер, крупнейший специалист прошлого века по домашним животным, научно обосновал неверность подобного утверждения. Но уже то, что даже в XIX веке потребовалось научно обосновывать это, — показательно. А Кювье жил в XVIII веке. И сколько времени до Кювье существовала такая точка зрения? И потом вряд ли

все сразу согласились с профессором Келлером и русским ученым, профессором Ф. Кулагиным и еще многими, стоявшими на иных, нежели Кювье, позициях.

Но конечно, была и другая точка зрения. Члену французского революционного Конвента профессору Боссе принадлежат такие слова: «По твоему отношению к собаке я узнаю, что ты за человек».

Вот так: в одном случае — раб (пусть верный и умный, преданный и полезный, но тем не менее — раб), в другом случае — друг безо всяких оговорок, друг, отношение к которому определяет и твои человеческие качества!

Две точки зрения, наверное, появились очень давно. Существуют, безусловно, и сейчас. Да, и сейчас есть люди, которые видят в собаках лишь своих слуг, так или иначе облегчающих жизнь. И если эти люди заботятся о собаках, то только потому, что собаки им нужны, потому что собаки приносят людям пользу.

Еще существуют люди, которые считают, что на земле должны остаться только «полезные» собаки, то есть те, которые помогают на охоте или сторожат имущество, разыскивают преступников или вытаскивают утопающих из воды. Эти люди не понимают, зачем нужны остальные, видят в них лишь ненужных нахлебников.

Есть люди, которые не любят собак. Не любят просто потому, что вообще не любят животных. Это — не дело вкуса. Тут какая-то духовная ущербность. Но тем не менее — насильно мил не будешь!

Есть люди, которые не любят собак по каким-то конкретным причинам. Иногда причины могут быть даже уважительные: например, когда-то, скорее всего в детстве, собака напугала человека и неприятные воспоминания, или настороженность, или даже боязнь остались на всю жизнь. У этих людей есть оправдания. И определение профессора Боссе к ним не применимо.

На отношении к собакам проявляются человеческое равнодушие и эгоизм, воинствующее мещанство и жестокость. Ведь есть люди, которые на собаке — безмолвном и зависимом существе — вымещают свою злобу на кого-то или на что-то, «отыгрываются» за свои жизненные неудачи, удовлетворяют низменное чувство кого-то мучить, над кем-то издеваться, властвовать! На отношении к собакам проявляется черствость — наигравшись со щенком, его выбрасывают на улицу, обрекая на голод и холод. А ведь эта собака уже привыкла к человеку, полюбила его, уже не может без него обходиться. Черствые люди не думают, что у этой собаки есть сердце, что оно — живое, оно может сжиматься в тоске и болеть от горя!

Мещанин, в самом дурном смысле этого слова, не способен понять, как вообще можно любить четвероногих, к тому же таких, от которых не получаешь пользы.

Оговоримся сразу — речь идет не о какой-то конкретной собаке, а о собаках. Здесь — большая разница. Можно любить свою собаку (и мещанин на это способен). Свою игрушку, забаву, свою собственность. А остальных — ненавидеть. Такое нередко бывает. И мы — не об этом. Мы — не о любви к своей собаке, мы — о любви к собакам, своим и чужим, знакомым и незнакомым, близким и далеким, собакам —

представителям животного мира, которые ближе всех к нам. Мы — о любви к самым ближайшим нашим соседям по планете.

Мещанину этого не понять. Да он и не хочет понимать. Мало того — он не хочет держать свою философию при себе. На то он и воинствующий мещанин — он хочет свое отношение к миру вообще и к животным в частности навязать другим. Мещане часто прикрываются красивыми словами, маскируют свою философию демагогией. Но она все равно видна.

Ведь приходится слышать даже такое: мол, любовь к животным, в частности к бесполезным собакам (то есть тем, от которых нет практической пользы), порождает сентиментальность, слабость, а мы должны воспитывать сильных, смелых, твердых людей.

И не понимают эти проповедники жестокости и воинствующие мещане, что по-настоящему сильным и смелым может быть лишь человек добра, может быть лишь гуманный человек. И если он берет в руки оружие, то в первую очередь должен твердо знать и понимать, для чего он берет его, понимать, что делает он это во имя жизни, во имя добра.

Именно такими людьми были наши бойцы и командиры, сражавшиеся с фашистами во время Отечественной войны, именно под этим девизом борются все честные люди планеты за мир, и их твердость, решимость, мужество неразрывно связаны с высшими принципами нравственности и гуманизма.

Фашистские главари, чьи имена прокляты всеми народами Земли, воспитывали убийц, давая молодчикам из гитлерюгенда выращивать щенков. И когда собака подрастала, привязывалась к своему хозяину, а он — к ней, будущему эсэсовцу вручался пистолет и он должен был публично застрелить свою собаку. Это был экзамен, экзамен на жестокость. Выдержавшие такой экзамен фашисты спокойно пытали и расстреливали, вешали и посылали в газовые камеры тысячи людей.

Мещанин начеку, он может тут же ухватиться за такую мысль: вот, мол, отношение к собаке не показатель — ведь будущие эсэсовцы хоть и стреляли в своих собак — любили их. Или еще: разве не любят своих питомцев полуобезумевшие от этой любви миллионеры и миллионерши, кормящие их на золотых блюдах, оставляющие им колоссальные наследства и так далее?

Все так. Но ведь уже говорилось о любви к своей собственности, к своим игрушкам, которыми для них являются собаки. А мы за другую любовь к собакам. За ту, о которой очень точно сказал Конрад Лоренц: «Прекрасна и поучительна только та любовь к животным, которая порождается любовью ко всякой жизни и в основе которой должна лежать любовь к людям. Только те, кто способен чувствовать именно так, могут дарить свою привязанность животным без нравственного ущерба для себя».

Время — главный судья произведений искусства, литературы. В нем безвозвратно тонут слабые, малохудожественные произведения, оно же сохраняет лучшие произведения человеческого таланта. Среди лучших произведений мировой литературы, сохраненных временем, — немало книг о собаках.

Специалисты определили: за свою жизнь человек может прочитать примерно десять тысяч книг. А чтоб собрать и прочитать все, что написано о собаках, не хватит, наверное, и тысячи человеческих жизней. Ведь о собаках написаны стихи, поэмы, рассказы, повести, романы. Нет, пожалуй, ни одного крупного писателя, который хотя бы несколько страниц не посвятил собакам.

О собаках написано множество трактатов, научных исследований, рефератов. Нет такого культурного народа, который не имел бы своей кинологической литературы, который бы сейчас всерьез не занимался собаководством. Вопрос пользы собак, их утилитарного применения, сейчас уже нельзя отрывать от нравственных вопросов. И не только потому, что, плохо относясь к собакам, мы плохо относимся к своим друзьям и совершаем фактическое предательство, но и потому, что собака — самый близкий нам представитель животного мира, а «любовь к животному миру — это эстетическое чувство, формирующее взгляды, вкусы. Утрата этих вкусов равносильна утрате счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее — на нравственных качествах». Так писал Чарлз Дарвин.

«СВЯТЫЕ СОБАКИ» И БАРРИ

Рассказ о собаках, которые помогают людям в самых разных областях, мы начнем не с самой массовой (хотя и очень важной) собачьей «профессии». Однако начнем именно с нее потому, что одна из собак этой «профессии» стала поистине легендарной и ей поставлен памятник.

Памятников собакам поставлено немало — мы о некоторых расскажем. Считают, что самый первый памятник собаке был поставлен в IV веке до н. э. у города Коринфа. По преданию, собака по кличке Соэтр разбудила гарнизон города, когда к нему неслышно подкрался неприятель.

Враг был отброшен, а Соэтр удостоился памятника при жизни и серебряного ошейника с надписью: «Защитнику и спасителю Коринфа».

Но если памятник Соэтру, возможно, самый древний, то памятник Барри, несомненно, самый знаменитый. Он сооружен почти сто семьдесят лет назад и стоит на одном из кладбищ в Париже. На каменном постаменте огромный пес и доверчиво прижавшийся к нему ребенок. Надпись на постаменте гласит: «Барри, спасшему сорок человек и убитому сорок первым».

Но прежде чем рассказывать историю памятника Барри, поговорим об истории породы собак, к которой относился знаменитый Барри.

Сейчас эта порода известна — сенбернары. А в середине XVII века, когда впервые эта собака была изображена на картине итальянского художника Сальватора Роза, она так не называлась. И позже, когда в 1707 году в одной из книг-хроник появляется упоминание о засыпанной снегом собаке, она тоже не называлась еще сенбернаром. Сенбернарами эти собаки стали лишь с XIX века. Раньше их называли «святыми собаками» и альпийскими, приютскими собаками и лавинными догами, мастифами и догами святого Бернара. И все названия подходили: собаки действительно жили

в Альпах, разводили их в монастырском приюте, который был назван в честь его основателя Бернара Ментонского, они действительно ведут свой род от догообразных собак мастифов и действительно жизнь их самым непосредственным образом связана с горными лавинами.

А теперь по порядку.

В Альпах есть перевал, именуемый сейчас Сен-Бернарским. Через этот перевал проходила дорога, связывавшая Италию с остальной Западной Европой. Несмотря на то что путь этот был известен очень давно — римляне знали его еще 2 тысячи лет назад и называли Суммус Поеннинус, — дорога представляла собой фактически узкую каменистую тропу с многочисленными обрывами. Уже одно это делало путь трудным. А ведь к тому же проходила дорога через перевал на высоте двух с половиной тысяч метров. И это не все: в тех местах зима длится 8—9 месяцев, а средняя годовая температура минус 1,3 градуса. Даже летом тут идет снег; зимой же, когда столбик термометра опускается до минус 35 градусов, когда снежные бураны и лавины бушуют почти постоянно, дорога становится почти непроходимой. И уж безусловно, очень опасной. Тем не менее люди шли по ней — другого пути не было. И естественно, что, застигнутые в дороге, люди часто гибли под сорвавшимися лавинами, замерзали, заблудившись в буране.

В X веке на перевале по распоряжению Бернара Ментонского был основан монастырь и приют для странников. (Позже, после смерти, Бернар был канонизирован, объявлен святым, отсюда и перевал и монастырь на нем стал называться Сен-Бернар — Святой Бернар.) Стремясь подчинить себе как можно больше людей, церковь использовала все средства, использовала она, естественно, и перевал Святого Бернара. Монахи давали приют путникам в монастырской гостинице, одновременно узнавая все о них. Но, безусловно, и помогали попавшим в беду.

Мы не знаем точно, когда монахи завели себе четвероногих помощников. Уже говорилось, что достоверные сведения относятся к середине XVII века, но, судя по тому, что уже тогда собаки были хорошо обучены и прекрасно знали свое дело, появились они на перевале, очевидно, гораздо раньше (по некоторым, хотя и не проверенным, сведениям даже в XIII веке). Во всяком случае, на выработку специфических, необходимых для работы на перевале, качеств ушло немало времени. Действительно, собаки не только были сильные и выносливые — такими они, видимо, уже попали на перевал. Но они еще обладали и удивительным чутьем (людей под снегом чувствовали на глубине трех метров), отличались необыкновенной способностью ориентироваться в горах (именно в горах, что особенно трудно) и быстро находить дорогу домой во время бурана или сильного снегопада, когда любые следы моментально засыпались. Наконец, они заранее чувствовали приближение непогоды. При этом они не прятались, а, напротив, старались выбраться из своих укрытий.

Монахи патрулировали дороги вместе с собаками, но часто, особенно в непогоду, собаки работали самостоятельно. Именно в непогоду: будто чувствуя, что как раз в это вре-

мя кто-то особенно нуждается в их помощи, они уходили в горы добровольно. Уходили в ночь, в буран по три-четыре собаки, искали попавших в беду. Если находили — две ложились рядом, стараясь отогреть замерзшего человека, другие бежали к людям, чтоб привести их к попавшему в беду.

Сохранился список спасенных собаками людей: 2500 человек. (Возможно, он не полный — по другим сведениям, собаки спасли более 3 тысяч человек.) Среди собак были свои знаменитости, свои чемпионы. Многие люди обязаны жизнью собакам, имена которых мы сейчас знаем, — Юпитеру, Драго, Тюрку, Льву. Лев среди них был особенно знаменит — он спас 35 человек. Но самым знаменитым был Барри, тот самый, который «спас сорок человек и был убит сорок первым».

Рассказывали, что это произошло так. Однажды разыгрался сильный буран. Собаки, вышедшие на поиск попавших в беду людей, одна за другой возвращались в монастырь — они были измучены в борьбе со стихией, обессилены и больше не могли работать. И только Барри продолжал пробиваться сквозь пургу. Видимо, чутье подсказывало ему: кто-то нуждается в помощи. И чутье не обмануло Барри: в конце концов он обнаружил засыпанного снегом человека. Раскопав его, пес стал тормошить замерзающего, лизать его лицо. Сознание стало возвращаться к человеку. Но, открыв глаза и увидев совсем близко от себя собачью морду, человек решил, что перед ним волк. Достав пистолет (по другой версии — нож), человек убил Барри. Это и был сорок первый, спасенный собакой...

Труп Барри торжественно перевезли в Париж и похоронили со всеми почестями на специальном собачьем кладбище.

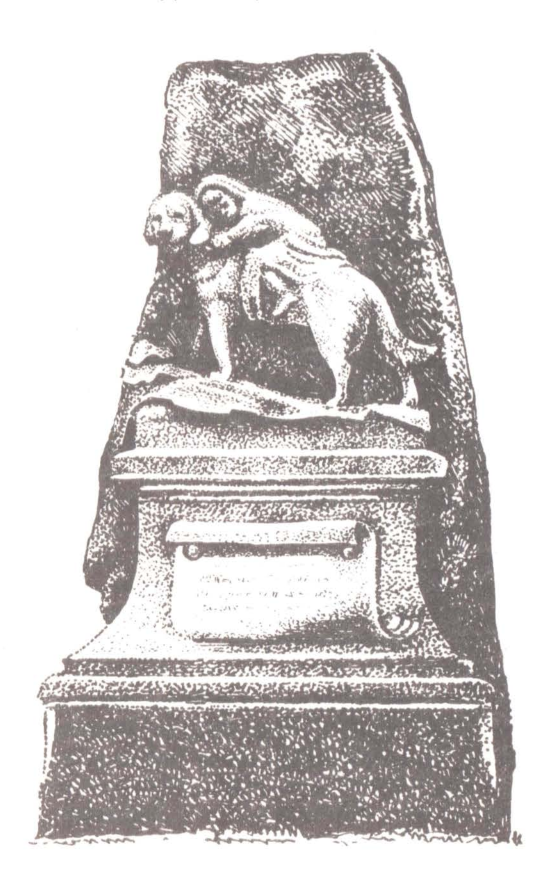
Однако есть и другая версия. Говорят, что Барри действительно спас сорок одного человека. Только сорок первый не убил его: сорок первым был ребенок. Никто не знал, что ребенок попал в беду. Неизвестно, как он очутился один на перевале так далеко от жилья. И только старый Барри чувствовал, что ему надо спасти малыша. Он успел вовремя: ребенок хоть и потерял сознание, но был жив. Барри лег рядом, стараясь согреть ребенка, долго, упорно лизал его лицо. И малыш очнулся. Но был так слаб, что не мог встать и лишь обхватил собаку за шею. И тогда Барри стал медленно и осторожно тащить его. Старому Барри было очень тяжело. Ребенок понял это и взобрался на спину собаке. Так пес и доставил его к людям.

А Барри, прослужив двенадцать лет, умер в 1812-м собственной смертью. Доказательством тому — чучело этой собаки, находящееся в музее. И еще одно доказательство: свидетельство очевидца — известного в прошлом веке и совершенно забытого ныне писателя и натуралиста Шейтлина, которого очень уважал и высоко ценил А. Брем.

«Самой славной из собак была не та, которая при осаде Коринфа разбудила стражу акрополя, не собака разбойника, которая по приказанию своего хозяина провела робкого путника через большой и темный лес; не та, которая дала знать мельнику, что ребенок его упал в реку; не собака, бросившаяся в Варшаве с моста в Вислу, чтоб спасти жизнь уто-

павшей малютке-девочке; не собака Обри, которая чуть не растерзала в присутствии короля убийцу своего господина; не собака Бенвенуто Челлини, разбудившая мастера, когда хотели украсть драгоценности, а Барри — благородная собака Сен-Бернарского монастыря. Да, Барри, ты был лучшей из всех собак, лучшим из всех животных! Ты был великой, человеколюбивой собакой... Ты спас жизнь более 40 человек!.. Ты каждый день выходил из монастыря в метель и оттепель, чтоб

Памятник Барри в Париже.



искать занесенных снегом или засыпанных лавинами... Если тебе самому не удавалось отрыть их, ты спешил домой, чтоб позвать монахов с лопатами. Ты не рыл могилы для мертвых, но ты способствовал воскрешению. Ты, как человек с прекрасной душой, умел выражать свое участие и внушать доверие. Иначе маленький мальчик, вырытый тобой из-под снега, никогда бы не осмелился влезть тебе на спину... Лишь только сняли с тебя драгоценную ношу, ты снова пошел на новые поиски. Каждое удачное спасение делало тебя все более опытным... ты выказывал все большее участие к несчастным... Как умел ты ободрить и утешить их! Я хотел бы дать тебе язык, чтоб люди могли поучиться у тебя. Я имел честь познакомиться с тобой в монастыре. Разумеется, я почтительно снял шляпу перед тобой... Теперь ты умер и тело твое стоит в бернском музее. Город хорошо сделал, что, когда ты состарился, стал слаб и не мог больше служить людям, кормил тебя и берег, пока ты не умер. Кто увидит теперь в музее твое чучело, должен снять шляпу и купить твой портрет и под стеклом повесить его на стене своей комнаты. Пусть покажет он своим детям и ученикам картину, где с ребенком на спине ты стоишь и звонишь у ворот монастыря, и пусть скажет им — делайте и вы то же, что делала эта собака».

Я привел эту большую цитату не только для того, чтоб еще раз прозвучали благодарные слова в адрес Барри, — она подтверждает, что собака дожила до глубокой старости и последние годы находилась на иждивении города Берна, который за особые заслуги кормил и содержал ее.

Итак, скорее всего Барри действительно никто не убивал, а рассказ о «сорок первом, спасенном собакой и убившем ее» всего лишь грустная легенда, а памятник на парижском кладбище — символический памятник благородным собакам, верным своему долгу, «святым собакам» — сенбернарам. Они еще долго служили на Сен-Бернарском перевале и еще немало добра сделали людям.

Но прошли годы, и изменился Сен-Бернарский перевал. Сначала на перевал протянули телеграфную, затем телефонную линию, конечно, давно уже изменили и саму дорогу. А в 1966 году под Большим Сен-Бернаром пробили тоннель, и перевал, как таковой, перестал существовать. Казалось бы, миновала и надобность в собаках. Но — нет. Правда, сенбернары давно уже «спустились с гор» и широко расселились по всему миру. Благодаря людям или под их влиянием они значительно изменили свою внешность, однако характер и нрав — доброту, верность и благородство — сохранили. И стали любимцами многих людей, которые не нуждаются в том, чтоб их разыскивали под снегом, но очень нуждаются в хорошем и преданном друге.

А на горах появились другие собаки. Тоже лавинные.

После закрытия перевала места эти в Альпах превратились в горнотуристский лагерь. Прекрасные дороги, удобные отели, красивые места привлекают тысячи любителей горных лыж.

Все изменилось на перевале. Но не изменилась погода, а опасность для людей даже возросла: бездумное сведéние лесов, прокладка дорог, расчистка склонов для катания — все это увеличило возможность схода лавин. И хоть принимаются различные меры на современном уровне технических возможностей, чтоб сдерживать лавины или прогнозировать их сход, несчастья случаются. Вот тогда-то и становятся необходимы собаки. И они есть. Правда, не сенбернары, а немецкие овчарки. И не в монастыре на перевале, а на специальных пунктах — вблизи Альп. И до сих пор самым эффективным методом поиска попавших в беду людей считаются собаки. Поисковые группы, состоящие из 15—20 человек, обследуют один гектар в месте схода лавин за четыре часа. Более тщательный поиск на той же площади занимает двадцать часов. Это при условии, что поисковая группа состоит из двадцати спасателей. Ту же работу на той же площади одна собака может проделать за полчаса, получив команду «нос по ветру» (это значит—легкий зондаж). А получив команду «нос в снег» (что означает — глубокий зондаж, на который люди тратят двадцать часов), собака проделывает все за два часа. И не случайно в Австрии, Шотландии, Швейцарии и некоторых других странах есть специальные школы, где обучают лавинных собак. (Такая школа организована и в СССР.)

На службе у людей машины и бульдозеры, снегоходы и вертолеты. Но без собак все-таки не обойтись. О том, как работают сегодня лавинные собаки, как помогают они человеку, можно судить хотя бы на примере немецкой овчарки Аякса.

Был случай, когда лавина застигла в пути одиннадцать школьников и

двух учителей. На поиски вышли спасательные команды, но долгое время поиски были безуспешны. И люди и собаки выбивались из сил. И только Аякс не уходил — он работал 96 часов подряд. К несчастью, снег смерзся, образовался твердый наст. Аякс серьезно поранил лапы, но продолжал работать, пока не свалился без сил. Ему попытались сделать перевязку, тем более что лапы были не только поранены, но и обморожены. Но едва Аякс пришел немного в себя, он стал рваться в горы, и люди не могли удержать собаку. Аякс снова рыл снег, оставляя кровавые следы, и в конце концов откопал засыпанного лавиной человека, а потом указал людям, где откапывать других.

Так работал Аякс. Так работали и работают другие собаки. Нередко они гибнут, выполняя свой долг. И пусть памятник Барри — возможно, всего лишь символический памятник. Но это символ верности и преданности, символ беззаветного и бескорыстного служения людям.

И такой памятник не единственный.

БАЛЬТ И ДРУГИЕ

В одном из парков Нью-Йорка стоит бронзовый пес с оборванными постромками. На мраморном постаменте надпись, которая начинается так: «Неукротимому духу ездовых собак...» И заканчивается словами: «Выносливость. Верность. Ум». Второй подобный памятник стоит в городе Номе на Аляске. Оба памятника собаке по имени Бальт.

В 1925 году в Номе началась эпидемия дифтерии, грозившая погубить всех детей города. Нужна была вакцина. Срочно. Немедленно. В Номе ее не было. Доставить ее можно было из города, находившегося в тысяче километров от Нома. И доставить можно было только на собачьих упряжках. Но тысяча километров пути в пургу, навстречу сильному, ураганному ветру — задача почти непосильная. Решили организовать эстафету. При смене упряжек вакцину можно было доставить через десять суток. Но выхода не было. Первая упряжка отправилась в путь.

Ветер достигал невероятной силы. Лед на реках, по которому шли упряжки, начал трескаться и ломаться. Но упряжка Леонарда Сеппала упорно шла вперед. Ее сменила упряжка Чарли Олсона. И наконец, последний, самый трудный этап. Вакцину принял Гунар Кессон с упряжкой, которую вел Бальт. Опять разыгралась страшная пурга. Собаки шли сквозь пургу, напрягая все силы. Человек чем мог помогал им. Прошли двести километров. И это был предел: оставшиеся последние сто километров Гунар уже не мог управлять упряжкой. Но он верил в Бальта, знал, что Бальт и сам дойдет. И чтоб облегчить работу вконец измученным собакам, Гунар остался на снежной равнине, а Бальту приказал идти вперед. Пес понял все.

Человек не думал о себе — он знал, что уже не выберется из снежного плена. Он думал только о собаке: доберется ли Бальт до Нома, пройдет ли оставшиеся сто километров?

Человек еще старался ползти по снегу, хотя надежды, конечно, у него никакой не было. Иногда ему казалось, что где-то вдалеке раздается собачий лай, но он понимал: это галлюцинация. И когда горячий собачий язык коснулся его лица, он тоже был

уверен, что это всего лишь бред... С трудом открыв глаза, человек увидал... Бальта. Откуда он взялся? Вернулся, не найдя дороги? А где же лекарство? Потерял? Человек ничего не мог понять. И только когда к нему подбежали люди, он начал кое о чем догадываться. А уж потом ему рассказали все.

Бальт доставил в поселок лекарство. Однако едва с нарт сняли ящик с вакциной, пес выскочил на улицу и стал лаять, звать людей, требовать, чтоб они шли за ним. Да, он был предельно измучен, да, лапы его кровоточили... Но какое все это имело значение, если там, в снегу, погибает хозяин?! И он привел людей к замерзающему человеку.

Памятники ставят героям. Бальт был героем. Одной из героических ездовых собак. О его подвиге мы знаем. Знаем и о подвиге Штурки.

Участник полярной экспедиции Георгия Седова штурман корабля «Святой Фока» Н. Сахаров во время дрейфа затертого во льдах корабля вместе с другим участником экспедиции Кушаковым отправился на разведку. На обратном пути они заблудились, а когда наконец сориентировались, у Сахарова были отморожены руки и он не мог двигаться быстро. Кушаков бросил больного товарища. Но Штурка остался с Сахаровым, он не отходил от хозяина ни на шаг. И когда Сахаров, пройдя какое-то расстояние по льду, терял сознание, пес садился рядом, лаял, теребил хозяина. И человек поднимался. Шел, сколько хватало сил. Снова падал. И снова Штурка, дав хозяину немного отдохнуть, заставлял его подниматься.

До корабля оставалось всего два километра. Но силы человека иссякли. Тогда пес помчался к кораблю. Он бегал вокруг, лаял, звал на помощь. Однако люди на корабле не понимали — они считали, что Сахаров погиб. Тогда Штурка помчался обратно. Сахаров уже замерзал. И собака бросилась спасать человека. Она лизала его в лицо и лаяла в самые уши, тянула его за одежду и толкала. Сахаров пришел в себя, с трудом приподнялся и пополз по льду. Полз медленно, то и дело останавливаясь. А пес был рядом — не давал человеку заснуть, звал его вперед. И человек был спасен.

Мы знаем немало и других подобных подвигов. А сколько не знаем?! Но ведь дело не только в подвигах каких-то конкретных собак. Вся жизнь ездовых собак — подвиг.

Издавна служат эти собаки народам Севера. Без них люди не могут обходиться даже сейчас, в век космических полетов, в век авиации и могучего транспорта. И сейчас на собаках перевозят грузы и почту, людей и добычу охотников. А уж в прошлом, даже в недавнем прошлом, ездовые собаки были наиважнейшим (имевшим значительное преимущество перед оленьим, так как собакам не требуется подножный корм) транспортом. Ни одна полярная экспедиция не обходилась без собак. Те, кто собак не использовали, были обречены на неудачи. Известный полярный исследователь Р. Амундсен во время одной из своих экспедиций прошел на собаках 18 тысяч километров, причем шел в тяжелых полярных условиях, делая ежедневно от 25 до 40 километров.

Мы знаем, что хорошо тренированная собака может за сутки пройти 80 километров, в среднем же собаки проходят 6—7 километров в час, пе-

ревозя груз в 50 килограммов из расчета на каждую собаку. (Обычно в упряжке 8—12 собак.)

И это при том, что часто работать им приходится в очень трудных условиях — в мороз и пургу, приходится идти по жесткому насту, спать на снегу, питаться мороженой рыбой. Но они работают верно и преданно, словно понимают, что без них не обойтись, что без них человеку будет очень плохо. И это действительно так. Не случайно и сейчас, несмотря на уже имеющийся современный транспорт, в школах Гренландии существует обязательное обучение езде на собаках. И не случайно, когда в 1966 году в Гренландии были введены правила уличного движения, собак они не коснулись: собачья упряжка имеет преимущества перед любым видом транспорта.

Всему миру известны имена знаменитых полярных исследователей Челюскина и Толля, братьев Лаптевых и Врангеля, Седова и Нансена, Пири и Амундсена. А ведь во многом своей славой они обязаны собакам. И не случайно на торжественном обеде, устроенном Королевским географическим обществом в честь Руала Амундсена, председатель за-

Даже сегодня, в век ракет и атомной энергии, люди еще не могут обойтись без этого надежного транспорта.

кончил свою торжественную речь такими словами: «Позвольте поэтому предложить прокричать троекратное «ура» в честь собак».

И не случайно, создавая памятник погибшим датским полярным исследователям, знаменитый датский скульптор Кай Нильсон не забыл и их четвероногих друзей.

Памятник стоит в Копенгагене с 1912 года. И с тех пор ежегодно во второй половине августа съезжаются к нему и полярные исследователи, и кинологи не только из разных городов Дании, но и из других стран. Они украшают скульптуру цветами — в память о людях и собаках, верно служивших и служащих человеку по сей день.

А каждое десятилетие в течение трех дней у памятника стоит почетный караул: люди, а рядом с ними — собаки.

Географы, путешественники, исследователи Севера хорошо знали, как важны ездовые собаки. Но они знали и нечто другое. Это очень точно сформулировал Р. Амундсен, который, безусловно, знал не только пользу, приносимую собаками, но и самих собак: «Трудно найти животное, в большей степени умеющее выражать свои чувства, чем собака. Радость, грусть, благодарность и даже угрызения совести — все можно прочесть в ее глазах. Мы, люди, напрасно думаем, что только нам одним присуща способность выражать свои чувства. Может быть, это правда. Но взгляните в собачьи глаза! Вы увидите в них то же, что и в человеческих. В сущности, у собак определенно есть то, что мы называем душой».

РЕЙС МОЛОКОВА

(лирическое отступление)

Мы — материалисты. Мы не верим в загробную жизнь и в переселение душ, мы не верим и в существование самой души. И все-таки часто говорим о ней. Потому что еще не придумано другое слово, так полно определяющее характер и нрав, эмоциональность и внутренний мир живого существа. И если исходить из этого — душа у собак есть. И хорошая душа. И только те, кто совершенно не знает этих животных, могут считать бранным словом «собака» или «собачья душа».

Так случилось, что японские исследователи в 1958 году вынуждены были срочно покинуть одну из полярных зимовок. С трудом вывезли людей. А собак вывезти не могли. Пришлось оставить их на зимовке. Оставить на верную смерть. В том, что собаки погибнут, никто не сомневался. И в память о них японские ученые в городах Токио и Осака поставили памятники.

Через год люди вернулись на зимовку. И какова же была радость ученых, когда их встретили живые и невредимые собаки! Они выжили в неимоверно трудных условиях — мерзли, голодали, питаясь случайно пойманными грызунами и птицами. Неизвестно, что чувствовали собаки. Но безусловно чувствовали себя покинутыми. И ведь знали, что покинули их люди. А может быть, верили, что люди не предадут, вернутся? Но так или иначе, собаки встретили людей восторженно.

А как восторженно, радостно умеют встречать собаки — знают все, у кого собаки были или есть. Мой пес приветствует меня таким бурным

танцем, так улыбается (морщит нос, показывая в улыбке свои снежно-белые зубы), прижимает уши, машет обрубком хвоста, как будто считал меня пропавшим без вести или по крайней мере вернувшимся из кругосветного путешествия.

Один сибирский охотник — отличный знаток собак — как-то полушутя, полусерьезно высказал мне по этому поводу свое мнение. Собака настолько сроднилась с человеком, настолько считает себя его частью, что разлука с ним, даже короткая, кажется ей разлукой навсегда. И пес начинает тосковать в ту же минуту, когда человек закрывает за собой дверь. И как не радоваться собаке, если ушедший (а для нее любой уход человека — уход навсегда) вдруг снова возвращается к ней?!

Я не знаю, да и никто не знает, что пережили собаки японских полярников, как болела и тосковала их собачья душа, но когда люди вернулись — души собак ликовали!

Никто не знает и не узнает, что пережили собаки, находившиеся в ледяном лагере челюскинцев. Но можно представить себе...

Это случилось в 1934 году. Советский ледокол «Челюскин» вышел в рейс в 1933 году, чтобы за одну навигацию пройти по Северному морскому пути от Мурманска до Владивостока. В Беринговом проливе он был затерт льдами и, вынесенный в Чукотское море, затонул 13 февраля 1934 года. Участники рейса — люди и находившиеся на борту собаки — успели высадиться на лед.

Два месяца жили в ледовом лагере люди и собаки рядом. Но вот 13 апреля последняя группа покинула лагерь. Семь отважных летчиков, получивших за спасение челюскинцев семь первых Золотых Звезд Героев Советского Союза, работали в неблагоприятных погодных условиях, при отсутствии посадочных площадок, при постоянном движении льдов. К тому же льдины вокруг лагеря и в самом лагере часто трескались. Самолеты нагружались сверх нормы. И все-таки последнюю группу вывозили на пределе возможности. Собакам места в самолете не хватило.

Мы не знаем, как вели себя покинутые собаки — может быть, тоскливо выли, может быть, с надеждой прислушивались, стараясь уловить сквозь треск льдин рокот мотора самолета, может быть, бродили по лагерю или неподвижно лежали у палаток, обреченно положив головы на лапы. Мы не знаем. Но знаем, что чувствовали и как вели себя люди.

Последняя группа прибыла на мыс Ванкарем не последним рейсом. Самолет, пилотируемый В. С. Молоковым, вновь поднялся в воздух и взял курс на покинутый лагерь. Рискуя жизнью, Молоков отправился за собаками.

Это был самый трудный и опасный полет из всех полетов, связанных со спасением челюскинцев. Но как иначе могли поступить настоящие люди, если имелась хоть малейшая возможность спасти друзей?

НА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

(только факты)

Да, только факты. Точнее — факты и документы.

Великая Отечественная война была суровым испытанием для советских людей. И советские люди с честью выдержали его. А рядом

с бойцами Красной Армии шли по фронтам Великой Отечественной боевые друзья — собаки.

Они были истребителями танков.

«Практика применения в армии собак 1-го Истребительного отряда показала, что при наличии массированного применения противником танков противотанковые собаки являются неотъемлемой частью противотанковой обороны».

(Из донесения командующего 30-й армией генерал-лейтенанта Лелюшенко от 14 марта 1942 года.)

«В период разгрома немцев под Москвой пущенные в атаку танки противника были обращены в бегство собаками истребительного отряда. Противник боится противотанковых собак и специально за ними охотится».

(Там же.)

«50 немецких танков пытались прорваться в расположение наших войск. 9 отважных истребителей из истребительного отряда старшего лейтенанта Шанцева подожгли 7 немецких танков».

(Из сводки Совинформбюро от 2 июля 1942 года.)

«В 6-й Гвардейской Армии в боях на Белгородском направлении батальон уничтожил собаками-истребителями 15 танков противника».

(Из приказа по 6-й армии № 96 от 18 сентября 1943 года.)

Можно привести и другие документы. Но ограничимся лишь цифрой: на счету собак — 300 уничтоженных танков противника.

Собаки были связистами. (Кстати, их использовали еще в 1939—1940 годах во время финской кампании.)

«Шесть собак связи, используемых 59 СП (42-я Армия), заменили 10 человек посыльных, причем доставка донесений и приказаний от КП СБ в роты и боевое охранение ускорилась в 3—4 раза. Потери же собак, даже при условии большой плотности артиллерийского, минометного и пулеметного огня противника, весьма незначительны».

(Из донесения штаба Ленинградского фронта.)

Выдающийся советский писатель И. Г. Эренбург — во время войны военный корреспондент — вспоминает о многих героических собаках-связистах. В частности, он рассказывает, как под городом Вереей четырнадцать собак поддерживали связь с гвардейским полком, оказавшимся в тылу врага. Восточноевропейская овчарка Аста, несшая донесение, от которого зависела судьба полка, была смертельно ранена. Но, истекая кровью, сумела все-таки доползти до цели и доставить донесение.

Бывший командир 37-го отдельного батальона собак-миноискателей и истребителей танков, известный советский кинолог подполковник А. Мазовер рассказывал, что лишь одна собака Норка в труднейших условиях и за короткий срок доставила 2398 боевых донесений, а пес по кличке Рекс — 1649.

В 1944 году при ликвидации Никопольского плацдарма пес по кличке Джек доставил 2982 боевых донесения, причем поддерживал связь между частями, переплывая через Днепр!

Но рекорд все-таки, видимо, принадлежит «бойцу» Ленинградского фронта собаке Дику — он доставил 12 тысяч донесений.

Общее число донесений, достав-

ленных собаками в периоды, когда не было иной связи, — свыше 200 тысяч. Кроме того, собаками-связистами протянуто 8 тысяч километров телефонного кабеля.

Нартовые, или ездово-санитарные, собаки. На них вывозились раненые бойцы непосредственно с поля боя. Зимой — на легких санках, летом — на так называемых волокушах или просто на носилках, поставленных на колеса. Причем вывозили из таких мест, куда не мог подойти никакой другой транспорт.

«В результате применения санитарных собак в дивизиях заменено значительное количество санитаров-носильщиков, в некоторых случаях нартовые упряжки заменяли полностью работу санитаров рот и батальонов, вместе с этим сроки эвакуации раненых с поля боя сократились... С 1 января по 28 марта 1944 года было вывезено 13 500 человек, тяжело раненных, и доставлено на передовую 300 тонн боеприпасов».

(Из сообщения начальника санслужбы 1-й ударной армии.)

«За время нахождения при 53-й армии отряд собак нартовых упряжек участвовал в наступательных операциях по эвакуации тяжело раненных бойцов и командиров с поля боя по взятии Демяновского укрепленного противником района и, несмотря на трудные условия эвакуации, лесисто-болотистую местность, плохие, труднопроходимые дороги, где не было возможности вывозить раненых конным транспортом, успешно работал по эвакуации тяжело раненных бойцов и командиров и подвозу боеприпасов наступающим частям.

За указанный период отрядом вывезен 7551 человек и подвезено 63 тонны боеприпасов.

Начсанарм 53».

Всего же ездовые собаки, участвовавшие в войне и прошедшие с Красной Армией от Волги до Берлина, сражавшиеся на всех фронтах — от Черного до Северного моря, — вывезли с поля боя 680 тысяч раненых солдат и офицеров и доставили на передовые 5862 тонны боеприпасов.

Но пожалуй, самая главная заслуга собак на войне — разминирование дорог, городов, сел, отдельных зданий.

«При быстром темпе продвижения войск 2-го Украинского фронта каждая рота ОСБМ, выделяемая для проверки и разминирования одной дороги, выбрасывалась на автомашинах повзводно вдоль проверяемого маршрута. При такой организации скорость обследования маршрутов увеличивалась до 40—50 километров в сутки против прежних 15 километров. Ни на одном из маршрутов, проверенных собаками-миноискателями, не было случая подрыва живой силы и техники.

Иногда собаки обнаруживали фугасы на глубине 2,5 метра».

(Из директивы начальника инженерных войск Красной Армии всем фронтам от 17 ноября 1944 года.)

Очень важную роль сыграли собаки-миноискатели во время Ясско-Кишиневской операции: они сопровождали идущие в наступление танки. Специально обученные, они спокойно сидели на броне танков, их не пугал шум мотора и грохот артиллерийских залпов. В подозрительных местах, где могли оказаться минные поля, собаки соскакивали на

землю и под прикрытием огня танков производили разведку, обнаруживая эти поля.

Невозможно рассказать о всех собаках-миноискателях, трудно даже перечислить клички самых знаменитых. Но об одной собаке, по кличке Дик, все-таки сказать надо. Эта собака спасла Павловский дворец под Ленинградом, обнаружив заложенную фашистами бомбу в 2,5 тонны с часовым механизмом. И обнаружила всего за час до взрыва! Кстати, эта же собака участвовала в разминировании Праги, была трижды тяжело ранена, и трижды врачи спасали ей жизнь. Вылечившись, Дик снова «вставал в строй». За период Отечественной войны он обнаружил более 10 тысяч мин и снарядов. И естественно, что умершего после войны Дика (он дожил до глубокой старости) похоронили с воинскими почестями!

Илья Эренбург рассказывал об удивительном параде — выставке собак в послевоенном Ленинграде. Нет нужды говорить, в каких условиях жили ленинградцы во время девятисотдневной блокады, сколько человеческих жизней унесли бомбежки и артобстрел города, сколько людей погибло от голода. И все-таки имелись люди, которые нашли в себе силы и мужество делить скудный блокадный паек со своими любимцами. Мы не знаем, сколько было таких людей — наверное, далеко не все дожили до Победы. Знаем лишь, что в параде участвовало шестнадцать человек — изможденных, обессиленных, буквально шатающихся от слабости, почти прозрачных, как рассказывал Эренбург. И рядом с ними шли такие же собаки. Среди них были и беспородные и породистые. Но самое большое внимание привлекла дворняжка с искалеченными, буквально разрезанными на ленточки осколками мин, ушами. Собака-миноискатель из блокадного Ленинграда. Неизвестно, сколько мин, неразорвавшихся бомб и снарядов обнаружила эта собака. Говорят — много, несколько сотен.

В армии было немало собак, на счету которых числилось по нескольку тысяч найденных мин. Благодаря своему исключительному чутью собаки безошибочно отыскивали мины, даже если они были в деревянных корпусах и поэтому их не могли обнаружить миноискатели. Собаки помогли разминировать около 303 городов и населенных пунктов, в том числе и такие города, как Киев, Одесса, Новгород, Варшава, Будапешт, Прага, Берлин. Они обследовали заминированную территорию общей сложностью в 15 с лишним тысяч квадратных километров, обнаружив при этом более 4 миллионов мин. Причем благодаря усилиям собак разминирование велось и более надежно и в 20 раз быстрее.

Шестьдесят тысяч собак «служили» в армии во время Отечественной войны. Рядом с породистыми, обладательницами роскошных родословных, честно и беззаветно трудились беспородные дворняжки.

ОБЫЧНЫЕ И НЕОБЫЧНЫЕ «ПРОФЕССИИ»

Памятника собакам, трудившимся на войне, пока нет. Памятник им — сотни тысяч спасенных человеческих жизней. А вот памятник собакам, которые помогают людям, пострадавшим на войне, памятник собакам-

поводырям есть. Он стоит на территории Берлинского зоопарка.

Одно из самых больших несчастий для человека — потеря зрения. Конечно, настоящий человек стремится оставаться человеком и в таком трагическом положении. Мы знаем множество примеров, когда люди, потерявшие зрение, продолжают жить полнокровной жизнью. И все-таки незрячему человеку очень и очень трудно — ведь, как считают ученые, девяносто процентов информации люди получают благодаря зрению.

Конечно, тут уж никто помочь не может впрямую — есть много способов облегчить жизнь ослепшим людям, но лишь облегчить. Однако существуют и чисто практические вопросы, которые зрячему человеку даже в голову не приходят, а для ослепшего решить их — целая проблема. И вот тут на помощь приходят собаки.

Собаки-поводыри известны с древних времен. Но по-настоящему эта служба появилась лишь лет 70 назад — после первой мировой войны. Сейчас более чем в 20 странах (в том числе и в СССР) есть специальные школы, где готовят собак-проводников для слепых людей.

Человек, никогда не интересовавшийся этим вопросом, но видевший, как «работает» — ведет своего хозяина — собака-проводник, может лишь удивиться тому спокойствию и какой-то изящности, что ли, которая присуща собаке, может обратить внимание на слитность собаки и человека. И не знает сторонний наблюдатель, какой труд и какое терпение вложено в то, чтоб собака стала хорошим проводником.

Конечно, собака легко поддается дрессировке и быстро усваивает многое из того, что надо. Но далеко не все понимает сразу. К тому же одна из основных задач дрессировщика научить собаку не только тому, что надо делать, но и тому, что делать не надо.

Даже хорошо воспитанная собака на прогулке иногда может захотеть пообщаться со своими родичами, может быть, даже и поиграть немного — в этом нет никакого греха, кое-кто из наших четвероногих друзей не прочь припугнуть кошку или обследовать ближайшую подворотню. Собака легко, не задумываясь, перепрыгивает препятствия на своем пути — лужу, например, или какой-нибудь порожек. Все это — естественно для собак. Для всех, кроме собак-поводырей.

Ни общаться с родичами во время работы, ни обследовать подворотни, ни прыгать через препятствия собаке-поводырю не полагается. Все ее внимание должно быть сконцентрировано на основной задаче — работе. А задача сложная: это и размеренная, неторопливая походка, это и внимание к самым мелким препятствиям, которые возникают на пути слепого человека. Тумба, которую надо не только обойти, но и обвести вокруг нее хозяина, порог, который собака перешагнет не задумываясь, но о который может споткнуться человек. Лужи, которые надо обходить, и ямки, рельсы, которые могут встретиться на пути, или выступающий из земли корень дерева на лесной тропинке. Но это — далеко не все. Можно натренировать собаку обращать внимание на пороги и лужи, ямы и столбы. Но трудно предвидеть все, что может встретиться на пути собаки и слепого человека.

Последний рейс летчика Молокова за оставшимися на льдине членами экипажа «Челюскин».

Поэтому собака-проводник должна еще и ориентироваться сама, сообразить, как вести себя в том или ином случае, а ведь препятствия или опасности для слепого человека могут быть не только на земле. Шлагбаум, например, или нависший сук дерева. Под ними собака пройдет легко, а для человека — это опасность, он может удариться. Поэтому собака должна в первую очередь думать не о себе, а о хозяине и обвести его вокруг препятствия или, если нет такой возможности, предупредить: «Внимание! Впереди опасность». И опять-таки, невозможно предусмотреть все — собака должна многое знать, должна и многое понимать. Она должна обладать и «чувством пространства», которое учитывает и пространство, занимаемое человеком.

Однако и это — еще не все. Хозяину необходимо ходить в магазины и в парикмахерскую, он должен ездить в автобусе или на электричке, наконец, переходить улицу. И в каждом отдельном случае от собаки требуется четкая безошибочная работа: по команде «магазин» она должна привести хозяина к магазину, а по команде «парикмахерская» — именно туда. Если хозяину надо поехать на автобусе, собака должна не только привести его на остановку, но и подвести к двери, а когда надо перейти улицу — четко реагировать на светофор.

И все это собаки делают. Правда, быть поводырем может не каждая — тут, очевидно, нужен особый дар, возможно «талант». Так ведь и отбираются собаки специально для этой службы, с учетом их данных и способностей.

Впрочем, и для других работ нужны «способности», «талант» или особое призвание, что ли. Может быть, говоря строго научным языком, и не стоило бы употреблять такие слова, как «талант» или «призвание», которые обычно применимы лишь к людям. Возможно, надо бы говорить о быстрой выработке у собак услов-

ных рефлексов, о сверхостром обонянии и о каких-то еще природных или легко приобретаемых качествах, делающих собак отличными работниками. Конечно, это так. И когда речь идет о старых «профессиях» собак, сомнений нет: например, охотничьи собаки издавна специализировались на разыскивании дичи, и все они в той или иной мере, после некоторой подготовки, хорошо работают. (Хотя и тут есть более способные и менее.)

То же самое можно сказать и о собаках-ищейках, как их называли раньше, или о служебно-розыскных собаках, как их называют теперь. Эта традиционная специальность собак, генетически заложенные способности передаются из поколения в поколение, совершенствуются тренировками и дрессурой, к тому же природное чутье, дисциплинированность и многие другие качества делают собак определенных пород прекрасными специалистами в своей области. Но ведь никто не станет говорить, что и тут все собаки работают одинаково. Одни работают лучше, успешнее, на их счету (это официально записано) крупные суммы или большое количество вещей, разысканных и возвращенных гражданам или государству. Например, в Ленинграде служил пес по кличке Султан. За время своей службы он вернул пострадавшим людям украденные у них ценности на общую сумму в два миллиона рублей.

Другие собаки тоже работают хорошо, но ведь таких успехов, как у того же Султана или у добермана-пинчера Трефа, служившего когда-то в московской полиции и слава о котором гремела по всей России, нет.

Что же помогает собакам становиться чемпионами или знаменитостями? Конечно, особо развитое чутье. Но, может быть, еще что-то? Например, особый собачий талант?

История служебно-розыскных собак знает имена таких знаменитостей, как Рекс из английского Скотленд-Ярда и Ксоро из парижской сыскной полиции. Но, пожалуй, самой знаменитой ищейкой был доберман-пинчер Докс из сыскной полиции Рима. На его счету — четыреста задержанных воров и бандитов, он участвовал в ста шестидесяти схватках, получил семь огнестрельных и несколько ножевых ран. Но едва выздоравливал — снова «брался за дело» и работал так же успешно. Особенно прославился Докс после знаменитого «дела о потерянной пуговице».

В один из римских ювелирных магазинов проник грабитель, но, обнаруженный сторожем, вынужден был бежать. На место происшествия привезли Докса. Пес привел полицейских в какой-то подвал в другой части Рима. Хозяин подвала категорически отрицал свое причастие к происшествию и довольно убедительно доказал, что в это время спал у себя дома. Соседка подтвердила это, а сторож не сумел опознать грабителя. «Я готов был поверить ему, — рассказывал проводник Докса сержант римской полиции Маймоне, — и дал команду Доксу еще раз тщательно осмотреть место происшествия. Докс гавкнул и, выбежав из подвала... помчался к ювелирному магазину. Там он поднял с пола пуговицу и отдал ее мне. Затем он гавкнул еще раз и снова побежал в подвал, в котором мы уже были. На этот раз Докс обнюхал находившийся

в комнате шкаф, лапой открыл дверцу, встал на задние лапы и зубами снял с вешалки дождевой плащ. Найденная Доксом пуговица оказалась от этого плаща! Обрывки ткани на пуговице полностью соответствовали материи. Злоумышленник вынужден был сознаться».

Конечно, Доксу помогало его чутье, хорошая подготовка. Но может быть, не только это, а все-таки и особый талант?

Впрочем, не будем гадать и предполагать. Суть не в этом. Суть в том, что собаки работают, работают хорошо и помогают людям во многих областях, владеют многими профессиями — традиционными, старыми, и новыми.

Конечно, мы не можем не сказать об одной из самых древних и важных собачьих профессий — профессии пастуха. Без пастушьих собак люди до сих пор не могут обойтись. И когда в Австралии, например, пастухи пересели с лошадей на мотоциклы, они не забыли и о собаках. Поскольку теперь собаки не могли бежать рядом (мотоцикл — не лошадь, собаке не угнаться за машиной), для них сделали специальные сиденья на мотоцикле.

И среди пастушьих собак есть хорошие рядовые работники, имеются свои герои и чемпионы, может быть, свои таланты. Особенно нужны пастушьи собаки в местах, где водятся волки. Сильные, смелые псы вступают в схватки с хищниками и, как правило, выходят победителями. Примеров храбрости и благородства пастушьих собак можно привести множество. Достаточно вспомнить знаменитого Топуша, охранявшего стадо овец в горах Грузии и за свою жизнь отбившего, по крайней мере, сто атак волков. Можно вспомнить и о Бассаре, прославившемся тем, что однажды, когда во время сильного ливня от стада отбилась тысяча овец и пастухи считали их погибшими, он через три дня самостоятельно привел этих овец к людям.

Можно вспомнить и подвиг собак одного из колхозов Калмыкии. Во время мартовского бурана потерялись четыреста овец. Поиск их не дал результатов, хотя люди приложили много усилий, чтоб отыскать пропавших животных. И все-таки через три месяца овцы нашлись. Все это время их пасли и охраняли четыре собаки, оставшиеся со стадом. Сами псы голодали, перебивались случайно пойманными мышами и сусликами, однако спасли не только овец, но и появившихся в это время ягнят.

Однако и те собаки, которые не защищают отары от волков, которые пасут овец в тех местах, где нет хищников, которые не вступают с ними в схватки (например, колли, пули, пуми), очень важны — без них, без их помощи, очень трудно было бы пастухам собирать отары, отыскивать отставших животных и так далее.

Говоря о собачьих профессиях, надо упомянуть о собаках-сторожах и, уж конечно, нельзя обойти собак, несущих службу на границе. Однако эти профессии, как и профессии охотничьих собак (о них мы скажем во второй части), — традиционные, ими собаки владеют уже тысячелетия. Но собаки (на то они и собаки, частица человеческого существа) не удовлетворяются традиционными профессиями. Ни одно из домашних животных не способно в такой степени и с таким мастерством овладевать новыми профессиями. А собаки могут. Например, не так давно со-

баки овладели профессией газовщика.

Впервые собаки-газовщики появились в ГДР: в штат городской сети Франкфурта-на-Одере была зачислена «инспектором» овчарка Криста. Ежедневно «инспектор» проходил по всей семикилометровой газовой магистрали, проверяя, нет ли где утечки газа. Если такая утечка обнаруживалась (собаки чувствуют малейшую концентрацию газа), она сообщала лаем об этом и ложилась около аварийного места.

Вслед за Кристой в ГДР появились и другие четвероногие газовщики. Потом они появились в штате Варшавского управления газовой сети. (Интересно, что имена всех собак, состоявших на этой службе, начинались с буквы «А» — Ас, Аргус, Амур, Арий, Али, Агар и так далее.) Появились собаки-газовщики и в нашей стране. Конечно, новой профессии надо обучать даже людей. А собак — тем более. В Таллине были организованы специальные курсы для собак, которых собирались использовать на службе в «Таллингазе». Курсы были краткосрочными — собак просто знакомили с запахом газа и «объясняли», как себя вести в том случае, если они почувствуют его. И через некоторое время собаки уже патрулировали 18-километровую трассу в Старом городе. Работники «Таллингаза» очень довольны своими четвероногими помощниками: ну какой анализатор обнаружит незначительную утечку газа на метровой глубине, да еще под асфальтом? А собаки обнаруживают!

И не только на трассе оказываются они очень полезными. Бывает, в аварийную службу поступает сигнал: в доме ощущается запах газа.

Собаки успешно освоили профессию «газовщиков». Они чувствуют малейшую утечку газа. Даже самые совершенные аппараты не могут пока соперничать с ними.

Однако работники аварийной службы ни с помощью газоанализаторов, ни с помощью других измерительных приборов не могут иногда обнаружить место утечки. И тут на помощь приходят собаки — их обоняние оказывается более тонким, чем имеющиеся у людей приборы.

Острота обоняния собак натолкнула людей на мысль использовать их в геологоразведке. Впервые этим вопросом занялись в Финляндии в 1962 году. Собака по кличке Лари, принадлежавшая П. Матссону, творила истинные чудеса: по запаху пирита или серного колчедана она безошибочно определяла, где залегают полезные ископаемые. На испытаниях в 1965 году Лари на площади в три квадратных километра разведала 1330 образцов, представляющих промышленный интерес, в то время как опытный специалист-геолог на этой же площади обнаружил всего 270 образцов. В 1966 году П. Матссон получил премию Государственного совета Финляндии.

В нашей стране тоже стали привлекать собак к поискам полезных ископаемых. По инициативе профессора Ю. А. Васильева была организована опытная группа по обучению будущих собак-геологов. В основу подготовки взяли методику подготовки собак-миноискателей периода Великой Отечественной войны, когда собак приучали по запаху взрывчатки отыскивать мины и снаряды. Собаки-минеры обнаруживали мины в радиусе четырех и на глубине двух метров. Собаки-геологи обнаруживают полезные ископаемые на глубине нескольких метров (а восточноевропейская овчарка Карат установила рекорд — нашла руду на глубине 12 метров).

Сравнительно недавно уральские геологи составили с помощью собак геологическую карту Пермской области. Карта заслужила высокую похвалу специалистов.

Но может быть, использование собак в геологоразведке анахронизм? Ведь люди применяют сейчас новейшие достижения науки и техники, у них такая мощная и точная аппаратура... И вдруг — собаки!

Однако геологи не считают использование собак в геологоразведке анахронизмом. У собак много преимуществ в сравнении даже с очень чувствительными приборами. Во-первых, собака способна проникнуть туда, куда с громоздким прибором и не доберешься, а во-вторых, — и это очень важно — собаки работают без ошибок, чего нельзя сказать о приборах.

Часто разные горные породы обладают одними и теми же физическими свойствами. И, указывая местонахождение аномалии (то есть места залегания руды), прибор не подсказывает, какая это руда. Собака указывает точно. Если ее послали искать определенное полезное ископаемое, она не прореагирует на другое. Какие-то особые способности помогают ей различать породы, обладающие одними и теми же физическими свойствами.

Конечно, делает собак отличными геологами опять-таки их замечательное чутье. Американский физиолог Нейхаус установил, что к запаху неорганических веществ собака чувствительнее человека в тысячи, а к органическим — в миллионы раз! Однако не только чутье — старательность, дисциплинированность, заинтересованность, добросовестность помогают собакам работать и газов-

щиками, и геологоразведчиками, помогают им осваивать и другие профессии, причем самые необычные. Например, собак сейчас используют для поисков потерпевших аварию самолетов. Им надевают на спину небольшой радиопередатчик и посылают на поиски потерпевшего аварию самолета. Собака может пройти и по непроходимому для человека лесу, подняться на горы, быстро бежать по пересеченной местности. Обнаружив самолет — а искать его она будет и день, и два, и неделю, — начинает лаять, звук передается по радио, засекаются координаты, и спасательная служба приходит точно к нужному месту.

С каждым годом собаки расширяют свою полезную деятельность, приобретают новые специальности, становятся нужными людям в самых разных областях.

Сейчас широко распространена служба собак на аэродромах: четвероногие таможенники прекрасно научились находить взрывчатку и даже оружие, которыми могут воспользоваться бандиты, террористы. Они стали незаменимы в поисках наркотиков — никакие самые совершенные упаковки, никакие отвлекающие запахи не сбивают собак.

В Чехословакии собаки работают почтальонами — они доставляют письма и телеграммы на туристские базы и в дома отдыха, расположенные в труднодоступных местах. Пробегают при этом ежедневно до сорока километров по заснеженным горным дорогам, по крутым каменистым склонам.

Любопытный и очень эффективный способ борьбы с темпераментными футбольными болельщиками — «тиффози» нашли итальянские

Белка и Стрелка — первые земляне, вернувшиеся из космоса.

полицейские. Специально обученные собаки дежурят у края футбольного поля и молниеносно останавливают самых горячих болельщиков, когда те хотят покинуть трибуны, чтоб помочь «своим» забить мяч в ворота соперников.

Можно рассказать еще о множестве работ, которые выполняют собаки.

Однако собака сейчас служит не только на суше. Люди собираются обучить и подготовить ее к службе под водой. Нет, не в роли водолаза, спасающего тонущих, этим собаки занимаются уже давно. Люди собираются использовать собак в качестве разведчиков полезных ископаемых на морском дне или в качестве поисковых собак, отыскивающих затонувшие корабли. А для этого собака должна не только уметь нырять и плавать, но и жить некоторое время под водой. Конечно, очень трудно представить себе сухопутное животное, живущее в воде, как рыба. Тем не менее легкие наземных жи-

вотных при определенных условиях могут функционировать и под водой. Выяснилось, что наиболее подходящим животным для жизни под водой оказывается собака. Ее организм быстрее перестраивается, легче приспосабливается к новому режиму. Сейчас ведутся опыты по приучению собак к жизни (или длительному пребыванию) в воде. И кто знает, что даст служба собак в морях и океанах, кто знает, не появится ли новая порода «водяных» собак, которые будут служить человеку в воде так же, как служат на суше?

Памятник собакам, сооруженный в Ленинграде по инициативе И. П. Павлова.

Но если к службе в воде собак еще только начинают готовить, то в освоении космоса они уже давно помогают человеку. Ведь первыми из высокоорганизованных существ, оказавшихся в космосе, были собаки. Все знают о знаменитой Лайке, чей полет принес людям сведения о влиянии невесомости на живой организм и подготовил полет в космос Юрия Гагарина.

Известно и о полете в космос Ветерка и Уголька, которые помогли людям исследовать радиационный пояс, окружающий Землю. Кстати, эти собаки установили рекорд продолжительности и высоты полета.

Но не все знают, что собак-космонавтов было гораздо больше. Сначала собак запускали на высоту 200, затем 400 километров. Там побывали Малышка, Денек, Белянка, Волга, Альбина, Пальма, Отважная. Потом, после орбитального полета Лайки, снова начались вертикальные запуски. В космос поднялся Снежок и Малёк, а Отважная еще дважды побывала в полете.

И снова орбитальные полеты собак-космонавтов Белки и Стрелки, Звездочки, Чернушки, Пчелки и Мушки. Трудно переоценить значение для науки полета в космос собак. Впрочем, собака, «благодаря ее давнему расположению к человеку, ее догадливости, терпенью и послушанию, служит, даже с заметной радостью, многие годы, а иногда и всю жизнь, экспериментатору». Эти слова великого русского ученого Ивана Петровича Павлова выбиты на пьедестале памятника собаке, установленного в Ленинграде на территории

Института экспериментальной медицины.

Иван Петрович Павлов много лет мечтал о памятнике собаке — верному помощнику в его работе. Он очень внимательно просматривал проекты памятников, сам утвердил один из них. В 1935 году памятник был открыт. С гордостью показывал его Павлов ученым разных стран, приехавшим на XV Международный конгресс физиологов в Ленинград.

На пьедестале имеется и другая надпись: «Пусть собака, помощник и друг человека с доисторических времен, приносится в жертву науке, но наше достоинство обязывает нас, чтобы это происходило непременно и всегда без ненужного мучительства».

Памятник собаке в Ленинграде — не только памятник собакам, которые помогли Ивану Петровичу создать учение о рефлексах. Это памятник и сотням тысяч других собак, которые служили и служат человеку на самых разных участках и без которых даже в век прорыва в космос и покорения атома человек обойтись не может.

СЕРДЦЕ ДРУГА

(лирическое отступление)

Не знаю, может быть, когда-нибудь наступит время, когда люди смогут заменить пастушьих и сторожевых собак, ищеек и водолазов, геологов и «газовщиков» какими-нибудь совершенными аппаратами, автоматами, роботами. Возможно, и экспериментаторы как-то станут обходиться без собак. Может быть, практически это будет даже удобнее, выгоднее. Но вряд ли выиграет от этого человечество. Можно, конечно, все заменить умными приборами и автоматами. Но какой прибор или автомат заменит друга. И какого друга! «У нас еще нет слова, которое могло бы выразить одновременно самоотверженность, смелость и ум — все те великолепные качества, которыми обладает собака», — писал К. Г. Паустовский. Мне кажется, можно было бы сказать так: собака — часть самого человека. Она не отделяет себя от человека. Когда-то, в далекой древности, люди уже понимали это. Плутарх рассказывал о собаке, принадлежавшей некоему Ксантипе. Ксантипа отправился в путешествие, оставив свою собаку дома. Но пес не мог этого перенести — он прибежал на берег и бросился в воду. Много часов плыл пес за кораблем, на котором находился его хозяин, пока окончательно не выбился из сил.

Он утонул и был похоронен на острове Сампанине.

Может быть, не стоило бы вспоминать эту давнюю историю — примеров собачьей преданности достаточно и сейчас. Но тут случай особый. Дело в том, что к могиле собаки началось паломничество — множество людей приходили, чтоб поклониться могиле верного пса. На этой могиле произносились клятвы, давались обещания. И существует версия, что выражение «вот где зарыта собака», имеющее теперь смысл: «вот в чем суть дела», «вот в чем главное» или «вот в чем суть тайны», родилось именно благодаря собаке Ксантипы.

Много позже, но тоже достаточно давно, великий автор знаменитого Дон Кихота в небольшом рассказе «Обманная свадьба» наделил собак Сипиона и Бергансу способностью

разговаривать. Вот отрывок из их диалога.

«Сипион: Как я слышал, нас хвалят и превозносят за хорошую память, а также за благодарность и за великую нашу верность, так что нас даже принято изображать как символ дружбы. Думаю, тебе случалось видеть (если только ты всматривался), что на алебастровых гробницах, обычно украшаемых статуями покойников, в тех случаях, когда хоронят мужа и жену, между ними, у ног, помещают изображение собаки в знак того, что при жизни они соблюдали дружбу и нерушимую верность.

Берганса: Я знаю, что бывали на свете преданные псы, которые бросались вслед за телом своего господина в могилу; иные из них оставались лежать там, где хоронили хозяев, не двигаясь с места и не принимая пищи, так что им тут приходил и конец».

Наверно, Мигель Сервантес или его современники могли назвать и конкретные случаи, и конкретные имена собак, умерших на могилах своих хозяев. Конечно, такие случаи были. И мы тоже можем привести немало примеров необыкновенной преданности собак. Вспомним хотя бы Фрама — собаку Георгия Седова.

Знаменитый полярный исследователь во время героической попытки дойти до Северного полюса заболел цингой и 20 февраля 1914 года умер. Спутники похоронили своего капитана и двинулись дальше. Но вожак упряжки Фрам не пошел с ними. Он лег на могилу хозяина, и никакие уговоры, никакие попытки увести его не действовали. Собака осталась лежать на могиле Седова и умерла на ней.

О Фраме известно довольно широко. Менее известно о шотландском терьере Бобби из Грейфрайерса, прожившем восемь лет на могиле хозяина, почти никуда не отлучаясь, или о собаке по кличке Джон, ежедневно, в течение четырнадцати лет, приходившей к определенному времени на платформу станции Раздоры, в Подмосковье, встречать своего хозяина. Пес не мог знать, что хозяин погиб во время бомбежки. Пес ждал, верил, что человек придет.

И Пальма на московском аэродроме «Внуково» ждала, верила, что человек придет.

История Пальмы — показательна. Нет, не тем, что хозяин ее бросил. Показательна другим.

Было так. Человек летел на Север. Летел с собакой — немецкой овчаркой. По каким-то причинам собаку не пустили в самолет. (Потом свидетели говорили, что у хозяина не было ветеринарной справки на собаку, а без нее перевозить собак запрещается.) Хозяин снял с собаки ошейник и оставил ее на взлетной полосе. А сам вошел в самолет. Самолет улетел. Собака осталась. Она не могла поверить, что хозяин бросил ее, — она верила, что он вернется. Шли дни. Хозяин не возвращался. Собака ждала. Она поселилась на летном поле и бросалась навстречу каждому приземлявшемуся самолету. Впрочем, нет, не к каждому — бежала только к машинам ИЛ-18 — на такой машине улетел ее хозяин. Сначала — первые дни, недели, месяцы — она мчалась к приземлившемуся самолету изо всех сил. Потом стала бегать медленнее — будто вера у нее стала иссякать, будто уменьшалась в ее сердце надежда на встречу с хозяином. Но все-таки собака верила: она

не уходила с аэродрома, не искала себе нового хозяина, хотя люди, тронутые ее преданностью, хотели помочь собаке. Конечно, были и такие, которые, накинув на шею собаке стальную удавку, пытались увезти ее и усыпить. Но речь не о них.

Ее кормили, ей соорудили будку. Но собака если и брала еду, то лишь с земли — из рук не брала, а в будке жить отказалась: предпочла мерзнуть, мокнуть под дождем, но видеть все поле, видеть все приземляющиеся самолеты, чтоб немедленно бежать им навстречу: а вдруг хозяин все-таки вернется?

Так прошло два года. О собаке, живущей на аэродроме и ждущей своего хозяина, написала «Комсомольская правда». И тут случилось неожиданное. (Впрочем, это вполне можно было предвидеть.) Хозяин собаки не откликнулся, но откликнулись совершенно незнакомые люди — около трех с половиной тысяч писем пришло за две недели в редакцию, десятки телефонных звонков раздавались ежедневно. Суть большинства писем и звонков была одна: мы возьмем собаку! Люди имели возможность взять собаку в Клубе собаководства, достать щенка у любителей. Зачем же Пальму? (Так назвали собаку летчики и служащие на аэродроме.) Тем более зачем брать собаку из Москвы людям, живущим в других городах? А они не только писали, что хотят взять собаку, — они приезжали за ней. Приезжали из Донецка и Саратова, из Белой Церкви и Азова. Готовились в путь жители Петропавловска-Камчатского, Ханты-Мансийска, Дальнего... А дети, которые не могли взять собаку, присылали деньги — рубль, три, пять — на еду собаке. Люди могли, конечно, завести собак у себя на родине, им совершенно незачем было для этого приезжать в Москву за Пальмой. Но овчарка, два года ожидавшая у трапа своего хозяина, стала живым символом верности. Уже за одно это она достойна памятника, как писали читатели «Комсомолки».

Памятник Пальме не поставили (хотя люди даже предлагали начать сбор средств на это) — в конце концов она нашла новую хозяйку, полюбила ее, и все образовалось. Но памятники верным собакам, всем собакам, памятники, которые можно было бы, мне кажется, назвать «памятниками в честь собачьего сердца», есть. Один из них стоит в итальянском городе Борго Сан-Лоренцо.

Житель небольшого поселка Луко близ Борго Сан-Лоренцо Карло Сориани нашел в сточной канаве щенка. Сориани назвал щенка Верным, и пес оправдал свое имя: ежедневно в определенное время он прибегал к автобусной остановке и встречал хозяина. Но однажды хозяин не приехал. И пес вернулся домой один. Так было и на следующий день, и через неделю, и через месяц. Хозяин погиб. Но Верный этого не знал, а может быть, не хотел верить или не мог себе представить, что хозяин может когда-нибудь не вернуться. И он продолжал ходить к автобусу. Ходил каждый день в течение нескольких лет!

Жители Луко и Борго Сан-Лоренцо собрали средства и соорудили преданному псу памятник и выбили в честь него золотую медаль.

Другой памятник собачьей преданности и великой верности стоит на станции Сабуя, недалеко от Токио. Впервые он был поставлен здесь до

войны в память о Хачико, псе, который ежедневно провожал своего хозяина, уезжавшего в Токио на работу, и ежедневно в определенное время встречал его. Хозяин неожиданно заболел и умер в одной из токийских больниц. Но Хачико не мог смириться с этим. Ежедневно приходил пес к определенному времени на станцию и оставался там до последнего поезда в надежде, что хозяин когда-нибудь приедет. Так продолжалось десять лет, до того дня, когда пес трагически погиб на этой станции. В газетах появилось сообщение о верной собаке, и тогда по всей Японии дети стали собирать деньги на памятник Хачико.

Памятник был сооружен, но во время войны его разрушили. Однако едва кончилась война, как по всей Японии начался сбор средств на новый памятник. И памятник верному псу был сооружен вторично.

Это памятник не только Хачико, но и всем верным собакам, о которых мы уже говорили. Это памятник и Соколу — борзой, увезенной во время войны фашистами за сотни километров, но сумевшей убежать и найти дорогу домой. И сеттеру Сильве, о котором рассказывает писатель Б. Рябинин. Во время войны собака была увезена оккупантами, а хозяева ее брошены в концентрационный лагерь. Однако собака не только разыскала их, хотя находилась довольно далеко, но время от времени приносила умирающим от голода людям коекакую еду и этим спасла ребенка.

Это памятник и собаке из Варны, которая ежедневно с рассвета до заката в воде, у берега, ожидала возвращения пропавшего без вести хозяина-рыбака. Это памятник и Мориусу из польского города Гдыня, который, увидав выбежавшего на проезжую часть улицы мальчика, жертвуя собой, выбил его головой из-под колес машины. Это памятник и тысячам других — породным и беспородным, красивым и некрасивым, совершившим подвиги и несовершившим, но в любую минуту готовым их совершить, это памятник собакам, единственным существам, как писал Чарлз Дарвин, «любящим нас больше, чем самих себя».

КОШКА И СОБАКА

Один известный ученый как-то задал студентам такой вопрос: чем кошка отличается от собаки? Студенты ответить не могли. Вернее, не могли ответить правильно. Вообще же ответов было много.

Повторим вопрос: чем кошка отличается от собаки?

Один из ответов: кошка отличается от собаки тем, что у нее большие торчащие усы, у собаки, как правило, усы не очень большие и не торчат.

Контрвопрос: значит, если у кошки отрезать усы — ее не отличишь от собаки?

Другой ответ: кошки отличаются от собак тем, что у котят уши торчат всегда, а у щенков — всегда висят.

Контрвопрос: а если у взрослой собаки уши торчат, то, значит, она уже стала кошкой?

Третий ответ: кошка отличается от собаки тем, что у нее зрачок суживается на свету, а у собаки всегда круглый.

Контрвопрос: значит, кошку от собаки можно отличить только по глазам и спящую, с закрытыми глазами, кошку от собаки уже не отличишь?

Четвертый ответ: кошка отличается от собаки тем, что у нее когти втягиваются, а у собаки — нет.

Контрвопрос: значит, если бы у кошки не втягивались когти — она была бы собакой?

Пятый ответ: кошка отличается от собаки тем, что она умывается, а собака — нет.

Действительно, кошка удивительная чистюля — вылизывает себя тщательно, будто хочет вылизать каждый волосок. И мордочку умоет, и лапки полижет, и причешется. А свои жизненно необходимые отправления она тщательно скроет, засыплет песком или землей.

Собака не умывается, не вылизывает себя регулярно. Так, иногда. Или уж если ее одолевают собачьи блохи. И стыдливости у нее нет никакой — чиркнет задними лапами раз-другой — и бежать.

Однако и тут последует контрвопрос: что ж, если вымыть собаку и научить ее закапывать следы отправлений, она станет кошкой? Или отучить кошку быть аккуратной — она станет собакой?

Шестой ответ: все кошки одинаковой величины, и все — небольшие. А собаки бывают и маленькими и очень большими.

Контрвопрос: значит, маленькая болонка — это кошка, а дог или овчарка — это собака?

Седьмой ответ: у кошек и собак разное строение зубов, разные хвосты.

Контрвопрос: значит, беззубую или бесхвостую собаку не отличишь от кошки?

И так до бесконечности. Могут быть и восьмой, и десятый, и сотый ответы. И тем не менее ответ на вопрос: чем кошка отличается от собаки — мы не получим. Потому что на каждый подобный ответ будет соответствующий контрвопрос.

Жорж Кювье (1769—1832).

А возможно ли ответить вообще на этот вопрос? Возможно, конечно. Только подойти к вопросу надо с другой стороны. И даже не с анатомической или морфологической. Тут, безусловно, масса отличий, но в этих случаях мы сможем задать ехидные контрвопросы. А нам надо найти одно-единственное отличие, как первопричину всех тех отличий, о которых шла речь выше.

Оговоримся сразу: мы ведем речь о кошках и собаках, потому что сейчас — это наша тема. И отличие именно этих животных нас сейчас интересует. Но с таким же успехом мы можем задать вопрос: чем, скажем, тигр отличается от волка или, допустим, леопард от гиеновой собаки. И получим множество ответов, которые разбиваются контрвопросами.

Поэтому тут дело не в кошке и собаке, а в принципиальном отличии одного типа животного от другого. А отличие это — не когти, выпущенные или втянутые, не расширяющиеся зрачки, не длина усов и не любовь к чистоте. Принципиальное отличие кошки от собаки состоит в том, что кошка—животное, подстерегающее свою жертву, собака — преследующее.

Великий французский ученый Жорж Кювье, живший в прошлом веке, выдвинул в свое время два основных принципа, не потерявших своего значения и сегодня, — принцип корреляции (то есть соответствий) и принцип условий существования. Условия существования — то есть способ добычи пищи — это, как говорил Кювье, аргумент, все остальное — функции. Аргумент налагает отпечаток и на облик животного, и на его взаимоотношения с другими животными, на весь его жизненный строй.

А теперь вернемся к некоторым ответам на вопрос: чем кошка отличается от собаки?

Допустим, когти: у собак когти не втягиваются, у кошки — втягиваются. Вспомним: кошка — подстерегающее животное, она не может, не имеет права стучать когтями — мыши или крысы услышат и убегут или спрячутся.

Собака — преследующее животное, ей неважно, услышат ее или нет.

Но что стоила бы бесшумно ходящая кошка, если бы мыши чувствовали ее запах? Ничего бы не стоила. Собаке неважно, есть запах или нет, — все равно она бежит за кем-нибудь, и ей главное — догнать. Будущая добыча кошки не должна ее ни слышать, ни обонять. Отсюда ее исключительная чистоплотность: никакого запаха!

Чистоплотность так вошла в «плоть и кровь» кошек, что стала даже нарицательной. Собаку некоторое время надо настойчиво приучать проситься при необходимости на улицу. Кошка либо сама «поймет», что надо делать, либо усвоит это после первых же уроков.

Об этом люди знали уже давно. Любопытный и очень показательный случай описывает известный натуралист — дед великого Ч. Дарвина — Эразм Дарвин.

На пол около камина плеснули ложку воды. Маленький котенок — едва начавший ходить! — увидав эту лужицу, немедленно среагировал: достав из холодного камина пепел, он тут же засыпал воду, видимо посчитав, что «согрешил» он сам. А такой «грех» требуется немедленно скрыть!

Запах, точнее, собственный запах — враг кошки. Собаке все равно, она мчится за добычей, и ей неважно, чувствует ее преследуемое животное или нет, кошке же это, конечно, важно. И природа так «распорядилась», что потовые железы у кошек расположены на лапах. Конечно, лучше бы их не было вообще, но без них кошка все-таки обойтись не может — жара ведь действует и на нее, надо как-то избавляться от избыточной жидкости. Ходить с высунутым языком кошка не умеет. Поэтому уж пусть будут на лапах потовые железы — при ходьбе можно сильно прижимать лапы к земле, и запах не будет чувствоваться. Впрочем, в жару кошки, как правило, не охотятся — они же ночные, — а ночью не очень-то попотеешь. Правда, кошки могут «вспотеть» при испуге: если напугать

кошку, стоящую на какой-нибудь гладкой поверхности — например, на линолеуме, — то она оставит мокрые следы.

Да, еще глаза. Глаза собаки — это глаза дневного животного. Глаза кошки — ночного. Она охотится в темноте. Напомним: она — подстерегающее животное. И будущая добыча кошки не должна ее не только слышать и обонять, но и видеть. А охотник должен хорошо видеть.

Получается парадокс: приведенные ответы — правильные и в то же время не отвечают на главный вопрос: чем кошка отличается от собаки. Ответ один: отличается способом добычи пищи. Остальные отличия (зрение, слух, чистоплотность и так далее) соответствуют этому способу, но каждое отличие в отдельности ничего не дает. Эти отличия, или свойства, могут действовать только в комплексе (втягивающиеся когти + отсутствие запаха + ночное зрение + тонкое осязание, необходимое в темноте, и тому подобное). Они закономерно сочетаются друг с другом, компенсируют друг друга и порознь не существуют. В науке эти свойства называются комплементарными. Вот эти-то отличия или свойства в комплексе имеются у собак и у кошек, они-то в комплексе и отличают этих животных друг от друга.

Просто отличают или дают какие-то преимущества одним животным перед другими в плане отношения к ним людей? Вопрос, казалось бы, незакономерный: каждое животное делает свое важное, нужное, полезное дело, каждое животное в меру своих сил и возможностей помогает людям, служит им. Ну, а люди?

Однажды известного советского писателя и драматурга Евгения Шварца спросили: почему вот так получается — собака, существо не менее полезное для человека, живет часто в будке, и ее держат на цепи, она нередко терпит холод, голодает, а кошка, если она не бездомная, живет припеваючи, даже спит на постели хозяина?

«Кошка сумела себя поставить», — ответил Евгений Львович. В этом шутливом ответе много истины: кошка действительно сумела себя поставить, точнее, поставить человеку условия — я буду жить с тобой рядом, буду помогать тебе бороться с грызунами, но ты не вмешивайся в мою жизнь, не интересуйся ею, не подсматривай за мною и позволяй мне делать все, что я хочу.

Все правильно. Но возникает еще один вопрос: почему человек принял эти условия? Ведь кошки своим поведением иногда доставляют людям неприятности — то напроказят, то съедят сметану в чулане, то разобьют что-нибудь ненароком, а то сойдутся весной на какой-нибудь крыше да такой концерт закатят...

Но человек почему-то терпит. Наверное, потому (и в этом еще одно отличие кошек от собак), что люди могут делать все, что делают собаки. А то, что делают кошки, — люди делать не способны. Странно, да? Но давай разберемся. Собаки сторожат. Люди могут это делать. Пасут стада. Люди тоже могут пасти стада. Спасать утопающих? Но и среди людей имеются прекрасные пловцы и ныряльщики. В крайнем случае, могут сами тянуть сани или охотиться без собак. Конечно, без собак очень трудно, конечно, многое собаки делают гораздо лучше и надежнее, чем люди. Но тем не менее...

Ну, а кошка? Что она умеет? Только ловить мышей. А человек этого не умеет. Пытается, конечно, обойтись без кошки. Но ни мышеловки, ни ловушки, ни яды не помогают.

Мы сейчас сами убедимся в этом.

О ТЕХ, КТО КОШКУ СДЕЛАЛ НАСТОЯЩЕЙ КОШКОЙ

(отступление отнюдь не лирическое, но необходимое)

Для того, чтобы говорить об этом, нам снова надо будет совершить путешествие во времени и довольно подробно познакомиться с животными, очень непохожими на кошек, но имеющими к их судьбе самое прямое отношение.

Сначала экскурс в прошлое — в Египет примерно пятого тысячелетия до нашей эры.

В это время в Египте начался расцвет земледелия — египтяне научились выращивать зерновые культуры. Земледелию, в частности выращиванию ячменя, там уделялось огромное внимание. Чтобы расширять площади посевов, осушались заболоченные долины Нила, вырубались леса и рощи вдоль него, была сооружена целая сеть оросительных каналов, дамб и плотин, широкое распространение получила специальная служба, которая наблюдала за погодой, предсказывала паводки и так далее, составлялись специальные земледельческие календари. Короче говоря, земледелию в этой стране уделялось колоссальное внимание. Можно сказать — это было основным занятием египтян, а зерно — основным богатством Древнего Египта. Изобретение в четвертом тысячелетии до нашей эры сохи еще больше повысило возможности земледельцев.

Собранный урожай — зерна ячменя и полбы — засыпали в огромные, башнеобразные, сделанные из кирпича или окаменевшего ила, зернохранилища. Зернохранилища имели прочные заслонки сверху, откуда зерно засыпалось, и такие же прочные заслонки снизу, откуда зерно доставали, когда требовалось. В хозяйствах вельмож, в царских и храмовых хозяйствах урожай тщательно измерялся и учитывался специальными писцами, его строго охраняли. И тем не менее, даже находясь в этих хорошо защищенных башнях-хранилищах, он не был в безопасности. Значительная часть его пропадала. Причиной тому были мыши, которых не могли остановить ни каменные стены, ни прочные заслонки. Конечно, мыши (тут мы говорим обобщенно, имея в виду всех мышевидных мелких грызунов) разбойничали и на полях, но там их деятельность была меньше заметна или меньше поддавалась учету.

Сейчас уже невозможно установить, когда эти грызуны стали нахлебниками человека. Видимо, очень давно. И очевидно, далеко не сразу поняли египтяне, что происходит в их зернохранилищах. Вероятно, они видели мышей, но поначалу, возможно, даже не представляли, какой вред могут принести эти маленькие, изящные, на вид даже очень симпатичные зверушки.

Действительно, одна мышь съедает немного — примерно грамма три в сутки. Однако если учесть, что домовые мыши (а именно они — основные вредители в амбарах и зернохранилищах) способны размножаться при благоприятных условиях

круглый год, имеют в год до десяти пометов и каждый раз приносят по 6—8 мышат, а молодые в месячном возрасте уже способны сами давать потомство, то можно понять, какой вред они приносят.

Но египтяне этого не знали. Не знали еще, очевидно, и потому, что свою деятельность мыши «не афишируют» — ведут себя очень тихо. Иногда подолгу живут рядом с человеком и не обнаруживают себя. И только следы деятельности мышей говорят об их присутствии.

Теоретически приплод одной пары в течение года может исчисляться десятками миллионов особей. И, казалось бы, наша планета давно должна была бы погибнуть от грызунов. Но этого не происходит и никогда не произойдет по многим причинам, и в частности потому, что у некоторых грызунов имеется способность к саморегулированию размножения: при большом скоплении у них увеличиваются надпочечники и выделяется особый гормон, замедляющий размножение. И наоборот, если грызунов становится почему-либо мало, надпочечники сокращаются, и размножение происходит нормально.

Это удивительное свойство, открытое лишь недавно и далеко не полностью еще изученное, помогает грызунам избежать перенаселения и гибели от голода, помогает им в короткое время пополнить свои ряды и до настоящего времени делает их во многих странах практически неистребимыми. И это при том, что сейчас человек имеет много возможностей бороться с мышами, начиная от примитивных мышеловок и кончая ядами и газами. А что же было делать египтянам? Только стремиться сделать неприступными свои зернохранилища для мышей. Но это не удавалось. Вот тогда-то и появилась на сцене истории кошка.

Безусловно, это было не одномоментное явление — вдруг очень уж стали досаждать грызуны, и тогда на них «напустили» кошку. Нет, видимо, тут потребовались века, пока люди осознали значение кошки, а она «поняла» свое предназначение. Но когда это, наконец, произошло — кошка заняла свое место и в жизни египтян, и в пантеоне их богов.

Мы уже не раз говорили, что богами египтяне делали животных, которые приносили пользу (или считалось, что приносят ее). Кошка в таком случае по праву заняла одно из первых мест в пантеоне. Тут, правда, мы сталкиваемся с любопытным явлением какого-то обратного, что ли, действия, принявшего уродливые формы: за пользу, приносимую кошкой, люди стали ее боготворить, а это стало уменьшать пользу кошек. Их закармливали, в храмах валялись на роскошных ложах ожиревшие, обленившиеся коты и кошки, давно уже переставшие ловить мышей. Да и другие, получающие обильную еду из рук человека, тоже частично утрачивали свои охотничьи инстинкты. И тем не менее именно кошки явились той преградой, которая помешала мышам уничтожить главное богатство Древнего Египта. Именно кошки стали на пути грызунов, которые могли погубить одну из самых богатых и могучих стран тогдашнего мира.

Видимо, немало страдали от мышей и страны античного мира. Там держали в домах ручных удавчиков, ласок, горностаев, которые в меру своих сил истребляли грызунов. Однако мыши все-таки очень донимали

людей. Не играй эти грызуны сколько-нибудь значительной роли в жизни Греции, вряд ли упомянул бы о них Гомер. Уже тогда они были так распространены и так вредили людям, что греки преподносили Аполлону (который, кроме всех титулов, имел еще и титул «мышатника», так как, по мнению греков, управлял грызунами) золотых мышей, надеясь, что за эти подношения бог уймет свою прожорливую рать. Но Аполлон был бессилен что-либо сделать, так же как боги Древнего Египта не смогли сладить с грызунами. Сладила с ними в какой-то степени лишь кошка. Сначала в Египте, потом — в Греции и Риме.

Но мыши (это, конечно, стало понятно потом) оказались сущими пустяками по сравнению с другими грызунами. Кошкам в Древнем Египте не пришлось сталкиваться с ними, в античном мире кошки тоже были избавлены от борьбы с этими грызунами. Борьба началась позже, когда уже кошки были хорошо известны в Европе. И тем более кажется нелепым и несправедливым гонение на кошек, которое началось как раз тогда, когда люди стали особенно в них нуждаться.

Речь, конечно, идет о крысах. Сначала появилась коричневая. Появилась, как полагают, в конце прошлого тысячелетия — пришла в Европу из Аравии (хотя прародиной крыс считается Центральная Азия и Южный Китай). Затем, начиная примерно с XIII века, в Европе стала появляться черная крыса. Правда, некоторые ученые считают, что появилась она гораздо раньше, просто была менее активна и потому менее заметна. Но так или иначе, массовое появление черных крыс совпало

Альфред Эдмунд Брем (1829—1884).

с развитием мореплавания и со временем возвращения крестоносцев из походов. Предполагают, что в Европу крысы приплыли в трюмах кораблей.

Теснота городов, обилие подвалов, пустырей, свалок, мусорных ям — все это очень устраивало черную крысу, и она стала быстро размножаться. И вскоре черные крысы, «объявив войну» (или без объявления), почти полностью уничтожили коричневую.

Затем черные крысы принялись за людей. В 1345—1350 годы в Европе вспыхнула чума — «черная смерть», которая, по свидетельству летописцев, унесла около 43 миллио-

нов жизней. Больше четверти всего тогдашнего населения Европы погибло из-за того, что крысы разносили возбудителей этой страшной болезни.

В 1665 году полчища крыс наводнили Лондон. Новая вспышка чумы уносила примерно 50 тысяч человек в месяц. Город настолько опустел, что даже центральные улицы заросли травой.

Люди по-разному пытались бороться с крысами. А. Брем писал, что еще в XV веке в одном из немецких городов был установлен специальный день молитв, чтобы избавиться от крыс. В другом городе епископ объявил крыс порождением дьявола, отлучил их от церкви и благословил всех верующих на борьбу с ними. За уничтожение крыс во многих городах выдавались специальные премии. Например, в XV веке во Франкфурте тем, кто приносил в городское самоуправление 5 тысяч крысиных хвостов, выдавалась особая «привилегия». Начали появляться первые профессионалы-крысоловы, которые впоследствии организовались в специальные цехи. Во времена Шекспира крысолов пользовался большим почетом и уважением.

Однако, несмотря на такие, казалось бы, действенные меры, количество черных крыс не только не уменьшалось, а становилось все больше и больше. Но вот в Европу прибыли новые грызуны — серые крысы (их еще называют пасюки, амбарные крысы, курако, щуры), и царству черной наступил конец.

Откуда и когда пасюки попали в Европу — не совсем ясно. Долгое время считали, что серые крысы попали в Центральную Россию, а потом в Западную Европу из Заволжья. (А в Заволжье они пришли из Азии.) Эту версию выдвинул Петр Паллас на основании рассказов людей, видевших, как в 1727 году полчища серых крыс переправлялись через Волгу в районе Астрахани. Версия Палласа долгое время не оспаривалась, хотя еще в книге крупнейшего зоолога средневековья Геснера, вышедшей в 1550 году, а затем в книге англичанина Джонсона, вышедшей через сто лет после книги Геснера, имеются рисунки серых крыс и указания на то, что их видели в Европе. Безусловно, это могли быть единичные экземпляры, передовые отряды или «разведчики», которые еще не конкурировали с хозяевами — черными крысами, но факт, что они уже тогда были в Европе.

Однако А. Брем, на основании собранных им данных, считает иначе и приводит хронологию расселения крыс по Европе: в 1732 году они были привезены из Индии в Англию, в 1750 году появились в Пруссии, в 1759-м обнаружили их во Франции, в 1780-м они расселились уже по всей Германии и только в 1809 году появились в Дании и Швейцарии, а оттуда попали в Норвегию.

Так это или нет, сейчас сказать трудно, но факт остается фактом: серая крыса, получившая научное имя «норвежская», быстро расселилась по Европе. Поначалу серых крыс было немного, и черные не препятствовали расселению пришельцев. Не препятствовали отчасти потому, что черные крысы вообще не очень агрессивны; помимо того, первое время у крыс были свои «сферы влияния»: черные жили в основном в чердачных помещениях, серые занимали подвалы

и ни на что другое не претендовали. Если же не было подходящих подвалов — рыли норы. Впрочем, норы они даже при наличии подвалов роют и сейчас.

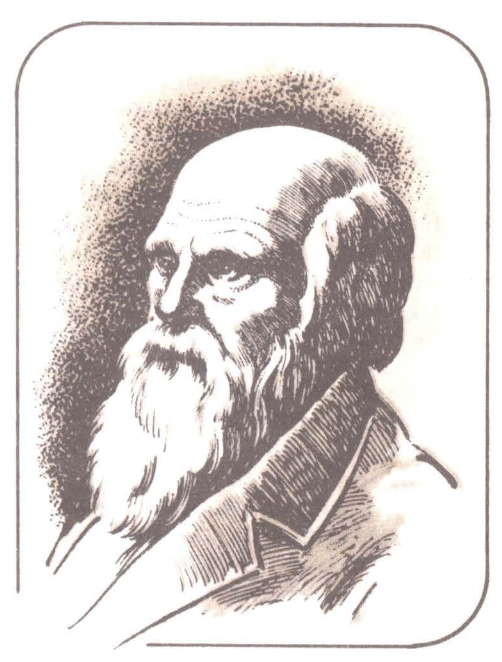
Какое-то время крысы существовали бок о бок, и черная не подозревала, какой удар готовит ей ее родственница. А серая крыса накапливала силы: имея в год по 3—4 приплода, в каждом из которых было по 7—8, а то и по 15—18 крысят, она готовилась к бою. И вот наступил момент, когда серая начала решительное наступление.

Одержать победу серой крысе оказалось не так уж трудно: сыграли роль и величина, и физическая сила, и выносливость. Кроме того, серая более хищная по натуре и чаще нападает. И нападают серые группами, в то время как черные воюют в одиночку.

Вскоре черные крысы были почти уничтожены, а оставшиеся серых не беспокоили: серые полностью стали контролировать положение, захватили основные источники питания. Затем серые крысы из Европы начали расселяться по земному шару: в 1776 году прорвались через Атлантику, появились в Северной Америке и быстро захватили весь континент. Затем сделали рывок в Южную Америку, но там встретили решительный отпор со стороны местных черных крыс. Тогда серые укрепились в прибрежной зоне и повели медленное наступление. По последним данным, сейчас они уже продвинулись в глубь материка на 200—300 километров и заняли ряд крупных городов.

На других материках и островах серые укрепились быстро. Еще в 1859 году Ч. Дарвин писал, что

Чарлз Роберт Дарвин (1809—1882).



«мыши и крысы представляют теперь более широкое распространение, чем какой бы то ни было другой грызун».

Пожалуй, позже всего проникла серая крыса в Сибирь и на Дальний Восток — без крупных городов она не может обходиться, а в Сибири до XIX века таких поселений было немного.

Серая крыса продвигалась на восток по мере строительства Транссибирской магистрали, по мере роста и развития сибирских городов. Особенно большое количество крыс хлынуло в Сибирь и на Дальний Восток во время русско-японской войны 1904—1905 годов.

Таким образом, примерно за три столетия серая крыса заселила почти весь мир.

Однако это вовсе не значит, что серая крыса, истребив черную, ока-

залась благодетельницей человечества: болезни, разносимые черной, не только не прекратились, но вспыхнули с новой силой.

Москвичи познакомились с чумой в 1770 году, когда она унесла 80 тысяч жизней. (В то время уже, по всей вероятности, господствовала серая крыса.) В это же время чума посетила Италию и Грецию. Дважды — в 1803 и в 1815 годах — вспыхнула чума в Константинополе, каждый раз унося около 150 тысяч жизней. С 1783 по 1844 год более двадцати раз вспыхивала эпидемия чумы в Египте.

В 1907 году только за одну неделю в Индии погибло 76 тысяч, а всего в Индии за время этой эпидемии погибло не менее полумиллиона человек. Специалисты считают, что от чумы погибло больше людей, чем во всех войнах, происходивших когда-либо на Земле. А ведь крысы распространяют не только чуму, но и многие другие болезни, начиная с туляремии и кончая бешенством. От тифа, разносчиками которого тоже являются крысы, лишь за четыре века погибло не менее двухсот миллионов человек. Известно не менее сорока опасных заболеваний, существованию и распространению которых способствуют крысы и мыши. (Некоторые ученые полагают, что таких заболеваний по крайней мере в два раза больше.)

Но распространение болезней — не единственное преступление крыс перед человечеством. Американские специалисты считают, что одна крыса в год уничтожает продуктов на десятки долларов. Если учесть, что сейчас в США приблизительно 400 миллионов крыс, то убытки от них составляют многие миллиарды долларов в год. А количество этих грызунов не уменьшается.

И ведь такое огромное количество крыс не только в США. Во Франции, например, по очень приблизительным данным, их около 10 миллионов, в Индии же число этих грызунов приближается к 6 миллиардам.

Крысы страшны и своей численностью, и своей прожорливостью. И тем еще, что они практически всеядны. Причем крыса не умеет голодать — она должна быть все время сыта. Широко распространенное выражение «беден как церковная крыса» лишний раз подтверждает, что мы еще очень плохо знаем этих грызунов. Где бы крыса ни жила, пусть даже в церкви, где вроде бы нет никаких запасов, — она всегда «богата», она всегда живет хорошо. Плохо, бедно крысы жить не могут: даже двухдневный «пост» смертелен для них. Если же учесть, что в год одна крыса съедает 15 килограммов продуктов, необходимых человеку, и, кроме того, раз в 5—6 больше перепортит, и все это перемножить на 10 миллиардов (столько, по самым приблизительным подсчетам, живет сейчас крыс на Земле), то получится страшная цифра: только злаков — риса, пшеницы и так далее — крысы уничтожают в год 30—35 миллионов тонн. А ведь они поедают и портят не только злаки! В общем, получается, что каждый пятый или шестой человек, занятый в сельском хозяйстве, работает на крыс.

Крысы уничтожают не только продукты питания. Они могут грызть доски и есть траву, они прогрызают металл и съедают электроизо-

ляцию. Американские специалисты считают, что каждый четвертый пожар, происходящий в США по неизвестным причинам, — это работа крыс, устраивающих короткие замыкания.

А сравнительно недавно в Японии на одной из важнейших магистралей на много часов было парализовано движение — крысы перегрызли изоляцию и вывели из строя систему сигнализации. Неоднократно крысы были виновницами разрушения плотин и дамб.

Трудно перечислить все, что едят крысы. Причем нередко едят самые неподходящие, с нашей точки зрения, вещи, хотя недостатка в еде не испытывают.

У крыс зубы постоянно растут. (Теоретически они могут отрасти за год на 127 миллиметров.) И чтобы не погибнуть, крыса должна непрерывно стачивать зубы. Делает она это, стачивая зубы о зубы. Или она должна постоянно что-нибудь грызть. А это, в свою очередь, значит, что она все время что-то портит.

На первый взгляд может показаться, что крысы очень неприспособленные животные. Ну, на самом деле: зрение у них слабое, слух тоже так себе, ниже среднего — чистых звуков крыса не слышит, а различает лишь шорохи; и цветного зрения у крысы нет, обоняние слабее, чем у многих других животных.

И тем не менее крыса прекрасно приспособлена к жизни.

Начнем с того, что, несмотря на свою всеядность и обжорство, крысы придерживаются точного, правильного и рационального питания — ни малокровия, ни ожирения, ни авитаминоза они не знают. Два американских ученых, наблюдая в лаборатории за питанием серых крыс, давали им одновременно различные продукты, богатые либо витаминами, либо жирами, либо углеводами, либо белками. Крысы могли выбирать что угодно и сколько угодно. И они выбирали такие продукты и в таких количествах, чтоб организм получал все нужные вещества в строго определенной пропорции, наиболее полезной для здоровья.

Рациональное питание сочетается у крыс с дисциплиной — они строго соблюдают законы границ колонии и стараются не нарушать их, ибо это может кончиться для нарушителя трагически.

Сравнительно недавно профессор С. А. Бернетт из университета в Глазго установил, что крысы могут погибнуть от стресса, и стресс очень часто происходит как раз на чужой территории. Причем хозяин территории даже не прикасается к чужаку, а лишь начинает кружить около него, вздыбив шерсть и щелкая зубами. А чужак не пытается ни убежать, ни оказать какое-то сопротивление или хотя бы сделать вид, что готовится к бою, — он падает и лежит неподвижно, тяжело и прерывисто дыша. После этого хозяин территории может уйти по своим делам, затем вернуться и снова совершить ряд угрожающих пассов вокруг распростертого чужака, снова уйти, отдохнуть, опять вернуться — чужак будет лежать на том же месте. Длится это иногда час-полтора, а иногда и несколько часов (с перерывами), но финал всегда один: чужак, так и не сделав попытки спастись, погибает.

Возможно, такое бывает не всегда и не со всеми, но Бернетт утверждает, что это происходит не только при нарушении границ. По утверждению

английского ученого, среди самцов крыс существует строгая иерархия. Самцы как бы разбиты на три группы, или три категории. К первой относятся смелые и сильные — господа и повелители, — и перед ними все трепещут, все унижаются, подлизываются к ним. Самцы второй категории тоже сильные, но трусливые. Эта трусость доводит самцов второй категории до того, что они иногда подползают на брюхе к самцу первой категории и вылизывают ему шкурку. Если же «второкатегорник» посмеет ослушаться — повелитель убьет его, как убивают чужака, нарушившего границу: доведет до стресса.

Что же касается крыс третьей категории — слабых, несчастных, то они почти всегда обречены на преждевременную смерть: при любом удобном случае самец первой или второй категории доведет его до стресса.

Видимо, такие отношения избавляют крысиный род от слабых особей, постоянно улучшают его, способствуют выживанию и процветанию.

Ну и, наконец, способствуют выживанию доказанные опытами находчивость и сообразительность крыс. Крысы отыскивают дорогу в самых запутанных лабиринтах даже с завязанными глазами, даже с обрезанными вибриссами — волосками, которые помогают им ориентироваться в пространстве. Они распознают фигурки и рисунки и запоминают их, если понимают, что за «узнавание» положена награда. Многие легенды, которые рассказывают о сообразительности крыс, оказываются реальностью. Например, существовала легенда о том, как крысы транспортируют куриные яйца в свои норы: одна, обхватив лапами яйцо, ложится на спину, а другие тянут ее за хвост. Недавно французские ученые сняли все это на кинопленку.

Рассказывали, что крысы способны добывать масло из бутылки с узким горлышком, опуская туда хвосты и потом облизывая их. Похоже на сказку. Но французский ученый Морис Кейн рассказывает об этом как о факте. Правда, наблюдали за крысами, таскавшими таким образом масло не из бутылки, а из церковной лампадки. Но не только это поражает в крысах: по натуре своей крысы — исследователи, их страстно тянет, интересует все новое, все незнакомое. В то же время они очень подозрительны. Поэтому крыса постоянно ищет новое, а найдя это новое, относится к нему с величайшей осторожностью.

Существовали и другие легенды. Например, рассказывали, что крысы никогда не прикасаются к отравленным приманкам и не идут в ловушки.

Крысы действительно очень осторожны и очень наблюдательны. Заметив что-то мало-мальски подозрительное, они уже обходят ловушки, не притрагиваются к приманкам. Кроме того, как утверждает профессор Корр-Эрст, среди крыс часто находится «смертница», которая пробует отравленную приманку. Остальные крысы какое-то время выжидают и, лишь убедившись в том, что их подруга жива (или погибла), поступают соответственно обстоятельствам. Трудно сказать, насколько это типично для крыс, но французская исследовательница утверждает, что проверила это многократно.

Кто знает, что произошло бы на нашей планете, если бы не кошки?!

Множество наблюдений, множество опытов, проделанных с крысами, все больше и больше убеждают ученых: эти животные обладают высокоорганизованным нервным механизмом, и он с лихвой искупает слабость зрения, слуха и прочие «недостатки». Он, этот механизм, дает возможность обмануть самого опытного крысолова, помогает запомнить то, чего следует опасаться. Этот высокоорганизованный нервный механизм помогает крысам приспосабливаться к самым различным условиям, помогает выстоять в самой жестокой схватке, делает современных крыс, как говорят ученые во многих странах, суперкрысами. А все это, вместе взятое, превращает крыс в сильных и опасных врагов человека.

ГЛАВНЫЙ ПОДВИГ

Мы нарочно так подробно рассказали о мышах и особенно — о крысах, потому что без этого непонятен был бы нам главный подвиг кошки.

Борьба с крысами ведется давно и почти повсеместно. Применяются ловушки и капканы, яды и даже ультразвук. Но крысы — мы видели, на что они способны, — так или иначе избегают опасностей или, понеся урон, быстро восстанавливают свои ряды. Конечно, механические и химические виды борьбы необходимы. Мы не знаем, насколько людские старания снижают темпы размножения крыс, но без этих стараний крыс явно было бы во много-много раз больше. Однако основная борьба с этими грызунами — биологическая.

Мы помним — с мышами боролись в домах приученные зверьки и удавчики. Но хорьки и ласки покину-

ли человеческие дома с приходом крыс. Пришлось и другим, признанным истребителям грызунов, отступить перед нашествием крыс. А те, кто мог как-то с ними бороться, оказались непригодными по другим причинам. Так, например, на Ямайке плантации сахарного тростника буквально уничтожались крысами. Только в одном 1870 году убытки, нанесенные этими грызунами, оценивались в 100 тысяч фунтов стерлингов. Поэтому в 1872 году на Ямайку были доставлены мангусты. Мангусты оправдали надежды: быстро размножившись и освоившись, они в короткое время снизили убытки фермеров почти вдвое. Поэтому мангустов срочно расселили на другие острова архипелага. И там они тоже быстро снизили число крыс, но потом принялись за жаб, птиц, ящериц и из очень полезных зверьков скоро превратились в страшных вредителей.

Нет, ни ласки, ни хорьки, ни мангусты. Кошки и только кошки могли противостоять крысам, могли с ними бороться по-настоящему. И оценил ее человек только тогда, когда почувствовал страшную опасность.

«Особенно сделалась ценной и необходимой для человека кошка, когда... с востока хлынули несметные полчища крыс... Не подлежит сомнению, что именно чрезвычайное развитие этих опасных грызунов вызвало распространение домашней кошки по всей Европе», — писал советский зоолог П. Ю. Шмидт.

Мы уже говорили выше, что, несмотря на все усилия людей и помогающих им животных (в частности, кошек), грызунов на планете огромное количество, и может сложиться впечатление, что люди и кошки бессильны перед ними.

Однако мы не знаем, сколько миллиардов крыс уничтожили кошки за время этой многолетней и упорной борьбы. Ведь не случайно кошек завозили и завозят туда, где их не хватает или нет вовсе. Так, в 1876 году на Новую Зеландию, где не было еще кошек, был доставлен целый большой пароход этих животных. А в 1961 году газеты сообщали, что «состоялась торжественная церемония по поводу отправки пятидесяти кошек на два японских острова для борьбы против полчищ крыс, уничтожающих урожай». Всего же десять тысяч кошек должны принять участие в этих боевых операциях.

Сравнительно недавно «кошачий десант» был срочно доставлен на самолетах на остров Калимантан, где крысы уничтожали посевы риса.

В Колумбии из-за размножившихся грызунов страдают не только посевы — страдают люди, искусанные крысами. Правительство страны регулярно выделяет довольно значительные средства для закупки за границей кошек.

Можно привести еще немало подобных примеров. И ведь это сейчас, когда человечество располагает самыми совершенными способами борьбы с грызунами!

Правда, есть люди — и таких, к сожалению, не так уж мало, — которые считают, что кошки уже переродились, из полезных животных превратились во вредных: стали специализироваться на ловле птиц, причем не только мелких, но и крупных, стали разорять гнезда. Особенно кошки безнадзорные.

Созданная в 1949 году Международная федерация европейских любителей кошек решила тщательно проверить эти обвинения. Она пору-

чила группе зоологов-экспертов проанализировать неучитываемый людьми рацион кошек (то есть выяснить, что самостоятельно добывают и едят кошки).

После длительных и серьезных исследований выяснилось, что даже бездомные кошки питаются в основном мышевидными грызунами, насекомыми, растениями, находят еду в мусорных ямах. Да, конечно, бывает, и гнездо кошка разорит, и птичку поймает. Но статистика показала: в этом можно обвинить лишь пять процентов кошек. Но и они не специализируются на ловле пернатых: птицы или птенцы лишь случайная добыча.

Чешские зоологи проверяли утверждение егерей, что одичавшие кошки якобы, разбойничая в лесу, уничтожают не только мелких, но и крупных птиц. И это обвинение не подтвердилось: в лесу кошки ловят в основном грызунов.

Другие специалисты не обвиняют кошек в разбое. Они согласны, что где-то кошка еще очень активно работает. Но там, где нет мышей, кошки теряют или уже потеряли «квалификацию» — не ловят мышей и крыс, а просто живут в домах ради удовольствия своих хозяев. Да, верно. Сейчас кошки уже не ловят мышей: во многих городах нашей страны идет успешная борьба с грызунами и в ряде случаев кошкам уже нечего делать. И охотничий инстинкт, не поддерживаемый практикой, постепенно угасает. Если же безработными были ее мать и ее бабка, кошка действительно может «деквалифицироваться». Но нельзя забывать другого: сам факт присутствия кошки в доме часто отпугивает грызунов. Значит, уже один факт существования кошки рядом с человеком приносит пользу!

Культа кошки нет сейчас ни в Европе, ни в Азии, ни в Америке. Правда, иногда их награждают символическими медалями, иногда муаровыми лентами и почетными удостоверениями, как сделала это дирекция одной английской фабрики, провожая «на пенсию» кота-ветерана, прослужившего на фабрике 21 год и уничтожившего за это время, по самым скромным подсчетам, 22 тысячи мышей и крыс.

Но заслуги кошки не оценены человечеством по-настоящему. Собакам поставлены памятники. Много памятников. Кошке настоящего памятника нет[1].

Правда, во Франции перед знаменитым Сорбоннским университетом стоит памятник кошке. По инициативе студентов и профессоров поставлен он кошкам, которые помогли людям постигнуть тайны физиологии. Это, безусловно, заслуга.

Но у кошки заслуги перед человечеством гораздо более важные.

Кошке нужно поставить памятник за ее главный подвиг — за уничтожение грызунов.

Мы уже говорили, что грызуны губили урожай и, возможно, земледельцы работали бы только на мышей и крыс. Грызуны, кроме того, что готовы были уморить человече-

---

[1] В Японии, в городе Кагосиме, есть Храм кошек. Но сооружен он не в честь каких-то священных кошек, а в память о семи котах, взятых военным правителем в 1600 году с собой в поход. Так как часов, естественно, тогда ни у кого не было, то по суживающимся в зависимости от освещенности или расширяющимся зрачкам котов определяли время. Любопытно, что в этот храм сейчас регулярно ходят часовщики, чтоб молиться о процветании своего дела.

ство голодом, объявили ему бактериальную войну и чуть не сделались регуляторами человеческой численности. Если бы не появилась кошка.

Это было в прошлом. Но так обстоит дело и в настоящем. И очевидно, будет обстоять в будущем. Мы уже говорили, что даже самые совершенные средства борьбы не могут уничтожить мышей и крыс поголовно — хоть пять процентов, да останется. А при плодовитости грызунов восстановление прежнего количества — лишь дело времени, причем не такого уж долгого. Кроме того, новые поколения будут уже невосприимчивы ко многим ядам.

Так что кошка была, есть и останется, очевидно, еще долгое время надежным защитником человечества от грызунов. И если она не способна истребить их полностью, то сократить количество мышей и крыс, сдержать их размножение она может.

Заслуги собак перед человечеством огромны. Они «вывели человека в люди». Заслуги кошек — не меньше: без кошек население планеты не достигло бы такой высокой численности.

Нужно поставить памятник кошкам — истребителям грызунов. Не для самих кошек — они и без памятника добросовестно делают свое дело. Памятник кошкам нужен для того, чтобы напоминать людям, как часто — очень даже часто! — они несправедливы и жестоки к этим животным!

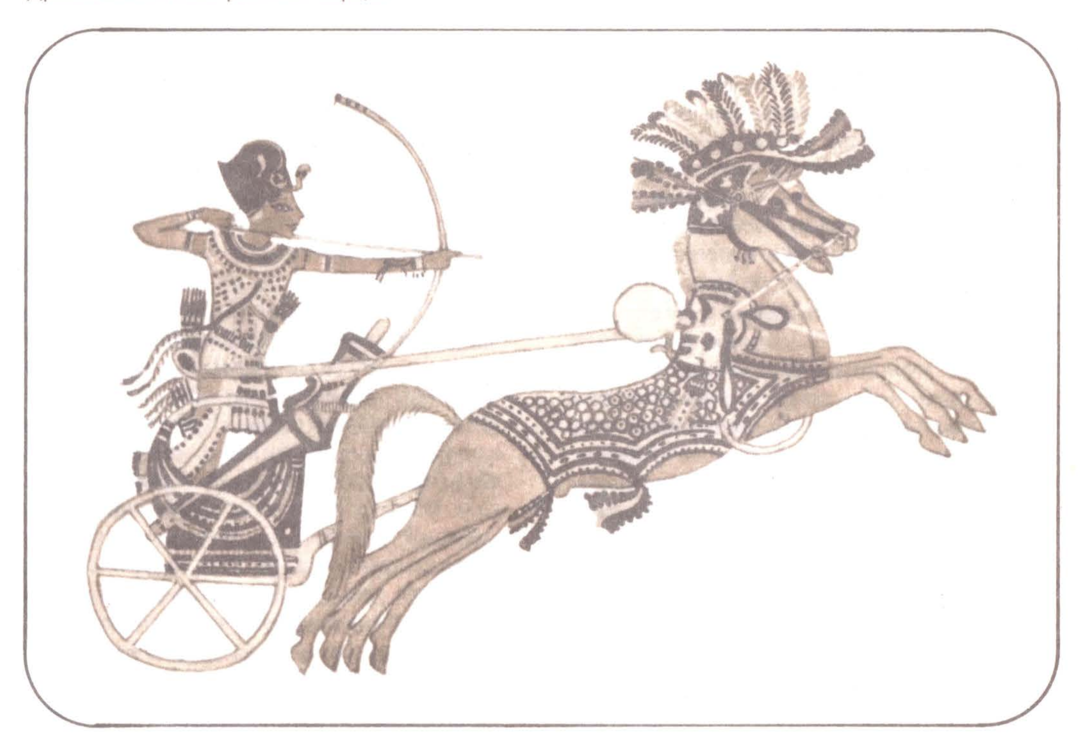
КОЛЕСНИЦЫ И ВСАДНИКИ

Долгое время считалось: сначала человек запряг коня, потом сел на него верхом. Так считать были основания: исторический материал — как изобразительный, так и письменный — рассказывал о колесницах, появившихся несколько тысячелетий назад, но ничего не говорил о всадниках. И тем не менее, видимо, всетаки человек раньше сел на коня, а потом запряг его. Мы говорим «видимо», потому что у нас нет документальных подтверждений этого. Но логика и здравый смысл подсказывают: если рогатый скот можно было пасти пешком, то табуны лошадей так пасти уже было невозможно. Поэтому многие ученые высказывают предположение, что впервые лошадь стала служить человеку как верховая. И пользовались ею пастухи. Но, видимо, верховая езда в те времена была явлением частного порядка. И если где-то, кроме мест, где жили индоевропейцы — арии, и появлялись всадники, то опять-таки это было тогда явление не массовое. Массовыми стали колесницы. Это и дало основание историкам считать, что человек, приручив коня, сначала запряг его, а потом уж сел на него верхом.

Когда индоевропейцы двинулись со своих исконных мест обитания и стали расселяться по другим странам, одомашненные кони у них уже, конечно, были. А вот имелись ли у ариев какие-нибудь повозки, в которые этих коней запрягали, — неизвестно. Зато точно известно: такие повозки существовали на Востоке еще задолго до прихода туда ариев.

Были времена, как это ни странно может показаться современному человеку, когда люди не знали колеса! Правда, времена эти очень давние. Уже существовали первые в мире крупные государства Месопотамия и Египет, уже многое было известно

Фараон, сражающийся на колеснице.
Древнеегипетская роспись ларца.



людям, многое открыто и придумано, а вот колеса люди не знали. Конечно, были в те времена тяжести, которые надо было как-то перевозить. Но как повезешь, если нет транспорта? И тяжести не возили, а волокли, тянули по земле. Тянули волы, тянули коровы, тянули люди. Тянули просто по земле. Потом эти тяжести стали класть на специальные полозья, вроде лыж. Это, конечно, облегчало передвижение тяжестей, но все равно было неудобно. От трения о землю полозья сильно нагревались, иногда даже загорались. Приходилось специальным людям идти перед полозьями и поливать землю водой.

И вот однажды кому-то пришло в голову...

По этому поводу существует много легенд, всяких предположений и версий. Рассказывали, что какой-то фараон или другой правитель в какой-то восточной стране сидел в саду и однажды увидал, как ветер покатил оторвавшийся цветок. Цветок катился, как колесо... И тогда...

Нет, пожалуй, это легенда. Так же, как легенда то, что колесо было придумано жрецами, наблюдавшими катящиеся по небу круги солнца и луны. Просто, возможно, кто-то однажды догадался положить под груз вместо полозьев-лыж круглые бревна. Возможно, этот человек (или эти люди) не придал особого значения своему поступку. Но в тот момент он совершил грандиозное открытие, которое, возможно, стало поворот-

ным моментом в истории человечества, — он изобрел колесо. Дальнейшее уже было делом техники: люди усовершенствовали это бревно — уменьшили его длину, довели его до минимума и увеличили диаметр. Потом кто-то догадался соединить два кружка осью. А кто-то додумался приладить к оси площадку. И появилась повозка.

Это произошло 5—6 тысяч лет назад в странах Двуречья, то есть в странах, лежащих в долинах между двух рек — Тигром и Евфратом.

Но лошади тогда там еще не было, и повозки тянули ослы или быки.

Со временем повозки совершенствовались, и мы сейчас знаем, что с начала третьего тысячелетия до нашей эры в Двуречье существовали уже грузовые и боевые колесницы. Затем они проникли в другие страны. Правда, некоторые историки считают, что повозки были изобретены самостоятельно и в Месопотамии, и на Кавказе, и в евразийских степях. Но, судя по тому, что во всех этих местах повозки были одинаковой конструкции, а также по тому, что их части и детали назывались одинаково, надо полагать, что все-таки центр происхождения у них один.

Другое дело, что колесницы постоянно усовершенствовались. Так, например, если в Месопотамии поначалу колесницы были тяжелыми и представляли собой платформы, на которых находились стрелки, то в Египте это уже были легкие, маневренные повозки, приспособленные не только для стрелков, но и сами по себе являвшиеся грозным оружием. О том, какое значение в древнем мире придавалось колесницам, запряженным лошадьми, мы можем судить по многим фактам. Например, в Египте для изготовления колесниц использовались вяз, сосна, ясень, береза. Если же вспомнить, как справедливо указывает советский ученый Б. В. Ковалевская, что береза не растет южнее Трапезунда и Арарата, то станет ясно, что материал этот доставлялся издалека. А в те времена это была нелегкая задача.

Любопытно и весьма показательно открытие исследователей дворцов на острове Крит — там было найдено около пятисот колесниц. Для чего жителям Крита столько колесниц — непонятно, потому что сам остров гористый и на колесницах там ездить почти невозможно. Немецкий ученый Г. Бокиш высказал предположение (и это, видимо, так и было), что колесницы на Крите изготовляли, чтобы их экспортировать.

Убедительным доказательством значения колесниц и лошадей в то время служат канонические фразы, которыми начинались письма правителей разных стран друг другу: «Я благополучен, да будет благоденствие тебе, твоим женам, твоим друзьям, твоей стране, твоим вельможам, твоим коням, твоим колесницам».

Это и понятно: ведь появление колесниц вызвало, по сути, целую революцию в военном деле. Колесницы становятся главной ударной силой в армиях, они решают не только исходы отдельных сражений — они решают судьбы целых государств.

Прекрасное и точное описание боевых действий колесниц мы можем найти у Гомера — в Европе они тоже активно использовались. Но началась «слава» колесниц в Египте и в Хеттском царстве, которое было некогда расположено в Малой Азии.

Египет и Хеттское царство были постоянными соперниками в борьбе за господство в Передней Азии, они постоянно воевали друг с другом и постоянно совершенствовали свои войска. Естественно, что совершенствовали они и колесницы.

Рано или поздно государства эти должны были сойтись в решительном сражении. И оно произошло по одним данным — в 1312-м, по другим — в 1296 году до новой эры. К этому времени и у египтян и у хеттов были усовершенствованные колесницы, и они сыграли решающую роль в битве вблизи города Кадеш, который находился на территории теперешней Сирии.

Важно еще и то, что битва при Кадеше — первая в истории битва, ход которой можно проследить. Правда, объективно она освещена быть не могла, так как знаем мы о ней со слов личного летописца египетского фараона Рамзеса II. Но все-таки это описание дает нам представление о происшедших событиях и показывает нам роль боевых колесниц.

Количество воинов в обеих армиях было одинаковое — примерно по двадцать тысяч пехотинцев с каждой стороны. Но главное — колесницы. Их было много: у хеттов, это известно точно, две с половиной тысячи, у египтян предположительно столько же. Причем колесницы объединялись в отряды по десять, тридцать и пятьдесят.

К этому времени колесницы были усовершенствованы, имелись уже и «гражданские» и «военные». До нас дошло изображение знаменитой египетской царицы Нефертити, едущей в очень элегантной колеснице. Во Флорентийском музее в Италии хранится очень изящная легкая колесница, обтянутая кожей с тиснениями и металлическими накладками. Это «гражданские» колесницы.

Боевые колесницы были, конечно, более мощными и крупными. Если хранящаяся в музее «гражданская» колесница имеет длину всего пятьдесят, а высоту всего семьдесят пять сантиметров, то боевые были метровой длины и более метра в высоту. Почти метровые колеса у них имели уже восемь спиц (ранее было четыре, максимум шесть), и — что очень важно — увеличился конец оси, выступавшей с каждой стороны колеса.

Конями управлял возница — уважаемая в Египте личность, рядом с ним стоял воин, обязательно из знатного рода, — только они сражались на колесницах, а рядовые граждане — в пешем строю. Однако не только были страшны воины на колесницах, но сами колесницы: концы выступающих осей — это были фактически острые длинные ножи, которые, когда колесница врывалась в расположение врага, скашивали людей, как траву. Такие же, но несколько короче, ножи прикреплялись к передку колесницы.

Колесницы египтян были маневренными, быстрыми, и знаменитый маневр «гнев фараона» производил страшное опустошение в рядах противника. Суть этого маневра состояла в том, что колесницы врывались в расположение врага и, развернувшись, мчались вдоль всего фронта от фланга до фланга.

Хеттские колесницы были более мощными — на них стояли три человека: кроме возницы, еще и щитоносец, который прикрывал и возницу и воина. Воин же был не лучник, а копейщик.

И у хеттов, и у египтян колесницы

везли две лошади. (Имелась и третья — запасная.)

Рамзес II вышел из Египта с отрядами, каждый из которых назывался по имени бога — Амон, Ра, Пта, Сет.

То ли у египтян была плохо поставлена разведка, то ли хетты ловко дезинформировали египтян, но, приблизившись к Кадешу, Рамзес и не подозревал, что находится совсем близко от противника. К тому же подосланные лжеперебежчики совершенно усыпили бдительность Рамзеса, сообщив, что хетты ушли далеко. А они тем временем обошли египтян с тыла, неожиданно напали на приближающийся отряд Ра и разгромили его. Затем подошли с тыла к отряду Амона и тоже почти полностью уничтожили его. Сам Рамзес едва уцелел и спасся лишь благодаря своей личной охране и своему собственному мужеству. Да еще благодаря лошадям. Летописец записал слова Рамзеса: «Со мной были «Победа у Фив» и «Бодрость духа», мои лучшие кони, у них нашел я поддержку, когда я остался совершенно один среди множества врагов».

Но тут сплоховали хетты: считая, что египтяне уже полностью разгромлены, они занялись грабежом покинутого египетского лагеря. А тем временем к месту сражения подходил отряд союзников Египта. Встретив их, удирающий Рамзес повернул обратно, и теперь уже египтяне напали на потерявших бдительность хеттов.

Не будем сейчас говорить о том, кто победил в этом сражении, — Рамзес утверждал, что победил он, хеттский владыка Муваталла был уверен, что он разгромил египтян, историки же считают, что битва при Кадеше окончилась «вничью». Египет и Хеттское царство после этой битвы заключили договор о ненападении и взаимной помощи. Но нас интересует сейчас другое — роль колесниц. А роль эта была решающей. Кстати, мы все время тут говорим о колесницах, но при этом постоянно помним — ведь их везли лошади! И именно лошади, а не колесницы, конечно, играли главную роль. Недаром и египтяне и хетты уделяли такое внимание лошадям, даже их внешнему виду.

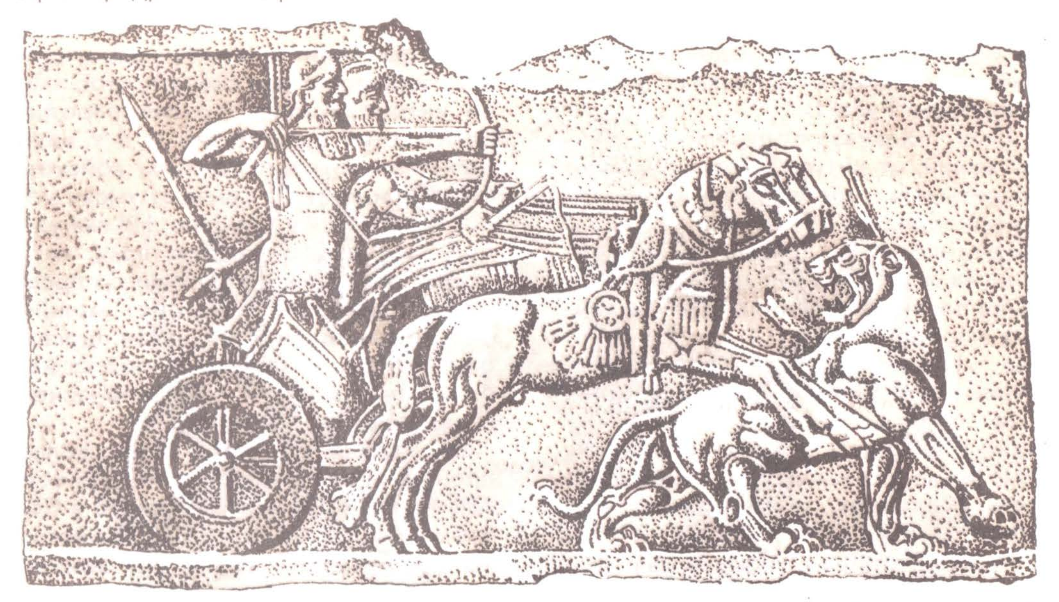
Профессор В. О. Витт в своей работе «Лошадь Древнего Востока» на основании изучения древнеегипетских памятников дает такое описание лошади того времени: «Мы видим лошадь довольно крупную, стройную, сухую, с высоко поставленной шеей, с породной головой, хорошо развитой холкой. Художник старается выразить живой темперамент этой лошади, изображает ее стремящейся вперед, легконогой».

Но вернемся к битве египтян с хеттами. Она, конечно, была отнюдь не единственная, где решающую роль играли колесницы. Ведь колесницы существовали много веков: появившиеся во втором тысячелетии до нашей эры, они использовались бриттами еще на рубеже новой и старой эры, а у персов сохранялись еще позже. Однако золотой век колесниц закончился все-таки в середине первого тысячелетия до новой эры.

Но пока цари и владыки сводили друг с другом счеты, отбирали земли и покоряли народы с помощью колесниц, уже появились всадники.

Колесницы продолжали совершенствоваться: уже не две, а четыре и даже шесть лошадей везли боевые повозки, уже не один-два, а четыре человека находились на них, и ко-

Охота на льва с колесницы. Барельеф. Древняя Ассирия.



лесницы как бы из легких танков древности превратились в тяжелые. Однако имелись у них очень существенные недостатки, преодолеть которые было невозможно: во-первых, несмотря ни на что, они обладали слабой маневренностью, во-вторых, их можно было использовать только на равнинах, причем лишь на достаточно обширных.

У ассирийцев тоже были колесницы. Но по этой части они не могли соперничать с египтянами и хеттами. Поэтому ассирийцы искали «противовес» этим грозным «машинам». Искали долго — лет триста, но в конце концов нашли.

В значительной степени помогли ассирийцам сами хетты.

В 1931 году советский ученый Б. Грозный сделал удивительное открытие: он расшифровал хеттский клинописный документ, который оказался трактатом о том, как тренировать лошадей, написанный неким Киккули. В «Трактате Киккули» содержались сведения (а это первый трактат подобного рода, и «возраст» его не менее трех тысяч лет), не устаревшие в некоторых своих частях и сегодня. Удивительно, но до сих пор люди пользуются и некоторыми терминами, взятыми у Киккули. Однако трактат этот посвящен воспитанию коней для колесниц. Ассирийцы, взяв лучшее из опыта хеттов, решили использовать коней иначе.

Своих коней у ассирийцев не было, поскольку не было и коневодства. А не могло быть там коневодства потому, что Ассирия не располагала подходящими пастбищами. Коней покупали в Урарту — древнейшем из государств. (Оно находилось на территории современной Армении.)

«Пустынные земли он превратил в луга, и зеленели они весьма сильно в начале года; трава и пастбища не прекращались ни зимой, ни летом. Он превратил их в загон для ко-

ней» — так сообщала одна из ассирийских глиняных табличек об урартском царе Русе I.

Итак, с Кавказа получали ассирийцы коней, от хеттов — опыт, умение воспитывать и тренировать коней, сами же обладали упорством. Оно вознаградилось: ассирийцы сели верхом на лошадь. Сначала ассирийцы были плохими всадниками — на ранних изображениях (IX век до н. э.) мы можем увидеть ассирийцев, очень неуверенно сидящих на конях (как сидят обычно на ослах — ближе к крупу). На более поздних (VII в. до н. э.) мы уже можем видеть всадников, мчащихся во весь опор.

Правда, и потом ассирийская конница была не совершенна — например, воин-стрелок не мог на ходу стрелять из лука. Второй всадник должен был держать лошадь под уздцы, чтоб первый мог выстрелить. И тем не менее конница ассирийцев сыграла огромную роль — именно благодаря ей они начали одерживать очень важные победы.

Это дает основание некоторым ученым считать ассирийцев основателями кавалерии.

Однако есть и другое мнение: впервые сели верхом не ассирийцы, а скифы. Они жили в тех местах, где впервые была приручена лошадь.

Поначалу скифы были скотоводами. По мере увеличения населения в степях, по мере увеличения численности скота все меньше становилось пастбищ в районе постоянного места жительства скотоводов, все труднее становилось с водопоями. И скифы начали переходить с места на место в поисках лучших пастбищ и постепенно превратились в кочевников.

Скифы жили в южнорусских степях. Однако нельзя сказать, чтоб ими не интересовались другие народы. Персидский царь Дарий II в V веке до новой эры с огромным войском (по легенде — до семисот тысяч человек) вторгся в Скифию. Но вынужден был спасаться бегством, хотя скифы ни разу не вступили с персами в серьезное сражение: молниеносно нападали и, не давая персам опомниться, исчезали. И опять: неожиданная атака — и молниеносное исчезновение. И снова...

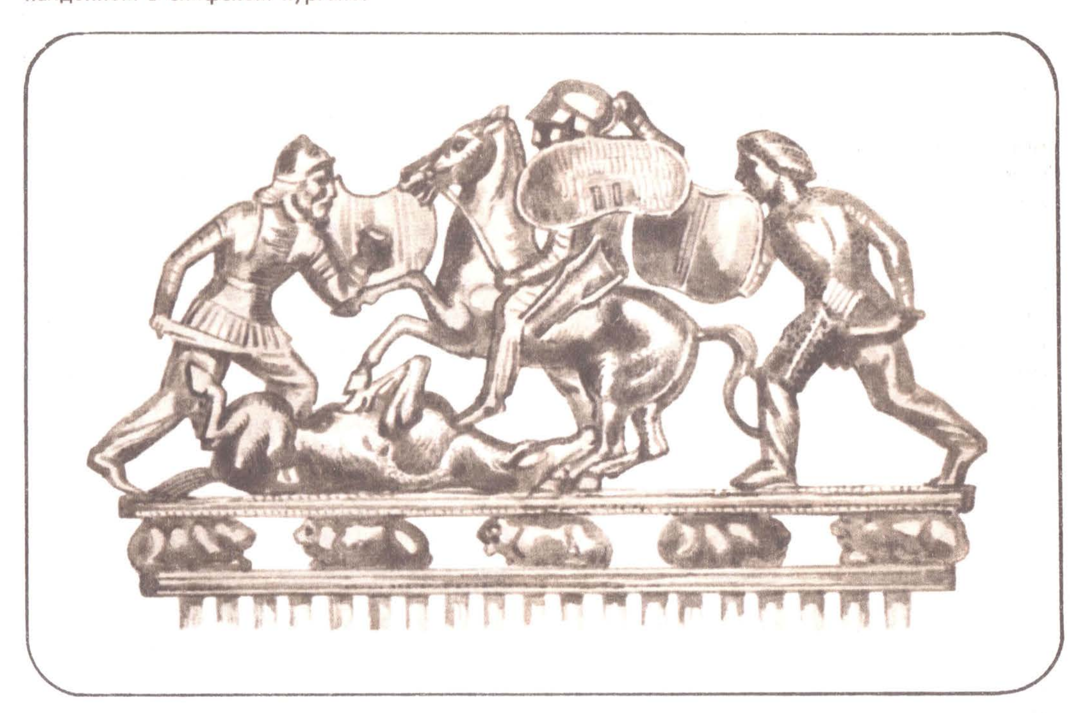
В IV веке до новой эры сделал попытку покорить Скифию наместник Александра Македонского в Северном Причерноморье Запирон. Но все тридцать тысяч его воинов были уничтожены, и сам наместник погиб вместе с ними.

Однако настало время, когда скифы не только перестали отражать нападения врагов на собственную землю, — они пошли сами в чужие земли. Даже не пошли — хлынули, так будет точнее.

И не было им преград, никто не мог противостоять им. Скифы были непобедимы. А непобедимыми их делали кони.

Кочевники буквально сроднились с конем. Никто не умел так управлять им, как скифы, никто не умел так сидеть на коне, как они. Правда, как считают многие историки, у скифов не было стремян — стремена, судя по находкам, были изобретены только в III—IV веках, хотя другие предполагают, что у скифов уже были ременные или веревочные стремена. Однако если и не было стремян, то скифы все равно мчались, как ветер, внезапно нападали и так же внезапно уходили. Отсутствие стремян лишало всадников возможности

Схватка греческого воина со скифами. Изображение на золотом гребне, найденном в скифском кургане.



пользоваться холодным оружием (чтоб пользоваться саблей, мечом или пикой, необходим упор). Но скифам этого и не нужно было — они осыпали противника тучей стрел, причем стреляли на полном скаку (не то что ассирийцы) и при этом достаточно метко. Мало того — скифы умели стрелять на ходу и обернувшись, поражая из такого положения преследователей. Этот знаменитый «скифский выстрел» впоследствии переняли многие кочевые народы. Но тогда так стрелять могли только скифы.

Внезапность, скорость, маневренность дали скифам лошади, точнее — умение пользоваться лошадьми. Благодаря этому умению скифы победили ассирийцев, захватили всю Переднюю Азию. Это была победа верховой лошади над боевыми колесницами.

И видимо, правы те историки, которые считают, что не ассирийцы, а скифы стали «прародителями» боевой кавалерии. И очевидно, благодаря именно скифам конница быстро распространилась по всему цивилизованному свету. Довольно быстро в ряде стран она стала главным родом войск. Например, у персов, создавших огромную, простирающуюся от Египта до Индии, империю. Причем у персов была так называемая легкая кавалерия. Всадники имели луки, из которых обстреливали противника издали, легкие копья и короткие мечи, которые пускали в ход, приближаясь к противнику.

И так же, как некогда были непобедимы армии, обладавшие колес-

ницами, так же были непобедимы персы, в войсках которых были отличные конники. Персы постоянно усовершенствовали свою конницу и благодаря этому все прочнее укреплялись в Азии. Пришло время, и они решили еще больше расширить границы.

Персидские владыки устремили взгляды на гористую страну на юге Европы — на Грецию. Потом, возможно, персы собирались идти дальше. Но сначала — Греция, тем более что покорить ее, видимо, ничего не стоило — у нее же не было конницы!

Действительно, в Греции конницы не было — разводить лошадей не позволяли природные условия страны. Разводили их лишь в двух областях. И отнюдь не для военных целей.

Правда, отец Александра Македонского Филипп любил лошадей, знал в них толк и хотел, чтобы в его стране тоже были хорошие кони. По его приказу в Македонию с Дона было доставлено двадцать тысяч скифских лошадей. Однако греческий историк Аппиан, живший во втором веке, утверждал, что лошади эти были очень неказисты. «Их вначале трудно разогнать, так что можно отнестись к ним с полным презрением, если увидишь, как их сравнивают с конем фессалийским... но зато они выдерживают какие угодно труды; и тогда можно видеть, как тот борзый, рослый и горячий конь выбивается из сил, а эта малорослая и шелудивая лошаденка сначала перегоняет того, затем оставляет далеко за собой».

Придавал значение коннице и Александр Македонский. Мало того — именно благодаря коннице он сделал свою знаменитую пехоту совершенно неуязвимой для атакующих кавалеристов.

Но главной все-таки стала пехота. И когда персы в V веке до новой эры решили покорить Элладу, они считали, что это будет что-то вроде прогулки: какое сопротивление может оказать армия, не имеющая кавалерии? Дальше — слово Геродоту, описавшему битву при Марафоне.

«Окончив боевое построение, после того как выпало счастливое предзнаменование, афиняне быстрым шагом по данному сигналу устремились на варваров... Поведение афинян персам казалось безумным и даже роковым, так как врагов было немного, и притом они устремились на персов бегом без прикрытия конницы и лучников». И далее: «Афиняне бросились на врагов сомкнутыми рядами врукопашную и бились мужественно. Ведь они первые из эллинов, насколько мне известно, напали на врагов бегом и не устрашились... В этой битве при Марафоне пало около 6400 варваров, афиняне же потеряли 192 человека».

Так впервые за много тысяч лет пешие одержали победу над конными.

Греческие пехотинцы назывались гопли́тами. Одетые в панцири, в шлемах, со щитами, они были, так сказать, «тяжелой пехотой». Они имели по два коротких меча, но главным их оружием были копья, разные по длине.

Гоплиты шли в плотном строю, плечом к плечу, растянувшись по фронту на километр, а то и два. За первой шеренгой двигалась вторая, затем — третья и так до семи (иногда до десяти — двенадцати). У каждого воина было копье. У воина первой шеренги — трехметровое. У воина второй — подлиннее. И так далее. Воин последней шеренги

имел копье длиной более восьми метров. Это построение называлось фалангой. При приближении противника все воины — от первого до последнего ряда — выставляли вперед копья и вся фаланга ощетинивалась, как огромный еж.

Хорошая выучка, физическая подготовка (а это было необходимо, кроме всего прочего, и потому, что вес вооружения достигал тридцати килограммов), мужество, а возможно, еще и клятва, которую давали воины, — «не покидать товарища, с которым будет идти рядом в бою», помогали греческой пехоте не только противостоять персидской коннице, но и разгромить ее.

Для многих современных людей «марафон» — это спортивный бег на длинную дистанцию. И мало кто задумывается, что это слово еще и означает поворотный пункт в военной истории, момент, когда на смену царствовавшим несколько тысячелетий колесницам и конникам пришла пехота. Произошло это 13 сентября 490 года до новой эры.

Что же касается марафонского бега, то он непосредственно связан с битвой: она происходила в 42 километрах от Афин. По преданию, греческий воин-гонец был отправлен в Афины с радостной вестью. Он пробежал весь путь не останавливаясь и, добежав до города и успев крикнуть «Мы победили!», упал замертво.

В программу первых, возрожденных в 1896 году, Олимпийских игр были включены эти соревнования на дистанцию 42 километра 195 метров (якобы такое расстояние пробежал воин-гонец), и стали они называться марафонским бегом.

Однако победа греков при Марафоне еще не означала полного исключения кавалерии: фаланга, при всей своей неуязвимости, имела все-таки слабые места. Это — фланги, с которых ее мог обойти неприятель и зайти в тыл. Фаланга в этом случае оказывалась совершенно беззащитной. Поэтому Александр Македонский стал использовать легкую кавалерию для охраны и защиты флангов.

Так что кавалерия у греков все-таки была.

Римляне усовершенствовали фалангу греков, создали собственный вид тяжелой пехоты, которая именовалась «легион». И это еще более укрепило престиж пехотинцев.

Однако ненадолго (сравнительно, конечно). В I веке до нашей эры римляне отправили сорокатысячное войско на завоевание Парфии — страны, основанной на месте бывшей персидской империи. И как некогда персы, рассчитывавшие на легкую победу и не принявшие всерьез войска греков, так и римляне, зная свою силу и непобедимость своих легионов, не ожидали сколько-нибудь серьезных трудностей.

Но парфяне были готовы к сопротивлению. У них появилась конница, но уже не легкая, как некогда у персов, которая ничего не смогла поделать с закованными в панцири плотными фалангами, а тяжелая. Закованные в латы, всадники имели длинные пики и мечи. Их лошади тоже были одеты в латы, и римляне потерпели сокрушительное поражение. С этого времени кавалерия вновь стала набирать силу. А к IV веку новой эры тяжелая кавалерия уже полностью восторжествовала над пехотой.

ВСАДНИКИ

Мы пропустим несколько столетий в истории военной лошади. Скажем лишь, что все это время не раз менялся тип конницы, совершенствовались седла и стремена, появились шпоры. Всадники надевали латы и меняли их на легкие кольчуги, вместо мечей у них появились сабли. Чуть дальше мы еще вернемся к некоторым конникам, а сейчас перенесемся в страну, где лошадь значила больше, чем в какой-либо другой стране, в какое-либо другое время. Речь идет о стране, где жили народы, которых, как писал русский историк С. М. Соловьев, китайцы называли «монгукулы» и «тата». Впоследствии в России их стали называть монголами и татарами (надо помнить, что с современными монголами и татарами они ничего общего не имеют).

Это были кочевые народы, владевшие огромными стадами. Особенно много имелось у них лошадей.

Однако монгукулы и тата не были мирными кочевниками. С раннего возраста всех ребятишек приучали к верховой езде — ну, это, может быть, и необходимо скотоводам. Но приучали их и к строгой дисциплине — ослушание правителя (хана) каралось смертью. Во время походов войско было разбито на десятки, они составляли сотни, сотни входили в тысячи, а тысячи объединялись в десятки тысяч — «тьму». За провинность одного воина казнили всю десятку, в которой он состоял, а за провинность десятки — сотню, к которой принадлежала эта десятка. Если один или несколько воинов из десятки попадали в плен, а остальные не отбивали товарищей — всех оставшихся казнили.

Смолоду кочевников обучали тактике боя таким образом: во время «ханских охот», которые иногда объявлялись, молодые воины, развернувшись в степи и образуя круг диаметром в несколько километров, начинали сгонять все живое в центр. Гнали иногда несколько суток, при этом ни одно животное не должно было ускользнуть. Охотников, допустивших такую промашку, очень строго наказывали. Когда масса животных была согнана в одно место — начиналось истребление — били дубинами, рубили топорами и саблями.

Но пока орды кочевников были разобщены, особых вылазок они не совершали. Но вот в начале XIII века хан Темучин начал борьбу с другими ханами, в конечном итоге подчинил их и назвал себя Чингисханом. И тогда монголы двинулись на завоевание других территорий.

Сначала они захватили Среднюю Азию, потом покорили Китай.

А через некоторое время совершили еще одну вылазку. Да, это была вылазка, всего лишь вылазка: два отряда Чингисхана (тридцать тысяч всадников и сто тысяч лошадей) из Индии через Иран прошли на Кавказ, вышли к низовьям Дона, вдоль берегов Азовского моря добрались до Крыма, на обратном пути пересекли Днепр и Днестр и вернулись на родину. Весь поход занял два года. Путь этих отрядов — около десяти тысяч километров. Если учесть, что им постоянно приходилось преодолевать сопротивление местных жителей, то в среднем сто пятьдесят километров за сутки — скорость колоссальная. И это только благодаря лошадям: у воинов Чингисхана лошади были не только быстрые, но и очень выносливые. К тому же у каж-

Монгольские воины.
(Со старинной китайской гравюры.)

дого воина имелось по две-три запасных, которых он вел с собой.

Мы не будем описывать подробно, как происходило нашествие, или, точнее, нашествия монголо-татарских орд на Россию и Западную Европу. Скажем лишь, что основное нашествие под руководством Батыя началось в 1238 году. В 1239 году за один лишь месяц он захватил и разграбил четырнадцать городов, в том числе Москву, Владимир, Суздаль...

В 1241-м Батый взял Киев, в 1242-м разгромил войска венгерского короля, захватил Польшу и вторгся в Нижнюю Силезию. Путь дальше ордам преградили войска чешского короля Вячеслава. Но мы сейчас не разбираем подробно эти события — для нас важно, почему и как войска Батыя смогли так быстро продвигаться и так успешно сражаться. Ведь русские тоже были не новички в военном деле и за их плечами было немало героических дел и замечательных побед. И тем не менее... Да, тем не менее они были побеждены.

Конечно, имелись и привходящие обстоятельства — разобщенность и несогласованность русских князей. Это играло, конечно, на руку захватчикам. На их стороне была железная дисциплина и отработанная тактика — охват с флангов, заманивание противника в глубь расположения своих войск, окружение. Они не сра-

зу сходились с противником врукопашную — поначалу его осыпали градом стрел. Все это так. Но их главная сила — в лошадях.

Лошадей было много — летописцы пишут, что войско Батыя насчитывало триста тысяч. Что касается самого войска, то это явное преувеличение. Но лошадей могло быть что-нибудь около этого. Потому что у Батыя каждый воин вел с собой три, а то и пять запасных лошадей. Быстрота, маневренность, внезапность — сила, которая помогала в свое время скифам, помогла на этот раз и войску Батыя. Известно, что обозы, которые бывают в каждой армии, сковывают движение, мешают маневренности. У Батыя не было обозов или, во всяком случае, были далеко не всегда — все, что нужно, воины везли в мешках, сделанных из шкур забитых или погибших лошадей. Еду с собой не брали: лошади были на подножном корму, воины же грабили местное население или забивали лошадей и ели конское мясо, пили кобылье молоко. Отсутствие обозов и наличие запасных лошадей, на которых всадники пересаживались время от времени, давало возможность войску за сутки преодолевать иногда по сотне километров и появляться в местах, где люди еще не думали об их появлении.

Иными словами, лошадь в данном случае была основным фактором, давшим возможность ордам Батыя побеждать. Она была основным средством передвижения, к тому же способным во время пути воспроизводить себя; ей не требовалось запасов — она доставала себе еду даже из-под снега и довольствовалась мерзлой травой, зато сама она служила источником пищи для людей, поставляла материал для изготовления обуви, давала молоко, которое запасали в бурдюки, сделанные опять же из лошадиных шкур. Во время переправ через реки плоты клали на надутые воздухом бурдюки из лошадиных шкур, а плоты тянули лошади. И подгоняли их нагайками, сделанными из лошадиной кожи...

Дмитрий Донской, освободивший Русь от многолетнего монголо-татарского ига, уделял большое внимание лошадям. Готовясь к решительной битве, он завел полки, которые переняли опыт врага, он стал разводить лошадей, которые могли соперничать с лошадьми степных народов. Правда, у русских конница была издавна. И сражалась она с разными кочевниками, и побеждала нередко в этих сражениях. Да и сами русские князья постоянно воевали друг с другом, мирились, потом снова ссорились. Так, например, в 1021 году, как сообщает летописец, полоцкий князь Брячислав напал на новгородцев, разграбил город, захватил пленных и направился в обратный путь — к себе в Полоцк. Узнав об этом, киевский князь Ярослав Мудрый бросился в погоню за половчанами, догнал их на реке Судомирь и разгромил дружину Брячислава. От Киева до реки Судомирь примерно километров восемьсот. А прошли это расстояние киевляне за семь дней. Значит, делали в день примерно километров по 110—115. И с ходу вступили в бой. И победили.

Нет, не плохие были на Руси всадники, и кони были не плохие. Но с монголо-татарской конницей русская тогда сравниться не могла. Не случайно же за все время господства захватчиков на Руси не известно ни одного случая, когда бы против них

выступила русская конница. (Кроме самого первого сражения на Калке, когда русские князья потерпели поражение.)

И вот 8 сентября 1380 года. «Вздымается конская грива... За ветром взывают мечи», — напишет потом, через несколько веков, Александр Блок о Куликовской битве. В ней выступило не менее двадцати тысяч русских кавалеристов. Русские разгромили врагов и преследовали их на протяжении пятидесяти километров.

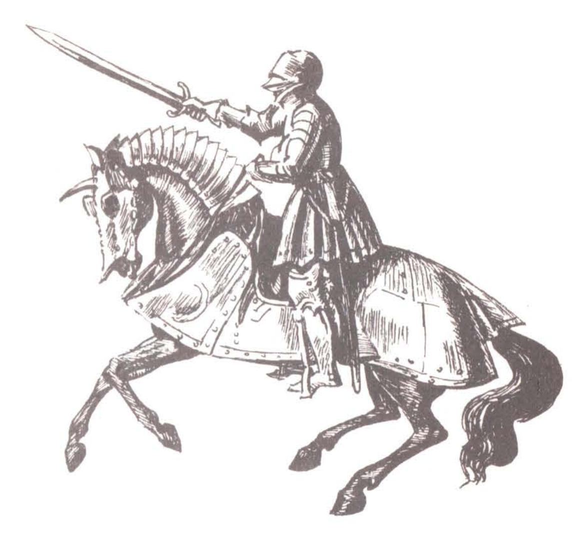
Монголо-татарская конница — порождение бескрайних степей, вольных просторов. Быстрота, внезапность, маневренность — самые главные ее достоинства — приносили победу в Азии и Восточной Европе. В Западной Европе с ее пересеченной местностью, на сравнительно небольшой территории, формировалась другая конница.

Правда, это не мешало европейским конникам делать вылазки и за пределы Западной Европы и иногда даже одерживать победу. Но все-таки приспособлены они были, главным образом, для войн в Европе.

Речь идет о рыцарях. Не о рыцарях в переносном смысле этого слова, ставшего символом благородства, а о тех, закованных в латы всадниках, которые появились в Европе примерно в VIII веке и просуществовали вплоть до XVI (хотя в последние века значение их сильно снизилось).

Впрочем, рыцари не всегда были закованы в латы. Это сейчас мы представляем их такими. А поначалу слово «рыцарь» означало просто «всадник» (от немецкого «райтер»). На всаднике была толстая кожаная или льняная рубаха с нашитыми металлическими полосами. Такое одеяние у рыцарей существовало века четыре. Но в XI веке, после того как они вернулись из первого крестового похода (в крестовые походы рыцари отправлялись якобы освобождать гроб господень из рук нечестивых, а на самом деле это была попытка завоевания чужих земель или по крайней мере разграбления их), они привезли в Европу новое одеяние: так называемую «арабскую рубаху», или «арабскую кольчугу», — одеяние, сплетенное из металлических колец. Под кольчугу надевался как бы комбинезон из стеганой материи, и в таком виде рыцарь чувствовал себя неуязвимым.

Рыцарь в так называемых максимилианских доспехах.



Но совершенствовалось оружие, и рыцари вынуждены были «усиливать» свое одеяние — постепенно появлялись металлические наплечники и наколенники, потом — нагрудники и, наконец, целиком металлическое одеяние. А в XV веке по приказу германского императора Максимилиана I были сделаны доспехи, так называемые максимили-

анские, которые сами по себе весили более пятидесяти килограммов. А еще ведь и оружие! Рыцарям было трудно. А еще труднее — лошадям. И не только потому, что несли они на себе тяжесть (вместе со всадником — более 200 килограммов нередко приходилось тащить ей): ведь и сама она была закована в латы.

Рыцари воспеты в балладах, романсах, о них написаны книги. И всюду они — благородные, смелые, честные, добрые. Не отсюда ли — из романов и баллад — пошло представление о «рыцаре без страха и упрека»? На самом деле это были обыкновенные люди, не похожие на воспетых бардами. Они были жестоки и к людям, были жестоки и к лошадям.

Правда, своих боевых коней они берегли — во всяком случае, к месту сражения часто ехали на других, менее ценных лошадях. Но и боевых часто не щадили. Возьмем хотя бы шпоры. Ведь они были длиной до двадцати сантиметров. И эти кинжалы рыцари втыкали в бока лошадям!

Сначала была у рыцаря одна шпора — на левой ноге. Этой шпорой рыцарь заставлял лошадь поворачиваться так, чтоб удобней было рубить правой рукой. Но во время крестовых походов пришлось обзавестись и второй шпорой — легкая кавалерия противника налетала то с одной стороны, то с другой — только успевай поворачиваться. Вот и приходилось пришпоривать лошадь то справа, то слева.

Кони рыцарей были сильными и выносливыми — какая же другая лошадь выдержит такого седока? Но это не была какая-либо определенная порода — породы тяжеловозов появились потом. Лошадей для рыцарей — наиболее рослых и сильных — отбирали у крестьян и держали в конюшнях при замках. Правда, пытались получить от них приплод — таких же крупных и сильных лошадей. Но это не всегда удавалось, хотя у знатных рыцарей к лошадям были приставлены специальные люди — маршалы.

О рыцарских конях позаботились монахи — вдохновители кровавых крестовых походов: они, тоже скупая у крестьян наиболее сильных лошадей, выращивали их на монастырских землях, получали потомство, из большого количества молодых лошадей выбирали наиболее рослых и сильных и снабжали ими рыцарей.

Но и эти могучие лошади далеко не всегда выдерживали те испытания, которые выпадали на их долю.

Несколько веков рыцари разъезжали по Европе, делали вылазки в Азию и даже Африку, вторгались в новгородские и псковские земли, мечом и железом пытаясь насаждать католицизм, а главным образом — грабили и уничтожали русские города и селения. «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет» — это сказано было в те самые времена, когда началось падение рыцарей. Первое сокрушительное поражение они потерпели в 1242 году на льду Чудского озера, а затем — во время Столетней войны Англии и Франции в битве при Креси́ в 1346 году — почти ровно через сто лет после Ледового побоища английские аркебузники расстреляли лучших рыцарей Франции.

Это, по сути дела, был конец рыцарей, а вместе с ним — новое возвышение пехоты. Особенно возросла ее роль после изобретения огнестрельного оружия. Конница с того

времени становится уже не основным, а вспомогательным родом войск. Это не значит, что кавалерия совсем утратила свое значение — во всех армиях мира были кавалерийские части, которые участвовали в сражениях и нередко решали их исход или, по крайней мере, значительно способствовали победе.

Мы не будем описывать здесь различные сражения, в которых на протяжении последующих веков участвовали кавалеристы. Лучше пофантазируем, помечтаем о таком времени, когда вообще не будет никаких сражений, никаких войн. И устроят люди смотр-парад кавалерийских частей, которые когда-то были, которые когда-то участвовали в сражениях, а сейчас остались они вот лишь для таких парадов.

Итак, звучат команды: «Галоп!» — «Марш, марш!» — и первыми вылетают гусары. Именно вылетают — иначе это никак не назовешь, — и кони и всадники будто мчатся по воздуху. У нас сейчас слово «гусар» звучит несколько иронически — вроде: лихач, легкомысленный человек. Может быть, в памяти еще живы последние гусарские соединения, которые, в общем-то, служили для парадов, были несколько декоративными и нарочито лихими. Но это — последние в России гусары: лейб-гвардии гусарский и лейб-гвардии Гродненский полки. А первые гусары были хоть и быстры, отважны, но отнюдь не легкомысленны. Форма — да, очень декоративная и красивая: мундир (доломан) красный или синий, белые в обтяжку рейтузы (чикчири), на плечи наброшена обшитая мехом короткая курточка (ментик), короткие сапоги, высокий кивер или меховая шапка с султаном. И множество шнуров — и на доломане, и на ментике, и на рейтузах. Шнурки — дань венгерскому национальному костюму: ведь гусары появились впервые в Венгрии. И название их — венгерское: когда в 1458 году венгерский король Матвей Корвин решил создать особые отряды легкой кавалерии, он приказал представлять от каждых двадцати дворян одного вооруженного ополченца со свитой (по-венгерски «двадцать» — «хус») и выдавал этому ополченцу жалованье (по-венгерски «жало-

Гусар. 1812 год.

Офицер-улан. 1812 год.

ванье», «плата» — «ар»). Так и получилось: «двадцатый, получающий жалованье», — «хусар».

Нет, гусары не были легкомысленными (хотя, возможно, мадьярский темперамент и делал их несколько излишне рисковыми). Напротив — они были отличными воинами и в боях с турками так себя зарекомендовали, что их стали приглашать на службу в другие государства. А в XVI веке, когда венгерский князь стал польским королем, он взял с собой гусар. Однако гусары в Польше были иного типа: это была уже не легкая, а тяжелая кавалерия. Они носили латы, а за спинами у этих гусар имелись необычные украшения — крылья из гусиных перьев. (Кстати, иногда ошибочно считают, что именно от этих гусиных перьев и пошло название «гусары».) Однако эти крылья, как недавно выяснилось, были не просто украшениями: во время галопа они устрашающе гудели или выли, отчего и без этого необычная фигура всадника становилась еще необычнее и страшнее.

Гусары были и во Франции, и в Англии, и в Пруссии. В России (русские гусары, а не наемные) появились в 1650 году. Затем гусарские полки неоднократно расформировывали и создавали вновь.

Но в Отечественной войне 1812 года участвовало двенадцать гусарских полков, а в империалистическую войну их было в России двадцать.

Уланы были не так эффектны, как гусары. Поначалу они носили татарскую одежду, так как набирались в основном из татар. Потом уж стали формироваться уланские полки из местного населения, а об изначальном их происхождении напоминали лишь квадратные шапки (позже — кивера) да само название «улан», которое происходит от татарского «оглан» — «юноша».

Гусары поначалу были вооружены лишь саблями. Потом у них появились карабины и пистолеты. Уланы были вооружены только саблями и длинными пиками. Улан было много в Польше — сначала наемных, а потом они стали формироваться из поляков и превратились в основную силу польской кавалерии. Даже в России был Польский уланский полк, сформированный еще при Павле I.

Но особенно много улан служило в наполеоновской армии. Это о них сказано у Лермонтова: «уланы с пестрыми значками». Пестрые, точнее бело-красные, — это цвета польского флага. Эти маленькие национальные флажки носили польские уланы, сражавшиеся в армии Наполеона, как им казалось, за свободу своей родины. Конечно, это была наивная вера, но тем не менее поляки шли во французскую армию, надеясь, что Наполеон возродит Польшу, разделенную тогда между Австрией, Пруссией и Россией.

Уланы просуществовали в Польше до 1939 года, и большинство их погибло, атакуя в конном строю фашистские танки...

«Драгуны с конскими хвостами». Это тоже из Лермонтова. Тут речь о французских драгунах. Именно они носили конские хвосты на касках. Русские драгуны имели на касках что-то вроде щеток. Но суть у этих украшений была одна — предохра-

Русская тяжелая кавалерия: офицер-драгун и кирасир. Начало XIX века.

нять всадника от сабельного удара.

Драгуны были во многих армиях, в том числе и в русской. Но происходят из Франции. Французские драгуны на знаменах имели изображение дракона — по-латыни «драко». «Драко» потом превратилось в «драгуна».

В отличие от гусар и улан, драгуны имели металлические жилетки-кирасы.

Еще более тяжелые жилетки-кирасы, к тому же и стальной шлем, носили кирасиры. Вес этой амуниции был ровно пуд — шестнадцать килограммов. Конечно, это не рыцарские доспехи. Но ведь рыцари могли только сидеть на лошадях — ходить не могли. И сами садиться на лошадь в стокилограммовом одеянии не могли. А когда выбитый из седла рыцарь падал на землю — подняться самостоятельно он не мог.

Драгуны и кирасиры — иное дело. Они появились как следствие совершенствования пехоты, ее тактики.

Так же, как когда-то рыцари шли в наступление «клином», и это одно время считалось верхом мощи, так же, как когда-то легкая кавалерия врубалась в ряды беззащитных пехотинцев, и они ничего не могли поделать, и так же, как в свое время греки противопоставили кавалерии фаланги, а римляне — легионы, в XVIII веке против конников пехота стала применять боевое построение — ощетинившееся штыками каре (квадрат).

(Как исторический анекдот вспоминают сейчас слова Наполеона, хотя такое имело место на самом деле: «Пехота — вперед! Ослов и ученых — в середину!» Это во время похода в Египет, куда Бонапарт привез и ученых.)

Каре оказалось неприступно для легкой кавалерии. Тогда появилась полутяжелая — драгуны и тяжелая — кирасиры.

Они были достаточно подвижны, чтоб вести бой с легкой кавалерией, и достаточно мощны, чтоб проламывать построения пехоты. А если надо — драгуны и кирасиры вели бой и в пешем строю.

Существовали еще кавалергарды. Поначалу они были не вояки. Кавалергардов создал Петр I для почетного конвоя Екатерины I в день ее коронования. Это была элитная рота — всего семь десятков человек, при ней — оркестранты с серебряными трубами и литаврами. Рядовыми там служили офицеры, офицерами — генералы.

Однако в 1800 году кавалергардов почему-то «разжаловали», превратив в обычный гвардейский полк. И видимо, он-то и показал себя в битве с Наполеоном под Аустерлицем, гениально описанной Л. Н. Толстым.

В русской армии происходили постоянные изменения — то была какая-нибудь военная реформа, то, по прихоти царя, гусары и уланы преобразовывались в драгун, потом снова восстанавливались эти части, то драгун преобразовывали в кирасиров, то кирасирские полки преобразовывались в драгунские и так далее.

Но лошади оставались.

Это были уже не прежние малорослые лошадки, имевшие в холке сто тридцать сантиметров. С рыцарских времен кони стали крупнее. Но у рыцарей они были не резвые, малоподвижные. В гусарских и драгунских, кирасирских и кавалергардских полках лошади были и высокие, и сильные, и резвые.

Мы, к сожалению, не знаем точно, когда в России началось коневодство

вообще и откуда изначально появлялись лошади в кавалерии: так случилось, что архив конного ведомства не уцелел — сгорел в 1737 году в Москве. Однако известно, что первый русский конный завод был основан еще при Иване III. При Иване Грозном большие конюшни существовали в Москве на Варварке (ныне — площадь Ногина и улица Разина), а при Петре I уже был издан указ от 16 января 1712 года: «...завести конский завод, а именно в Казанской, Азовской и Киевской губерниях».

В 1732 году были учреждены специальные военные заводы, затем, с 1740 года, — заводы при полках. Потом эти заводы ликвидировали — организовали казенные конезаводы, которые с 1819 года разделились на гражданские и военные.

Там выращивались кони для кавалерии, отбирались по росту, подбирались по масти. А ведь это, кстати, тоже имело большое значение — каждый полк, или рота, или эскадрон часто имел свою собственную масть лошади.

И если когда-нибудь люди догадались бы устроить парад конников всех времен и народов — им много времени пришлось бы потратить на создание гусарских или драгунских мундиров. Но как бы они ни были хороши и живописны, как бы ни были красивы в этих мундирах всадники — зрители все-таки смотрели бы не на них, а на лошадей. Потому что трудно представить себе более прекрасное и более волнующее зрелище, чем мчащиеся во весь опор кони!

А теперь с парада снова вернемся на поле брани, где кавалерия, как уже говорилось, перестала играть ведущую роль. Но наступил момент в истории кавалерии, когда ей суждено было снова сыграть важную роль. Так сложилось: конница снова вышла на передовые рубежи истории.

ШЛЕМ БОГАТЫРЯ
(лирическое отступление)

На улице было светло, даже, может быть, солнечно, а тут, за плотными шторами, царил полумрак. Лишь тонкие лучики, пробивавшиеся откуда-то сверху, падали яркими узкими полосками на пол, на тяжелые стулья, на массивный обеденный стол.

Неслышно ступая мягкими туфлями, хозяин прошелся по комнате и остановился у стены. На секунду подумалось о мастерской, о неоконченных картинах. Ведь только там, за работой, забывал он обо всем, обретал душевный покой. Работа властно звала его, и сам он рвался к ней, но что-то мешало ему переступить порог мастерской, снова взять в руки палитру и кисти.

Он взглянул на дверь и мысленно измерил расстояние до мастерской. Всего несколько шагов, а как далеко сейчас до нее, до того, чем он жил почти пятьдесят лет!

Всю жизнь воспевал он богатырскую силу, удаль, отвагу русского народа. Он знал, на что способен этот народ: дай только возможность — горы свернет! И вот русская сила, русская удаль вырвалась на волю. Взвились красные флаги, загремели выстрелы, и пал властелин! Размахнулся богатырь — а обернулся Соловьем-разбойником! Вместе с царским троном затрещали разрываемые полотна, вместе с царскими дворцами рушились картинные галереи. Солдатам и рабочим, матросам

и крестьянам нужен был хлеб, чтоб не умереть с голоду, и патроны, чтоб стрелять в тех, кто не дает им этот хлеб. Наверное, все это правильно, все так и должно было быть. Но что же делать ему, старому художнику: ведь для него нет жизни без кистей, без картин. А картины теперь никому не нужны. Значит, не нужен и он. Кое-кто из знакомых уехал за границу. Звали и его. Художник, конечно, отказывался. Тогда его пугали арестом — новая власть, мол, обязательно доберется до него: ведь он писал каких-то богатырей и старую Русь, расписывал соборы и церкви. А этого новая власть никогда не простит! И единственный способ спастись — уехать за границу. Но художник не представлял себе жизни без зубчатой Кремлевской стены, без кривых московских переулков и зеленых бульваров...

...В дверь постучали. Через секунду стук повторился громче и требовательней. Прошелестели испуганные шаги кого-то из близких. Звякнула щеколда. Художник услышал свое имя и встал, готовый ко всему...

Потом все было как во сне. Сначала его куда-то везли в большом автомобиле, потом куда-то вели по длинному коридору, потом он оказался в огромной комнате со стрельчатыми окнами. В синем дыму слышалось гудение множества голосов. Художник никак не мог понять, где он находится: он готовился к самому худшему, к тому, о чем его предупреждали. Вдруг откуда-то появился Василий Дмитриевич Поленов. Старый художник знал, что Поленов серьезно болен и почти безвыездно живет в деревне Бехово под Тарусой. Он хотел спросить Поленова о здоровье, но не успел: подошли брат Аполлинарий Васнецов и Коровин. Все трое дружно заговорили и так же дружно вдруг замолчали, увидев на лице старшего Васнецова недоумение. Аполлинарий удивленно спросил: неужели брату ничего не объяснили? И Васнецов вспомнил, что сопровождающий действительно что-то говорил по дороге, но художник не слушал его. Аполлинарий подвинул брату кресло и хотел что-то сказать, но не успел: распахнулась боковая дверь и в комнату стремительно вошел человек в пенсне. По комнате пронесся легкий шепот — многие узнали наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского.

Луначарский быстро прошел к столу и без предисловия заговорил, сразу приковав к себе внимание. Он говорил об очень тяжелом положении на фронтах, о голоде и разрухе в стране, о твердой уверенности большевиков в победе. Вдруг Луначарский заговорил об искусстве, о великом русском искусстве, которое надо спасти, сохранить для потомков как самое дорогое, как святыню. Нарком рассказал, что, несмотря на очень трудное положение, Владимир Ильич предложил снять с фронта одну из лучших рот и передать ее в распоряжение вновь созданной комиссии. Задача комиссии — отобрать лучшие памятники старины, архитектурные памятники, произведения искусства и взять их под охрану. Луначарский сказал, что Владимир Ильич, несмотря на свою занятость, лично будет, если надо, помогать комиссии, считает ее работу очень важной. А во главе комиссии правительство просит стать художников Виктора и Аполлинария Васнецовых, Поленова, Коровина...

Луначарский умолк, снял пенсне

и, близоруко прищурившись, посмотрел на Васнецова — старейшего из замечательных русских художников, присутствующих здесь. И все посмотрели на него. Виктор Михайлович понял: все ждут, что он должен что-то сказать. Но мысли путались, в ушах стучала кровь, предательский комок подступал к горлу. Опершись на плечо брата, он медленно встал, отодвинул кресло и молча поклонился собравшимся. Потом, с трудом переставляя почему-то вдруг одеревеневшие ноги, подошел к двери и вынул из кармана платок.

Откуда-то, совсем издалека, до него снова донесся голос Луначарского. Теперь нарком говорил, что Красная Армия, совершающая величайший подвиг, разута и раздета. Ей необходима форма. Особенно необходима она Конной армии. От имени правительства и лично Ленина он обратился к художникам: дайте форму Красной Армии, красным конникам. Но помните: это — народная армия, это армия, совершающая подвиг во имя народа!

...Васнецов медленно шел по площади вдоль Кремлевской стены. Множество мыслей проносилось в голове художника, но он никак не мог осознать, что же случилось, почему так часто стучит сердце, почему на душе так по-юношески легко и весело? Искусство будет спасено — замечательно! Оно нужно этим людям? Прекрасно! И все-таки что-то другое переполняло сейчас все его существо. Вдруг все стало на место. То главное, чем он жил, снова вернулось к нему. Он думал, что жил только работой, искусством. Но, оказывается, нет. Он жил верой в народ. И он не обманулся в народе.

Шлем-«богатырку» первыми получили бойцы Первой конной армии.

Васнецов медленно шел по площади, думая о том, что только великий и мудрый народ может поставить на одну ступеньку хлеб и искусство.

Сзади послышался конский топот. Художник обернулся. Сначала он увидел только тени трех всадников. Тени медленно двигались вдоль стены древнего Кремля. Что-то удиви-

тельно знакомое показалось художнику в этих тенях. Богатыри! Его любимое детище, которое он создавал почти тридцать лет и в которое вложил всю свою душу.

Богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Молча застыли они на могучих конях, зорко поглядывая вдаль: нет ли поблизости врагов, не грозит ли опасность родной земле? А покажутся враги — задрожит земля от топота могучих богатырских коней. И горе тому, кто посягнет на родную землю!

Васнецов посмотрел на всадников. Один был в старой шинели, другой — в матросском бушлате, третий — в кожаной куртке.

Всадники давно уж проехали, а художник стоял как пораженный. Будто ожила его картина, будто только что увидел он Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича — славных сыновей своей земли.

...Через несколько дней в Кремль, лично Владимиру Ильичу Ленину, доставили пакет. В нем были рисунки формы Красной Армии, в том числе — формы для конников. И среди них — рисунок суконного шлема, очень похожего на шлемы русских богатырей. Старый художник понял, какой должна быть форма красных кавалеристов.

Шлем так и назвали — богатыркой. И первые эту богатырскую форму получили бойцы-кавалеристы Первой конной армии.

25 октября 1917 года революция, о которой все время мечтали большевики, к которой упорно шли и вели за собой народ, свершилась. А вскоре началась гражданская война: далеко не все могли и хотели смириться с потерей своих усадеб и фабрик, далеко не все могли понять, что наступила новая эра и историю нельзя повернуть вспять. Были и ярые враги Советской власти, были и растерявшиеся, запутавшиеся, обманутые. Были и просто непонявшие, на чьей стороне они по своему социальному положению и по сути своей, по велению совести и духу своему должны находиться. Но так или иначе — гражданская война началась и на стороне врагов Советской Республики была довольно внушительная сила.

Генерал Каледин, пытавшийся поднять восстание в первые же дни существования Советской власти, был арестован, но отпущен под честное слово, что не будет воевать против народа. Но генерал нарушил слово — сбежал на Дон, где начал организовываться первый контрреволюционный «кулак».

На Дону жили донские казаки. До сих пор неизвестно, когда появились они, но уже упоминаются в XIV веке. На окраинах тогдашней России стали селиться «беглые» люди из России, Польши, с Украины. Потом стали бежать на Дон, на Кубань, на Терек, в Забайкальские степи, на Урал крепостные, там скрывались от кары и другие люди, имевшие основания не встречаться с царским правосудием.

Правительство смотрело на эти поселения сначала сквозь пальцы, а потом даже благосклонно: селясь на окраинах империи, казаки постоянно подвергались нападениям кочевников и должны были обороняться. Постепенно у поселенцев вырабатывался военный уклад жизни, и казаки становились как бы форпостами на рубежах государства. Со временем сформировались казачьи войска, и, хоть границы русской империи уже

далеко отодвинулись от Дона, — войска существовали. Это были так называемые «иррегулярные» («неправильные») войска, в отличие от «правильных» — регулярных, которые находились на полном обеспечении государства. Казак же все — от фуражки до коня — снаряжал себе сам. И в случае войны на службу призывались все мужчины поголовно. За это правительство освобождало казаков от всех налогов, это давало им возможность жить более обеспеченно, чем русским крестьянам, к тому же и земля на Дону была плодородная, богатая.

Но классовое расслоение среди полутора миллионов донских казаков, конечно, было.

Как-то так получилось (может быть, благодаря одностороннему освещению в литературе или кино), что казаков представляют, как правило, душителями революции. (Казаки с нагайками разгоняют демонстрации, казаки с саблями наголо мчатся на безоружных людей, казаки направляют своих коней, от ярости грызущих мундштуки, на студентов.) Да, такое бывало. Но бывало и иначе. Ведь именно казаки подняли восстание в 1707—1708 годах под руководством Кондрата Булавина. Восстание было подавлено, и в числе прочих наказаний казаки лишились права выбирать своих войсковых атаманов казачьим кругом — они стали назначаться правительством и называли их поэтому наказными атаманами.

А кто шел с Разиным, как не казаки?

Во время восстания лодзинских ткачей стоявшая там казачья сотня 5-го Донского полка поддержала рабочих, за что все поголовно были отданы под суд. Во время революции 1905 года казаки Хоперского полка отказались разгонять демонстрации в Москве, в эти же дни перешли на сторону восставших шесть казачьих полков в разных городах России. Но среди полутора миллионов донских казаков было немало и тех, кто готов был пойти с оружием в руках против революции.

На них-то и рассчитывал Каледин, а потом и другие генералы, возглавившие крестовый поход против революции. (Конечно, не только казаки были в рядах белогвардейцев. Но нас сейчас интересуют именно они, так как они были отличными кавалеристами.) Генералы Шкуро и Мамонтов, Дутов и Деникин в большей степени опирались на казаков — стремительная атака, отличные кони, умелое маневрирование, наконец, просто сильная рука, держащая шашку, — это было много! Красная Армия ничего не могла противопоставить мчащейся лавине всадников. В Красной Армии были рабочие, не знавшие лошадей, были крестьяне, если и имевшие дело с лошадьми, то отнюдь не с кавалерийскими.

Белогвардейцы рвались к Москве, части 5-й армии с боями отходили к Царицыну. Пулеметчики едва успевали отбивать очередной кавалерийский налет белоказаков. А то и не успевали...

И вдруг под Царицыном белоказаки встретили отпор кавалерийских частей. Это был первый бой тогда еще не армии — это еще был конный корпус под командованием С. М. Буденного. Армией — Первой конной армией — она стала несколько позже.

О Первой конной написано много книг, снято немало кинофильмов,

сложены песни. Ее потом стали называть «героической» и «легендарной». Так оно и было. Но ни в 1919-м, ни в 1920-м никто не думал о героизме, люди просто были героями — и все!

Первая конная была могучей ударной силой Красной Армии. И всюду, где нужен был мощный удар, всюду, где было трудно, появлялись конники. Под Воронежем и на Дону, в Поволжье и на Украине, на Польском фронте и в Крыму — всюду были красные конники и всюду побеждали.

Считается, что Первая конная прошла по фронтам гражданской войны не менее 10 тысяч километров. Прошла, промчалась лавиной, сметая врагов. А рядом с конниками мчались боевые колесницы. Нет, не те, поднятые из тьмы веков. Мчались тачанки, запряженные лихими конями, — новые боевые колесницы гражданской войны.

Конечно, кавалерия на фронтах гражданской войны — это не только Первая конная. На многих фронтах были конные полки, дивизии. И после окончания гражданской войны кони остались в Красной Армии. И кавалерии пришлось пережить еще одну войну — Великую Отечественную.

Конечно, уже были танки, были «катюши», конечно, кавалерия уже не играла такой роли, как раньше. И тем не менее один только конный корпус генерала Доватора сковывал три немецкие армии!

Советские кавалеристы прошли по многим странам Европы — они форсировали Эльбу и брали немецкие города, они спасали Прагу. Они прошли по Берлину.

«ГОНЬБА» И «ЯМЫ»

Еще не закатилась слава боевых лошадей — греки еще только начали создавать и совершенствовать свои фаланги, благодаря которым одержали победу над конными персами, а лошадям уже нашли другое применение. Правда, поначалу тоже связанное с военными делами. Но вскоре это стало и мирной ее «профессией», и прослужила лошадь на этом поприще без малого две с половиной тысячи лет.

Речь идет о почте.

Обычно любят говорить, что лошади (в колесницах ли, верховые ли) часто решали исход сражений, а то и вообще в значительной степени влияли на судьбы государств. Это справедливо. Но редко мы задумываемся над тем, какую роль сыграла лошадь-почтальон. Ведь послания, доставленные быстро, точно, вовремя, тоже были очень важны, от них тоже нередко зависели судьбы очень многих людей. Однако не только сами послания были важны. Без почты люди не могли бы общаться. Для конной почты строились специально мосты, прокладывались дороги. Наконец, почта положила начало общественному транспорту. А значение его трудно переоценить.

Конечно, письма, различные сообщения, приказы передавались и до того, как за это дело «взялась» лошадь. Издревле были пешие гонцы, очень давно использовали почтовых голубей, кое-где служили для этой цели верховые верблюды. Но когда додумались применять лошадей — все прочие (кроме почтовых голубей, в особых случаях используемых и сегодня) способы передачи сообщения отпали.

А додумались до этого люди в V веке до нашей эры.

Примерно лет за сто до поражения при Марафоне персы стали особенно могучи: они захватили Ассирию, и персидская империя с этого времени стала простираться от Персидского залива до Каспия, от Каспия до Черного моря, от Черного до Средиземного. Управлять таким государством было, естественно, очень трудно. Для этого, кроме всего прочего, необходимы хорошие дороги. И они были созданы руками рабов. Нужна быстрая и надежная связь. И персидский царь Кир Старший создал первую в истории человечества конную службу посыльных. Греческий историк Ксенофонт, видевший эту почту собственными глазами, писал: «Мы отметили еще одно его изобретение, весьма полезное при больших размерах его царства. Благодаря ему он узнавал отовсюду на самых далеких расстояниях о положении дел. После того как он установил, какой путь может проделать лошадь днем до того, как ее потребуется кормить, он устроил на соответствующих расстояниях специальные станции, на которых находились лошади и конюхи. Помимо этого, он назначил на каждую из таких станций смотрителя, в обязанности которого входил прием и дальнейшая отправка писем, приют людей, прием уставших лошадей и отправка свежих. Рассказывают, что отправка не прерывалась даже и ночью, а письма передавались дневным гонцом ночному. Утверждают, что при такой организации путь преодолевался даже быстрее, чем его могли преодолеть журавли. Если это утверждение и преувеличено, то все же остается очевидным, что такой вид доставки гораздо быстрее пешего».

Мы специально привели такую большую цитату, чтобы показать, насколько все было продумано уже в далекой древности, и в последующие века мало что изменялось принципиально, в основном лишь усовершенствовались какие-то частности. Что же касается быстроты, то вот пример: от столицы Персии к границе вела так называемая «царская дорога» общей протяженностью в две с половиной тысячи километров. На этой магистрали было сто одиннадцать станций, и конные гонцы преодолевали это расстояние за шесть—восемь дней, в то время как пешему требовалось, для того чтоб пройти «царскую дорогу», девяносто дней.

Конечно, это не значит, что лошади уже полностью «взяли на себя» службу связи. Были еще пешие гонцы и в самой Персии, были они и в Греции, и в Риме. Однако в Риме положение значительно изменилось. При императоре Августе (I век до новой эры) была налажена регулярная почтовая связь. Называлась она «курсус публикус», то есть общественная, общенародная. На самом же деле ею могли поначалу пользоваться лишь цезари (и пользовались: Юлий Цезарь проезжал по этой дороге со скоростью 160 километров в сутки, а император Тиберий — по 300) и высокопоставленные чиновники, имевшие специальное разрешение — «дипломату» (кстати, такое же положение было в Персии и в Греции). «Общественной» же (точнее, пожалуй, «общинной») эта почта называлась потому, что следить за дорогой, поставлять лошадей должна была та община, через которую проходил участок дороги.

Потом число лиц, имеющих право пользоваться этой дорогой и лошадьми, увеличилось.

Кроме писем, в Риме стали перевозить и посылки, а затем и пассажиров. Так стали на дорогах Римской империи появляться колесницы. Римляне, начав применять повозки, «специализировали» их — появилась «реда» (легкая двухосная повозка), «курсус келер» («скорая почта») и «курсус клабуларис» (четырехосная повозка, перевозившая тяжелые и объемные грузы).

Чем больше развивалась почта, тем больше требовалось хороших дорог. И они появлялись всюду, где появлялись римские легионеры и где римляне становились хозяевами захваченных земель. А это значит, что дороги появились на территории современной Англии, на Балканах и по всей Восточной Европе до Рейна и Дуная. В Азии и Африке римляне властвовали над Турцией и Сирией, Палестиной, Иорданией и Египтом. И всюду были проложены отличные дороги с каменными столбами, на которых указывалось количество километров от отправной точки — огромной колонны, стоявшей в Риме посреди форума у подножия храма Сатурна. Таким образом, из какой бы точки Римской империи ни выехал человек, по какой бы дороге ни поехал, он, если доезжал до конца (точнее, до того места, откуда дорога начиналась), обязательно попадал в Рим, в центр форума. (До сих пор сохранилась родившаяся тогда поговорка — «все дороги ведут в Рим».) И по всем дорогам мчались всадники — верередарии — государственные курьеры и катились колесницы с пассажирами и почтой.

На пути следования почтовых всадников и колясок стали организовывать главные станции, где можно было переночевать и поменять лошадей, и промежуточные, где только меняли лошадей. Главные станции назывались «мансио». Постепенно это слово модернизировалось и превратилось в слово «станция». Однако римляне никогда не говорили просто «станция» (то есть «мансио»). Они говорили: «станция, находящаяся там-то», то есть «мансио позита». И так же как «мансио» постепенно превратилось в «станцию», так и «позито» превратилось постепенно в «почту». Вспомним, кстати, что и у нас до сравнительно недавнего времени часто говорили не просто «почта», а «почтовая станция», а пушкинский Вырин в одной из «Повестей Белкина» был не почтовый, а именно станционный смотритель.

До нас дошли сведения о персонале такой станции в Риме. Он очень показателен для отношения к почтовым лошадям. Помимо начальника станции («манцепуса»), был смотритель конюшен («стационарий»), ветеринар («муломедикус»), погонщик мулов («мулион»), конюх («гиппоком») и смотритель повозок («карпентарий»).

С падением Римской империи в Европе прекратилась или, во всяком случае, значительно уменьшилась конная почта. Если где-то осталась — то это были нерегулярные конные гонцы. А вот в Китае, видимо, она существовала постоянно. В XIII веке, как свидетельствует венецианец Марко Поло, 17 лет прослуживший в Китае, она была поставлена на очень высокий уровень. Правда, за пределы страны она не выходила, но внутри государства была отличной.

Поло утверждает, что через каждые 40 километров стояли почтовые станции, на каждой имелось по четыреста лошадей, а всего в почтовом ведомстве у китайцев было более двухсот тысяч лошадей, которых поставляли и содержали города.

«Когда нужно поскорее доложить великому хану о какой возмутившейся стране, или о каком князе, или о чем важном для великого хана, гонцы скачут по двести миль в день, а иной и по двести пятьдесят миль, и скажу вам, как это делается: когда гонцу нужно ехать скоро столько-то миль, как я рассказывал, для этого дается ему дощечка с кречетом. Если гонцов двое, оба пускаются с места на добрых, сильных скакунах: перевязывают себе животы, обвязывают головы и пускаются сколько есть мо́чи вскачь, мчатся до тех пор, пока не проедут двадцать пять миль на станцию, тут им готовы другие лошади, свежие скакуны».

В Европе ничего подобного не было. Распалась колоссальная Римская империя, и почтовые лошади надолго ушли со сцены. Европа была раздроблена на десятки герцогств и королевств, феодалы жили замкнуто, вели натуральное хозяйство, воевали друг с другом или в перерывах устраивали турниры. Для всего этого почта была не нужна. Но — до поры.

Вернувшись из крестовых походов, так и не освободив гроб господень, рыцари не отказались от стремления разбогатеть за чужой счет. Они нашли для этого и новые пути: ростовщичество, торговля. Но захват чужих земель, грабеж населения на захваченных землях был у них на первом плане. И рыцари поняли: не обязательно отправляться в другие части света — можно попытать счастья и в Европе. Что ж, кое-где их ждал успех. Но потом было Чудское озеро и Александр Невский. Затем, в 1410 году, славянские племена нанесли рыцарям сокрушительное поражение в Грюнвальдской битве. А ведь к тому времени рыцари уже были в какой-то степени объединены: у них появились духовно-рыцарские ордена. Во многом такому объединению способствовала почта: рыцарям уже необходимо было общаться между собой. Да и их побочные, отнюдь не рыцарские, дела требовали связи, обмена информацией. И снова помчались почтовые кони. Правда, обслуживала такая почта только свой орден, измена этому правилу каралась смертью. Но все-таки кони снова выступили на сцену. И оказались гораздо живучее самих рыцарей.

Рыцари угасали, терпели одно поражение за другим и вскоре вообще перестали существовать. А кони — почтовые кони — стали служить... науке.

Долгая ночь длилась над Европой. Тьму освещали лишь зарева горящих городов да костры инквизиции. В темных кельях монахи сочиняли «богоугодные» книги, изгоняя при этом все, что могло напоминать о «язычниках» — носителях культуры прошлого, в том числе и античного мира. Но и эта ночь над Европой, как и все ночи, имеет конец. Забрезжил рассвет. А вместе с ним появилась потребность в знаниях. Если раньше лишь кое-кто умел читать и писать, то теперь знания становятся необходимостью.

Как антитеза владениям рыцарей-феодалов стали возникать новые города, расти старые. Появляются ремесленники, и их продукция требует

сбыта. Поэтому начинает развиваться торговля — появляется купечество. Обостряется борьба между рыцарями и церковниками, с одной стороны, и ремесленниками, горожанами и купцами — с другой. Поначалу еще — противостояние. И как символ этого противостояния — город, выросший в центре Европы на берегах Сены. На правом берегу — торговые и ремесленные люди, на левом — церковники. Знания еще были сосредоточены в руках духовенства, и сюда, на левый берег Сены, тянулись со всей Европы те, кто хотел получить эти знания.

Латынь — язык ученых и духовенства всего мира. В те времена она объединила людей разных стран, приехавших за знаниями на левый берег Сены, — итальянцев, и немцев, и испанцев, и швейцарцев, и британцев. Так появился Латинский квартал в Париже. А чтоб не чувствовать себя одиноко на чужбине, приехавшие в Париж за знаниями объединились (латинское слово «универсум» и значит «объединение»). Возник союз, объединение, где люди разных национальностей и разных профессий чувствовали себя равноправными гражданами этого фактически города в городе, который стал называться Университетом. Так в XIII веке в Париже возник один из первых в Европе университетов.

Об истории университетов в Европе можно рассказывать очень много, и это уведет нас далеко от темы. Нас же сейчас интересуют лошади и то, какое отношение они имеют к университету.

Оказывается, самое прямое. Французы редко переселялись с места на место, а если и переселялись, то всей семьей. Если же кто-то куда-то уезжал — не испытывал, видимо, особой потребности в переписке с оставшимися. Студенты — иное дело: они ждали писем и посылок, вестей и денег от родных. Доставить их могла только почта. Особенно важна была связь в начале лета: когда на небе появлялось созвездие Малого Пса, в университетских занятиях объявлялся перерыв — студенты уезжали на каникулы (так стали называться эти перерывы, поскольку «пес» по-латыни — «каниус»). А чтоб уехать, надо было, во-первых, расплатиться с долгами, так как студенты всегда были должны булочникам или переписчикам книг, хозяевам квартир или продавцам свечей. Во-вторых, нужны были деньги на дорогу.

Деньги студенты получали из дома. А как можно получить их, если во Франции не было почты? Наконец, просто надо было на чем-то уехать. Поэтому, если французы тогда и могли обходиться без почты, то Университет не мог без нее. И он организовал свою собственную почту. И на улицах Латинского квартала, чуть ли не с самого его основания, уже раздавалось конское ржание и слышался цокот копыт. А почтари, наряду с переписчиками книг и различными ремесленниками, обслуживавшими студентов, стали членами Университета, или университетского братства. И числились при одном из четырех факультетов парижского Университета — при факультете искусств, объединявшем три четверти всех студентов Парижа и выделившемся потом в знаменитую Сорбонну.

Однако не только письма и посылки студентов перевозили почтальоны — между университетом Парижа и другими университетами нalади-

лась научная связь. И тут науке оказалась необходимой конная связь: как же обмениваться с коллегами научными трактатами? А без этого наука была бы обречена на застой.

Постепенно университетская почта расширяла сферу своей деятельности. Но государственной почты во Франции все еще не было. Она появилась лишь во времена Людовика XI, то есть в XV веке. Людовик издал указ, в котором «повелевает учредить во всех городах, местечках, селах и в местах, где будет признано полезным, известное число лошадей, бегущих с места на место...». И далее король повелевает: «Чтоб на всех больших дорогах государства, на расстоянии каждые четыре лье, были определены известные лица, которые дадут присягу королю служить верою и правдою; лицам этим поручить содержание каждому четырех-пяти лошадей в хорошей упряжи, способных выдержать бег галопом один перегон».

По дороге лошадей, естественно, заменяли. Станции, где заменяли лошадей, назывались «реле». Любопытно, что до сих пор это слово уцелело: так связисты называют прибор, усиливающий электрический сигнал, ослабевший в пути.

Французский историк Неввиль рассказывает, что «в память об этом событии, как полагают, была выпущена бронзовая медаль. На одной стороне ее изображен король Людовик XI. На оборотной стороне — два возвращающихся гонца: лошади их бегут галопом. Тот, кто впереди, везет на крестце лошади нечто вроде сумки: это почтарь. На медали сделана надпись: «Быстрым движением они превосходят воздуха легкость», а внизу вычеканено: «Гоньба».

Так выглядит почтальон на средневековой гравюре.

В средние века появилась конная почта в Германии, Англии и других странах. И всюду — кони, кони, кони... Они казались очень быстрыми — превосходили «воздуха легкость».

Несколько веков мчались они по дорогам Европы, развозя письма и посылки, приказы и сообщения, помогая людям общаться друг с другом, помогая объединяться. И кто знает, что важнее: громкая слава, которую кони получили на поле брани, или тихая слава тружеников?

Конечно, железнодорожный транспорт вытеснил лошадей-почтальонов. Но далеко не сразу. Уже мчались поезда, развозя почту по крупным городам, а ведь сколько было городов, куда поезда не ходили! Конечно, в некоторых местах людям по-прежнему верно служили ездовые собаки, перевозя и развозя все, что нужно. А на Камчатке, например, на собаках в XVIII веке, как сообщал ее первый исследователь С. П. Крашенинников, зимой даже лошадей перевозили.

Однако не только в письмах и посылках дело. Начав с верховых,

почтальоны во многих странах пересели на двуколки и четырехколки, а рядом с ними сели пассажиры. Это было очень знаменательное событие, значение которого трудно переоценить. Сначала — единичные, случайные. Потом это уже стало обычным делом, и, наконец, появилось регулярное междугороднее и международное сообщение. И кони снова, на этот раз еще прочнее, сблизили людей, приблизили друг к другу города и страны.

Так было в Европе. А в России? Европейцы Россию не знали или знали очень мало: так случилось, что была эта страна для европейцев за «семью печатями». Конечно, отдельные путешественники приезжали в Россию и писали о ней. Иногда — правду, но чаще что-нибудь вроде того, что по улицам Петербурга ходят белые медведи, а сами русские любят пить чай, сидя под развесистой клюквой. И это — в начале XIX века, когда русские конники уже проехали по улицам Парижа!

Россию знали плохо по многим причинам. Сказывалось и монголо-татарское нашествие, и отсутствие дорог. В Европе древние римляне руками рабов построили отличные дороги. Правда, в средние века они пришли в упадок, но тем не менее существовали, и их можно было восстановить. Так или иначе — Западная Европа в средние века Россию не знала. И когда в XV веке европейцы познакомились с Московией, они были поражены многим. В том числе и русской конной связью — ямской гоньбой.

Она существовала в России с XIII века. Существовала прекрасно налаженная эстафета (а в Европе после римлян ее уже не было).

Происхождение слова «ямщик» до сих пор не ясно. Одни ученые считают, что произошло оно от слов «аз ям» (по-старославянски — «я беру»). Другие считают, что от татарских слов «дзям», «ям» — «дорога» и «ям-чи» — «проводник». Третьи — от персидского «яджик» — «проводник». Есть и другие предположения по этому поводу. Но дело, конечно, не в названии — могло оно появиться и от слова «беру», поскольку была так называемая «подводная повинность», когда жители придорожных селений-«ям» перевозили по приказу князей людей и поклажу. Возможно, и от татарских слов произошли названия «ям» и «ямщик». Но так или иначе, в России еще во времена Ивана III (то есть в XV веке) появились ямские дороги, связывающие Москву с другими городами, на этих дорогах появились ямские дворы, а при дворах — два ямщика с казенными тройками лошадей.

Сначала они возили княжеских послов от одного ямского двора (или просто яма) до следующего, где посол пересаживался в другую карету. Потом езда усовершенствовалась: повозки уже не менялись — менялись лишь лошади. В 1516 и 1526 годах побывал в России австрийский посол Сигизмунд Герберштейн. Вот что он писал по поводу ямской гоньбы: «Гонцу позволено выбирать лошадей по своему желанию. Когда я торопился из Новгорода Великого в Москву, то начальник почты, который на их языке называется «ямщиком», постарался приводить мне с раннего утра тридцать, иногда сорок и пятьдесят лошадей, тогда как мне нужно было не более двенадцати».

И далее Герберштейн сообщает, что он приехал из Новгорода в Москву за 72 часа (его служитель писал, что еще быстрее — за 52).

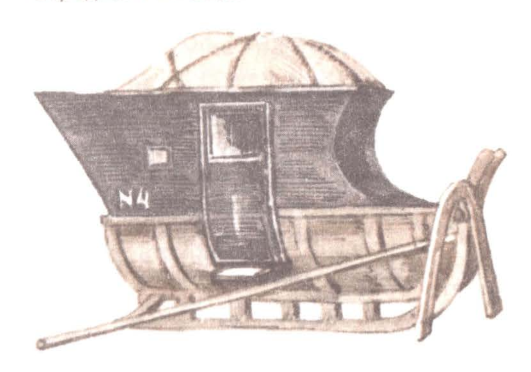
Любопытно, кстати, что ямскую гоньбу дипломат называл почтой, гонцов — почтальонами, ямы — станциями, а ямщиков — управляющими почтой. В русском языке тогда таких слов не было. Но они появились... через полтора столетия!

Мы не знаем, на чем ехал австрийский посол, видимо, в кибитке — в те времена лошади впрягались либо в телеги, либо в кибитки. Потом уже стали появляться венские коляски и кареты, а зимой — вместо розвальней — двухместные или четырехместные сани и возки.

В XVIII веке появились знаменитые русские тройки и знаменитые лихие ямщики. Это были люди особого склада. Недаром же их выбирали из податных крестьян, но брали лишь с их согласия (отсюда и «ямской охотник», то есть пошедший по своей охоте, доброволец). Выбирали их, как правило, из грамотных крестьян, и односельчане давали ему письменную характеристику, где сообщали, что он — хороший семьянин, добрый человек, не пьет и так далее.

Однако, кроме этих качеств, ямщики должны были быть физически сильными, выносливыми, смелыми. В мороз, в зной, в дождь мчались они по почтовым трактам. Хорошо еще — по трактам: ведь тракты были не всюду. А зимой, когда заметало их снегом, а весной и осенью — в распутицу? Ведь асфальта тогда не было. И вымощены они были далеко не всегда и не всюду. Но мчались, по возможности, быстро. А иногда и действительно быстро...

Русские почтовые сани-кибитка. Середина XIX века.



«Автомедоны[1] наши бойки, неутомимы наши тройки, и версты, теша праздный взор, в глазах мелькают, как забор». Конечно, во времена Пушкина верстовые столбы не мелькали, «как забор», но поэт создал убедительный образ скорости «неутомимых троек».

Нередко ямщики подвергались опасности нападения бандитов, грабителей. Иногда, правда, выручали кони, иногда сами отбивались. Тут сила и ловкость были нужны очень. Но и не только тут: управлять лошадьми, особенно летящей тройкой, было очень трудно — надо было по нескольку часов в день сидеть с вытянутыми руками, причем не просто вытянутыми — на каждую руку порой приходилась нагрузка до двадцати пяти килограммов! А если кони понесут, испугавшись чего-то, — совсем беда! Не случайно у некоторых карет и экипажей имелись специальные приспособления, дающие возможность быстро отцепить карету от понесших лошадей. Поэтому, несмотря на льготы и «государево обеспечение», многие ямщики бросали «гоньбу» и сбегáли,

---

[1] Автомедон — в греческих мифах возница Ахилла. Здесь шутливо: ямщик.

хотя за это их ждало суровое наказание.

Русская тройка мчалась по почтовым трактам, а по узким дорогам шли кони цугом. Управлять ими тоже нелегко было: надо, чтоб все лошади шли ровно — передние чуть замедлят — и задние наскочат на них. А если цуг состоит из пяти или даже десяти коней?

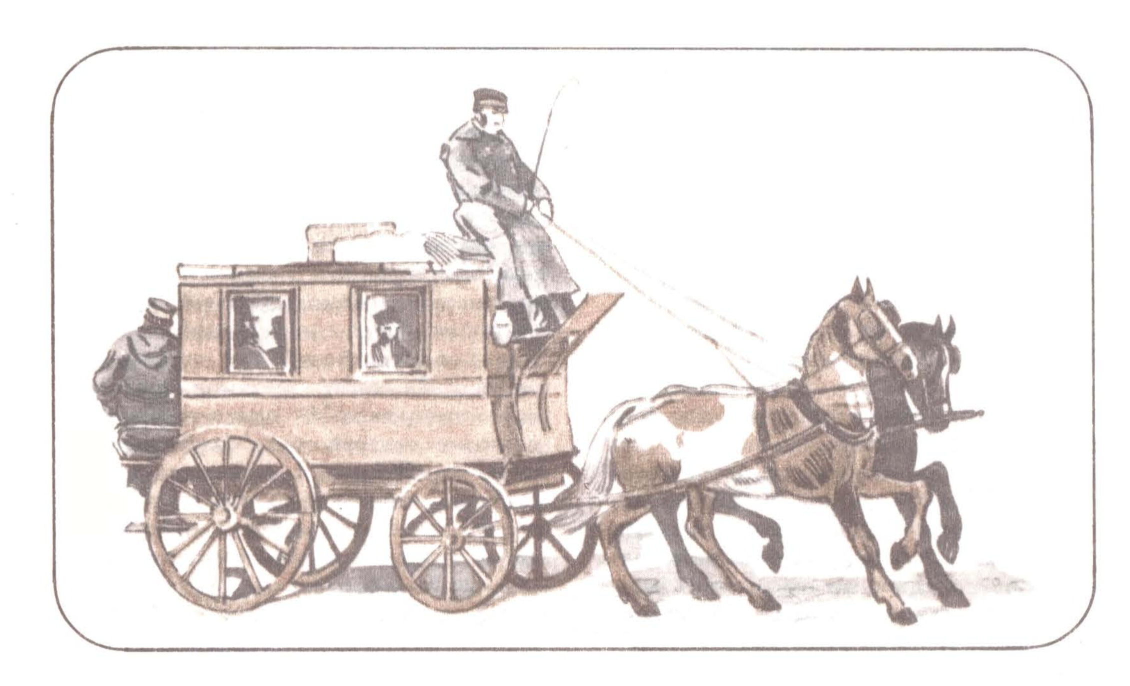
Недаром ямщики ценились во всех странах. В России они освобождались от воинской повинности и от налогов.

Ямская «гоньба» в России просуществовала не менее шести столетий. Закончила она свое существование в 1840 году, когда на смену ямщикам пришли почтовые кареты.

Почта давно уже перестала быть почтой — она превратилась в средство междугородных перевозок. Еще в XVII столетии были изданы подробные правила для почтарей, смотрителей и пассажиров, в которых указывалось, сколько лошадей следует запрягать в определенное время года (от 2 до 10), с какой скоростью ездить (зимой — не более 12 верст в час, летом — не более 10). Как видим, пассажиры в почтовых экипажах — уже явление обычное. А в середине XIX века в почтовых каретах в России перевозилось уже не менее 50 тысяч человек в год.

С XVII века почтово-пассажирские кареты тянули лошади и по дорогам многих европейских стран. Первый почтовый экипаж был создан в Вен-

Русская почтовая карета.
Вторая половина XIX века.



грии в местечке Котс (название этого городка, претерпев ряд изменений в разных языках, попало в Россию в виде слова «кучер»). Затем кареты появились в Германии, Франции, Англии. Любопытно, что англичане, со своей традиционной консервативностью, сначала не хотели признавать почтовые кареты и пользоваться ими стали лишь в 1784 году (при этом английские кареты были громоздкими и очень неудобными), в то время как в Германии уже было не менее полутора десятка разновидностей усовершенствованных и специализированных повозок.

Итак, лошади помогли людям общаться друг с другом письменно, помогли переезжать с места на место, помогли путешествовать и переселяться. Лошади помогли людям еще в одном очень важном деле — узнавать друг друга и друг о друге.

Мы сейчас читаем газеты, слушаем радио, смотрим телевизор. Мы знаем (и часто даже теперь видим), что делается во всех уголках земного шара. На службе человечества сейчас не только телефон, телеграф и телетайп, но и космические спутники связи. А ведь когда-то ничего похожего не было и, конечно, не могло быть. Тем не менее людям требовалась информация. И необходимость ее все возрастала. Может быть, люди тогда не были столь любознательными, как сейчас, но уже существовала торговля, дипломатия, политика. Дипломатам, купцам, политикам надо было знать о том, что происходит в мире. Письма, конечно, — это хорошо. Но уже одними письмами ограничиваться невозможно. И вот начали появляться «летучие листки» — прообраз современной газеты, а в самом начале XVII века уже настоящие газеты. Впрочем, газетами они стали называться несколько позже, после того как в Венеции организовался «цех писателей новостей», выпускавший рукописные листки. За прочтение такого листка брали мелкую серебряную монетку — «газетту». Отсюда и пошло слово «газета». Монетку платили охотно: Венеция стояла как бы на границе между Востоком и Западом, тут велась большая коммерческая игра, и ее участникам новости нужно было знать обязательно.

Но не одним только венецианцам нужны были новости — их ждали во многих городах. И почтовые кареты стали развозить различные «Летучие листки», «Почтовые вестники», «Почтамтские газеты» и так далее.

Кареты двигались медленно. В Германии, например, в среднем со скоростью 5 километров в час, во Франции почтовая карета делала в день 25—30 километров. Но верховые посыльные ехали еще медленнее — в среднем 4—5 километров в час. Поэтому не удивительно, что когда 8 августа 1784 года из Лондона тронулась в путь первая почтовая карета, открывая регулярное сообщение от британской столицы до Бристоля, это событие было встречено англичанами с восторгом, хотя они долго сопротивлялись появлению таких карет. А через несколько лет почтовые дилижансы уже стали насущной необходимостью. Английский историк Макензи писал: «Днем и ночью дилижансы катились по дорогам, делая 7—8 миль в час. На всех перекрестках, у проселочных дорог их ждали верховые, чтобы получить от кондуктора газеты или устные известия. В каждом маленьком

городке, когда приближалось время прибытия дилижанса, на улицах собирались жители. В определенный час дилижанс появлялся и останавливался на базарной площади. Кондуктор, сдав почтовые мешки, газеты, сообщал публике последние новости. Затем кучер щелкал бичом, кондуктор трубил в рог, и дилижанс катился дальше, унося с собой новости в другие места».

Однако, несмотря ни на что, дилижансы не вытеснили всадников. Их не смогли долгое время вытеснить даже поезда и автомобили. Вот несколько примеров.

В 60-х годах прошлого века в Северной Америке уже были железные дороги. Но не было той, которая впоследствии получила название Трансатлантической, соединившей Тихоокеанское и Атлантическое побережья Америки. И письма шли долгим кружным путем. Пока рассматривался и обсуждался проект новой железной дороги, частная компания пустила через пустыню дилижансы. Это ускорило доставку писем и посылок, но все-таки шли они достаточно долго. И вот появилось объявление: «Требуются молодые, стройные, выносливые парни не

Английский почтовый дилижанс. В таком, вероятно, ездили члены Пиквикского клуба.

старше восемнадцати лет, великолепные наездники, готовые ежедневно рисковать своей жизнью. Сиротам отдается предпочтение. За службу — 25 долларов в неделю».

Желающих было достаточно. И служба «Пони-экспресс», давшая это объявление, начала свою деятельность. Путь «молодых, стройных, выносливых парней» лежал через несколько еще не очень обжитых штатов, не имеющих сколько-нибудь подходящих дорог, через труднопроходимые Скалистые горы, они шли по пустыне и переправлялись через бурные потоки. И тем не менее путь в три тысячи километров они преодолевали за восемь суток. За это время сто девятнадцать раз менялись лошади (столько было на пути станций), не раз почтальоны подвергались нападениям бандитов и действительно «ежедневно рисковали своей жизнью».

Не легче приходилось почтальонам, доставляющим письма и посылки в сибирские города, например из Иркутска в Якутск. До Иркутска шел тракт, а чтоб попасть в Якутск, надо было много километров идти по дремучей тайге, через болота, через горы, переправляться через широкие и бурные реки (например, через Лену). Иногда на пути людей и лошадей вставали, казалось бы, непреодолимые преграды — глубокие овраги с очень крутыми, мокрыми глинистыми склонами. Приходилось, чтобы перейти через них, сначала спускать лошадей на веревках, а потом таким же образом на противоположной стороне поднимать их. Мостов, конечно, не было, реки — в половодье ли, во время ледохода, осенью — приходилось переходить вброд. И ведь — не раз, не два — проходили от Иркутска до Якутска две тысячи километров, причем шли не одну неделю.

А вот еще один пример живучести конной почты: в 1926 году 270 селений в Аджарии обслуживали 20 всадников. Это сейчас всюду проведены шоссейные дороги и по ним мчат автомобили. Если же нельзя проехать — можно пролететь: существуют вертолеты. А в те годы — кони, только кони могли добраться до затерянных в горах селений, проходя по узким тропинкам над пропастями, поднимаясь по крутым склонам, скользя на мокрых от дождя камнях. Лошади, бессловесные, бескорыстные, отважные и преданные друзья!

Но все, о чем мы говорили, — древние курьеры, всадники-гонцы и ямские тройки, почтовые кареты и дилижансы, — все это относится к, так сказать, междугородным или международным перевозкам и поездкам. А ведь огромное количество лошадей жило в городах, и там они были в те времена единственным транспортом.

СНОВА О ВСАДНИКАХ И ОПЯТЬ О «КОЛЕСНИЦАХ»

На поле брани конники вытеснили колесницы, конников вытеснила в значительной степени пехота. А в гражданской жизни — пеших гонцов сменили конные, конников сменили тройки и кареты. Но когда уже появилась возможность путешествовать в каких-то повозках, многие все-таки предпочитали ездить верхом. А в городах еще в средние века карет практически не было. Во многих странах Европы и дети,

и женщины, и даже старики ездили верхом. Знатные особы перемещались в особых носилках, которые несли слуги.

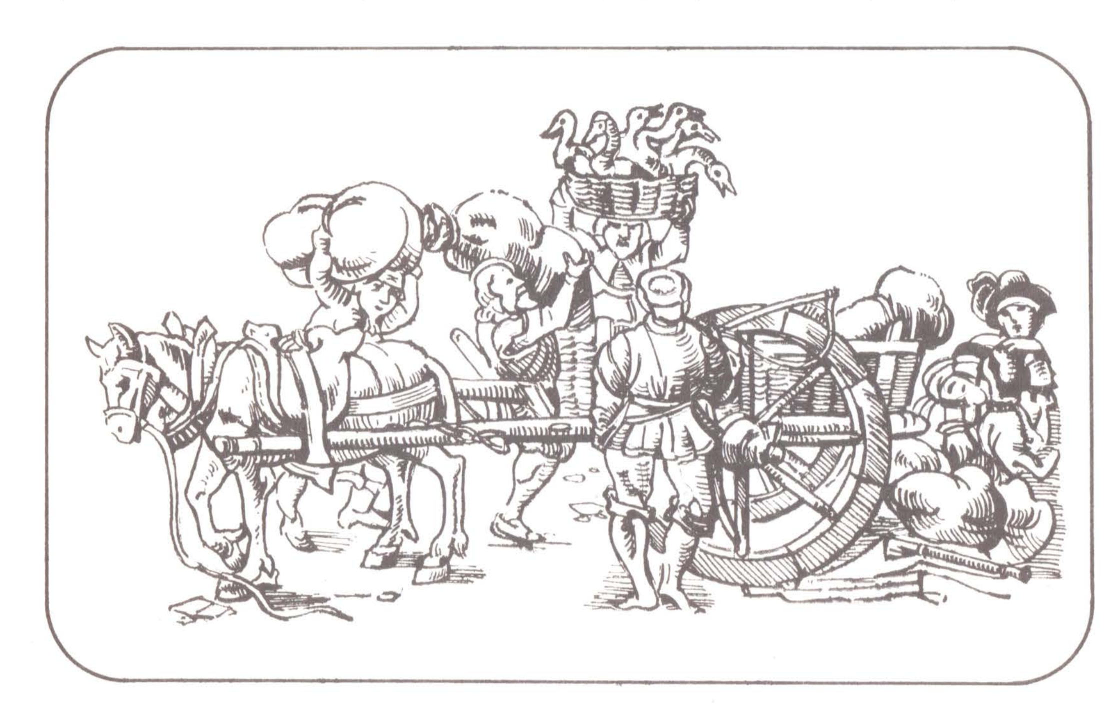
Дороги в Европе были, были они и в России. Верхом по ним ездить было можно. В телегах же — с большим трудом: возок или телегу подбрасывало на каждом ухабе, на каждой выбоинке. И никакие подстилки не помогали седоку — весь он был в синяках.

В городах улицы тоже были далеко не всегда в хорошем состоянии. Даже мощеные имели выбоины и ухабы. А на булыжной мостовой (мостили улицы тогда булыжником или необтесанным камнем) тоже тряска была изрядная.

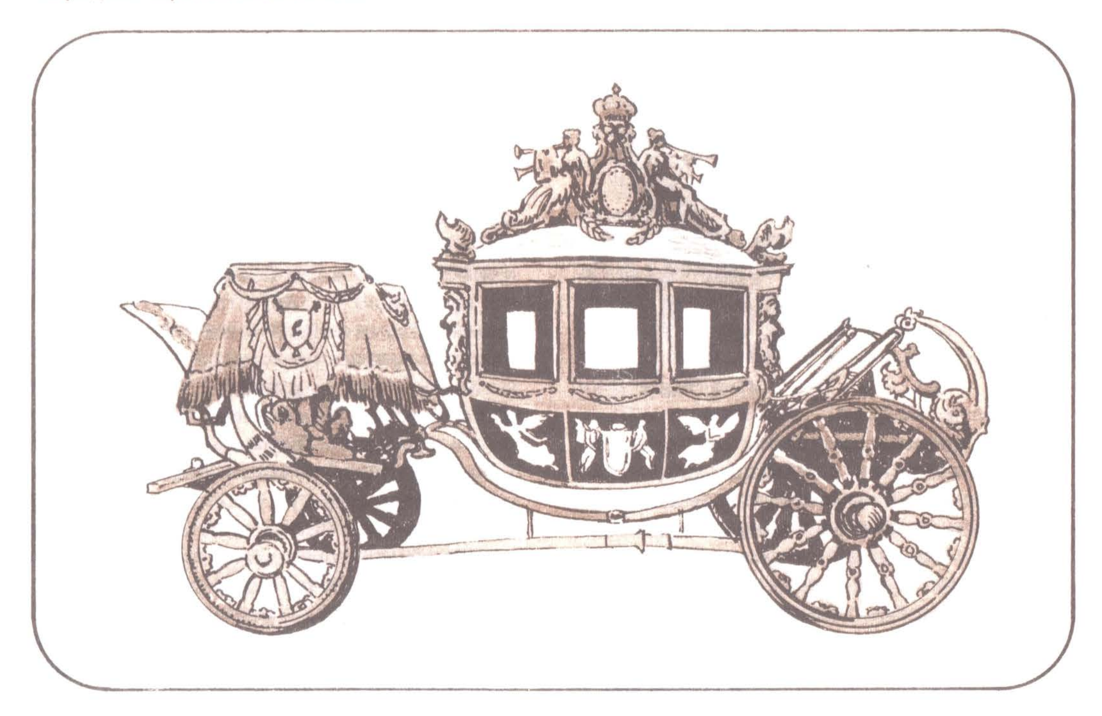
Нет, очень неудобными были повозки даже еще во времена Шекспира. И что люди тогда ни делали, как ни старались сделать повозку удобней, ничего не получалось. Конечно, когда положение безвыходное, поедешь и в тряской колеснице. Но если имелась малейшая возможность, люди садились в седла.

Однако все это было до тех пор, пока не изобрели рессоры. Вот ведь кажется — пустяк, а все сразу изменилось. И самое любопытное, что люди давно, очень давно знали о существовании рессоры. Только им в голову не приходило использовать по-новому то, чем пользовались уже тысячелетие. Кто додумался до этого — неизвестно. И как было приме-

Средневековая повозка была тяжеловесна и примитивна. На ней возили грузы. Ездить на ней было очень неудобно. (С гравюры XIV века. Германия.)



Парадная карета Наполеона I.



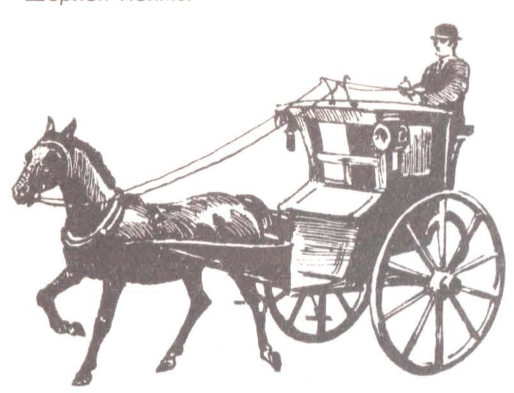
нено первое открытие — мы не знаем, к сожалению. Но кто-то все-таки додумался использовать принцип лука. Только в ином повороте — не натягивать тетиву и не пускать стрелу благодаря пружинящему луку, а перевернуть его и поставить на тетиву корпус повозки, просверлить отверстие в луке и просунуть в нее ось.

Вот тогда-то стало наконец возможным путешествовать по-настоящему, со всеми удобствами. И не тряско, и не больно, и не утомительно.

Вот тогда-то и появились самые разные кареты и повозки, кибитки и дилижансы, тарантасы и пролетки, экипажи и кебы, фаэтоны и брички... В общем — все изменилось. Вот тогда-то и появился городской транспорт.

Появились, конечно, и собственные выезды — но о них мы говорить не будем. Тут все ясно. Впрочем, и городские извозчики, «ваньки», как их называли, тоже хорошо известны по литературе. Известный в свое время русский писатель М. Н. Загоскин очень точно сказал об этих извозчиках: «Ваньки почти все походят друг на друга: у каждого лубочные пошевеньки, плохая упряжь и безобразная, но не знающая усталости, крестьянская лошаденка». Одни приезжали из деревень в город, чтоб остаться тут навсегда, другие — на время: на зимний сезон, чтоб подработать. Но всех их звало в город одно — нищета,

Кеб — лондонское «такси» конца XIX века. В таком экипаже ездил легендарный Шерлок Холмс.



безысходность деревенской жизни. Часто и жить им в городе негде было, ночевали в ночлежках или жались по углам, и овес не всегда могли купить для лошадей, и сами не всегда были сыты. А все-таки хозяин! Собственная лошадь. Другое дело, что лошадь-то и на лошадь непохожа бывала часто «своей угловатостью и прямизной ног», как писал А. П. Чехов в прекрасном рассказе «Тоска», посвященном вот такому горемычному «ваньке», и сам извозчик в «армяке, подпоясанном обрывками вылинявшей вожжи, в рыжей овчинной шапке, из которой султаном торчит кусок пакли» (так описал его известный знаток старой Москвы В. А. Гиляровский), выглядит не лучше своей лошаденки.

И все-таки он стоял на общественной лестнице рангом выше, чем наемные извозчики, которые своих лошадей не имели и нанимались к хозяину. Хозяин давал им лошадь, обряжал в соответствующий армяк, подпоясанный кушаком. Вместе с извозчичьей шапкой это было что-то вроде униформы.

Лошади в извозчичьих «депо» были тоже разные — и похуже и получше, — все зависело от того, насколько богатое депо. Были шикарные выезды. Например, лихачи. Это, как писал Загоскин, извозчики-аристократы. Они «составляют совершенно отдельную касту. Их гордость и презрение ко всем остальным извозчикам не имеет границ». Они презирали всех, кто не ездил на рысаках или иноходцах, у кого были не достаточно красивые и элегантные экипажи. Сами лихачи имели и коней прекрасных, и экипажи на хороших рессорах, и сани удобные, да еще с медвежьей полостью, чтобы можно было уютно укутать седока. Ездили они действительно «лихо» — иной раз и сшибут кого-нибудь да умчатся, а уж если наскочит на несчастного «ваньку», который не успел со своей неповоротливой конягой вовремя уступить лихачу дорогу, — расшибет его повозку и не оглянется. Брали лихачи дорого, и ездить на них могли немногие.

Существовали и особые депо — каретные. Там можно было нанять экипаж для любой надобности и на любое время: на день, или на месяц, или на один выезд. Были специальные кареты для свадеб и для похорон. В Москве напоминает об этих депо сохранившееся название улицы — Каретный ряд.

Кстати, и о ямщиках сохранилась память в названиях московских улиц.

В Москве с конца XVI века было несколько ямских слобод. Одна из московских улиц, названная сейчас Дубининской — в память о большевике Иване Константиновиче Дубинине, до переименования называлась Коломенская-Ямская — там жили ямщики, ездившие в Коломну и Рязань. Кстати, слободы располагались по географическому признаку:

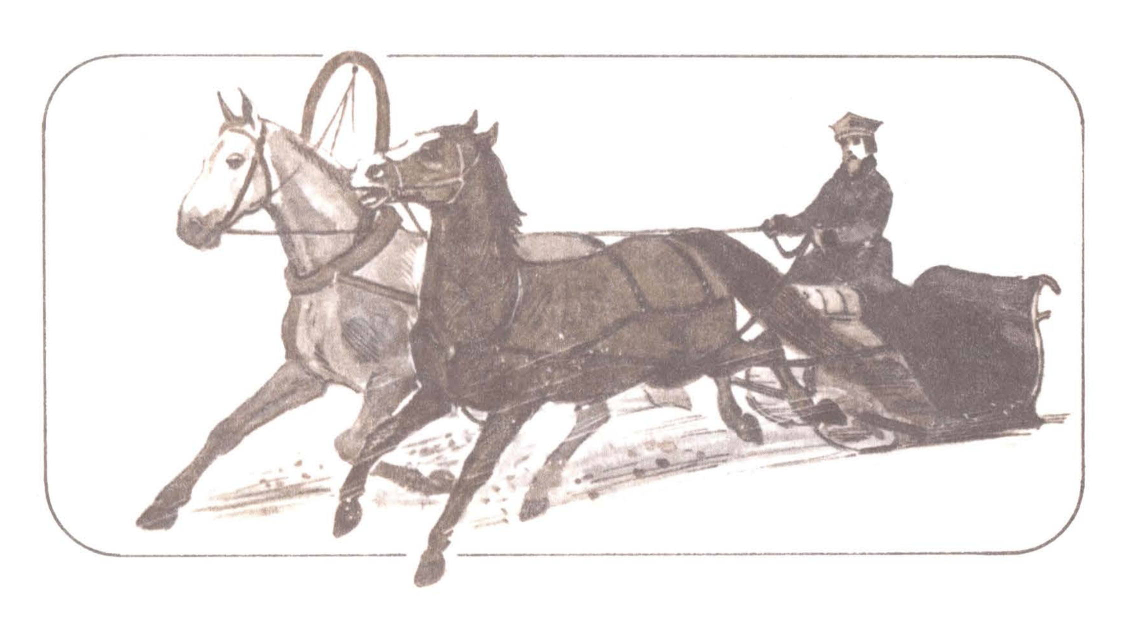
жившие в них ямщики обслуживали определенные направления. Поэтому существующие сейчас Тверские-Ямские (параллельно улице Горького — бывшей Тверской, между площадью Маяковского и Белорусским вокзалом) — это память о слободе, где жили ямщики, гонявшие тройки в Тверь (теперешний город Калинин).

Названия улиц Москвы напоминают и о другом виде лошадиного транспорта. В районе бывшей некогда Дорогомиловской ямской слободы (у теперешнего метро «Студенческая», Большой Дорогомиловской улицы и Кутузовского проспекта) сохранились еще Извозные улицы. В Дорогомиловской слободе жили ямщики, гонявшие тройки по Смоленской дороге, жили и легковые извозчики. Но много было ломовых извозчиков — ломовиков, как их называли обычно. Это были сильные люди, управлявшие могучими конями. Иногда одна, иногда две лошади впрягались в прочные платформы-телеги, на которые грузилось огромное количество всякой клади.

Ломовиков было много, даже больше, чем извозчиков. Это и понятно: легковых извозчиков часто подменяли собственные выезды, на худой конец, люди даже из одного конца города могли пойти в другой пешком. А вот груз надо было на чем-то возить.

До появления поездов все, что производилось в России — и продукты, и сельскохозяйственные товары, и промышленные, — все, все развозили по городам и селам на лошадях. Бесконечно длинные обозы один за другим тянулись по заснеженным или пыльным дорогам России. Шли обозы из Архангельска и Сибири, из Средней Азии и с Кавказа. Шли долгие недели, иног-

Извозчик-лихач.



да — месяцы. В городе товар продавали, продавали и часть лошадей. Они оставались в городе. Одни — у легковых извозчиков, другие — у ломовых.

Но даже когда пошли поезда, значение ломовых извозчиков не уменьшилось. Во всяком случае, в городах. Может быть, даже увеличилось. Ведь поезда привозили очень много товаров, леса, сырья и других грузов. И все надо было перевезти по месту назначения, причем сделать это требовалось быстро, чтобы товары не залеживались на станциях, чтобы не переполнялись склады и пакгаузы.

Конечно, поезда тогда были не такими мощными, как теперь, и составы были не такими длинными, и вагоны не такими вместительными. Но все равно количество груза было огромно. А перевезти это могли только ломовики со своими могучими лошадьми.

И все-таки у ломовиков тоже не всегда находилась работа.

«У Проломных ворот десятки ломовиков то сидели идолами на своих полках, то вдруг, будто по команде, бросались и окружали какого-нибудь нанимателя, явившегося за подводой. Кричали, ругались. Наконец, по общему соглашению, устанавливалась цена, хотя нанимали одного извозчика и в один конец. Но для нанимателя дело еще не было кончено, и он не мог взять извозчика, который брал подходящую цену. Все ломовые собирались в круг, и в чью-нибудь шапку каждый бросал медную копейку, как-нибудь меченную. Наниматель вынимал на чье-то «счастье» монету и с обладателем ее уезжал». Так описывал В. А. Гиляровский ломовых извозчиков в Москве. Две характерные детали: если легковые извозчики могли стоять где угодно (правда, и у них были определенные стоянки, но могли поджидать седоков и в любом месте, как сегодняшние таксисты), то ломовики обычно имели постоянные стоянки — биржи. И вторая деталь: они дружно обсуждали цену, еще не зная, кто поедет и получит деньги, и тянули жребий — чтоб «без обиды».

Ломовые извозчики были пролетариями в полном смысле этого слова. И если лихачи, привыкшие угождать своим богатым седокам, возившие подгулявших купцов и «золотую молодежь», увозившие от полиции преступников и получавшие за свою лихость и беспринципность солидные «чаевые», в основном были настроены явно реакционно (не случайно многие вступали в черносотенный «Союз русского народа»), то ломовики принимали участие и в забастовках и в революционном движении. Они вставали на защиту друг друга и заставляли считаться с собой не только хозяев, но и полицию.

Ломовики существовали долго. Даже когда появилась конка, это не повлияло на них. Конка повлияла на легковых извозчиков, да и то не очень сильно: они продолжали существовать и во времена конки, и даже когда появились трамваи. Но количество их значительно снизилось: все-таки много народа стало пользоваться конками.

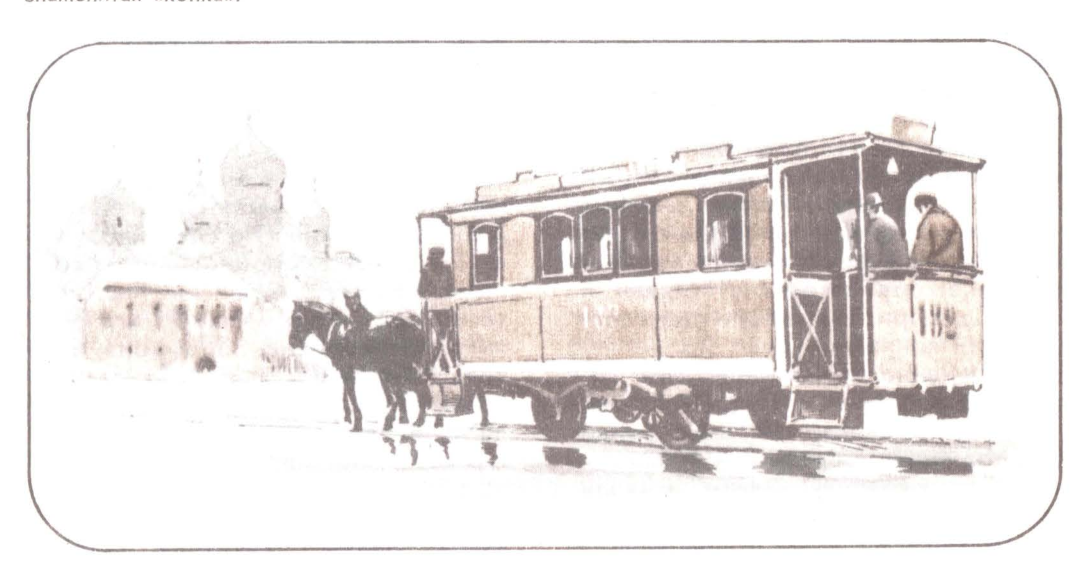
А вот грузы, тем более тяжелые и объемные, конки не перевозили. Это продолжали делать ломовики на своих могучих лошадях.

Конка. Известно, что железные дороги появились в конце XVIII века в Германии, Англии и Франции, а в России — на Алтае. Железные дороги, как заметил Генрих Гейне,

«убили пространство». Действительно, сейчас для нас железная дорога — это мчащийся электровоз (паровозы — уже история). Мы вечером садимся в поезд в Москве, а утром уже в Ленинграде. А когда-то такой путь занимал не менее двух недель. Но и электровозы для нас уже слишком медленны. Самолеты, причем такие, которые делают 800 километров в час. И только так. Скорость — девиз нашего времени.

Железные дороги, конечно же, были рождены стремлением к сокращению расстояния, к экономии времени. Но мало кто знает, что в первоначальном смысле железная дорога — это еще не паровоз с вагонами. Это — рельсы и вагоны. А вместо паровоза — лошадь. Да, вот так: и в Англии, и в Германии, и во Франции первые железные дороги были конными. Даже «царская» железная дорога между Петербургом и Царским Селом, открытая в 1836 году, в течение полутора лет использовала лошадей. Паровики, то есть паровозы, прицеплялись только по праздникам. Но тем не менее паровики относительно скоро вытеснили лошадей с междугородных железных дорог. А вот в городе конно-железная дорога (так официально называлась конка) просуществовала очень долго. «Красиво, легко, чисто, быстро — любо смотреть. Желаем от души успеха этому прекрасному и полезному предприятию» — так писала русская газета «Голос», приветствуя появление конки. Правда, вскоре послышались и другие голоса: «Человек под конкой!», «Еще одна жертва городского транспорта» — такие заголовки стали появляться в газетах вскоре после того, как конки вошли в обиход. А ведь двигались они со скоростью 8—10 километров час! Да и как они

Конная железная дорога — знаменитая «конка».



могли двигаться быстрее, если довольно большой (величиной со старый двухосный трамвай) вагон тащили две лошади. Правда, лошади были сильными, но ведь и вагон был часто набит до отказа, к тому же имелся и второй этаж — крыша, или «империал», как тогда говорили. Там билеты стоили дешевле. О скорости конки можно судить по тому, что входить в нее и выходить разрешалось на ходу. Ну, конечно, были и остановки — конки же шли по определенному маршруту. В определенных местах, кроме остановок, они еще иногда подолгу ждали встречных: пути, как правило, были одноколейными — с разъездами.

Система была налажена: кондуктор конки объявлял остановки, звонил в медный колокол, кроме того, у него был специальный тормоз — изогнутый штырь с рукояткою, соединенный с тормозными колодками. Когда штырь поворачивали, колодки прижимались к колесам конки и замедляли ее ход или останавливали вовсе. Это было необходимо — ведь улицы в городах часто были горбатыми, и на спуске вагон мог покатиться под горку. А в горку, наоборот, лошадям часто не хватало сил втащить его. Это тоже предусматривалось: перед подъемом всегда дежурил человек с запасной лошадью — ее пристегивали, она помогала втащить вагон на гору, затем отстегивали, и она «дежурила» внизу — до следующей конки.

Постепенно конно-железную дорогу вытеснили и из города — пошли трамваи. В начале XX века конки в столичных городах оставались лишь на окраинах. Затем исчезли совсем. А извозчики существовали долго. Лишь в Москве в начале века легковых извозчиков было более девятнадцати тысяч (на тысячу больше, чем в конце прошлого столетия). Ломовиков — около тридцати тысяч (в конце прошлого столетия — около двадцати тысяч).

В Петербурге легковых извозчиков в конце прошлого века было примерно пятнадцать тысяч, в начале нынешнего века — около двадцати. Ломовых, соответственно, около двадцати шести тысяч и около пятидесяти тысяч в первые годы XX века.

ГИППОДРОМЫ, СКАЧКИ, БЕГА И РЕКОРДЫ

Спорт. Это явление общечеловеческое. Ему все возрасты покорны. И если какая-то часть человечества (меньшая, конечно) занимается спортом непосредственно, то другая — гораздо большая часть — интересуется им, посещает соревнования в качестве зрителей, следит за происходящим на полях, рингах, кортах, площадках или «болеет», сидя у телевизоров. И неизвестно, кто больше тратит энергии, физических и душевных сил — сами спортсмены или их болельщики. Мировые первенства и чемпионаты привлекают внимание миллионов людей. А Олимпийские игры становятся явлениями мировой истории. Не случайно в античном мире за определенный период до начала Олимпийских игр и, естественно, на время самих игр объявлялось всеобщее перемирие, прекращались все сражения и распри.

Как вы, наверное, знаете — легенда о возникновении Олимпийских игр связывает их с богом Посейдоном и победой юноши Пелопа на соревнованиях колесниц. В честь этого греки якобы соорудили «гиппо-

дром» — «место скачки лошадей», и было это в 776 году до новой эры.

Насчет Посейдона, конечно, легенда. Насчет даты сооружения «гипподрома», который потом стал называться ипподромом, — верно. По документам установлено, что первые Олимпийские игры состоялись именно в этом году. (Может быть, что-то похожее было и раньше, но документально это не подтверждено.) Что же касается участия в Олимпийских играх лошадей, то тут вопрос еще не прояснен. Логика подсказывает: раз по легенде все произошло в конечном счете из-за лошадей, к тому же само название — гипподром — подтверждает это, лошади должны были участвовать в Олимпийских играх с самого начала их существования. Так и считают многие историки. Но другие говорят, что лишь в XV Олимпийских играх, то есть девяносто лет спустя, в 680 году были впервые проведены соревнования колесниц. А всадники начали участвовать в Олимпийских играх и того позже — начиная с 648 года до новой эры (с XXXIII Олимпийских игр).

Соревнования колесничих происходили на ипподроме, который представлял собой прямоугольную беговую дорожку с одним закругленным концом. На этом закруглении был врыт столб, вокруг которого соревнующиеся должны были повернуть двенадцать раз. Насколько это было трудно и опасно, можно судить хотя бы по дошедшим до нас описаниям соревнований, происходивших в 462 году до новой эры. На этих соревнованиях из сорока участников лишь один не получил увечья.

Соревнования всадников тоже были очень нелегкими: от них требовалось не только быстро прийти к финишу, но и во время скачки на полном ходу соскакивать с лошади и снова вскакивать на нее, перескакивать с одной лошади на другую.

Зато победителя чествовали очень помпезно: он увенчивался лавровым венком, его награждали почетным треножником и деньгами.

Естественно, что конники своей победой, а публика прекрасным зрелищем обязаны были лошадям. Это понимали все, и отношение к лошадям было соответствующее. Очень показателен такой случай: на одном из соревнований лошадь по кличке Аура сбросила всадника, прошла всю дистанцию самостоятельно, первой пришла к финишу и, как положено, остановилась перед судьями. После некоторого замешательства судьи присудили ей первый приз, и лошадь была объявлена чемпионом этих Олимпийских игр, со всеми вытекающими отсюда последствиями. А последствия были очень приятны. Как известно, победитель любого первенства, любого мирового или какого-то другого чемпионата, проиграв на следующих соревнованиях, становится уже экс-чемпионом. Победитель же на Олимпийских играх получает пожизненный титул чемпиона Олимпийских игр, даже если на следующих он проигрывает или не участвует в них. В Греции и Риме чемпионы-олимпийцы[1] получали пожизненную пенсию. Так вот, после этих соревнований Аура стала олимпийским чемпионом, получала все

[1] Вообще-то правильнее говорить «олимпиадцы», так как «олимпийцы» — это боги, живущие на Олимпе. Но поскольку сейчас принято говорить о спортсменах-олимпийцах, мы тоже будем говорить так.

соответствующие почести, а после смерти на ее могиле был поставлен такой памятник, какие ставили чемпионам Олимпиад.

Когда на смену греческой культуре пришла римская, увлечение конными состязаниями (а вместе с ними и лошадьми) не прошло, а стало даже еще большим. В Риме победители конных состязаний получали колоссальные награды (15 больших кошельков, наполненных золотыми монетами, дорогие одежды), в честь них воздвигались статуи из мрамора и бронзы, создавались монументальные панно, на которых изображали, как чествуют лошадей-победителей. Некоторые из них дошли до нас. Существуют и письменные свидетельства, рассказывающие об отношении к лошадям. Например, император Калигула так любил своего коня, что построил ему специальный дворец, где была «спальня» (конюшня) из мрамора, а ясли (кормушка) из слоновой кости. Он надевал коню жемчужные ожерелья, покрывал необыкновенными попонами и даже сделал его сенатором. Облачив коня в сенаторскую мантию, он приводил его в сенат, где конь вместе с самыми знатными патрициями Рима «обсуждал» новые законы, решал судьбы страны.

Древнегреческая колесница. Изображение на вазе.

Однако это не мешало «сенатору» участвовать в соревнованиях. Перед соревнованиями по приказу Калигулы специальные солдаты дежурили вокруг «резиденции» лошади и строго следили за тем, чтоб никто не смел даже малейшим шумом потревожить ее. А сам Калигула в это время переселялся в конюшню, где и ел и спал.

Римляне платили огромные деньги за лошадей, привезенных из других стран, превратили все поля Сицилии в пастбища. Правда, это не отразилось на состоянии богатых патрициев. Даже наоборот: в их руках были сосредоточены все конные состязания, и патриции, объединенные в специальные общества, выгодно продавали и перепродавали коней и колесницы, хороших возниц и всадников (если они были рабами). Каждое общество имело своих «болельщиков» — приверженцев, именовавшихся «белыми», «голубыми», «красными» и «зелеными» — по цвету одежды. Кстати, полубезумный Калигула был болельщиком «зеленых». Император Домициан в I веке новой эры прибавил еще два цвета — «пурпурный» и «желтый», но затем пурпурный слился с красным, а желтый исчез. И по-прежнему оставалось четыре цвета. Постепенно все население Рима разделилось на четыре враждующих лагеря, а потом эти партии болельщиков превратились в политические партии, активно участвующие в делах государства.

Греческие и римские конные соревнования (а они прекратились с падением Римской империи) сыграли огромную роль в развитии коневодства. Греки настолько разработали теорию ухода за лошадьми, что, как писал в 1913 году крупный специалист по домашним животным Э. А. Богданов, «и теперь мы не более осведомлены (в вопросах ухода. — Ю. Д.), чем то было у специалистов греков в половине первого тысячелетия до н. э.».

Падение Римской империи — это прекращение на довольно длительное время Олимпийских игр (они восстановились вновь лишь в 1896 году), это прекращение массовых и очень трудных и опасных соревнований, в частности — конных. Однако это не значит, что соревнования конников прекратились вовсе, так же как не значит, что их не было и до Олимпийских игр. У нас нет данных о соревнованиях конников в других странах в далеком прошлом. Но они, конечно же, были — не могли люди, владеющие отличными скакунами, не испытывать их резвость и выносливость, не могли не соревноваться друг с другом в искусстве езды — ведь азарт, дух соревнования — это свойство человеческой натуры.

У М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Три пальмы» есть такие строки: «И, с криком и свистом несясь по песку, бросал и ловил он копье на скаку». Это об арабском всаднике, сопровождавшем караван. Не элемент ли это национальной игры низаки-нетум, которая сейчас широко распространена у нас в Туркмении?

Заключается она в том, что на дорожке, на особые подставки кладут последовательно пять предметов: копье, мяч, кольцо, камень и опять кольцо. Кроме того, на земле указывается место, куда всадник должен вонзить копье. На полном скаку соревнующийся должен схватить копье, вонзить его в указанное место, потом пронзить мяч, бросить

в кольцо копье и тут же поймать его («бросал и ловил он копье на скаку»), затем схватить камень и метнуть его в последнее кольцо.

Так что, видимо, и до Олимпийских игр (и независимо от них — параллельно) и после них существовали соревнования конников. Те же национальные игры — это разве не конноспортивные соревнования?

Например, джигитовка. Издавна эти состязания были очень популярны у казаков. Определялось расстояние (чаще всего 300 метров). И, проезжая на быстро скачущей лошади, всадник должен был вскакивать в седло и соскакивать на землю, на полном скаку пролезть под брюхом лошади, проехать какое-то расстояние стоя в седле, поднять с земли различные предметы.

В Узбекистане и Туркмении существуют тоже традиционные состязания — тенге-лю («подними платок»). На определенном расстоянии кладутся различные предметы — платок, мелкие монеты и тому подобные вещи. На полном скаку всадник должен поднять с земли эти вещи.

У азербайджанцев существует игра — папах-оюну («отними папаху»). Пять мужчин и одна женщина, участвующие в этой игре, в течение десяти минут стараются сорвать папахи друг с друга. Побеждает тот, кто сорвет как можно больше папах с соперников. При этом женщина срывать папахи может, но платок на голове женщины неприкосновенен.

Казахская народная игра кыз-куу («догони девушку») заключается в том, что на определенном расстоянии всадник должен догнать и поцеловать девушку, ушедшую со старта раньше, а потом ускакать от нее прочь. Она же должна догнать «поклонника» и хлестнуть его плеткой.

Кабахи — военная игра, популярная у кавказских народов. На высоком, до шести метров, шесте, укрепляется небольшой предмет, который всадник должен поразить выстрелом из лука или ружья или сбить копьем.

А в Грузии существует игра, в которой всадники пытаются сорвать платок с руки участника игры, ушедшего со старта раньше.

Похожая игра, называющаяся «лисички», была и в Англии — двое всадников должны были сорвать укрепленный на рукаве девушки лисий хвост.

Вообще надо сказать, что англичане — одни из самых активных любителей конного спорта: есть сведения, что уже в XIII веке там проводились конноспортивные соревнования (правда, неофициальные, скорее это были народные игры). Регулярные скачки стали там проводиться с 1309 года. Именно в Англии еще в XVIII веке родилось такое традиционное теперь во всех странах и одно из важнейших соревнований — дерби. Название соревнований — это фамилия английского лорда Дерби, который в честь своей женитьбы устроил конные состязания. С тех пор во многих странах в определенные дни (в Англии, например, четвертого июня) устраиваются традиционные соревнования трехлетних лошадей — дерби.

В Англии же появилось еще одно очень популярное теперь соревнование — стипл-чейз (иногда говорят и стипль-чез, что не совсем правильно).

Оно родилось в Ирландии в

XVIII веке и поначалу было чем-то вроде народной игры: фермеры по воскресным дням устраивали соревнования — кто раньше доскачет до определенного места. Как правило — от одной деревни до другой. А чтоб расстояние было более определенным, намечали старт и финиш. Обычно это были деревенские церкви или колокольни. «Стипл» — «колокольня» по-английски, а «чейз» — возглас, которым подбадривали болельщики всадников, что-то вроде нашего «давай», «жми», «гони» и так далее. Итак, стипл-чейз — значит «жми до колокольни». И фермеры «жали» — маршрут проходил не по дороге, а по прямой — через поля, через кустарники, через ручьи. Если на пути были болота (проходимые, естественно), то и через них, если встречались реки — и их следовало форсировать.

Со временем стипл-чейз «узаконили» — это стало уже не любительским соревнованием, а официальным, были введены строгие правила. С 1837 года в Англии и с 1874 года в Чехословакии проводятся традиционные, очень трудные стипл-чейзы. В Чехословакии он называется Большой Пардубицкий, в Англии — Большой Национальный (Ливерпульский). Пардубицкий имеет протяженность шесть тысяч девятьсот

Кыз-куу — казахская народная игра. По условиям игры джигит должен догнать девушку и поцеловать ее на полном скаку.

метров. Большой Национальный — семь тысяч двести. В Чехословакии на этом отрезке тридцать одно препятствие, которое должны преодолеть лошади, в Англии — тридцать. Препятствия — «мертвые», то есть закреплены неподвижно, если лошадь заденет, препятствие не разрушится, не упадет. Упадет лошадь и всадник. Причем препятствия не шуточные. Например, «большой аксис» — живая изгородь высотой в полтора метра, за которой ров шириной в пять и глубиной в два метра. Если к тому же учесть, что четвертая часть трассы проходит по вспаханному полю, по которому и в хорошую погоду нелегко скакать, а в ненастную она превращается в сплошное месиво, то станет ясно, почему со старта выходят десятки всадников, а к финишу приходят единицы. А то и вообще никто не приходит — и такое бывает. Ведь, кроме препятствий, надо уложиться в определенное время: просрочка времени — проигрыш, даже если всадник прошел всю дистанцию.

Не все, далеко не все лошади могут участвовать в этом соревновании. Тут требуется и сила, и выносливость, и резвость, и еще многое. И тем удивительнее феномен, который произошел в 1969 году на этих соревнованиях. Впрочем, удивительного ничего бы не было, если бы в 1969 году на стипл-чейзе в Пардубицах победила какая-то другая лошадь. Должен же был кто-то победить. Да, но только не Корок.

Рождение этого жеребенка в словацком госхозе ждали с нетерпением: ведь его родители — именитые и прославленные лошади. Поэтому все считали, что появится жеребенок высшего класса. А появился на свет уродец: передняя левая нога у него была значительно короче других. Первое побуждение зоотехников — отправить калеку на бойню: зачем оставлять жить и мучиться? Но нашлись люди, которые то ли пожалели жеребенка, то ли на что-то надеялись. Они купили жеребенка за очень мизерную цену и стали за ним ухаживать. Через некоторое время Корок — так назвали жеребенка — показал, что ненормальная нога ему совершенно не мешает: он прекрасно бегал, прыгал, брал препятствия. На него приезжали посмотреть даже из далеких хозяйств. Уродец бегает и даже прыгает. Причем настолько хорошо это делает, что его воспитатель предложил испытать Корока на Пардубицких соревнованиях. Видимо, многие были против, но очевидно и то, что воспитатель этой лошади был упрямый человек. Или очень уж верил в своего питомца. Но так или иначе, Корок был допущен на Большой Пардубицкий стипл-чейз. И... выиграл соревнования. Это была сенсация. Да такая, что газеты и радио, кино и телевидение многие месяцы не могли успокоиться — печатали статьи и передавали в эфир очерки, делали телепередачи и снимали фильм об этой лошади и ее тренере.

А на следующий год все кончилось: Корок отказался взять одно из препятствий. До него он добежал отлично. Перед препятствием остановился как вкопанный, и никакие силы не могли сдвинуть его.

Значит — конец? Победа в 1969 году хоть и была сенсацией, но, видимо, явилась чистой случайностью. Так думали все специалисты или по крайней мере многие. О чем думал Корок — никто не знал. Но на сле-

дующих соревнованиях, которые состоялись в 1971 году, он относительно легко прошел все расстояние, преодолел все препятствия и, обойдя своих соперников, пришел первым! Но и это не все: в следующем, 1972 году он снова, в третий раз, стал победителем!

Такова история хромой, или, как ее называли, «колченогой», лошади, которой не помешал ее недостаток трижды стать чемпионом мира в труднейшем состязании — стипл-чейзе.

Стипл-чейз — это и самостоятельные состязания, это и часть соревнований, которые называются троеборьем, — соревнований, состоящих из трех частей: помимо стипл-чейза, в него входят манежная езда и полевые испытания.

Троеборье было включено в программу Олимпийских игр в 1912 году и впервые проводилось в Стокгольме. Любопытно, что участвовать в них могли лишь военные. С 1920 года в Олимпийском троеборье стали участвовать и гражданские лица, однако лишь мужчины. Только в 1956 году в Мельбурне женщинам было позволено участвовать в олимпийских конных состязаниях.

Но прежде чем говорить о нем и о других конноспортивных соревнованиях, необходимо кое-что сказать о лошадиных аллюрах.

Аллюр — это ход лошади вообще. Различают четыре аллюра.

Шаг. На шагу лошадь последовательно отбивает о землю четыре удара: правой задней, правой передней, левой задней, левой передней. Считается, что в среднем лошадь делает 10 шагов в минуту, проходя при этом до 120 метров. Бывает еще шаг прибавленный, сокращенный, свободный.

Рысь. Во время этого аллюра лошадь делает два удара о землю — одновременно двумя ногами — левой передней и правой задней, правой передней и левой задней. Рысь тоже бывает средняя, прибавленная и сокращенная. На средней рыси лошадь теоретически (конечно, часто и практически тоже) делает от 120 до 180 шагов и пробегает в минуту метров 200—250. Лучшие лошади развивают скорость до 20 километров в час (то есть больше 300 метров в минуту).

Галоп. Это — скачкообразный аллюр, когда лошадь попеременно отрывает от земли обе передние и обе задние ноги. Галоп — самый быстрый аллюр лошади: за минуту она проходит метров 600—900.

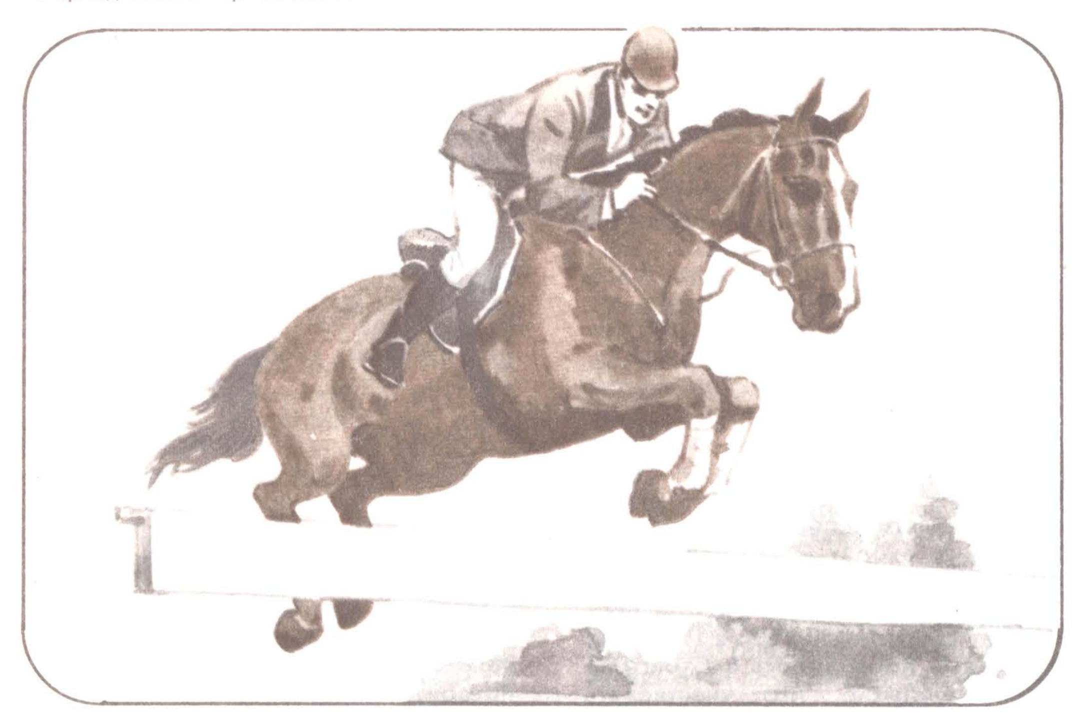
Иноходь. Довольно редкий аллюр, когда лошадь выносит вперед сначала ноги одной стороны (скажем, правой), затем другой (левой).

Есть еще целый ряд аллюров, выработанных у лошадей искусственно в школах верховой езды.

Это коротенькое отступление о лошадиных аллюрах нужно потому, что в некоторых соревнованиях они имеют значение: если лошадь пойдет не тем аллюром, который требуется, ее могут снять с дистанции, отстранить от участия в соревнованиях.

В стипл-чейзе аллюры не имеют значения. Ни в том случае, когда это самостоятельные соревнования, ни тогда, когда это часть троеборья. А вот в другой части троеборья — манежной езде — это важно: тут всадник демонстрирует смену аллюров — с шага переходит на галоп или на рысь и так далее. Оценки, кроме всего прочего, зависят от четкости и точности такого перехода.

Конку́р — конные соревнования с преодолением препятствий.



Манежная езда проводится в первый день троеборья.

Во второй день — полевые испытания. Они делятся на четыре части: сначала езда по дорогам. (Расстояние может быть и 10 и 20 километров.) Потом — стипл-чейз. Он короче, чем Пардубицкий или Большой Национальный — от 2800 до 4200 метров. И препятствий меньше (два на каждый километр), и они не такие трудные. Потом — движение по дороге, а затем кросс по пересеченной местности (длина маршрута от 5700 до 7400 метров, количество препятствий — четыре на километр).

И наконец — конку́р. Это преодоление тринадцати препятствий на маршруте (длина его 750—900 метров), который надо пройти со скоростью не ниже 650 метров в минуту.

Соревнования в конкуре, как и в стипл-чейзе, могут быть и самостоятельные. Но тут уж конкур высшего класса: тут восемнадцать препятствий, высота которых может быть около двух метров, а ширина — три метра, ширина канавы, которую лошадь должна перепрыгнуть, — пять метров.

Еще один вид конноспортивных соревнований — выездка.

Если участники конкуров, стипл-чейзов и троеборья одеты с предельными удобствами — короткие сапоги, обтягивающие рейтузы, короткие курточки, шапочки, — то участники выездок одеты вроде бы очень неудобно: цилиндры, фраки, высокие сапоги, платок на шее. Да и соревнования какие-то странные — лошадь то ходит, то бежит как-то

боком, что ли, то вроде бежит на месте. Но даже самый отъявленный скептик и ворчун не удержится и залюбуется работой лошади и человека на небольшой — размером двадцать на шестьдесят метров — площадке. А когда он увидит, как устали лошадь и человек после такой «пустяковой» выездки, поймет, что это очень нелегкий труд. А сколько труда (и какого!) стоит за этой выездкой, сколько надо терпения и воли, чтобы обучить лошадь делать полупируэты и пируэты — поворачиваться на сто восемьдесят и триста шестьдесят градусов, или пассаж — двигаться ритмичной рысью, выдерживая такт, соблюдая определенные паузы во время переходов на диагональ (то есть с передней правой и задней левой на переднюю левую и заднюю правую и наоборот), как нелегко научить лошадь делать пиаффé — заставить ее бежать на месте рысью, высоко поднимая при этом ноги. А есть еще множество других упражнений — вольты, серпантин и так далее. И родились эти упражнения не на манеже — это уж потом они стали элементами соревнований. А когда-то это было жизненно важно для конников, участвовавших в боях.

До появления огнестрельного оружия требования к лошадям были одни, с появлением огнестрельного оружия — другие. Лошадь уже должна не только мчать всадника, она должна уметь менять аллюр и круто поворачивать, останавливаться на полном скаку и быстро ложиться. Именно тогда появились элементы, которые мы сейчас видим на соревнованиях по выездке.

Все, о чем мы говорили до сих пор, относится к верховой езде. А ведь есть и другой вид конноспортивных соревнований. Вернее, он был всегда, появился раньше верховых соревнований. И мы об этом уже говорили. Речь идет о соревнованиях колесниц.

После гибели Римской империи ипподромы стали забывать, а кое-где и совсем забыли: ведь соревнования всадников не требуют таких условий, как соревнования колесниц. Даже часто наоборот: нужна пересеченная местность, нужны длинные дороги. Но вот возродились соревнования в колесницах, а вместе с этим возродились и ипподромы. Конечно, соревновались не колесницы — это были уже совсем

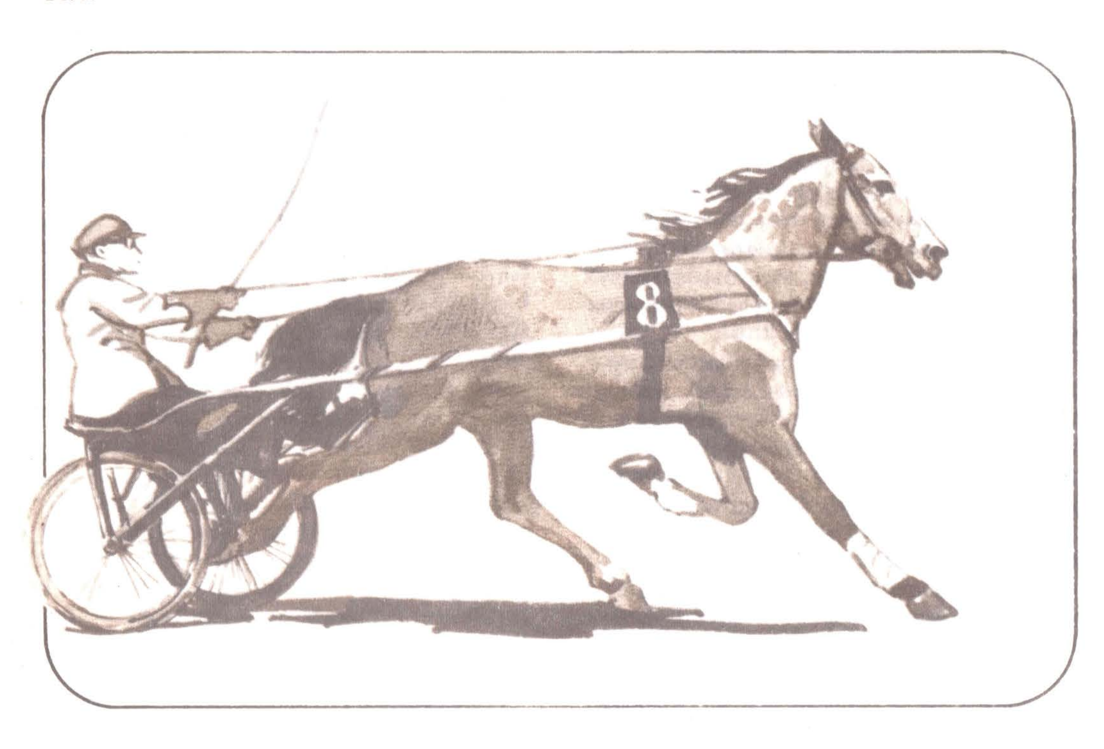
Выездка — высший класс верховой езды.

иные повозки — легкие, маневренные дрожки. Вначале они были четырехколесными, потом люди усовершенствовали их, сделали двухколесными, облегчили вес — довели до двадцати килограммов — и назвали качалками. Бега (так стали именоваться эти соревнования в отличие от верховых — скачек) требуют не меньшего мастерства от наездников (так называются участники бегов в отличие от участников скачек, которые называются жокеями), не меньшей тренировки, выносливости, силы. Это все относится и к лошадям. Кстати, бегами или рысистыми испытаниями эти соревнования называются потому, что тут лошадь должна бежать рысью, и только рысью. Это обязательное условие. Если лошадь вдруг перейдет на галоп, то через двенадцать скачков ее снимают с соревнования, хотя потом она может попытаться «исправиться». Но это не учитывается — закон соревнований суров.

Ну, раз мы говорим о соревнованиях, о спорте, то надо обязательно хоть вкратце сказать и о результатах, то есть о рекордах. Ведь какой же спорт, какие же соревнования и состязания без рекордов!

Оговорюсь сразу: я не буду называть много рекордов, потому что они меняются. И пока я писал эту книгу, и пока ее издавали, возможно, некоторые рекорды уже побиты. Ведь побит же сравнительно недавно

Бега.



рекорд, который просуществовал 2775 лет и казался незыблемым!

При раскопках, которые производили археологи в прошлом веке вблизи озера Ван, там, где когда-то был ипподром правителей царства Урарту, нашли необычную стелу. Возраст ее определен без малого в три тысячи лет. На стеле имелась надпись. Когда ученые прочитали ее, то очень удивились: надпись сообщала, в частности, что «с этого места конь по имени Арциви... прыгнул на 22 локтя». Как говорит В. Б. Ковалевская, подробно разбирающая этот факт, 22 локтя равнялись современным 11 метрам и 22 сантиметрам, либо 11 метрам и 44 сантиметрам.

Знатоки лошадей удивились не меньше ученых: ведь официальный рекорд, зафиксированный тогда, был несколько больше шести метров. Напомню, что стела была найдена в конце XIX века. Потом установили новый рекорд — 8 метров и 40 сантиметров. Его побили в 1950 году — на соревнованиях в Ашхабаде результат был 8 метров 72 сантиметра. Но ведь не одиннадцать с лишним метров! Может быть, урартцы прихвастнули? Или неверно измерили? В это трудно поверить. Но ведь и рекорд такой кажется невероятным. Вернее — казался. До тех пор, пока венгерский спортсмен Чендлер не показал, что лошадь способна прыгнуть на 11 метров 28 сантиметров. Но побил ли он урартский рекорд? В этом можно было еще сомневаться (ведь длина локтя, как мы говорили, точно неизвестна — либо 11 метров и 22 сантиметра, либо 11 и 44). Но вот спортсмен из ФРГ Бергман побил его без сомнения: в 1975 году он прыгнул на 22 метра 16 сантиметров.

Рекорд по прыжкам в длину, продержашийся почти три тысячелетия, был побит.

Но соревнования по прыжкам лошадей в длину устраиваются редко, так же как и по прыжкам в высоту. Поэтому, очевидно, и держатся рекорды долго: в то время, когда была написана эта книга, рекорд по прыжкам в высоту был поставлен в 1949 году в Чили — лошадь по имени Хуаз прыгнула на высоту 2 метра 16 сантиметров.

Впрочем, и на бегах побить рекорд непросто. Так, установленный в 1937 году рекорд был побит только в 1969-м: в 1937 году лошадь прошла милю (1609 метров) со скоростью 1 минута 55 секунд, в 1969-м — 1 минута 54 секунды. Одна секунда решила все!

Есть рекорды на дальние расстояния, на выносливость и скорость прохождения многокилометровых дистанций, рекорды, которые ставятся в течение многих часов и многих дней. И лошади-рекордисты очень высоко ценятся.

Конечно, лошади-рекордисты, лошади-чемпионы очень нужны. Но ведь нужны и просто лошади...

«ВАККА» — ЭТО КОРОВА. А ПРИ ЧЕМ ЖЕ ТУТ ЛОШАДЬ?

Начнем с цифр. Сто лет назад в США было более 9 миллионов лошадей, в России было 16 миллионов. Огромное количество лошадей было и в других странах. Например, в Германии их было около трех с половиной миллионов, во Франции — около трех, в Италии почти полтора миллиона. В 1913 году на земном шаре было около ста миллионов ло-

шадей. Конечно, они тогда заменяли и автомобили, которые еще не вошли в обиход по-настоящему, еще нередко заменяли поезда, конечно же, заменяли трактора и все прочее.

Сейчас все есть: и автомобили, и трактора, и вездеходы. Но есть и лошади. И не так уж мало — несмотря на вытесняющую их технику, несмотря на войну, нанесшую огромные потери конскому поголовью нашей планеты, сейчас на земном шаре около 70 миллионов лошадей. (В Бразилии — самой «лошадиной» стране мира — более девяти с половиной миллионов, в США — около девяти с половиной, в СССР — около шести, и количество их будет увеличиваться.)

Для чего же они? Для соревнований? Да, и для соревнований тоже. В СССР, например, более ста конезаводов, выращивающих племенных лошадей верховых, рысистых и тяжелоупряжных пород. У нас много конноспортивных школ, где занимаются люди, любящие спорт и лошадей; в нашей стране более 60 ипподромов, куда приходят сотни тысяч людей, чтоб посмотреть на соревнования, полюбоваться прекрасными лошадьми.

Но конечно же, не для спорта существуют в нашей стране миллионы лошадей. В то время, как на одних конезаводах выращивают сильных и быстрых лошадей, на других стремятся вывести лошадей высокоудойных. В частности, такая работа усиленно ведется в Башкирии, где люди вывели породу, способную давать по три тысячи литров кобыльего молока в год. Из него готовят кумыс.

Долгое время кумыс был национальным напитком многих азиатских народов. Предание гласит, что его использовали еще в V веке до н. э. и кочевники Северного Причерноморья. Но европейцы знали о нем тоже давно — в середине XIII века фламандский монах Виллем Рубрук, побывав в Монголии, подробно рассказал о кумысе в своей книге «Путешествие в Татарию» (так тогда называли Монголию). Однако азиатские народы держали способ изготовления кумыса в тайне, а скифы, как писал Геродот, настолько дорожили им, что ослепляли невольников, узнавших, как делать этот напиток.

Но как ни хранился секрет кумыса, европейцы все-таки узнали его. Сейчас известно, что кумыс — сквашенное молоко кобыл — содержит более семи процентов сахара (ни у кого из животных нет такого процента!), и, когда кумыс начинает бродить, часть сахара превращается в спирт, что придает напитку особый вкус. Однако не только за вкус ценился и ценится кумыс.

Много веков назад люди заметили целебные свойства кумыса. Конечно, никто не знал тогда, что в кумысе имеется и значительное количество белков и жиров, имеется много антибиотиков. Но издавна пользовались им азиатские народы, называя «живой водой».

Лет двести пятьдесят назад, а может быть и побольше, начали лечить кумысом больных русские врачи, жившие в местах, где в изобилии разводили лошадей. А в 1858 году русский врач Н. В. Постников организовал первую кумысолечебницу — санаторий вблизи Самары. Вскоре такой же санаторий был организован и в Москве.

Справедливо считалось, что кумыс прекрасно помогает при лечении туберкулеза и цинги. Однако не знали тогда врачи, что это молоко — прекрасное средство при лечении желудочных болезней и малокровия, неврастении, сердечно-сосудистых заболеваний, брюшного тифа и паратифа. Это стало известно лишь теперь, когда исследования кумыса показали, что в нем содержится большое количество витамина С, активные виды дрожжей и молочнокислые бактерии. Не случайно же сейчас в нашей стране производится до 30 тысяч тонн кумыса, который доставляется в санатории.

Однако это еще далеко не все «заслуги» лошади в медицине. До недавнего времени дифтерия, столбняк, гангрена и многие другие заболевания часто кончались трагически. Сейчас они вполне излечимы и во многом благодаря лошади!

В 1880 году великий француз микробиолог Луи Пастер открыл явление иммунитета, и с тех пор много опасных болезней предупреждают или излечивают благодаря введению иммунных вакцин.

Слово «вакцина» произошло от латинского слова «вакка», что значит «корова». В XVIII веке английский врач Эдуард Дженнер обратил внимание на то, что крестьяне, переболевшие коровьей оспой, становятся невосприимчивы к оспе натуральной. Зная, что коровья оспа для человека не опасна, Дженнер предложил делать прививки коровьей оспы людям, то есть сознательно заражать человека неопасной для него болезнью и тем самым оградить его от опасной. Дженнер сделал великое открытие, и корова стала спасать человека от оспы. А поскольку сыворотка, которой заражали человека, делалась из крови коров, то назвали ее «вакциной». Но при чем же тут лошадь? Оказывается, при том, что от оспы людей спасает корова, а от многих других болезней — лошадь! Именно ее признали ученые наиболее пригодной для производства вакцин, спасающих людей от многих других болезней.

В кровь лошади вводят продукт жизнедеятельности микробов — микробные яды. То есть заражают лошадь. Вводят небольшие дозы — такие, которые не будут смертельны для животного. Но тем не менее лошадь заболевает. И ее организм, как и организм всякого заболевшего животного существа, мобилизует все внутренние силы на борьбу с болезнями. В данном случае необходимы вещества, которые способны противостоять микробному яду. Называются они антителами. Антитела вырабатываются в крови лошади, едва микробный яд попадает в ее организм. Лошадь становится иммунизированной. Однако этого мало: лошади вводят новую дозу микробных ядов. Антитела немедленно бросаются в бой с «врагами», появляются новые «бойцы». Постепенно от повторных прививок количество антител увеличивается, и в конце концов кровь лошади приобретает новые качества — она становится очень насыщенной антителами. Вот из этой крови и делают лечебную сыворотку. (Она представляет собой одну лишь кровяную жидкость без кровяных телец — лейкоцитов, эритроцитов и так далее.) Когда требуется — эту сыворотку вводят в кровь больного человека, и антитела, находящиеся в сыворотке, немедленно приступают к уничтоже-

нию микробов. И человек выздоравливает.

Прививки делают и здоровым людям — для профилактики: антитела, уже имеющие «опыт» борьбы с микробами — его они приобрели в крови лошади, — все время на страже. И стоит попасть в организм человека микробам, антитела немедленно уничтожают их, не дожидаясь, пока организм человека «пришлет своих бойцов».

Конечно, иммунизированную лошадь не может иметь под рукой каждая больница или поликлиника. Но этого и не надо: сыворотку готовят в специальных институтах и рассылают в запаянных ампулах в лечебные учреждения. Только один институт имени Мечникова в год выпускает более четырех миллионов ампул с разными сыворотками. И на счету каждой лошади, «служащей» в институте, не одна тысяча спасенных людей!

СЕРДЦЕ И МОТОР

(лирическое отступление)

И все-таки... Да, и все-таки не только спорт и не только медицина не позволяют людям отказаться от лошадей в наш век покорения атома и освоения космоса. И не из уважения к заслугам лошади перед человечеством люди не отказываются от нее.

Любопытно, что сейчас, в наш машинно-ракетный век, мы, сами того не замечая и не зная, используем множество слов, терминов, понятий, родившихся благодаря общению человека с лошадьми.

Мы уже говорили об «эстафете» — когда спешащие курьеры или гонцы меняли на станции усталых лошадей вместе с седлом и стременами. Кстати, сам термин появился позже: стремена были изобретены уже после того, как люди научились быстро ездить верхом и уже много веков использовали сам принцип «эстафеты». А назвали этот принцип «эстафетой» лишь после изобретения стремян — корень слова «эстафета» от итальянского «стафера», что в переводе означает «стремя». Потом слово «эстафета» перешло в спорт, а затем стало употребляться и более широко.

Мы говорили и о «реле» — термине, родившемся тоже благодаря лошадям. Сейчас этот термин прочно вошел в лексикон связистов, употребляется в автоматике.

Мы говорим о ком-нибудь «необузданный» и не задумываемся часто, что происходит он от слова «узда». И еще реже приходит нам в голову, что «супружество» имеет общий корень со словом «упряжь».

А кому сейчас придет в голову связать слово «завод» с лошадьми? Между тем родилось это слово и первоначально существовало только в применении к лошадям: завод — сокращенное понятие «заводить лошадей». И «ремонт» — тоже «лошадиное» слово: в переводе с французского оно означает «пересесть на новую лошадь». В кавалерийских частях были специальные люди, «ремонтеры», поставляющие лошадей.

Мы говорим «коньки». Почему коньки? Да потому, что это — две стальные полоски (а когда-то коньки были и деревянными, с прикрепленной лишь внизу металлической полоской), изогнутые, как шеи лошадей (а поначалу, в петровские времена, даже с лошадиными

головками делали коньки), и мчащие своих владельцев так, что ветер свистит в ушах.

Кстати, о скорости. По-английски «скорость» — «спид». И применялось оно в основном к лошадям, точнее — к скорости их бега. А потом появились «спидометры», «спидганы» — измерители скорости, «спидвей» — вид мотоциклетного спорта.

Это лишь несколько примеров. Их можно привести множество, причем еще более неожиданных. Например, ширина железнодорожной колеи во многих странах Европы равна по традиции расстоянию, которое было между колесами боевых колесниц.

Колесниц давно уже нет. Нет и колясок, которые возили лошади по улицам городов. Есть машины, такси. Но в Лондоне и такси напомнят о лошадях: на них распространяются еще правила, принятые в те времена, когда единственным городским транспортом была лошадь. Например, таксисту не разрешается отлучаться от машины, поскольку когда-то был принят закон, запрещающий «бросать лошадь без присмотра». Или вот еще: проехав шесть миль, шофер может отказаться везти пассажира, может выключить счетчик и включить его снова — поскольку шесть миль считались когда-то пределом возможности лошади идти без отдыха.

Да и сама-то мощность мотора машины определяется сейчас «лошадиными силами» — 75 килограммометров в секунду.

Ну, а какое огромное место занимают лошади в литературе и искусстве — и говорить не надо. Об этом можно написать десятки, а то и сотни книг. Вспомним лишь А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, А. И. Куприна, Н. А. Некрасова. Вспомним художников, которые с удивительной любовью рисовали лошадей. Есть даже художники — они называются художники-иппологи, посвятившие свое творчество исключительно лошадям. В музее коневодства Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева собрано около трех тысяч полотен, на которых изображены лошади. И ведь собраны-то, конечно, далеко не все!

Считают, что даже к рождению кинематографа лошадь имеет непосредственное отношение.

В 1870 году во время конных соревнований в Сакраменто (Калифорния) некто Л. Станфорд стал утверждать, что во время скачки лошадь на какие-то доли секунды отрывает все четыре ноги от земли и как бы повисает в воздухе. Ему никто не поверил, и Станфорд заключил пари с несколькими друзьями. Чтоб доказать свою правоту, Станфорд договорился с фотографом-изобретателем Э. Майбриджем, который во время очередных скачек установил вдоль всей дорожки, на определенном расстоянии друг от друга, несколько фотоаппаратов. А от их затворов протянул нитки поперек дорожки. Во время соревнований лошади, естественно, задевали нитки или обрывали их и сами себя фотографировали.

Получив фотографии, Станфорд выиграл пари, а Майбридж так увлекся фотографированием лошадей, что позднее издал одиннадцать томов снимков движущихся животных. Мало того, он обратился к Т. Эдисону, и тот придумал аппарат, проеци-

рующий снимки на экран. Считается, что изобретение Эдисона — прототип кинопроекционного аппарата, который позже был усовершенствован братьями Люмьер.

В общем, нет смысла останавливаться на том, какое место заняла лошадь в творчестве писателей и художников; что же касается кинематографа — то, кроме этого полуанекдотичного факта, можно вспомнить, сколько прекрасных ролей «сыграли» лошади в кино, во скольких фильмах они были чуть ли не главными героями. Однако на двух произведениях искусства, непосредственно связанных с лошадьми, я все-таки остановлюсь. И потому, что это — замечательные произведения, и потому, что они дают повод для размышления.

Конный памятник Петру I скульптора Растрелли в Ленинграде. Его знают гораздо меньше, чем прославленного Медного всадника Фальконе.

Сначала о скульптуре знаменитого русского ваятеля Петра Карловича Клодта.

Он очень любил лошадей, и очень хорошо знал их, и создал много прекрасных скульптур коней. Но самая знаменитая скульптурная группа Клодта — это та, что стоит в Ленинграде на Аничковом мосту, перекинутом через реку Фонтанку.

Фонтанка когда-то была границей, отделяющей город Санкт-Петербург от окружающих его лесов. Две скульптуры, стоящие на берегу со стороны бывшего леса, изображают людей, борющихся с еще неподвластными человеку конями. Кони со стороны города уже объезжены, покорены.

Скульптурная композиция Клодта — символическое отображение борьбы человека с природой. И не случайно природу в композиции олицетворяют именно лошади. Наверное, на приручение, выведение новых пород и обучение всех домашних животных, вместе взятых, не тратили люди столько сил физических и духовных, сколько потратили на лошадей. И скульптор, конечно, прав. Но...

Было время, когда очень много писали и говорили о покорении природы. А покорять ее начали задолго до того, как люди научились писать и даже, возможно, внятно говорить.

Потом спохватились: природу не надо было покорять, ее надо было рационально использовать, находить оптимальные варианты для сотрудничества с нею. Может быть, это относится и к лошадям? Ведь их тоже покоряли. И еще как! И еще какими методами! Чтоб заставить лошадь служить себе, люди ей вкладывали, например, в рот металлическую планку с острыми шипами, которые ранили самое чувствительное место — губы. Конечно, лошадь повиновалась, едва человек шевелил поводом, прикрепленным к этой металлической планочке — лошади было очень больно. Конечно, лошадь слушалась, когда в ее бока всаживали острые шипы — шпоры; конечно, она ускоряла бег, когда ее хлестали нагайкой. Люди добились замечательных результатов, приручая и обучая лошадей. Но может быть, не всегда нужно было ее именно покорять и именно таким способом? И вот сейчас о второй скульптуре — о памятнике Петру I у Инженерного замка в Ленинграде. Растрелли — автор этого памятника — изобразил лошадь, выполняющую элементы высшей верховой езды, типичной для XVIII века. Тут и скрученная до предела шея лошади, и шпоры, вонзенные в бока так, что лошадь даже присела от боли... А может быть, не требуется (или, во всяком случае, требуется далеко не всегда) такое обращение с лошадьми? А ведь оно существует и сейчас, хотя сейчас многие люди уже поняли — лошади можно многое объяснить, от нее можно многого добиться лаской, добрым отношением и обращением. И она на добро ответит добром. Впрочем, это уже проверено, это уже установлено. И часто это

Клодтовские кони на Аничковом мосту в Ленинграде — символ покорения человеком дикой природы.

гораздо более эффективно, чем принуждение, покорение лошади. Жаль, что это понимают еще далеко не все...

Во многих областях служила и служит лошадь человеку. Но есть одна область, о которой еще мало говорят: лошадь служит воспитанию доброты, которая, как писал замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский, «должна стать таким же обычным состоянием человека, как мышление».

И каждый раз, думая об этом, я вспоминаю...

...Это была удивительно красивая

лошадь — высокая, сильная, с длинной, светлой, расчесанной гривой. Она стояла у забора. А в узкой длинной телеге, в которую была впряжена лошадь, сидели мальчишки лет семи-восьми. Я остановил машину и подошел к ребятам. Разговорились. В разговоре, между прочим, я предложил им поменять лошадь на машину. Ребята сказали, что лошадь не их, а дедушки Вити. Я ответил, что дождусь дедушку Витю и поговорю с ним. Мальчишки загрустили: они поняли, что дедушка Витя может не устоять перед таким предложением. Тем более что я привел множество доказательств в пользу машины. И вдруг лицо одного из мальчишек прояснилось. Он поднял голову и сказал, что лошадь все-таки лучше машины. А на вопрос «почему?» ответил: «Ее можно погладить» — и улыбнулся такой счастливой и доброй улыбкой, что ни возражать, ни спорить я уже не стал. Да и как можно поспорить с этим?

Да, конечно, у меня были убедительные аргументы. И в частности, то, что на лошади до Москвы от Можайска (а дело происходило на окраине этого города) не скоро доедешь, на машине же доберешься быстро. Конечно, для поездки из Можайска в Москву я все-таки предпочту машину. Сердце машины — мотор — неутомимо. Оно стучит четко и ровно, разве сравнится с ним сердце лошади? Конечно нет, конечно, в соревновании на выносливость и неутомимость сердце лошади не выдержит конкуренции с мотором.

И поэтому всюду, где нужна только сила, только неутомимость, только быстрота, машины вытеснили лошадь.

Но у сердца есть одно огромное неоспоримое преимущество перед мотором: оно живое, оно бьется, оно способно сжиматься от страха и боли, способно учащенно биться от радости. (И если это еще не доказано окончательно в отношении лошадей, то безусловно будет доказано.) Сердце лошади способно любить. Вот почему там, где нужна не только сила, неутомимость, быстрота, человек предпочитает машине лошадь...

...Они идут по узким горным тропинкам. С одной стороны каменная стена, с другой — бездонная пропасть. Осторожно ставя копыта, чутко прядая ушами, идет лошадь там, где не пройдет ни один самый даже совершенный вездеход. Но даже если бы такой вездеход и был бы сконструирован, им надо управлять. И управлять с большим мастерством. А это не всякому дано. Лошадью здесь управлять не надо — она сама соблюдает предосторожности, стремясь обеспечить безопасность не только себе, но в первую очередь человеку.

Лошадь в горах — частный случай. Но таких «частных случаев» очень много. И не только в горах.

В степях, кажется, не требуется дорог, хороший автомобиль-вездеход может идти напрямую, если надо перевезти груз или человека. Люди оценили эти качества машин. Но какой вездеход заменит пастуху верную лошадь? Она повинуется малейшему приказанию, а главное — человек доверяет ей.

И если не доверять лошади, не чувствовать ее около себя, не знать, что рядом бьется преданное сердце друга, трудно, очень трудно пришлось бы геологам и геодезистам,

пробирающимся по узким таежным тропам. Да только ли им? Огромные пространства на нашей земле еще покрыты густыми и труднопроходимыми лесами. И, отправляясь в эти дебри, люди уверенно чувствуют себя рядом с лошадьми. Дело не только в транспорте — верный друг человека сам способен найти дорогу к дому, выбрать правильное направление, если человек сбился с пути, доставить всадника или повозку к человеческому жилью, если с хозяином случилось несчастье.

Но все это, так сказать, исключительные условия. Но вот люди вдруг поняли, что даже в обычных условиях лошадь нередко оказывается удобнее, чем автомобиль. И не случайно же в колхозах, совхозах, на фермах наряду с новой техникой появляются и новые лошади. Не случайно же в нашей стране принято правительственное постановление об увеличении поголовья лошадей. Конечно, на улицах больших городов лошади трудно. Да и не нужна она здесь. Но ведь города — это еще далеко не все.

В городах стоят неподвижные лошади — монументы. Это и клодтовские кони (кстати, копии скульптурной группы, стоящей сейчас в Ленинграде на Аничковом мосту, стоят и в Неаполе, и в Берлине), это и многие другие скульптуры — символические памятники лошадям.

Есть и более конкретные памятники лошадям. Например, во дворе конезавода в венгерском городе Боболне стоит прекрасный памятник лошадям, павшим на полях сражений. «Верному боевому товарищу», — написано на цоколе.

Есть памятники и отдельным лошадям. Так, в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства у входа в павильон «Коневодство» стоят памятники знаменитому Символу и не менее знаменитому Квадрату.

На территории конезаводов в нашей стране установлены памятники рысакам Улову, Отбою — многократным чемпионам и рекордсменам.

Конечно, хорошо бы поставить памятник и безымянной рабочей лошади-кормилице. Может быть, такой памятник когда-нибудь и поставят люди.

Но главное то, что лошадь живет на земле и служит человеку в эпоху мощных моторов, которые не могут заглушить негромкий стук верного сердца четвероногого друга.

«В КОРОВАХ НАША СИЛА»

Это слова из священной книги древних иранцев Зенд-Авесты. Далее там говорится: «... в коровах наша потребность, в коровах наша речь, в них наша победа, наша пища, наша одежда, наше земледелие».

Слова из священной книги можно отнести не только к персам, но и ко всем земледельческим народам, которые тогда существовали на нашей планете. Ибо для всех коровы стали и пищей, и одеждой, и победой, и потребностью. Правда, не у всех одновременно и не у всех в одинаковой степени.

Мы уже говорили, что если собаку человек приручил почти интуитивно, не представляя еще, что это ему даст, то крупный рогатый скот был им приручен сознательно. Однако первоначальное значение для чело-

века крупный рогатый скот имел иное, нежели сейчас.

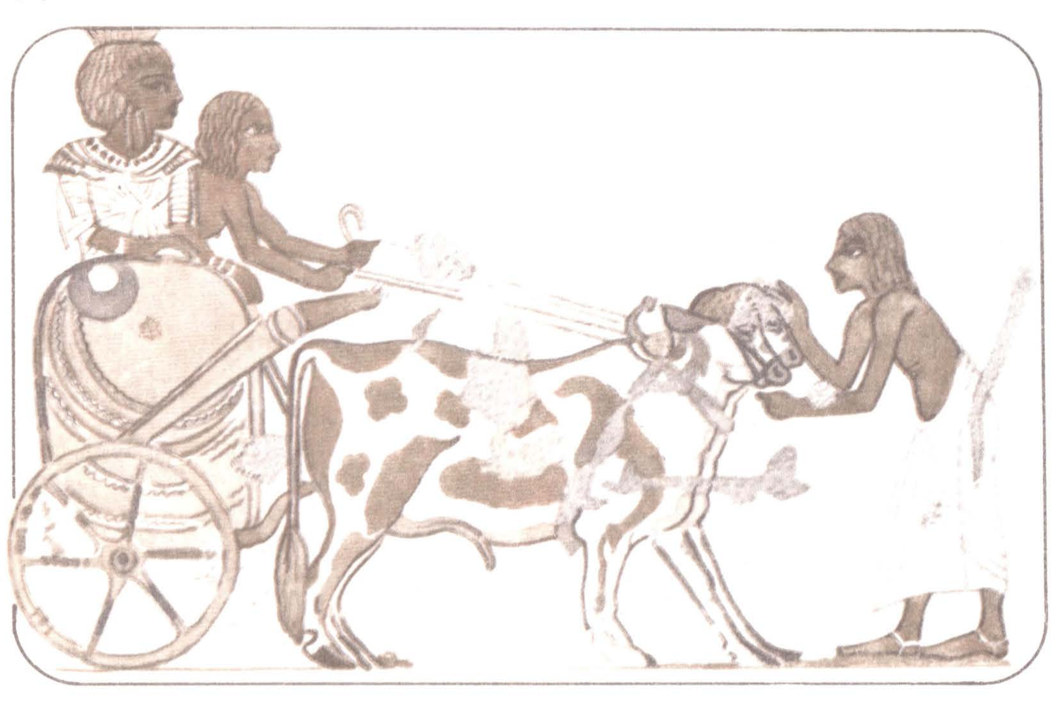
К началу одомашнивания крупного рогатого скота у людей уже существовали домашние животные и неплохо налаженное хозяйство. В частности, уже имелись свиньи, овцы и козы. От свиней человек получал мясо, от овец и коз, кроме того, еще и шерсть, кожу, которую уже умел обрабатывать, и молоко. Животные эти были плодовиты и скороспелы и вполне устраивали человека. Крупный рогатый скот, который этими свойствами не обладает, казалось бы, и не должен интересовать людей. К тому же и корма они требуют больше. Тем не менее людям понадобились быки — понадобилась их сила.

С развитием земледелия стало необходимо вспахивать крупные массивы земли. Вручную люди этого уже не могли сделать. И вот тогда они и обратили внимание на быков.

Действительно, ведь не у кочевых племен-скотоводов стал играть важную роль крупный рогатый скот, а у тех, где было развито земледелие, то есть у народов оседлых. И то, что именно для работы нужны были коровы и быки, свидетельствует запрещение у многих народов употреблять мясо крупного рогатого скота в пищу.

С изобретением сохи, а затем плу-

Быкам в Древнем Египте оказывали большие почести. Тем не менее их использовали и как упряжных животных.



га у крупного рогатого скота (таким обобщающим термином, которым обычно пользуются, имея в виду коров, быков, волов, будем пользоваться и мы) появилось новое назначение: на нем стали пахать. Причем в соху чаще запрягали коров — они были спокойнее быков, ими легче было управлять. Быков, конечно, тоже запрягали в соху. И даже священному Апису случалось иногда поработать: при вступлении на трон нового фараона этого быка запрягали и властелин проводил на поле несколько борозд.

Любопытно, что использовали для вспашки земли только крупный рогатый скот, хотя в те времена верно и преданно служили людям ослы. Но их не заставляли пахать, потому что у ослов нет... рогов: ярмо в те времена прикрепляли к рогам. Ослы же служили как вьючные животные. Правда, с их помощью обмолачивали зерно на гумне. Но и тут предпочтение отдавалось крупному рогатому скоту. Хотя для обмолота чаще использовали не коров, а быков — гоняли их взад и вперед по снопам. До нас дошла песенка погонщика быков, которую он, видимо, пел во время молотьбы.

Молотите для себя,
Молотите для себя,
Молотите для себя,
О, быки!
Молотите солому себе,
Молотите хозяину хлеб,
Не пытайтесь укрыться в тени,
Ведь прохладный сегодня день,
О, быки!

Однако коровы не только пахали, но и снабжали людей молоком. Правда, на это пошли люди не сразу — ведь молока коровы тогда давали немного, и оно нужно было телятам. Молоко разрешалось пить только фараону и очень знатным вельможам. Лишь много позже, когда коров стало больше, молоко, разбавленное водой, разрешали пить и «простым смертным».

До нас дошло много сцен доения коров, изображенных египетскими художниками. Благодаря им мы знаем, что коровам во время дойки в Египте связывали задние ноги, знаем, что коров обычно доили подростки, но обязательно в присутствии пастуха и старшего пастуха. (Такая пастушья иерархия была в Египте: подпаски, пастухи и старшие пастухи.)

Пастухов в Египте было много, и они имели немало обязанностей: пасли скот и охраняли его, помогали коровам при отелах, доили, откармливали телят в хлевах.

С появлением лошадей значение крупного рогатого скота не уменьшилось, а любовь к коровам, возможно, даже возросла. И это — благодаря молоку.

Мы не знаем, сколько молока выпивали в Древнем Египте, в Греции или Риме. Сейчас человек за свою жизнь выпивает в среднем 10 тысяч литров молока — «ценнейшего продукта, приготовленного самой природой», как назвал молоко И. П. Павлов.

Безусловно, в древнем мире люди получали молока гораздо меньше. Ведь для того чтобы получить в достаточной мере этот прекрасный продукт, приготовленный природой, человек проделал огромную работу с «поставщиками» этого продукта.

Именно ради молока проделывали большую работу скотоводы и в Древнем Египте и в других странах

древнего мира. До нас дошло немало работ античных писателей и ученых, посвященных скотоводству, в частности, большой интерес представляет руководство для животноводов, написанное Варроном, жившим в 116—27 годы до новой эры. До нас дошли также сведения о том, что люди издавна ценили вкусовые качества молока, знали и о его целебных свойствах. Сейчас-то нам известно, что в молоке есть все, что необходимо человеку, — более ста веществ, в том числе все необходимые жиры, белки, углеводы, вещества, обеспечивающие рост и развитие организма — недаром же его активно дают детям; в нем есть витамины, ферменты, вещества, обуславливающие иммунитет ко многим заболеваниям — не зря же его дают работающим во вредных цехах.

Существует ошибочное мнение, что когда исчезла необходимость в тягловой силе крупного рогатого скота, его стали разводить в основном ради мяса.

Да, конечно, и мясо тоже поставляют коровы, и оно необходимо людям. Но молоко — главное.

Ну и, конечно, молочные продукты.

Сначала появились сливки. Потом — в северных странах, а особенно на севере России — стали изготовлять масло, удивительный продукт, за которым из Западной и Южной Европы снаряжались специальные караваны купеческих судов. (Европа тогда не знала сливочного масла — люди пользовались растительным: ореховым, оливковым, конопляным.)

Сыр был известен людям давно — о нем говорится в «Одиссее», о сыре писал знаменитый врачеватель древности Гиппократ («сыр делает людей сильными, горячит и питателен»). Эпикур, по преданию питавшийся только хлебом и водой, когда хотел устроить себе «пир», добавлял кусочек сыра. Мы знаем, что о сыре, как об идеальном продукте, говорил один из крупнейших философов древности Сократ.

Конечно, сыр в те времена был другой и изготовляли его не мудрствуя лукаво («Коз и коров надоили, взяли белое молоко, тут же его отжали и сложили в плетеные корзины» — так писал Гомер об изготовлении сыра), но тем не менее пользовался он большой популярностью.

Когда же голландцы и швейцарцы стали изготовлять сыр, который мы знаем сейчас, популярность его возросла еще больше.

Люди оценили творог, сметану, простоквашу. Эти продукты, как и молоко, стали жизненно необходимыми. Но для того чтоб удовлетворить все возрастающие потребности людей, нужно было очень много коров. Поначалу люди увеличивали поголовье скота. Но увеличивать до бесконечности невозможно. И человек еще активнее стал «переделывать» и совершенствовать коров.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ГОРЕМЫЧНАЯ БУРЕНКА

(лирическое отступление)

Об экологическом кризисе сейчас много пишут и говорят. Это естественно — человечество уже подошло или подходит к роковой черте: в своем стремительном развитии оно забыло, что существуют определенные законы природы, определенное равновесие, баланс, которые нельзя нарушать, что существуют нормы

природопользования, которые тоже нельзя превышать, забыло, что нельзя покорять природу и бездумно к ней относиться, что нельзя отравлять водоемы и загрязнять воздух, забывало или не хотело знать еще о многом, чего нельзя было делать. И вот результат — приближается экологический кризис. Пессимисты считают, что человечество погибнет либо от нехватки пресной воды, либо от отсутствия чистого воздуха, либо еще по каким-то причинам, являющимся следствием нашего варварского отношения к природе.

Не будем сейчас обсуждать этот вопрос — он не тема этой книги. Скажу лишь, что основания для серьезного беспокойства имеются, но положение не такое уж безнадежное, как считают пессимисты. И скажу еще вот что: многие думают, что экологический кризис — «болезнь» нашего времени (то есть последних веков). На самом же деле корни его уходят на глубину тысячелетий. И самое любопытное, что человечеству уже не раз приходилось переживать нечто подобное: напряженное положение на планете — то, что мы сейчас называем экологическим кризисом, — в биографии человечества уже было.

Когда-то первобытный человек, загоняя в ямы, ущелья, забрасывая камнями и орудуя каменным топором и дубинкой, уничтожил крупных животных в тех местах, где жил. Животные поменьше были более подвижные и ловкие. С ними таким способом уже нельзя было справиться. Перед людьми замаячил призрак голода. На помощь человеку пришло великое изобретение — лук, стрелы, копье, потом — различные силки, ловушки.

Жить стало легче — появилось много еды. Род человеческий увеличивался, разрастался. Но прошло какое-то время, и перед человечеством встала новая проблема: интенсивная охота привела к оскудению животного мира (не по всей планете, а в местах жительства первобытных охотников — ведь человечество тогда еще не расселилось по планете). Но, к счастью, в это время уже начало зарождаться земледелие, пришедшее на помощь охоте, которая уже не в состоянии была обеспечить людей хлебом насущным.

Земледелие дало новый толчок в развитии человечества (и количественно и социально). Однако человек и тут еще был далек от осознания того, что подрубает сук, на котором сидит. Он распахивал землю, а когда она истощалась — бросал ставшие непригодными для посевов участки и уходил на новые. Если их не было поблизости — сводил леса. Сведение лесов влияло на климат, на влажность, на существование рек и озер. А это, в свою очередь, вело к снижению или даже к полной гибели урожая.

Пахотных земель становилось все меньше, а население планеты продолжало увеличиваться. И над человечеством снова мог нависнуть призрак голода. Однако на этот раз выручило скотоводство.

Скотоводство появилось почти одновременно с земледелием, может быть чуть позже (в других местах, возможно, чуть раньше), но вполне вовремя, чтобы спасти человечество от нового экологического кризиса.

Появление скотоводства повлияло на человечество и на облик нашей планеты. Людям оно помогало вы-

живать, облик планеты начал меняться в связи с появлением и расширением скотоводства.

Огромные стада животных, которые появились у человека, заставили его коренным образом изменить весь свой уклад жизни — в поисках пастбищ для скота люди стали кочевать — появились кочевые народы. Стада кочевых народов часто не только и не столько поедали растительность, сколько вытаптывали ее, разрушали растительный покров земли, и он постепенно терял свою живительную силу. Классический пример влияния кочевых народов и их стад на облик планеты — превращение некогда цветущего края в пустыню Сахару, ставшую сейчас символом бесплодия. Можно привести и другие примеры. И все они подтвердят несколько парадоксальную, но точную по существу мысль одного ученого, который сказал, что кочевник является не столько сыном пустыни, сколько отцом ее.

Правда, у кочевников в основном были козы и овцы. Крупный рогатый скот появился потом. (Хотя и у некоторых кочевников он все же имелся.) Появился он у оседлых народов. Мы об этом уже говорили. И говорили о том, что поначалу коров и быков заставляли пахать — впрягали в соху и плуг. Потом (а может быть, и одновременно) стали использовать молоко. Тоже поначалу в земледельческих странах. В частности, в Месопотамии. Там было хорошо поставленное производство молока и молочных продуктов, выведены породы молочных коров. Рост городов, развитие ремесел привели к тому, что одни люди отходили от сельского хозяйства, другие еще более интенсивно начинали заниматься им, чтобы поставлять продукты в постоянно разрастающиеся города. Да, Месопотамия, где было хорошо налажено «молочное производство», была страна сельскохозяйственная, ее население жило оседло, но пастбищ для коров там было достаточно. Тем не менее имеется предположение, что рогатый скот шумеры получили из Ирана — от пастушеских, то есть кочевых, племен. Так что, видимо, какое-то количество крупного рогатого скота все-таки имелось и у кочевых народов.

Очевидно, не у всех народов был запрет на употребление мяса коров и быков. И хоть, как мы знаем, люди тогда ели в основном мясо свиней, коз и баранов, говядиной тоже не пренебрегали. Но по-настоящему потребность в говядине началась с наступлением промышленной революции, с ростом городов, с резким разделением на промышленные и сельскохозяйственные сферы человеческой деятельности.

Это было начало XVIII века. Именно тогда люди всерьез занялись выведением мясных пород крупного рогатого скота. Говядина стала основным мясным продуктом во многих странах, у многих народов национальные блюда стали приготовляться из говядины, мясо коров послужило даже рождению общеизвестного символа — «дядюшки Сэма». Во время Войны за независимость (1775—1783 годы) американский предприниматель Сэм Уилсон поставлял для армии соленую говядину. На бочках с мясом была надпись «US-meat», которую солдаты читали как «Uncle Sam's meat», то есть «мясо дядюшки Сэма».

Любопытно, что за два с небольшим века люди добились увеличения веса коров более чем в два раза. Конечно, подобная работа будет вестись и дальше. Это необходимо.

По данным ООН и Международной продовольственной комиссии при ЮНЕСКО — ФАО, около 2/3 населения земного шара страдает от недоедания. Чтобы изменить это положение, необходимо ежегодно производство продуктов увеличивать на 2,25 процента (с учетом недоедающих и постоянно увеличивающегося населения планеты). Однако в настоящее время прирост продуктов питания — примерно один процент в год. Конечно, это средняя цифра: в развитых странах производство продуктов питания равняется 120 процентам собственной потребности, в слаборазвитых странах население обеспечено продуктами, производимыми в них, лишь на 80—90 процентов. И, на первый взгляд, положение будет не улучшаться, а скорее всего — ухудшаться.

Профессор Ю. Новиков приводит такие любопытные данные. Сейчас на каждого жителя нашей планеты приходится менее трех гектаров твердой земли. Половина из них — либо пустыни, либо вечные льды, либо скалы, то есть совершенно непригодные ни для земледелия, ни для скотоводства. Остается менее полутора гектаров. Кроме того, на каждого жителя планеты приходится по одному сельскохозяйственному животному (кролики и птицы сюда не входят), с которыми они делят эти полтора гектара. Но ведь существуют еще пока на планете и дикие животные. На земле растут леса, стоят города. И если площадь лесов будет уменьшаться, то количество городов — расти. Это — не прихоть, это — веление времени. А крошечный клочок земли (после всех наших расчетов он станет менее половины гектара на каждого человека) должен обеспечить его пищей. И хлебом, и овощами, и фруктами, и молоком, и мясом. Возможно ли это? Или прав Мальтус?

Мальтус еще почти двести лет назад неверно объяснил бедственное положение трудового народа «абсолютным избытком людей» и предрекал человечеству гибель от перенаселения нашей планеты и от голода. Будь Мальтус сейчас жив (а его последователи-неомальтузианцы вновь провидят подобный конец), он привел бы и эти расчеты, дабы доказать нам, что нельзя увеличивать до бесконечности количество домашних животных.

Теории Мальтуса дали решительный отпор прогрессивные мыслители прошлого, а уже в наше время, говоря о проблеме продовольствия, даже лорд Бойд Орр, в прошлом один из руководителей ЮНЕСКО, очень точно заметил: «Человечество знает, что ответить Мальтусу: производство продовольствия никогда не было развернуто на полную мощность, так как целью западной цивилизации было производить не такое количество продовольствия, которое необходимо для удовлетворения человеческих нужд, а такое, какое можно выгодно продать».

И еще — «зеленая революция». О ней много писалось, много говорилось. Суть ее в том, что ученым удалось не только вывести в опытном порядке, но и внедрить на практике в широких масштабах высокоурожайные сорта пшеницы. Так, в не-

которых странах Западного полушария урожай благодаря этому увеличился в четыре раза. В нашей стране в ряде районов благодаря внедрению высокоурожайных сортов, выведенных академиком Лукьяненко, уже получены урожаи, превышающие в 8—13 раз прежние.

Но это пока лишь относится к «зеленой революции». С мясом — сложнее. Людям еще предстоит много работы, очень много. И если говорить о коровах, очевидно, необходимо менять их «сущность». Не только улучшать уже имеющиеся породы, но и выводить новые, совершенно новые, принципиально отличающиеся от имеющихся. Таково веление времени. И подход к скотоводству уже совсем иной.

Фермы и крупные комбинаты промышленного типа. Так надо. Иначе нельзя. Это — один из путей преодоления экологического кризиса. Сельское хозяйство, и в частности животноводство, а еще конкретнее — разведение коров и быков, все ускоряет темп. И тут мне хочется остановиться. Нет, не замедлить темп и тем более — не повернуть вспять. Остановиться на минуту, чтоб оглянуться назад.

Мы говорим о стадах, о молоке, о мясе. А сейчас всего несколько слов о самой корове. Даже не вообще о корове — о той самой пресловутой русской Буренушке, о которой когда-то говорили в народе: «Утка в юбке, курочка в сапожках, селезень в сережках, а корова в рогоже, да всех дороже».

Да, она порой действительно была всего дороже, хотя часто жилось ей очень и очень плохо.

Есть такое выражение — «горемыка», то есть «горе мыкает». У В. Даля слово «мыкать» объясняется так: «чесать лен или пеньку на кудель для пряжи, что делается мыкалком, гребнем или щеткою». То ли потому, что это была нелегкая работа, то ли потому, что движения были однообразны и утомительны, то ли по каким-то другим причинам слово «мыкать» стало употребляться в разных значениях — и в значении «заколебаться» и «замучиться», «истаскаться» и так далее. «Мыкать по свету» у Даля — «шататься в нужде», а «мыкать горе» — «бедовать».

Но есть у того же Даля в его словаре еще одно слово — «мык». Оно идентично слову «мычать», «мыкнуть», «мыкать».

Как-то, рассуждая об этом, профессор В. И. Цалкин высказал такое предположение: а не происходит ли выражение «горемыка» от «горько мыкать, то есть мычать»?

...Мы сидели в одной из комнат Музея истории и реконструкции Москвы в самом центре столицы. За окном — залитые огнями улицы, бесшумно проносящиеся автомобили. А мы вдруг представили себе Москву трехсот-четырехсотлетней давности.

Белокаменная она была лишь в самом центре. А вокруг — деревянные посады, дома, стоящие в центре дворов, обнесенных высокими заборами, домики с подслеповатыми окнами. И чем дальше от центра — тем больше таких домов и домиков. А во дворе почти каждого — деревянные постройки, сараи, конюшни, хлева.

Москвичи держали коров. Летом они паслись всюду — по топким берегам Москвы-реки, на пустырях, которых в Москве было достаточно,

разгуливали нередко по улицам. Там, где сейчас Остоженка, были когда-то заливные луга. На них косили сено, ставили стога. Память об этом сохранилась в названии улицы. И там, где сейчас стадион имени В. И. Ленина — в Лужниках, тоже были луга. И еще их было много. Летом коровы паслись. Зимой стояли в хлевах. Их, конечно, кормили. Но к весне часто запасы кончались. Коровы начинали голодать. Худели. Слабели так, что не могли уже стоять на ногах. Их подвязывали вожжами или веревками к стропилам. От голода коровы мычали. Громко, тоскливо, горько. И над Москвой висело это горькое мычание...

Не знаю, прав ли профессор Цалкин, но такое объяснение «горемыки» может, наверное, быть. Горемычные буренушки были, конечно, не только в Москве. Не всегда крестьянин мог запасти достаточно сена и соломы на зиму, и к весне стоял над деревней такой же горький рев, как над Москвой. И не все коровенки выдерживали — многие не доживали до весны. И тогда горько плакали крестьяне — ведь эта коровенка была им и кормилицей и поилицей. Конечно, как говорят, «молоко у коровы на языке» — от того, что и как она будет есть, зависит и количество и качество молока. Крестьянские коровенки лишь летом, да и то не всегда, были сыты. Мало они давали молока. Но все-таки давали. Кружка молока ребятишкам — того самого молока, в котором все есть, что надо человеку, — это уже еда. Ведь другой еды часто не было. Иногда были и сметана и творог... И еще — навоз. Единственное удобрение. Как большую драгоценность копили в течение зимы крестьяне навоз, чтоб весной вывезти его на свои поля. Без него — не будет урожая.

Пала корова или увели ее со двора за недоимки — пропала крестьянская семья. Оставалось одно — уходить из родной деревни на заработки или наниматься в батраки, а детишек посылать собирать милостыню...

Сейчас все по-другому. И это, конечно, прекрасно. Но забывать о коровах не стоит.

Впрочем, сейчас, конечно, народ грамотный и знающий. Сейчас уже нет чеховских гимназисток, которые считали, что творог «выколупывается из вареников». Сейчас даже малыши знают, что «корова — большое животное с четырьмя ногами по углам. Корова дает молоко, а индюк не может...» — так говорит маленькая героиня одного из рассказов Веры Инбер. Да, теперь все знают и про молоко и про автопоилки.

Но хочется еще, чтоб люди помнили и о тех добрых и беззаветно служивших людям коровенках. Крупный рогатый скот в свое время помог людям избежать очередного экологического кризиса, огромные стада его служили человечеству. Да-да, горемыка-буренка служила человеку.

И недаром в Голландии поставлен коровам памятник. Не чемпионкам по надоям, не рекордсменкам в весе. Просто коровам.

А на постаменте этого памятника выбита короткая и очень точная надпись: «Нашей матери».

Величайший триумф человеческого гения заключается в том,
что человек смог понять вещи,
которые он не в состоянии вообразить.

Академик *ЛЕВ ЛАНДАУ*

ПРОБЛЕМЫ НЕПОЗНАННОГО

ОШИБКА УМНОГО ГАНСА И ДРУГИЕ ОШИБКИ

Грянул марш, и на арене цирка появился веселый пес. Он оглянулся на вышедшего вслед за ним дрессировщика, поприветствовал публику и всем своим видом показал, что готов к работе. И работа началась. Дрессировщик называл цифру, и собака немедленно приносила картонный квадратик с этой цифрой — десять квадратиков с цифрами от единицы до десяти лежали на арене. Пять? Пожалуйста! Девять? Извольте! Но это еще что! Собака могла складывать, вычитать, делить, умножать! Сколько будет три плюс четыре? Собака немедленно приносила квадратик с цифрой «семь». А сколько останется, если от восьми отнять три? Появлялся квадратик с цифрой «пять». Умножить? Пожалуйста. Например, три на три. Девять. Верно. А если разделить восемь на четыре? Два. Правильно!

А чтоб публика не думала, будто собака заранее натренирована, то есть выдрессирована на определенные цифры, дрессировщик предлагает кому-нибудь из публики задавать вопросы. Желающих много. Со всех сторон слышатся возгласы. Собака растерянно смотрит на хозяина, и тот просит задавать вопросы по очереди. Хорошо. Трижды три? Собака немедленно приносит квадратик с девяткой. Десять минус пять? Остается пять — собака отвечает без ошибки.

Но вот из публики задают вопрос — сколько будет шесть умноженное на два. На арене такого квадратика нет — цифры на них только до десяти. Что ж, ученый пес может ответить и устно: он лает двенадцать раз. А если надо — пролает и пятнадцать и двадцать. Может и сто и двести, если хватит у зрителей терпения.

Собаки-математики — не редкость в цирке или на эстраде. Бывают в цирке и лошади-математики — они отвечают на вопросы, ударяя копытом столько раз, сколько надо. И никогда не ошибаются, даже если им, как и собакам, как и другим зверям-математикам (выступают в этой роли и слоны и ослики), надо извлечь квадратные корни. И делают они это, совершенно не умея считать. Да, именно так. Потому что это всего-навсего цирковой трюк, фокус.

...Собака выбегает на арену. Квадратики с цифрами ей знакомы — уложены они в привычном для собаки порядке. И все — «на одно лицо», то есть она не знает разницы между цифрами. Вот прозвучал вопрос. Допустим, дважды два. Собака по знаку хозяина бежит вдоль квадратиков с цифрами. Когда она поравнялась

с цифрой четыре, хозяин-дрессировщик делает незаметный условный знак. И в ту же минуту собака хватает карточку с цифрой четыре. Так повторяется много раз — дрессировщик всегда подает условный знак в ту секунду, когда собака оказывается у квадратика с нужной цифрой. Задача дрессировщика — научить собаку по сигналу брать карточку, которая находится около нее. Сигналом может быть и незаметный для публики жест, и свисток — специальный, конечно, издающий звуки, которые не слышит человек, но хорошо слышит собака — ведь у нее слух во много раз тоньше, чем у человека.

Это относится и к лошадям, и к другим животным-математикам. То же и с «устным счетом»: по сигналу дрессировщика собака начинает лаять и продолжает лаять до тех пор, пока не увидит условный сигнал. А подает его хозяин в нужный момент. Например, спросили собаку, сколько будет шесть умноженное на два. Собака начинает лаять. Когда она пролаяла двенадцать раз, дрессировщик подает сигнал, и собака тут же умолкает. Ответ на вопрос правильный!

Лошади и ослики отбивают копытами нужное число ударов и прекращают удары по незаметному зрителям сигналу дрессировщика.

Животные-математики, как мы уже говорили, — фокус. Об этом многие догадываются или даже знают и не сердятся на такой «обман» — все равно интересно смотреть.

А вот с орловским рысаком Умным Гансом было совсем иначе — многие люди были абсолютно уверены, что лошадь обладает математическими способностями. И не толь-

Цирковой номер «собака-математик» всегда пользуется большим успехом.

ко математическими, но и лингвистическими — понимает вопрос, заданный ей не только по-немецки (эта лошадь жила в Германии), но и по-французски, и по-английски. Она подходила к грифельным доскам, на которых были написаны различные слова, и безошибочно выбирала предложенное ей слово (указывала на него мордой). Она отвечала и на очень сложные вопросы: на какой день недели, например, падало определенное число, — отбивала копытом один раз, если падало это число на понедельник, два — если на вторник, три — на среду и так далее. Ганс мог играть и в карты: если требовался туз, он ударял копытом один раз, король — два, дама — три, валет — четыре раза. Если видел десятку, бил копытом десять раз.

Но особенно способен он был в математике — делил и умножал, складывал не только целые числа, но и дроби, отбивая сначала знаменатель полученного числа, потом — числитель.

Его хозяин Вильгельм фон Остен не делал из своего Ганса секрета: любой желающий мог посетить небольшой дом на Грибеновштрассе в Берлине, где по мощеному дворику разгуливал Ганс, и собственными глазами убедиться в способностях лошади.

Началось все в конце прошлого века. Фон Остен очень любил лошадей и считал, что люди недооценивают их способностей. И если уж не все лошади способны логически мыслить, то некоторые — определенно. И в частности — Ганс.

Четырнадцать лет — в жару и мороз, в ненастье и в хорошую погоду, не пропуская ни одного дня, — фон Остен, горевший желанием, как он сам говорил, «доказать способность лошади к мышлению», занимался со своим питомцем. Ганс был способным учеником, и если не так уж быстро усваивал уроки хозяина, то, усвоив их, помнил все прочно.

В 1901 году о необыкновенной лошади стало широко известно. Сотни, может быть, тысячи статей в газетах, журналах были посвящены Умному Гансу, о нем писались серьезные ученые труды. Очевидцы рассказывают, что «работа» Ганса производила неизгладимое впечатление. Лошадь отвечала на вопросы не только правильно, но делала это четко и совершенно не задумываясь. В способности Ганса поверили и некоторые серьезные ученые. Тем более, что обвинять в плутовстве фон Остена не было оснований: он не брал ни с кого денег за демонстрацию «работы» Ганса. Однако было немало людей, которые не хотели или не могли поверить в способности Умного Ганса, считали, что это — либо дрессировка, либо какой-то хитрый трюк. В сентябре 1904 года была создана специальная комиссия во главе с известным в то время психологом профессором К. Штумпфом. Хозяин Ганса не возражал — он-то ведь точно знал, что Ганс действительно мыслит и разговаривает. (Или по крайней мере был твердо убежден в этом.)

Комиссия подтверждает: да, действительно, Гансу никто не подсказывает, никто не помогает. Таким образом, вопрос о дрессировке был исключен. Но если так — необходимо очень внимательно изучить способности необыкновенной лошади.

Для этой цели была создана вторая, еще более серьезная комиссия.

Теперь уже не для проверки — дрессирован ли Ганс, а для проверки самого Ганса.

Работа проводилась в присутствии объективных свидетелей, и с первых же дней Ганс подтвердил, что он не зря звался Умным: он спокойно отвечал на вопросы, кивая головой сверху вниз, если ответ давал положительный, или качал головой из стороны в сторону, если хотел сказать «нет». Он и задачи решал, и слова угадывал, и дни недели определял точно. Да, все так. И тем не менее...

Еще в XIX веке было доказано рядом крупных ученых, что человеку очень часто бывает трудно, а порой даже невозможно скрыть свои мысли: непроизвольное движение рук или губ, выражение глаз, положение тела, даже дыхание могут выдать человека. Молодой ученый Оскар Пфунгст — тогда помощник Штумпфа, впоследствии известный психолог — предположил, что человек, сам, конечно, того не подозревая и не желая, как-то помогает лошади, подсказывает ей положительный или отрицательный ответ, сообщает, сколько раз стучать копытом. (Точнее — когда перестать стучать.) Ну, например, человек спрашивает, сколько будет пять помноженное на пять. Лошадь начинает отбивать копытом удары. Человек внимательно следит за ногой лошади или напряженно считает число ударов. Вот лошадь ударила двадцать четвертый раз.Слушающий напрягся еще больше... Двадцать пятый... Человек сделал какое-то непроизвольное движение, или вздохнул, или глотнул воздух, или чуть поднял голову — для Ганса это оказывалось достаточным, служило сигналом, что больше не надо стучать копытом.

Или — отгадывание слов. Вот лошадь подошла к одной доске. На ней нет нужного слова. И она видит, что наблюдающие за ней люди спокойно смотрят на эту доску. Следующая — то же самое. Но вот лошадь подошла к доске, где написано слово, которое она должна отгадать. И увидала, как экзаменаторы чуть-чуть изменили позы, чуть вытянули шеи, чуть напряглись. И Гансу—удивительно наблюдательному Гансу— было достаточно, чтоб понять: это именно то самое слово, или та самая доска, на которую надо указать. Казалось бы — все просто. Но у Умного Ганса было много сторонников и защитников. И они сами пошли на то, чтоб проделать с Гансом эксперимент: скрыли хозяина от глаз лошади ширмой. Теперь уж никакие жесты или мимика не могли помочь Гансу. И все-таки он продолжал достаточно верно складывать, вычитать, умножать и делить (хотя на этот раз иногда и ошибался).

Телепатия — передача мыслей на расстоянии — так объясняли это многие. Другие были еще более категоричны — лошадь умеет считать. Но Оскар Пфунгст был упрям. Он предложил новую серию экспериментов: лошади задавал вопрос человек, не знавший ответа на него. И тут-то все и выяснилось: когда экспериментатор знал ответ, то и Ганс давал правильный ответ в 98 случаях из 100. Если же экспериментатор сам не знал ответа — Ганс в 90—95 случаях из 100 ошибался. (5—10 процентов угадывания вполне можно отнести к случайностям.)

Пфунгст тщательно проверил все «способности» Ганса. Естественно, никаких языков — ни немецкого, ни французского, ни английского — он

не знал. Но «понимал» любой — звук человеческого голоса служил для него сигналом, и он начинал отстукивать ответ, а едва уловимое движение спрашивающего — сигналом для прекращения стука. И все-таки это была лошадь далеко не заурядная, и не зря звалась Умным Гансом. Но талант у нее был не математический и не лингвистический, а талант наблюдателя. Причем очень тонкого: Пфунгст в лаборатории и во время экспериментов с Гансом тщательно измерил движения, которые непроизвольно делал человек, задававший вопросы. Они зачастую оказывались почти неуловимыми — какие-то миллиметры. Но для Ганса этого было достаточно: он их улавливал. Значит, уникальная острота зрения плюс удивительная наблюдательность. Ну, а как же тогда понять правильные ответы на вопросы человека, спрятанного за ширмой? Оказывается, у Ганса было не только острое зрение, но и необыкновенный слух — он подмечал малейшие интонации, крошечные паузы, совершенно неразличимое для человека изменение частоты или глубины дыхания спрашивающего. И это тоже было сигналом для лошади.

Итак — Ганс оказался обыкновенной лошадью (то есть не умел ни читать, ни считать, ни мыслить логично, ни отвечать на вопросы), но лошадью с необыкновенным зрением, слухом и необыкновенной, просто феноменальной наблюдательностью.

Однако вывод комиссии удовлетворил далеко не всех. По-прежнему еще немало людей были убеждены, что Ганс способен мыслить. Особенно упорен был Карл Краль, работавший одно время вместе с Остеном, а с 1909 года, после его смерти, ставший владельцем Ганса. Краль продолжал упорно работать с Гансом и еще больше расширил его «репертуар». Мало того, он приобрел двух арабских жеребцов — Мухамеда и Царифа и занялся их воспитанием. Вскоре и эти лошади обнаружили недюжинные математические способности. Потом появился пони Гансхен, не менее талантливый, чем Ганс, Мухамед и Цариф, и, наконец, слепая лошадь Берто, не уступающая в «гениальности» своим сородичам.

Кроме математических способностей, они все проявляли и способности музыкальные.

А вслед за лошадьми появились гениальные собаки. И тоже в Германии. Они были настолько «гениальны», что нацисты использовали их в качестве пропаганды: вот, мол, что значит истинная немецкая порода! Хотя непонятно, почему к истинно немецким они отнесли и таксу, и английского дога, и фокстерьера. Кстати, именно фокстерьер по кличке Лумпи был особенно «гениальным» — не только бойко считал, но и сообщал всем желающим, который час, даже острил, отстукивая лапой (по системе азбуки морзе) целые фразы.

Однако и тут при ближайшем рассмотрении выяснилась полная несостоятельность «гениальных» собак. Более того — если лошади обладали необыкновенным слухом или зрением, собакам даже этого не требовалось — в большинстве случаев все сводилось к тщательной дрессировке. Правда, при этом собаки, конечно, тоже должны были обладать определенными способностями — подмечать малейшие знаки, пода-

ваемые им хозяевами, хорошо слышать и так далее.

Ученые сказали свое слово и об Умном Гансе, и о «гениальных» собаках.

Однако почти за столетие, прошедшее со времени славы Умного Ганса, не раз еще вспыхивали споры о способностях животных буквально понимать человеческую речь, мыслить так же, как люди, прогнозировать далеко вперед свои поступки и так далее. И сейчас мы, наблюдая за лошадью, а особенно за собакой, часто удивляемся их сметке, находчивости, сообразительности. С трудом заставляем себя поверить, что собака не понимает языка человека, — настолько тонко чувствует она интонации человеческой речи, так точно чувствует настроение человека...

Но при всем при этом собака все-таки остается собакой, а лошадь — лошадью. И ни к чему приписывать им человеческие свойства и качества. У них собственных, еще до конца не познанных человеком, достаточно.

Когда ученые «разоблачили» Ганса, некоторые скептики впали в другую крайность: они объявили, что животные вообще не способны мыслить. (Впрочем, теория «животных-автоматов» существовала издавна, тут она просто выявилась в ином аспекте.)

Мы сейчас не будем обсуждать, мыслят ли животные, — это тема специальной книги, точнее, специальных книг, так как она очень и очень обширна. Скажем только, что элементарное мышление у животных есть, есть благоприобретенные привычки, поступки, поведение, которое нас часто поражает, есть и врожденные (условные и безусловные) рефлексы. Элементарную рассудочную деятельность животных сейчас, после работ И. П. Павлова, К. Лоренца, Н. Тинбергена, К. фон Фриша и других современных советских и зарубежных ученых, уже никто не может отрицать. Работы по изучению психической деятельности животных все больше расширяются. Однако каких бы успехов они ни достигли, вряд ли люди откроют способности животных читать, считать, мыслить по-человечески. Но многое откроют. Откроют и то, что сейчас еще неизвестно, непознанно, изучат и то, над чем уже чуть-чуть приоткрыта завеса.

Мы начали с математических способностей собак, точнее — с трюка, фокуса, умелой дрессировки. Ну, а если всерьез задуматься — могут ли животные считать?

Часто приписывают определенные математические способности птицам. Утверждают, будто лебеди, например, способны отличать четные числа от нечетных. Например, если пролетающая стая видит на воде другую стаю, в которой нечетное количество лебедей, — спустится, четное — пролетит мимо. Некоторые ученые утверждают, что птицы на гнездах способны узнать, какое у них количество яиц. И если одно забирают из гнезда — они тотчас же откладывают новое. Однако далеко не все согласны с этим. Если же птицы и откладывают яйца взамен взятых, то не потому, что сосчитали, сколько было и сколько осталось, говорят эти ученые, а потому, что видят пустое место в кладке. Это, пожалуй, скорее похоже на истину. Тем более, что мы знаем и такие примеры: кукушки откладывают свои яйца в гнезда других птиц, не изымая (или не всегда делая это) других яиц.

Что же касается млекопитающих, то и тут вопрос далеко не прояснен. Одни наблюдатели утверждают, что собака или кошка, у которой отобрали даже одного щенка или котенка, очень волнуется, другие говорят, что, если даже забрать всех, но оставить одного — животное не заметит этого.

Короче говоря — никто этим всерьез не занимался. Тем более, что зоопсихология как таковая вообще появилась сравнительно недавно. И до сих пор немало людей, даже причастных к науке, полностью отрицают способность животных, особенно птиц, ко всякой, даже элементарной, разумной деятельности, другие, напротив, считают, что некоторые животные, в особенности такие, как собаки или обезьяны, способны приблизиться в своей умственной деятельности к человеку.

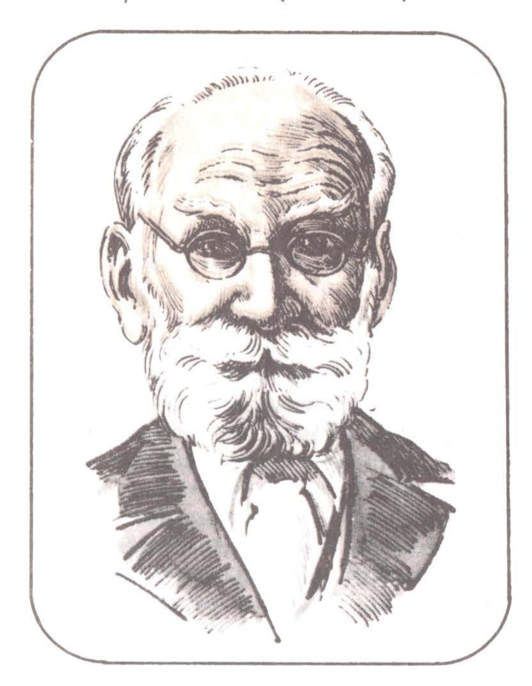
Однако пока те опыты, которые были проделаны, и те наблюдения, которые были проведены, не дают еще возможности сделать сколько-нибудь серьезные выводы, тем более — обобщения.

Но среди опытов, проведенных над собаками, были и такие, которые должны нас заинтересовать, — они как будто бы имеют непосредственное отношение к теме нашего разговора о математических способностях животных.

Собака показывает фокусы с арифметикой? Это хорошо. А что она сама думает по этому поводу? Собаку не спросишь. То есть спросить-то можно, но ведь не ответит она. Однако есть другой способ — можно заглянуть прямо в мозг животного. Для этого достаточно вживить в мозг собаки несколько тоненьких проводочков-электродов (собаке это не причиняет никакого вреда, она даже не замечает их) и присоединить электроды к специальным приборам.

Быстро движется лента, и особые писчики вычерчивают на ней разные фигуры. Если собака спокойна, биоэлектрические токи, передающиеся через вживленные электроды на прибор, регистрируются в виде линии с мелкими зубчиками. Но вот вспыхнул яркий свет, раздался громкий звук — ну, в общем, животное что-то испугало. И сразу линия на ленте сделала резкий скачок. Потом животное успокоилось, и снова на ленте пошли ровные, едва заметные зубчики. И вот однажды во время эксперимента ученые стали «пугать» собак серией резких звуков. Экспериментаторы не ставили перед собой задачу выяснить, умеют ли собаки считать — задача была иная. Но попутно было сделано очень интересное наблюдение: при первом звуке на ленте появлялся активный «всплеск», но на второй уже собака почти не реагировала, а на третий вообще не обратила внимания. На четвертый — тем более. И вдруг на пятом — будто снова испугалась. А затем — сразу успокоилась и не обращала на звуки внимания до тех пор, пока не раздался десятый. А потом собака среагировала на пятнадцатый. Переменили серию звуков: стали давать короткие — по три сигнала в каждой серии, — и опять собака реагировала на первый, третий, шестой, девятый. Удлинили серию — в каждой теперь было по восьми. И снова — реакция на каждый первый, восьмой, шестнадцатый. Электрическая реакция собачьего мозга, записанная прибором, показывает, что собака как будто отсчи-

Иван Петрович Павлов (1849—1936).



тывает определенное количество коротких звуков... Но отсчитывает ли? Пока неизвестно. Может быть, тут что-то иное. Ведь был же случай, когда люди, причем очень серьезные люди, чуть не поверили в математические способности собаки.

Однажды в лаборатории академика И. П. Павлова велась работа по выработке пищевого рефлекса у собаки на стук метронома: метроном работал 30 секунд и тут же собаке давали мясо. Собака быстро связала стук метронома и получение пищи. И едва начинал прибор работать — у нее начинал выделяться желудочный сок и слюна, даже если мяса не было. Частота работы метронома была 100 ударов в минуту. Затем решили проверить, как собака будет реагировать на метрономы, работающие в ином режиме. При звуке метронома, делающего 50 ударов в минуту, собака ошиблась — прореагировала так же, как на метроном, делающий 100 ударов в минуту (напомню, что метроном работает 30 секунд). Но, не получив мяса, она уже в следующий раз не обратила внимания на метроном, работающий в ином режиме. То есть прекрасно отличала звуки метрономов, работающих с частотою в 100 и 50 ударов в минуту.

Опыт расширили и усложнили: собаке предлагали метрономы, работающие с частотой 60, 70, 80, 90, 95 ударов в минуту. И подопытный пес быстро ориентировался. Наконец, дело дошло до метронома, работающего с частотой в 98 ударов в минуту. И тут собака оказалась на высоте, хотя далось ей это не сразу и не легко. Впрочем, то что собаке поначалу было трудно,—ничего удивительного: ведь метрономы звучали 30 секунд, делая в одном случае (при 100 ударах в минуту) 50 ударов, во втором (при частоте 98 раз в минуту)—49. Неужели собака подсчитывала количество ударов? Очень похоже. И все-таки нет, не подсчитывала. Да и не пыталась это делать. Зато прекрасно улавливала частоту ударов, хотя интервал метронома, делающего 98 ударов, всего на 0,012 секунды больше, чем у делающего 100. И эту разницу собака улавливает.

Тонкий слух? Безусловно. А может быть, и еще чувство ритма? Конечно.

Все, кто видел в цирке или на эстраде дрессированных животных, обращали, конечно, внимание, что они работают в сопровождении музыки, или, как говорят, «под музыку». Врожденное чувство ритма помогает им усвоить «уроки», веселит их и бодрит.

Значит — чувство ритма? Безусловно. А может быть, музыкальные способности? И это не исключено. Во всяком случае, к собакам это можно отнести. Возможно, зоопсихологи или физиологи назовут это как-то иначе. Мы же, увидав и услыхав подпевающую своему хозяину или какому-нибудь музыкальному инструменту собаку (а такое бывает нередко), всерьез думаем о какой-то собачьей музыкальной одаренности.

Однако не будем делать никаких выводов. Да и как мы их можем делать (если говорить серьезно), когда ученым далеко не все ясно, когда исследования в этой области только-только начинаются.

Умеют ли животные считать? Умный Ганс не умел. Собаки, выступающие в цирке, тоже не математики. Но значит ли это, что ученых не ждут удивительные открытия на пути исследования «способностей» животных? Конечно же нет. Какие-то математические способности, видимо, у собак все-таки есть. Или особый слух? Не просто очень тонкий — это давно известно. А какой-то особый, может быть, музыкальный? И даже больше. После серии опытов с собаками на опознавание и классификацию гласных звуков (а, о, и, е) «Журнал эволюционной биохимии и эволюции» писал в 1975 году, что «результаты электрофизиологических исследований... указывают на подготовленность слуховой системы млекопитающих к опознаванию речевых сигналов».

А лошади? Об их музыкальности, чувстве ритма известно очень давно. С этим даже связан знаменитый исторический анекдот, о котором рассказывал Аристотель.

В Южной Италии существовал некогда греческий город-государство Сибарис. Его жители так любили всевозможные удобства и удовольствия, что слово «сибарит» уже в те времена стало синонимом праздного человека, безмерно увлекающегося радостями жизни. Одним из любимых развлечений сибаритов было смотреть на танцующих под звуки флейт лошадей. Поэтому всех лошадей в Сибарисе обучали этому искусству.

У Сибариса был постоянный соперник и противник — город Кретон. И вот когда в 510 году до новой эры между этими городами началась война, сибариты бросили против своих врагов кавалерию на сильных и холеных лошадях. Однако, завидев сибарисскую кавалерию, кретонцы не взялись за мечи — они взяли в руки флейты. Услышав первые звуки, лошади насторожились, а когда полилась знакомая мелодия, они танцующим шагом двинулись в сторону музыки, не обращая внимания на усилия всадников, пришли прямо в расположение врага, где сибариты и были взяты в плен.

По другой версии, лошади при звуках флейт поднялись на задние ноги и, сбросив всадников, принялись танцевать. Но так или иначе — это свидетельствует о том, что музыкальность лошадей была известна людям давно. И издавна они использовали эту особенность лошадей.

Ну кто не видел танцующих лошадей в цирке? Кто не любовался их изящным и легким бегом, не восхищался, как при смене музыки они меняют скорость бега, переходят с рыси на шаг и так далее. И ведь все это — в очень точном совпадении с музыкой. Дрессировщики считают, что животных надо дрессировать

только под музыку, причем для лошадей она должна быть достаточно четкой, громкой, ритмичной. Это относится и к медведям, и к слонам, и к собакам, а вот обезьяны любят сумбурную музыку!

Сейчас изучается музыкальный слух многих животных. И безусловно, ученых еще ждут удивительные открытия. Изучаются и математические способности животных. И тут много очень нового и интересного. Установлено, например, что «математические способности» (возьму эти слова в кавычки, так как не беру на себя ответственность приравнять их к действительно математическим и действительно способностям людей) проявляют некоторые насекомые (в частности, пчелы), некоторые птицы (особенно попугаи), некоторые млекопитающие (наиболее «одаренные» тут обезьяны). И очень возможно, что и здесь немало сюрпризов преподнесут нам наши самые близкие соседи по планете. Надо только твердо помнить: да, очевидное может быть невероятным.

На первый взгляд совершенно очевидное лишь кажется таковым, на самом деле это невероятное. И, увлекшись этим «похожим», мы можем упустить очень и очень много интересного!

«ДОМОЙ, ДОМОЙ, ДОМОЙ!»

(только факты)

Когда мы говорили о некоторых лингвистических, математических, музыкальных способностях животных, мы касались лишь собак и лошадей (это главная тема книги) и лишь упомянули о других животных, с которыми работают исследователи, за которыми наблюдают, делают опыты. В этой главке мы будем говорить о стремлении собак, лошадей, кошек к дому, об их органах чувств, которые, возможно, помогают им выбирать направление, указывают путь.

И опять-таки, поскольку книга посвящена домашним животным, мы будем говорить только о них. Однако это не значит, что такое присуще лишь кошкам или собакам. В предыдущих книгах мы рассказывали, как путешествуют насекомые, говорили, что земноводным и пресмыкающимся присуще чувство пространства и они находят дорогу к родному водоему, даже если оказываются далеко от него, даже если этот водоем уже не существует. Другое дело, ка́к находят, — это пока неизвестно. Мы обсуждали различные гипотезы, связанные с перелетом птиц — они-то уж настоящие путешественники!

Однако путешествие диких животных — иное дело. Их миграционные пути (если речь идет о насекомых, птицах, млекопитающих) относительно традиционны. По одним и тем же «дорогам» они путешествуют из года в год на протяжении, возможно, многих тысячелетий. Земноводные стремятся к родным водоемам тоже постоянно в одном и том же направлении. И стада копытных, допустим, кочуют на определенных площадях. Конечно, механизм ориентации и навигации диких животных тоже еще не изучен (или изучен недостаточно). Путешествия же домашних животных — явления редкие. И маршруты их всегда необычные. Птицы, допустим, летящие на зимовку из Европы в Азию и возвращающиеся весной на родину, следуют всегда одним и тем же маршрутом, лягушки, стремящиеся весной к родному

водоему, чтоб именно там отложить икру, тоже проделывают это постоянно и в одном и том же месте. Тут могут играть роль генетически заложенные «компасы» или какие-то «навигационные приборы». А собаки или кошки, отыскивающие за сотни километров свои дома или своих хозяев, таких «приборов» не получили в наследство от родителей и прародителей. И тем не менее...

Но сначала — факты.

Существует несколько хрестоматийных примеров, обойти которые мы не имеем права. Один — с собакой наполеоновского солдата.

Собака эта — маленькая болонка, которая сопровождала своего хозяина во всех походах. Была она с ним и во время похода в Россию. Но затем, как известно, наполеоновской армии пришлось бежать, и в районе реки Березины солдат потерял свою собачку.

Вернувшись во Францию, солдат вышел в отставку и уехал на родину, в деревню. Прошло три года. И однажды вечером к отдыхающему в кругу односельчан отставному солдату подкатилось какое-то уродливое, безобразное существо, со свалявшейся шерстью. Это была та самая болонка, которая, чтоб найти своего хозяина в маленькой деревушке под Бордо, прошла всю Польшу, Германию, половину Франции. Крохотное, слабое существо три года шло к своему повелителю.

Второй хрестоматийный пример. Дело тоже происходило во Франции. В Париже, у подъезда одного отеля когда-то сидел мальчик — чистильщик ботинок, а рядом с ним — черный спаниель. Время от времени спаниель куда-то исчезал, и у мальчика тут же появлялась работа. Оказывается, спаниель поставлял хозяину клиентов: он пробегал мимо какого-нибудь прохожего и как бы нечаянно наступал ему на ботинки заранее вымазанными в луже лапами. Человеку ничего не оставалось, как обращаться к чистильщику. Тогда говорили, что спаниель сам догадался таким способом обеспечивать хозяина работой, хотя это и сомнительно — скорее, собаку выдрессировали. Но так или иначе слава об умной собаке дошла до какого-то богатого англичанина, жившего в этом отеле, и он захотел купить спаниеля и предложил мальчику баснословную сумму за него. Мальчик не выдержал и продал верного пса.

Мы ничего не знаем о мальчике: мучила ли его совесть, тосковал ли он о своей собаке, но знаем, она не могла смириться с потерей хозяина. Доказательство тому — появление спаниеля через три недели в Париже, у отеля, где работал мальчик. Каким-то образом освободившись от привязи, он удрал от своего нового хозяина и вернулся к старому. Как он не заблудился в Лондоне, как умудрился добраться до порта, взобраться на пароход и переплыть на нем Па-де-Кале, а затем добраться до Парижа, — осталось тайной.

Эти случаи часто переходят из книги в книгу — их приводят как примеры собачьей верности. Но нас сейчас интересует не только эта верность — нас интересует и то, как собаки добираются до своих хозяев. И ведь такие случаи были не только в прошлом. И сейчас время от времени в газетах или журналах появляются сообщения о подвиге того или иного пса.

Например, сеттер, которого везли

на выставку в Москву из Ярославля, ухитрился в районе Александрова удрать из вагона и вскоре оказаться в родном городе, пройдя за сутки примерно сто километров.

Другой пес — овчарка по имени Весна — был оставлен хозяином, переехавшим в белорусский город Мозырь, в городе Куйбышеве. Вскоре собака исчезла. А через три года отыскала своего хозяина на улице белорусского города. Три года шла она к человеку, которого любила и без которого не могла жить. Три года поисков, надежд, разочарований. Но она, видимо, верила, что найдет хозяина. И нашла. Но как она это сделала?

И маленький фокстерьер с необычным именем Виски тоже, очевидно, верил, что найдет хозяев, когда, потерявшись на самом севере Австралийского континента в районе города Дарвин, отправился домой — в город Аделаиду. Три тысячи километров пришлось пройти верному фоксу, причем путь его часто шел по безлюдной пустыне, через труднопроходимые места.

Можно привести еще немало подобных примеров (во второй части мы еще расскажем об этом). Узнавая о подвигах (а ведь это действительно подвиг!), люди удивляются, восхищаются, радуются. Собаки действительно поражают воображение людей своей преданностью, умением находить дорогу к дому в совершенно необычных условиях и действительно доказывают, что они не только самые первые друзья человека, но и самые верные.

Впрочем — не только они...

Несколько лет назад многие газеты и журналы мира поместили фотографию кошки и рядом — географическую карту, где был вычерчен путь, который прошла эта кошка. Увезенная из Осло и оставленная на севере Норвегии, Лизи — так звали кошку — через несколько месяцев вернулась домой, преодолев более шестисот километров.

Другой кот, по имени Тимми, земляк отважного фокстерьера Виски, чтоб добраться до дома, прошел более четырехсот километров.

Однажды в клинику Московской ветеринарной академии принесли кошку. Надо сказать, что хозяева всех вернувшихся животных — и собак и кошек — рассказывают, что животные были в очень плачевном состоянии — покрытые ранами, царапинами, струпьями, сильно истощенные. Видимо, в дороге у них не было времени думать о себе — они искали путь к хозяевам. Но вид Муси — кошки, доставленной в клинику, — поразил даже видавших виды врачей: кроме общего истощения, врачи отметили, что подушечки лап сильно стерты, пальцы воспалены, когти поломаны. Она была настолько обессилена, что даже не могла мяукать — только открывала рот.

Оказывается, Муся была подарена ее хозяевами людям, жившим в Юрьеве-Польском Владимирской области. Но прожила она у новых хозяев только три дня. И три месяца шла домой!

Примерно в таком же виде явился домой кот по кличке Мальчик, увезенный из Москвы в Тульскую область и прошедший на обратном пути почти двести пятьдесят километров, столько же, сколько Муся. А вот кот Мумусса, потерявшийся вблизи одной из деревень департамента Мэн и Луара во Франции, чтоб

добраться домой, прошел почти семьсот пятьдесят километров!

Но, пожалуй, самый большой путь (из зафиксированных на сегодняшний день и упоминавшихся в печати) совершил кот Чапа: он, чтоб вернуться домой, прошел более полутора тысяч километров — от города Вольска до Свердловска.

И таких случаев, как и случаев возвращения собак, тоже немало. О них время от времени сообщается в печати. А ведь сколько не сообщается!

Известно немало случаев возвращения лошадей. Но тут — сложнее: лошадь — не собака и не кошка, она не потеряется случайно, ее не отвезут на лето к родственникам. Да и не ходит она сама по себе без присмотра. И сразу обратит на себя внимание, путешествуя самостоятельно по дорогам или по улицам города. Поэтому нам неизвестны случаи возвращения лошадей к своим хозяевам за сотни или тысячи километров. Но зато известно другое — лошади не раз выручали людей в тумане и буране, не раз самостоятельно и правильно выбирали направление. Не раз привозили заболевших или раненых, сами отыскивая дорогу. Таких фактов тоже очень много.

И ведь что интересно — сейчас это восхищает, удивляет, но тем не менее уже никто не считает это невероятным. Ну, что касается лошадей, то тут, может быть, и так: дорогу к дому или к людям они находили издавна — ведь мы знаем, что еще тысячелетия назад лошади служили людям, и тогда были верными и преданными друзьями. И такое поведение — нахождение самостоятельно дороги — считалось само собой разумеющимся качеством верного друга.

Возможно, и кошки и собаки издавна совершали подобные же подвиги — находили дом или хозяев за много километров. Но почему-то тогда на это не обращали внимания. Во всяком случае, ни один ученый далекого и даже не очень далекого прошлого не зафиксировал ничего подобного. Возвращение домашних животных было крайне необычно для людей, иначе вряд ли знаменитый французский ученый Ж. А. Фабр, живший в прошлом веке, в «Воспоминаниях энтомолога» счел бы необходимым рассказать о кошке, которая вернулась домой, пройдя при этом шесть километров. Правда, возможно, Фабр не знал, что бельгийцы, учитывая способность кошек возвращаться издалека домой, еще в 1879 году попытались использовать их как почтальонов. В Льеже было отобрано 37 котов и вывезено в разные пункты страны в пределах 30 километров от Льежа. Затем, привязав к котам почтовые отправления, всех животных одновременно выпустили. Несмотря на то что путь к городу проходил через лес, болота, его пересекали реки, все коты пришли домой, причем первый добрался за 4 часа 48 минут (он делал в среднем по 7 километров в час), а последний добирался 24 часа, делая в час в среднем чуть больше километра.

Да, возможно, Фабр не знал об этом и удивился коту, прошедшему шесть километров. А теперь мы воспринимаем относительно спокойно рассказы о возвращении животных домой за сотни километров.

Может быть, потому, что фактов таких накопилось уже достаточно много. Но факт — это лишь результат. А вот как он свершается? Как животные находят дорогу домой?

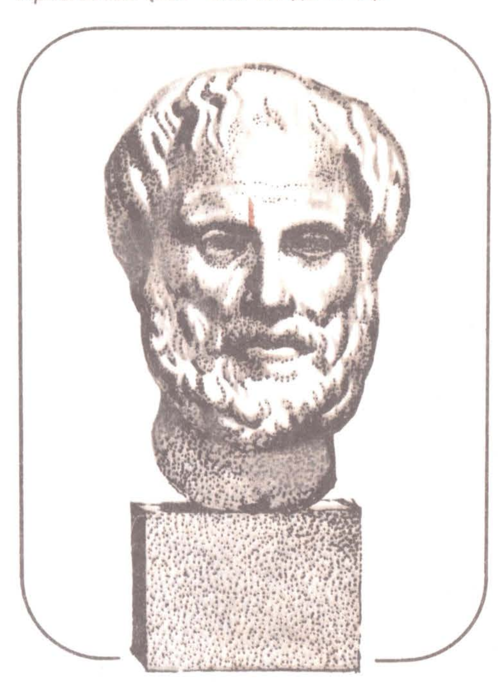
ПЯТЬ ЧУВСТВ

Великий Аристотель был человеком очень четким и очень любил числа (в основном — малые). И числа его не подводили. Так, он определил, что истина — одна, пол — мужской и женский (два), муз — считал Аристотель — три, темперамента — четыре. А чувств — пять. Мы и сейчас в этом согласны с Аристотелем, добавляя, правда: «основных» и «известных сейчас (или пока) нам»...

Но тем не менее — пять: слух, зрение, осязание, обоняние и вкус. Они есть и у человека, и у животных. Причем, естественно, не только у домашних. И конечно, не только у млекопитающих. Поэтому хочется еще раз напомнить: мы сейчас будем говорить о чувствах лишь отдельных животных — «героев» этой книги. Причем лишь коснемся этого очень сложного вопроса, да и то в определенном аспекте: помогают ли животным их зрение, обоняние или слух возвращаться домой, отыскивать своих хозяев?

Разные животные (насекомые, рыбы, птицы, млекопитающие) одну и ту же задачу могут решать по-разному. И наоборот — разные задачи могут решать похожими средствами. Поэтому мне хочется предупредить вас: не проводите параллелей между дикими и домашними животными в данном случае. А тем более — параллели между, допустим, собаками и птицами, кошками и рыбами, хотя и те, и другие, и третьи, и четвертые обладают обонянием, осязанием, слухом и так далее. И еще одно предупреждение: наши домашние животные, о которых пойдет речь, — отнюдь не чемпионы по остроте чувств. Насекомые, например, обладают таким острым обонянием (условно будем это называть так, хотя, возможно, их запахочувствительность можно назвать как-то иначе), что чувствуют запах крошечной капельки жидкости на расстоянии нескольких километров (зафиксирован рекорд — 11 километров). При этом концентрация пахучего вещества составляла одну молекулу на четыре кубометра воздуха.

Аристотель (384—322 гг. до н. э.).



Известно, что рыбы плывут из морей в родные реки, ориентируясь по запаху (или вкусу?!) воды этой реки. Можно представить себе, какая крошечная концентрация речной воды в тех районах морей или океанов, где рыбы проводят основное время. Тем не менее запах родной реки служит им путеводной нитью.

Среди млекопитающих наиболее острым чутьем обладает не собака, а, как полагают, слон. В немалой степени благодаря своему хоботу. Но и у собаки — удивительное чутье. С этого и начнем.

Впрочем, начали мы уже давно: мы уже говорили и о собаках-ищейках, и о собаках-геологах, и о собаках-спасателях. Своими успехами они обязаны великолепному чутью.

О чутье собак люди знали очень давно — собаки-ищейки появились у людей сотни лет назад. Но занялись изучением собачьего «нюха» люди сравнительно недавно.

Одним из первых занялся изучением обоняния собак английский исследователь Д. Романес.

Двенадцать человек двигались друг за другом, ступая след в след. Впереди всех шел Романес. Через 180 метров люди разделились — Романес и пять человек, следовавших за ним, пошли в одну сторону, другие шесть человек — в противоположную. Пройдя довольно большое расстояние, люди спрятались, а по их следам пустили собаку экспериментатора. Она немедленно «взяла след», пробежала по нему, правда, сгоряча проскочила место, где люди разделились, но тут же вернулась обратно, не задумываясь устремилась туда, где находился хозяин, и очень быстро его отыскала.

Этот опыт был проделан сто лет назад, в 1885 году. С тех пор люди провели огромное количество самых разных экспериментов с собаками, и все они подтвердили — обоняние у собак великолепное.

Сейчас уже никого не удивляет — это известно, — что собаки отыскивают различные вещи, идут по следу человека. Исследована и степень их запахочувствительности. Установили, что собака может различать запах практически любого человека, прикасавшегося к какому-нибудь предмету. Мало того — известно, что собака может различить запахи однояйцевых близнецов. До недавнего времени это считалось невозможным, поскольку однояйцевые близнецы имеют одинаковую генетическую конструкцию и запахи их очень похожи.

За многие годы изучения обоняния собак люди установили, что они воспринимают более двух миллионов запахов (человек — до нескольких тысяч). Установили, что собаки способны отделять один запах от другого, нужный от ненужных. При этом сила запаха не имеет значения. Действительно, для человека, например, один запах может перебить другой, если новый запах сильнее — он будет более активным. Собака же, идущая, допустим, по следу, встречает на своем пути множество посторонних запахов — следы людей и животных, консервные банки, издающие запах, окурки, пятна бензина — да мало ли что может встретить на земле собачий нос. Но собака не обращает на все эти запахи внимания — она идет по определенному следу, хотя сила запаха этого следа по сравнению с другими запахами ничтожна. Ну в самом деле: запах человека, по следу которого идет собака, — это запах выделения потовых желез на ногах, проходящий через подошву. Даже если это и тонкая подошва — можно представить себе, как мала его сила. А если подошва толстая?

Установив (правда, весьма приблизительно — точно это сделать вряд ли возможно, учитывая собачьи ин-

дивидуальности) обонятельные способности собак, люди изучили и «чем нюхают» собаки.

Известно, что у всех теплокровных животных «обонятельным аппаратом» является нос. Внутренняя полость влажная и на ее поверхности находятся так называемые обонятельные луковицы. У собаки они занимают площадь примерно в 1,25 $см^3$. Для сравнения: у человека они занимают 0,125 $см^3$, а у лошади — 5. Но дело не только в величине площади, занимаемой обонятельными луковицами, но и в них самих, точнее — в площади их поверхности. А у собак поверхность луковиц увеличивается благодаря специальным выступам. У человека таких выступов два, у собак — шесть основных и несколько добавочных. В результате поверхность обонятельного аппарата у собаки оказывается в 15 раз больше, чем у человека.

И все это детально изучено. А вот как все-таки улавливает запахи собака — неизвестно. Трудность еще заключается в том, что люди до сих пор еще точно не знают вообще, что такое запах. На этот счет есть ряд гипотез, но определенного ответа пока нет[1]. Естественно, что об обонянии собак у нас тоже нет четкого представления — имеются лишь гипотезы. Мы не будем их здесь обсуждать, поскольку вопрос этот достаточно сложный, к тому же гипотезы есть гипотезы. Скажу лишь, что собаки — это любопытно — малочувствительны к растительным запахам. Так уж у нее сложилось в процессе эволюции: ведь собака по изначальной своей сути — хищник. Произошла, как мы знаем, от волка. А растения интересуют его гораздо меньше, чем животные. Поэтому у него и выработалось на протяжении многих тысячелетий определенное «пристрастие» к запахам. Это, конечно, не значит, что собака не чувствительна к другим запахам, ведь запахи для нее — основное средство получения информации: благодаря обонянию собака получает 90 процентов сведений об окружающем мире. Стало быть, если мы сейчас обсуждаем проблему возвращения собаки домой или поиски хозяина, находящегося за сотни километров, с помощью одного из пяти чувств, мы должны выбрать обоняние.

Но при всей остроте собачьего носа, может ли он быть ей помощником в поисках, служить компасом на многие и многие километры?

Некоторое время назад появилась довольно необычная наука (или ответвление от основной науки) — криминалистическая одорология. Имеет она прямое отношение к собакам, точнее — к их обонянию. Дело в том, что сравнительно недавно установлено: собаки способны различить запах воздуха, хранящегося в герметически закрытых сосудах в течение двух-трех лет. В эксперименте сквозь какую-то вещь, принадлежащую определенному человеку, шприцем засасывали воздух, затем выпускали его в колбу и закупоривали ее. Через три года из колбы выпускали 2—3 миллиграмма воздуха, давали понюхать собаке, и она безошибочно находила вещь того человека, которому она принадлежала три года назад, или отыскивала (смотря какое у нее было задание) самого человека. На прак-

[1] Об этом подробно говорилось в предыдущей книге «Соседи по планете», и тут, мне кажется, нет надобности повторяться.

тике таким образом удается обнаружить и обезвредить опасных преступников, скрывающихся от правосудия.

Один известный криминалист рассказал мне о таком случае. С кресла, в котором, незадолго до того как скрыться, сидел преступник, сняли часть обивки и тщательно упаковали ее. Через два года собака помогла точно установить, что задержанный человек — тот самый преступник, который сидел в кресле: она «подтвердила», что запах этого человека сохранился на обивке кресла.

Я вспоминаю об этом потому, что умение отобрать нужные запахи среди множества других, пусть даже более активных, и прочно запомнить их может в какой-то степени привести к разгадке феномена многокилометрового путешествия. Однако если такое и может быть, то лишь в отдельных случаях — ведь большинство путешественников попадали в места, откуда они отправлялись в обратный путь (или вслед за хозяевами) на поездах, пароходах или в автомобилях, и о пахучих следах в этих случаях не может быть и речи. Тогда что же? Слух?

Да, слух у собак достаточно острый — чуткость одна из их основных качеств, недаром же пришли они к человеку в качестве сторожей. Но слух, как легко догадаться, — не помощник в дальних путешествиях.

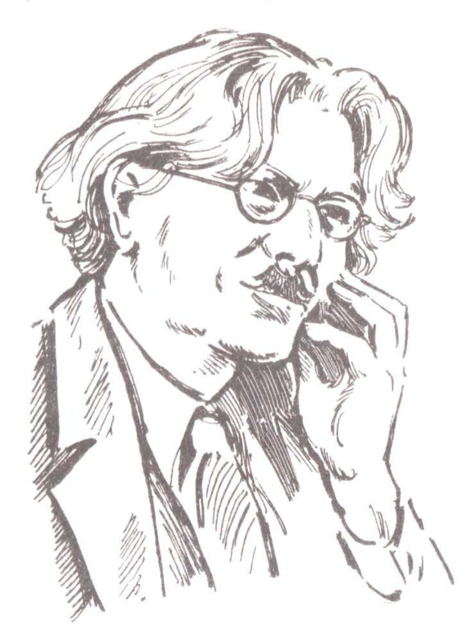
Зрение? Тоже нет. Хотя сейчас несколько изменили мнение о зрении собак: раньше считали, что она не способна различать цвета, сейчас многие ученые утверждают, что у собак имеется цветное зрение. Тем не менее зрение не может участвовать в поисках пути. Собака близорука — распознает крупные предметы или людей на расстоянии 300—500 метров. Правда, вблизи видит очень четко, подмечает малейшие детали (это качество можно еще и усилить у «способных» собак, что и делают цирковые дрессировщики). Однако зрение все-таки далеко не основное средство познания окружающего мира. И уж конечно, не может служить компасом.

Но может быть, у кошки слух играет большую роль в ее непредвиденных путешествиях? Правда, замечательный американский писатель и натуралист Сетон-Томпсон был иного мнения. Рассказывая о кошке, увезенной (везли ее в карете, в поезде, на пароме) за сотни километров и вернувшейся обратно, он пишет:

«...Как найти дорогу, которой она никогда не видела? В каждом животном живет чувство направления. Оно очень слабо у человека и очень сильно у лошади. У кошки оно могущественно. Этот таинственный путеводитель направил ее на запад... Обоняние несколько раз убеждало ее, что она избрала правильный путь. Припоминался один запах за другим, точно так же как человек, пройдя незнакомую улицу, сразу забывает ее, но, увидав вторично, внезапно что-то припомнит и скажет себе: «Ну да, я уже был здесь однажды!»

Но на этот раз прекрасный знаток животных Сетон-Томпсон ошибся. Он исходил из самого факта — возвращения кошки. И считал, что «нос все время ободрял ее» в этом путешествии. На самом же деле «нюх» кошки неважный. Как мы уже говорили, одни и те же цели животные часто достигают разными путями. Так исторически сложилось, что органы чувств животных развивались

Эрнест Сетон-Томпсон (1860—1946).



в связи со способом добычи пищи их «хозяевами». Собака отыскивает добычу, преследует ее, бежит за ней по следу. Кошка — подкарауливает. Тут ей не очень важно обоняние — гораздо важнее зрение и слух. И вот они-то у кошки развиты прекрасно.

Не случайно о зрении кошки сложены легенды. Действительно, глаза ее прекрасно приспособлены к видению и при солнце и в темноте — зрачки хорошо регулируют количество света, попадающего на сетчатку. Если света много, они сужаются, иногда превращаются даже в крошечную, узенькую щель, если мало — расширяются. В темноте расширяются настолько, что позволяют кошке видеть в шесть раз лучше человека. Поэтому нам кажется, что видит она в абсолютной темноте. Однако это только нам кажется: в полной, идеальной темноте кошка видеть не может. Но если есть хоть крошечный источник света — он уже дает возможность кошке видеть. Дело в том, что глаза этого животного специально как бы приспособлены к «ночному видению».

Каждый человек знает, что в темноте глаза у кошки светятся. В глазу кошки есть слой серебристых кристалликов (тапетум, как называют его специалисты) — они увеличивают силу проходящего света. Правда, люминесцировать, то есть светиться в темноте, могут не только глаза кошки — они светятся и у некоторых других животных, но у кошки, пожалуй, ярче всех: на 70—80 метров видны в темноте ее горящие «прожектора».

А недавно было высказано предположение, что кошки глазами еще и слышат. Во всяком случае, у них в зрачках найдены такие нервные клетки, какие обычно находятся у других животных в органах слуха. Но это еще требует проверки. Однако и без «глазного слуха» слышат кошки очень и очень хорошо — считают, что слух у нее даже лучше, чем у собаки, а уж о человеке и говорить нечего!

Мышиный «разговор», или мышиный «телеграф» (слабое поскребывание, как бы сообщающее соплеменникам — «Я здесь!»), человек слышит, лишь находясь в непосредственной близости. Кошка же слышит такое «сообщение» более чем за двадцать метров. Услышит она его даже во сне. И соответствующим образом отреагирует.

Очевидцы рассказывали, что во время войны кошки слышали приближающиеся самолеты противника еще до того, как раздавался сигнал воздушной тревоги. Один американский солдат, служивший во

время второй мировой войны на Соломоновых островах, говорил, что кот, находившийся в их части, не только задолго до звукоулавливающих приборов слышал приближение самолетов, но и прекрасно отличал, какие это самолеты: если американские — спокойно лежал на месте, если шли самолеты противника — бежал прятаться в бункер. То есть по звукам работающих моторов он определял тип самолета. Это может показаться невероятным, но ведь кошки вообще животные «невероятные», мы это знаем, об этом говорили и будем говорить еще.

Но ни великолепное зрение, ни прекрасный слух (его усиливает и продолговатая выемка-складка на краю кошачьего уха, служащая дополнительным резонатором) не помогают ей находить путь при путешествии на большие расстояния. Не помогает, видимо, ей и удивительное осязание.

У кошки осязание действительно необыкновенное. Благодаря ему кошка, ничего не видя, тем не менее прекрасно чувствует себя в настоящей кромешной тьме. Органы осязания у кошки — это в первую очередь твердые упругие волоски, которые мы называем усами, а ученые — вибриссами. Они растут и там, где полагается быть бровям, и на лапах и, как полагают некоторые ученые, на боках. Вибриссы помогают кошкам не только свободно ориентироваться в темноте, помогают им определять габариты углублений или щелей, помогают получать и другую информацию, которую иногда не получишь даже с помощью зрения и слуха. Например, считают, что именно благодаря вибриссам кошка может спокойно идти вдоль стены в темноте, не касаясь ее даже вибриссами, как бы чувствуя или осязая эту стену на расстоянии. Мы знаем, что вибриссы заканчиваются в коже мощными луковицами, обильно окруженными кровеносными сосудами, знаем, что, лишенная усов, кошка становится совершенно беспомощная (некоторые ученые, проделавшие опыты с отрезанием усов у кошки, говорят, что животные от этого начинают страдать нервными расстройствами), но механизм действия и значение их в жизни кошек мы еще до конца не представляем себе.

Ну, а теперь немного о лошадях.

Американская исследовательница Мойра Вильямс в своей книге «Психология лошадей» утверждает, что «обоняние у лошадей является основным механизмом, помогающим ей ориентироваться на местности». Вероятно, Вильямс права, именно обоняние приводит лошадей к дому, позволяет найти дорогу в пустыне или в заснеженной равнине. В степях, где испокон веков жили дикие лошади, где часто нет видимых ориентиров, очевидно, запах помогал им выбирать направление. И если лошади не шли по следу за добычей, подобно собакам, то в их жизни большую роль играла вода, и дорогу к водопоям они отыскивали по запаху. Безусловно, обоняние помогало лошадям спасаться от хищников.

Действительно, обоняние у лошадей хорошее, даже, возможно, очень хорошее, может быть, даже развито лучше других чувств. И люди это знали издавна. Не случайно же Сетон-Томпсон в рассказе о кошке упомянул и лошадь. Любопытный случай рассказывал один из участников гражданской войны в Сибири:

чтоб избавиться от постоя белогвардейцев, крестьяне сибирских деревень часто смазывали ворота своих домов медвежьим жиром. Случалось, что из-за этого лошади даже в деревню входить не хотели и никакие принуждения всадников не могли заставить их двинуться вперед.

У копытных обоняние вообще развито хорошо — лоси, например, способны улавливать запах за километр, северные олени — километра за полтора, они чувствуют запах ягеля глубоко под снегом.

Слух у лошадей тоже хорошо развит. Между прочим, среди «гениальных» лошадей мы упоминали Берто — слепую лошадь, которая «работала» только благодаря своему исключительному слуху. И возможно, обоняние, и в какой-то степени слух помогают лошадям находить дорогу к дому. А может быть, и что-то другое помогает и им, и собакам, и кошкам?

ШЕСТОЕ, СЕДЬМОЕ И ДРУГИЕ!..

Как кошки, собаки, лошади находят дорогу, мы точно не знаем. Но предположения, гипотезы уже есть. И построены они не умозрительно, а на достаточно сложных опытах, которые если и не раскрывают тайну, то, может быть, дают возможность приблизиться к ее разгадке?

Когда мы говорили о пяти чувствах, вспомни, мы добавили — «основных». Сейчас уже нет сомнения, что, кроме основных, есть и дополнительные, а может быть, и такие же важные, как основные (и когда-нибудь мы будем говорить не о пяти основных чувствах, а десяти или двадцати — кто знает?). И такие, как чувство равновесия, чувство пространства, мышечное чувство, а некоторые ученые добавляют к ним чувство голода и жажды, займут свое место в ряду других основных чувств. Но пока о них известно лишь немного.

Однако прежде чем говорить об опытах по изучению механизмов, помогающих нашим домашним животным ориентироваться в пространстве, скажем еще раз о том, что между их действиями и действиями диких животных — большая разница.

Многие птицы, пролетая огромные пространства, точно находят и места зимовок и родные места. Их ориентация и навигация уже более или менее хорошо (хоть и не до конца) изучены. Уже сделаны очень интересные открытия. И в том числе открытие, которое нас должно сейчас заинтересовать: завезенная людьми и выпущенная на трассе своего весенне-осеннего перелета птица в первой половине лета полетит в сторону дома, хотя ее выпускали в непосредственной близости к месту зимовки, во второй — в сторону зимовки, даже если выпустили около дома. И наоборот. Если же ее выпускали посреди трассы, то она выбирала направление соответственно времени года. Тоже удивительная ориентация во времени! Но нас сейчас интересует другое — определенность, заданность, традиционность полетов и их связь с временами года.

Летучие мыши — тоже зверьки перелетные. Опыты, которые проводили с ними польские и американские ученые, показали, что с расстояния, на которое они отлетают обычно от своих убежищ, завезенные зверьки возвращались точно, с бóль-

ших расстояний — нет. Но это — если опыты проводились в межсезонье, то есть летом, когда ни на зимовки зверьки лететь не собирались, ни с зимовки. Если же ловили их весной — они прилетали к своим убежищам с довольно большого расстояния. Эти и другие опыты показывают, что животные, которым свойственны передвижения на большие расстояния, способны на это лишь во времена, как бы запрограммированные для таких путешествий. Конечно, нет правил без исключения, но эти исключения лишь подтверждают правила. Безусловно, у перелетных или мигрирующих животных есть очень веские основания вести себя именно так. Но и это — еще одно подтверждение того, что их нельзя сравнивать с домашними животными: ведь по укладу своей жизни (и жизни своих предков) домашние животные не путешественники. Может быть, путешествия, которые они совершают, причем не по своей воле, на протяжении многих поколений, — единственный случай. Значит, для диких животных, допустим, для перелетных птиц, межконтинентальные путешествия естественны, и на протяжении многих тысячелетий у них выработались определенные механизмы, позволяющие и помогающие эти путешествия совершать. Для домашних же животных подобные ситуации являются экстремальными, необычными. Животные не подготовлены к ним. И как доказательство этого — много «осечек». Например, собаки или кошки далеко не все добираются до своих домов. Вспомним, например, заблудившихся в больших городах собак, которых все мы, очевидно, видели. Они почему-то не могли найти дорогу к дому. Но другие находят. И коль скоро это так, то должны быть механизмы, помогающие им это делать. Какие-то чувства, помимо основных пяти. Да, должны быть. Но вот какие?

Об этом уже всерьез задумываются немало ученых. Задумался и советский академик Иван Соломонович Бериташвили.

...Клетку, в которой сидела кошка, каждый день, перед тем как животное кормить, поднимали, перемещали на несколько метров вправо, разворачивали, опускали на пол и открывали дверцу. Кошка скоро привыкла к этой процедуре и спокойно ждала, когда она окончится. Потом так же спокойно вставала и уверенно шла к кормушке. Четыре метра, поворот направо... Но вот однажды клетку переместили лишь на два метра. Но кошка как будто вычислила, что два метра — не четыре, что еда полагается после четырехметрового передвижения клетки. И осталась лежать на полу клетки...

В другом опыте клетку перенесли на четыре метра, но повернули при этом не направо, а налево. И тут кошка будто знала, что повернули не туда, будто умела отличить где право, где лево. А ведь видеть она ничего не могла — глаза у нее были постоянно завязаны во время подготовки опыта и во время его проведения. Значит, у нее есть чувство расстояния, понимание, где правая сторона, где левая?

В следующем эксперименте кошку, прежде чем кормить, поднимали вместе с клеткой на высоту полутора метров. Через некоторое время клетку подняли лишь на метр. Слюна у кошки не стала выделяться: кошка «определила» высоту и поняла, что

это — не та высота, после которой ее кормят.

То же примерно происходило с собаками. Значит, и у них есть представление о положении в пространстве и о перемещении в нем?

Лабиринты и дуги! — решили ученые. И действительно, когда животным разрушили вестибулярный аппарат, они становились во многом беспомощными.

Вестибулярный аппарат находится в лабиринтах. А лабиринты — во внутреннем ухе. Это — сеть канальцев, заполненных плотной жидкостью, и мешочки, в состав которых входят кристаллики кальциевой соли. Они называются отолитами, или ушными камнями. Стоит нам изменить положение тела (лечь, наклониться) или даже просто наклонить голову — ушные камешки передвигаются, начинают давить на соответствующие воспринимающие клетки, а те посылают определенные сигналы в мозг. Они же помогают нам быть устойчивыми в пространстве — при торможении троллейбуса, например, они не только сообщают нам об этом, но и молниеносно мобилизуют соответствующие силы, которые помогают нам удержаться на ногах. Другая часть вестибулярного аппарата — полукружные дуги. Они помогают нам чувствовать и ориентироваться не во время перемещения по прямой (или вверх-вниз), а по окружности (например, при катании на каруселях). В этом случае (при поворотах) жидкость, заполняющая эти каналы-дуги, давит на соответствующие клетки, и мы получаем не только информацию — получаем возможность вести себя соответствующе. Иными словами — вестибулярный аппарат помогает живому организму сохранять равновесие, иметь представление о положении в пространстве и о перемещении в нем.

Особенно важен вестибулярный аппарат для птиц: ведь положение их тел в воздухе особенное — нет опоры о землю; к тому же им свойственны резкие повороты. Но вот лет сто назад обратили внимание, что голуби с разрушенным вестибулярным аппаратом не только плохо летают, но и не находят дороги домой. Решили было, что вестибулярный аппарат является и органом равновесия, и в определенной степени «компасом» — органом, помогающим ориентироваться в пространстве. Однако тогда эта версия была отвергнута. Возможно, еще не пришло время раскрыть эту тайну.

Академик Бериташвили подошел к вопросу ориентации иначе. Он понял, что ориентироваться в пространстве помогают все органы чувств. И зрение у одних, и обоняние у других помогают оценить обстановку, получить представление об окружающем пространстве и о том, что находится в нем. У животных возникает представление о конкретном образе. Но если обстановка будет все время меняться, например человек или животное будут двигаться, то необходимо еще какое-то ориентирующее его чувство, которое создавало бы у человека и у животного образ пройденного пути, его длины, поворотов, подъемов и спусков на нем. Этому и служит вестибулярный аппарат. Не помогает ли он и нашим кошкам и собакам ориентироваться на местности, фиксировать пройденный путь или путь, которым их провезли (в сочетании, конечно, с «работой» других чувств —

слуха, обоняния, зрения?!). Может быть, комбинационная, так сказать, ориентация: где-то вестибулярный аппарат играет основную роль, где-то — зрение, где-то — обоняние? Но тут есть очень серьезный контраргумент: часто животные возвращаются к дому не по тому самому пути, по которому их везли, а идут напрямик, хотя, сокращая расстояние, они лишаются каких-либо ориентиров. Как это можно объяснить?

Пока объяснить нельзя. Так же, как и многое другое.

Например, на пути кошки, которая обычно идет к кормушке с завязанными глазами, но идет уверенно, так как уже не раз шла этим путем, ставили щит. Причем принимались меры, чтоб обоняние не подсказало кошке об этой «каверзе» людей. Но кошка уверенно проходила часть пути, не доходя 15—20 сантиметров до щита, поворачивала, обходила его и снова направлялась к кормушке. И так — много раз. Меняли размеры щитов, изменяли их местоположение — кошка ни разу не задела препятствие.

Примерно так же, несколько, правда, менее четко вели себя и собаки. Что помогает им обходить препятствия так, будто они его прекрасно видят? В лаборатории Бериташвили, где проводились эти опыты, сшили животным комбинезончики — на случай, если они как-то кожей воспринимают препятствия. «Работать» животные стали немного хуже, но все равно препятствия обходили.

Не изменяли кошки своего поведения и когда им отрезали усы. В чем дело? Известно, что летучие мыши облетают препятствие, не видя его. Но у них есть прекрасный ультразвуковой локатор. А у кошек и у собак таких локаторов не обнаружили. Однако когда животным затыкали уши, они наталкивались на препятствие. Если же его не существовало — и с заткнутыми ушами уверенно шли к кормушке.

Можно сделать приблизительный вывод: кошка за многие тысячелетия «научилась» распознавать в темноте препятствия — улавливать малейшие звуки, отражающиеся от них, и обходить эти препятствия. Но уверенно двигаться к кормушке с завязанными глазами, обходить препятствия и тем самым менять маршрут, а потом снова брать правильное направление помогает ей, видимо, именно вестибулярный аппарат: однажды он воспринял место, где находится кормушка, и, зафиксировав его, ведет кошку в нужную точку.

Вестибулярный аппарат помогает кошке во многом. В том числе и становиться на ноги во время приземления.

Издавна удивляла кошка людей своей способностью, падая с высоты — будь то большая, будь то совсем малая, — становиться на лапы. Брем, рассказывая о своих опытах с кошкой, с удивлением описывал эту ее особенность и никак не мог понять, почему же такое происходит. И не удивительно. Много лет после Брема пытались люди понять это. Лишь с помощью киносъемок установили, что при падении кошка очень ловко пользуется своим хвостом — в момент падения хвост вращается так, что заставляет все тело кошки поворачиваться в обратном направлении. И вращается до тех пор, пока органы равновесия не отметят, что тело приняло нужное положение. Затем кошка, опять-таки с помощью хвоста, выравнивает по-

ложение тела, выбрасывает лапы и падает уже так, чтобы встать на них. А хвост в это время служит стабилизатором. Вроде бы все объяснимо. И в то же время невольно напрашивается вопрос: как же это у нее все-таки получается?

Но есть и еще вопросы. Самые простые.

Например, для чего она мурлычет? Тоже ведь непонятно. Но во всяком случае — не зря: зря животные ничего не делают. Тут что-то есть. Но что?

Или вот еще.

При холоде в комнате кошка сворачивается в плотный клубочек. Чем теплее становится, тем больше кошка распрямляется. В очень теплой комнате она изгибается крутой дугой. Но, как подметил американский ученый Р. Бертон, чем жарче становится, тем больше начинает снова сжиматься, свертываться кошка. И «до сих пор никто не сумел объяснить, почему это происходит», — пишет Бертон.

Мы тут лишь чуть-чуть коснулись некоторых загадочных, непонятных или еще плохо изученных вопросов поведения наших домашних животных. А ведь их — тысячи!

Домашние животные — наши ближайшие соседи по планете. О них известно очень многое и написаны о них тысячи и тысячи книг. И можно написать еще гораздо больше. И в то же время о них известно так мало, что еще тысячи вопросов остаются без ответа!

часть вторая

В ПАРАДЕ
ПРИНИМАЮТ
УЧАСТИЕ:

СОБАКИ

КОШКИ

ЛОШАДИ

КОРОВЫ

ПАРАД

А теперь — очередной парад. Он, как и вся книга, сильно отличается от тех парадов, которые мы принимали в других томах «Соседей по планете». Отличается по многим причинам. Во-первых, потому, что в прошлых парадах принимали участие представители многих десятков отрядов. Сейчас перед нами пройдут представители лишь трех отрядов: хищные (кошки и собаки), непарнокопытные (лошади) и парнокопытные (коровы).

Человек из миллиона видов животных приручил лишь несколько десятков. А млекопитающих — чуть больше десяти видов. Четыре будут представлены на нашем параде. Да, вот так (и это — тоже особенность нашего парада): несмотря на все разнообразие собак и лошадей, кошек и коров, все домашние собаки — представители одного вида; все кошки, живущие в наших домах, — один вид; все лошади — один вид; все коровы — тоже один вид. А разнообразие их — это породы.

Самый разнообразный в этом смысле вид — собаки. Ни одно другое домашнее животное не имеет столь отличающихся друг от друга представителей: например, по весу собаки могут отличаться друг от друга чуть ли не в полтораста раз! Этого нет ни у кошек, ни у коров, ни у лошадей, хотя и у них представители разных пород иногда значительно отличаются друг от друга.

Очень различаются собаки и по своему назначению. Поэтому на параде у нас каждая группа собак будет проходить по своему рингу. Остальных животных мы увидим всех вместе — на выставках, на выводных кругах, на манежах.

На этом параде, как и на всех предыдущих, несмотря на то что проходить перед нами будут животные лишь четырех видов, всех представителей собак или кошек, коров или лошадей мы повидать не сможем: каждый вид имеет множество пород. Но мы выбрали наиболее типичных, которые дадут нам представление о всем виде.

СОБАКИ

На парадах, которые мы принимали в других книгах «Соседи по планете», проходили перед нами дикие животные. И проходили, как правило, в тех местах, где они живут в природе. Собак мы в дикой природе не увидим (разве что в работе), в домашних же или иных условиях, в которых их содержит человек, нам смотреть на собак не очень интересно. Поэтому здесь собаки пройдут перед нами в условиях не совсем обычных — мы увидим их на ринге.

Ринг, то есть круг, — это место, где на выставках демонстрируются собаки и где судьи определяют их достоинства, присуждают им медали, раздают награды. Мы, конечно, не будем раздавать никаких наград, не будем присуждать медали — мы считаем, что все собаки достойны самых высоких оценок. И на ринг мы вывели собак не для того, чтоб судьи оценивали их, — просто на ринге можно лучше всего рассмотреть собак. А когда понадобится посмотреть на собак в работе или в каких-то иных условиях — мы сможем перенестись вместе с ними куда угодно.

Ринг удобен еще и потому, что мы тут сможем сгруппировать собак по своему усмотрению. Ведь, как мы уже говорили, сейчас имеется примерно 400 пород собак. (Правда, в международной кинологии официально признано только около 300, но ведь и это много.) Собаки разделяются на определенные группы по-разному. Например, по происхождению. Профессор Боголюбский разделял собак по породным группам на догообразных, шпицеобразных, гончеобразных, борзообразных и овчаркообразных. Существуют иные разделения — не по породным, а по служебным группам. Например, рабочие породы (пастушьи, служебные), охотничьи и комнатно-декоративные.

Группируют собак и иначе: пастушьи, служебно-розыскные, легавые, борзые (хотя они — в первую очередь охотничьи), терьеры (и среди них большинство охотничьи или, во всяком случае, предназначены изначально для охоты).

Иногда выделяют группу норных собак, куда входят и таксы. Эти, как и прочие разделения, вполне закономерны, но имеют и определенные недостатки. Например, пастушьи (в частности, немецкие овчарки) используются и как служебно-розыскные, и как сторожевые, и на многих других работах; среди терьеров есть и такие, которых не используют при норных охотах, и так далее.

Но мы не будем придерживаться ни той, ни другой, ни каких-либо иных принципов разделения (или наоборот — группировки) собак. Мы пройдем по девяти рингам и познакомимся с девятью группами собак. Некоторых ты хорошо знаешь, некоторых, возможно, увидишь впервые. О всех, к сожалению, рассказать будет невозможно, и мы о них лучше упомянем (и то далеко не обо всех), о некоторых расскажем подробнее.

РИНГ ПЕРВЫЙ — ОВЧАРКИ

Слово «овчарка» явно произошло от слова «овца» и указывает на прямое назначение этих собак. Действительно, в разных странах выведено много пород собак, пасущих скот (и не только овец), хотя, пожалуй, овец

они пасут чаще, да и при отарах они, видимо, нужнее, чем где-либо.

К пастушьим собакам предъявляют определенные требования: они должны быть выносливыми, так как работать часто приходится круглые сутки, иметь соответствующую шерсть, так как работают они нередко в суровых условиях; они должны быть сильными и смелыми, так как им приходится вступать в бой с хищниками. И в то же время у пастушьих собак должен быть притуплен охотничий инстинкт, который мог бы увести ее от стада. Это общие требования. Но ведь в каждой стране существуют свои специфические природные условия. Поэтому почти в каждой стране, где развито животноводство (овцеводство, в частности), имеются свои породы овчарок, выведенные с учетом особенностей рельефа, климата и других природных условий страны. Так, например, в Швейцарии выведены бернская, аппенцельская, швейцарская и этлебухская пастушьи собаки, у французов имеются лангедокский берже, пикардийский берже, бостерон, бриар и другие, названные по имени местности, где их вывели. В Словакии наиболее популярен словацкий чувач, а в Венгрии — пуми, пули, командор. Это вовсе не значит, что какая-то порода не может использоваться в другой стране, но, видимо, качества собаки наиболее соответствуют условиям той страны, где она была выведена. Это же можно сказать и об английских овчарках — бобтейлях, вельшкоргах, шетли и в большей степени — о колли. Правда, бобтейлей сейчас редко используют как пастушьих собак — изменились условия. Но они заняли другое, не менее важное место в жизни человека — стали друзьями дома, семьи. Собаками легко управлять, они смышленые, неустрашимые и добрые. Однако если другие собаки более или менее прочно «привязаны» к своей родине и в большей степени используются по назначению, то о колли этого сказать уже нельзя. Хотя поначалу она выведена была в Шотландии именно как пастушья, даже узкоспециализированная пастушья собака — для пастьбы завезенных в 1700 году в Шотландию овец породы колли. Отсюда и название собаки. (Первоначально она даже называлась колли-собака.) Правда, существует мнение, что колли (наверное, в то время она называлась иначе) служила людям и гораздо раньше — задолго до появления овец этой породы. Но несомненно одно: в суровом климате Шотландии с его снежными заносами и обвалами, буранами и метелями колли выработала лучшие качества пастушьей собаки. Правда, тогда она была не такая красивая.

Красотой ее занялись лишь в прошлом веке, когда в Англии в 1870 году был организован «Колли-клуб» и любители этих собак принялись за отбор и селекцию колли. Тогда-то колли и стала приобретать внешность собак, проходящих сейчас перед нами, благодаря которой она выделяется среди остальных участников нашего парада.

Колли выделяется своей красотой и элегантностью не только на этом ринге — многие считают ее вообще самой красивой собакой в мире. Ну это дело вкуса, но о том, что колли удивительно красива, спорить невозможно.

Что же касается других ее достоинств, то и они бесспорны.

Колли — прекрасные пастухи.

О пастушьем таланте и говорить нечего: колли — врожденные пастухи. Недаром сейчас на пастушьей службе ее используют не только в Англии, но и во многих других странах. Причем элегантная внешность и некоторая вальяжность ничуть не мешают этой собаке прекрасно работать в довольно трудных условиях.

В нашей стране колли чаще всего используют на Алтае и на Дальнем Востоке. Особенно ценна там колли потому, что с ее помощью пасут пятнистых оленей.

Пятнистые олени дают очень ценное сырье — панты, и их разводят на фермах. Лет сорок назад впервые решили пасти оленей с помощью собак. Однако дело это оказалось нелегким: пятнистые олени — не северные, к собакам не привыкли, да и собаки не умеют «обращаться» с пугливыми и нежными пятнистыми оленями. Смогла это только колли. И смогла благодаря своим крепким нервам и спокойствию, уму и хорошей податливости к дрессировке.

Именно эти качества дали колли возможность значительно расширить поле своей деятельности — она давно уже стала не только пастушьей собакой, но и прекрасной сторожевой, ее использовали на русско-японской и в первой мировой войнах. Отличились колли и в Отечествен-

ную войну — именно колли был тот самый Дик, который помог спасти Павловский дворец под Ленинградом (мы уже говорили об этом в первой части), именно колли были отличными ездовыми собаками. Сейчас колли используются пограничниками Финляндии, Норвегии, Швеции и некоторых других стран. Но все больше и больше колли становятся жителями городских квартир. Казалось бы, здесь нечего делать этим пастушьим, а теперь уже и сторожевым собакам. Но так только кажется. Колли становятся членами семей почти в буквальном смысле слова. Да и как же может быть иначе, если эта собака добра и благородна, привязана к своему хозяину и ко всем членам семьи, особенно к детям, которых очень любит и о которых по-настоящему заботится?

Прошли перед нами колли — собаки крупные (стандарт самцов — 65—75 сантиметров, самок 60—65)[1], а вслед за ними двинулись маленькие колли (рост их — сантиметров 35.) Но это — не колли, хотя и очень похожи: даже по стандарту тип колли должен быть соблюден. Это — шелти, или шетландская овчарка. Безусловно, она — близкий родственник колли (можно сказать карликовая колли), выведенная на Шетлендских островах. Она обладает теми же качествами, что и ее «сестра», может быть, только еще более грациозна. На своей родине шелти — пастушья собака, и на ее долю выпадают все невзгоды, которые выпадают на долю пастушьих собак, живущих в суровом климате. Но за пределами Шетлендских островов она уже стала большей частью декоративной собакой, хотя и выполняет, причем отлично, роль сторожа дома.

Но если колли — собака универсальная, то идущая за ней южнорусская овчарка — узкий специалист: она только пастух, причем пасет только овец.

Родина этих собак — Испания. Там овчарки не только пасли овец — они сопровождали их на большие расстояния, когда мериносов перегоняли в другие страны. Немало хищников — и четвероногих и двуногих — поджидали отары овец в пути. Но если их сопровождали овчарки — хозяева овец могли быть спокойны.

Это очень сильные, злобные, выносливые, признающие лишь своего хозяина собаки. Они покрыты густой шерстью, которая спасает их и от сильных морозов, и от палящего зноя.

Итак — «родом» эти собаки из Испании. Почему же названы не испанскими, а именно русскими овчарками? Вот как получилось: когда эти овчарки в конце XVIII — начале XIX века вместе с отарами овец попали в Россию, они не были такими — были и пониже, и менее подвижны. В Крыму, где этих собак появилось довольно много, их стали скрещивать с борзыми и, видимо, настолько изменили внешность собак, дали им возможность приобрести столь новые качества, что, по сути, появилась новая порода овчарок, которые и стали называться южнорусскими.

Следом за южнорусской идет туркменская, или среднеазиатская, овчарка. Она тоже пастух, и под ее присмотром в Туркмении пасутся стада драгоценных каракулевых овец.

---

[1] Здесь и в дальнейшем, где мы будем говорить о росте собак, надо помнить: измеряется он до холки.

И южнорусская и туркменская овчарки — собаки сильные, крупные, выносливые, хотя туркменская считается даже среди овчарок самой выносливой. Однако они значительно уступают по величине кавказской — самой крупной среди овчарок.

Ее знают во многих колхозах и совхозах России, издавна распространена она почти по всему Кавказу и Закавказью. Есть мнение, что попала она туда из Турции или Ирана. Возможно. Но произошло это, видимо, очень давно. Во всяком случае, они были там еще в первом веке до нашей эры и помогали армянскому царю Тиграну II отражать нашествия римских легионов. Собаки сражались за каждый дом, причем стояли насмерть.

В Грузии тоже были популярны эти собаки — их головы даже изображались на гербах некоторых грузинских князей.

Во время покорения Кавказа овчарки были взяты на службу в русскую армию, а затем уж широко распространились по России.

Сейчас у нас они — отличные пастухи и отличные сторожа.

Однако если кавказская овчарка — самая крупная, то немецкая — самая знаменитая.

Говорят, что она лучше других собак сохранила черты своего далекого предка — волка. Действительно, даже в кинофильмах, где должен действовать волк, его часто с успехом заменяет немецкая овчарка. Некоторые и правда очень похожи на волков. Однако унаследовали ли эти собаки свою внешность от далеких предков или приобрели такую с помощью людей — вопрос спорный. Профессор Боголюбский, ссылаясь на ряд авторитетных исследований, считает, что одомашненные волки (то есть волки, ставшие собаками) резко изменили под влиянием новых условий жизни свой облик, в частности сильно уменьшились в росте. Возможно, занимаясь интуитивным, примитивным отбором, люди действительно оставляли на племя более мелких собак. Может быть, логика человека тогда была такова: прокормить собаку поменьше легче, а как сторож и такая хороша. Вступать же в сражение с пещерным медведем или саблезубым тигром и крупная собака не будет, да и бесполезно. И лишь потом, когда человек начал приспосабливать собак к караульной и пастушьей службе, понадобились крупные и сильные собаки. И люди занялись выведением таковых.

Так это или нет — решать не будем, не в наших это возможностях. Скажем лишь, что немецкая овчарка в своем теперешнем виде появилась сравнительно недавно, хотя и считается одной из старых пород. Вернее, старой породой считается «исходный материал» — примитивные пастушьи собаки (действительно похожие на волков), которые были распространены в XVIII веке в овцеводческих районах Европы. А первая немецкая овчарка была представлена широкой публике в 1882 году на собачьей выставке в Ганновере. И несмотря на то что она показала высокий класс в работе — заняла первое место в соревнованиях по пастьбе овец, — ее долго не хотели признавать. Даже в конце прошлого века она была еще относительно мало распространена.

В Россию немецкие овчарки попали в 1907 году, но, хоть и заняли определенное место — стали рабо-

тать в полиции, использовались как караульные собаки, — особой популярности не завоевали. И лишь после 1924 года эта собака начала свое триумфальное шествие по нашей стране.

Пожалуй, нет сейчас такой службы — караульной и розыскной, к которой бы не могла быть приспособлена эта собака. Благодаря своей чуткости и смышлености, преданности хозяину и старательности, способностям к разнообразной дрессировке и многим другим качествам 90 процентов служебных собак в нашей стране — немецкие овчарки. Они несут караульную службу и идут по следу преступников, они водят слепых и служат на границе, мы уже писали о том, что они — и лавинные собаки, они отыскивают полезные ископаемые и спасают тонущих. И, наконец, они — просто большие друзья человека.

Конечно, в немалой степени помогает популярности немецких овчарок их красота, изящество. Правда, не всем очень уж нравится эта собака — кое-кто предпочитает другие породы. Мы не спорим. Мы только приветствуем разнообразие вкусов. Именно разнообразие вкусов во многом помогает выведению новых пород, совершенствованию старых. Очевидно, это помогло и советским собаководам вывести особую разновидность немецких овчарок — крупных, более стройных, поджарых. В свое время они получили название восточноевропейских овчарок.

Сейчас признано нецелесообразным такое разделение, и восточноевропейская овчарка стала называться немецкой овчаркой восточноевропейского типа.

Овчарок много. Мы не можем обо всех рассказать, не можем даже всех поместить на нашем ринге. Но об одной еще сказать надо потому, что она — одна из самых «молодых» овчарок, выведенных в последние десятилетия: она утверждена как порода лишь в 1965 году.

Это словацкий чувач — крупная пастушья собака, приспособленная к работе в горах. Однако служит и прекрасным сторожем — пес этот отважен и силен, вынослив и умен. В то же время — спокоен и очень добр к своим хозяевам. У него прекрасный слух, что «удостоверено» самим названием собаки: «чу́вать» по-словацки — «слышать».

РИНГ ВТОРОЙ — ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР

Доберманам мы отвели специальный ринг. Но не потому, что мы отдаем им предпочтение: какие бы хорошие слова мы ни говорили в адрес собак, предпочтение не отдаем никому — хорошие слова заслуживают все собаки. И доберман-пинчер, в частности. А отдельный ринг для доберманов отвели потому, что нельзя их включить ни в одну группу собак, которые прошли или пройдут перед нами. Так уж получилось — в крови добермана-пинчера, очевидно (точная родословная его неизвестна), есть кровь и борзых, но к охотничьим его никак не отнесешь, есть кровь и терьеров, но и на терьеров он не похож, возможно, есть кровь догов и овчарок. Но и от них эта собака принципиально отличается. Иными словами, доберман-пинчер есть доберман-пинчер!

Мы уже говорили, что эту породу вывел немецкий собаковод-любитель Людвиг Доберман. Работал он

над этой породой долго — более четверти века. (Закончили его работу другие кинологи.) Но трудились не зря — порода получилась великолепная. В ней сочетаются все достоинства, необходимые для служебной собаки, — крепкая нервная система и абсолютное бесстрашие, ловкость, быстрота, энергичность и необыкновенное чутье, маневренность и прыгучесть. Доберман способен преследовать преступника (чаще всего их используют как служебно-розыскных собак) в любых условиях — может взбираться по крутым откосам, по вертикальным лестницам, бежать по пересеченной местности. Сбить со следа хорошо тренированного добермана-пинчера почти невозможно. Он легко усваивает специальные приемы и ловко обезоруживает преступника, причем дрессированный доберман легко ориентируется в обстановке и «знает», как отобрать у преступника огнестрельное или холодное оружие. При этом собака удивительно благородная, к ней очень подходит определение «рыцарская» в лучшем смысле слова: она идет грудью на врага, не таится, не набрасывается сзади.

Это о добермане-пинчере Трефе писали когда-то многие русские газеты как об одном из самых страшных врагов преступного мира, и пес, прославившийся в «деле об оторванной пуговице», о котором мы говорили в первой части, был доберманом-пинчером. И во многих других областях работают доберманы-пинчеры. Но лишь там, где позволяют климатические условия: доберманы — теплолюбивы, у них короткая шерсть, быстро мерзнут лапы. Это, пожалуй, единственный недостаток доберманов. Что же касается их нрава, якобы очень злобного, их легкой возбудимости, нервности, то тут много неправды.

Да, доберманы — собаки с тонкой нервной организацией, что, кстати, совсем не мешает им быть и волевыми, и прекрасно дисциплинированными, и совершенно непугливыми даже в незнакомой обстановке. Но поскольку тонкая организация нервной системы все-таки имеется, собака требует большей заботы и внимания. Причем именно человеческого и с ранней молодости. «Запущенный», как говорят собаководы, доберман-пинчер действительно непригляден — может быть и злобным, и нервным, и недисциплинированным. Но ведь это можно сказать о любой собаке. У собаководов существует правило: нет плохой собаки, есть плохие хозяева. В огромной степени это относится к доберманам-пинчерам. Не берусь утверждать абсолютно, но мне кажется, эти собаки особенно чутко улавливают настроение хозяина, особенно чутко реагируют на проявление ласки, заботы и наоборот — остро чувствуют несправедливость, фальшь в отношениях, очень крепко срастаются с хозяином, перенимая даже какие-то черты его характера, его личности.

Впрочем, может быть, я ошибаюсь, и это свойственно всем или, во всяком случае, многим собакам.

Лет сто назад австрийский ученый Кучéра обнаружил в одной деревне двух очень странных собак — они были совершенно неконтактны, не поддавались приручению, не умели ни играть, ни защищаться, не могли даже лаять. Оказалось, что принадлежали они больным, умственно отсталым людям.

Когда, в порядке эксперимента, этим людям принесли здорового щенка, то через несколько месяцев собака стала такой же малоконтактной и неприспособленной, как те две, обнаруженные Кучерой.

Это еще раз подтверждает, как собака зависит не только от обращения с ней, но и от самой личности человека. Видимо, на доберманах-пинчерах личность хозяина сказывается особенно сильно. К тому же собаки эти легко чувствуют слабости человека и благодаря своей сметливости, быстро вырабатывающемуся условному рефлексу используют их.

Однако все это отнюдь не уменьшает достоинства доберманов. И если он попадает в руки настоящего любителя собак — становится его преданным другом, готовым идти за хозяина в огонь и в воду, защищать его до последнего дыхания. Если же учесть, что доберманы очень красивы — стройны, мускулисты, крепко сбиты и в то же время очень элегантны, если знать, что они очень веселы и игривы, причем сохраняют резвость до самой старости, если помнить, что хорошо воспитанный доберман — большой друг детей, как и колли, отличная нянька, чуткий сторож, — станет понятно, почему эти служебные собаки сейчас очень часто не служат в штате учреждений. Они несут другую, очень важную «службу» — делают жизнь человека еще более яркой, радостной, полноценной.

РИНГ ТРЕТИЙ — ДОГООБРАЗНЫЕ

Сразу может возникнуть вопрос — почему этот ринг не догов, а догообразных. Ведь по аналогии, допустим, с овчарками мы тоже могли бы сказать — доги. Однако участвовать в параде на этом ринге будут не только доги — перед нами пройдут совершенно даже не похожие на них собаки. (Хотя, по логике вещей, они должны были бы быть похожими на догов — ведь «догообразные» значит «по образу догов».)

Тем не менее мы проведем по этому рингу некоторых собак, которые, казалось бы, ничего общего с догами не имеют. Но это — не наша прихоть, это научно обоснованная классификация. Ибо и доги, и догообразные собаки имели общих предков. А такими разными и по внешности и по своему назначению они стали по воле человека.

Однако многие пастушьи собаки, те, кого мы называем овчарками, с еще большим основанием могут называться догообразными, ибо не только произошли от догов, но и в большей степени сохранили черты своих предков. Как, например, кавказская или среднеазиатская овчарки. И наоборот — доги, те самые чистокровные доги, совсем утратили сходство со своими предками, разве что похожи на них по величине. Тем не менее кавказские, среднеазиатские, монгольские овчарки отнесены к овчаркам. Мы не будем сейчас выяснять, почему это так. Примем это как факт и положимся на кинологов — у них есть достаточно оснований для такой классификации.

Мы же познакомимся с некоторыми представителями догообразных (со всеми невозможно это сделать, ведь их более 20 пород) и начнем наш парад, конечно же, с догов.

Считают, что далеким предком всех догообразных собак был чер-

ный тибетский волк, одомашненный в Тибете. Затем он, как полагают, оказался в Непале и Индии, потом — в Вавилоне и Ассирии.

В Древнем Египте хорошо знали этих собак. (Мы говорили в первой части, что их изображения часто встречаются на древнеегипетских памятниках.) Но уже тогда эта собака была сильно изменена по сравнению со своими предками: на памятниках изображен короткошерстный дог, в то время как тибетский имел длинную шерсть.

Появление догов в Европе, как уже говорилось, связывают с походами Александра Македонского. Есть и другая версия: доги попали в Европу вместе с войсками персидского царя Ксеркса.

Римляне, познакомившиеся с этими собаками в Северной Греции, начали их активно разводить, и доги стали самыми распространенными собаками римской цивилизации, их использовали как боевых собак, а главным образом для охраны стад, сопровождавших войска. Благодаря этому молоссы (так назывались эти догообразные собаки) расселились по всей Европе. От них-то и пошли породы собак, часть из которых стала называться догами, часть — догообразными.

Тибетский дог.

Но так или иначе — уже в античном мире имелись собаки, похожие на современных догов (имелись и длинношерстные, похожие на тибетских).

В Западной Европе догообразные собаки (в общем-то, уже доги) появились, пожалуй, раньше всего в Англии. Они очень подходили для любимого занятия английских аристократов — травли быков. Вот от этих-то собак и произошли знаменитые английские доги, которые откроют парад на ринге догообразных.

Это очень крупные собаки, обладающие огромной силой. Но огромная сила и вес у дога сочетаются с удивительной элегантностью и спокойствием, его добродушный нрав прекрасно гармонирует с величественностью и чувством собственного достоинства. Видимо, отсюда идет и черта характера, которую многие называют упрямством. Молодые доги действительно иногда склонны к так называемому упрямству, не всегда сразу выполняют то, что от них требуется. Но это в том случае, если хозяин неопытный или слишком нетерпеливый и пытается подойти к догу с теми же мерками, что и к другим собакам, а точнее — ни с какими, потому что каждая собака требует индивидуального подхода.

В том числе и доги. Во всяком случае, принуждением от этих, полных достоинства, собак ничего не добьешься. Дог очень отзывчив на ласку, на «человеческое отношение». И если будет это чувствовать — вырастет очень дисциплинированным, безукоризненно послушным, контактным.

Существует мнение, что к старости доги становятся опасными — у них появляются агрессивные наклонности, они бывают способны к неспровоцированному нападению. Однако это совсем не так. И если у догов к старости «портится характер», то виной тому — хозяин. И только он — собака тут ни при чем.

Возможно, трения между человеком и собакой возникают из-за того, что люди не всегда понимают: доги — собаки нежные, часто болеют, с другой стороны, им необходима достаточная физическая нагрузка или хотя бы длительные прогулки, возможность побегать.

Английские доги могут быть и темно-серыми с бурым отливом, и желтыми с красноватым оттенком, могут быть и серо-белые, с темными «тигриными» полосами. Но у всех обязательный характерный признак: черная морда, черные уши и черные кольца вокруг глаз.

Второе (а может быть, первое и основное) имя английского дога — мастиф. Похожи на него и испанский дог мастини эспаньоль, и итальянский мастино наполитано, и бразильский филабразильеро, и французский бордосский дог. Это самые крупные и тяжелые собаки — вес их достигает 90 килограммов.

Безусловно, похож на своих близких родичей и немецкий дог (часто его неверно называют датским). И все-таки он отличается от остальных. «Величественный облик и мощное, но при этом пропорциональное и элегантное телосложение немецкого дога выражают гордость, силу и красоту. Это истинный Аполлон среди множества пород собак», — пишут известные чешские кинологи Йозеф Найман и Йозеф Новотны.

И немецкие доги более разнообразны по окраске, чем английские — они бывают и мраморные (на белом фоне — неправильной формы черные пятна), и черные (допускаются черные с белыми отметинами), и голубые, и тигровые (на золотисто-рыжем фоне черные поперечные полосы).

Слово «дог» в переводе с английского означает «собака», «бул» — «бык». Поэтому «бульдог» — значит бычья собака.

И это точно. Не удовлетворяясь травильными собаками-мастифами, англичане вывели еще одну породу — более мелкую, но тоже очень мощную. Это и есть английские бульдоги, сейчас очень и очень редкие собаки. (Речь идет именно об английском, а не о французском бульдоге, о котором мы будем говорить ниже.)

Считается, что с прекращением охоты на быков английские бульдоги начали вымирать, как больше ни к чему не пригодные. Правда, говорят, что их использовали в борьбе с другими собаками и волками, но если так было, то это — частные случаи: грузный, неповоротливый бульдог мог сразиться с быком, схватив его своими стальными челюстями за морду, но сражаться с более подвижными, ловкими и увертливыми собаками ему было трудно. Да и для охраны эта кривоногая и неповорот-

ливая собака не годилась: вцепится, допустим, в руку или ногу преступника своей знаменитой «мертвой хваткой» — и все. А ведь у преступника вторая рука свободная, и он может воспользоваться оружием...

Бульдогов часто путают с боксерами. А так как английских бульдогов никто не видел, но все слышали, что у них приплюснутые морды, то ошибка эта очень распространена. Между тем достаточно посмотреть на этих двух собак, проходящих на нашем параде, чтоб понять, что, кроме приплюснутой морды, у них нет ничего общего. То есть общее то, что бульдоги (и не только английские — их было много разных) явились далекими предками боксеров. От них боксеры унаследовали некоторое специфическое строение головы и в особенности морды: она укорочена, а нижняя челюсть удлинена, имеется обязательный «перекус», как говорят собаководы.

В остальном же боксеры очень мало похожи на бульдогов. У бульдогов массивная голова и короткие кривые лапы, толстая шея, очень массивное туловище. Боксер — элегантная, подтянутая, пропорционально сложенная собака. От своих далеких предков она сохранила мужество и силу, в процессе формирования породы приобрела легкость, быстроту, ловкость.

Название свое боксер получил, как предполагают Й. Найман и Й. Новотны, благодаря «сходству его головы с боксерской перчаткой». По-видимому, это так и есть. Другое предположение: эти собаки, мол, хорошо «боксируют» мячами — бьют их мордой — вряд ли можно считать верным: и само определение неточно («боксировать мордой»), и, главное, играть с мячом свойственно не только боксерам, но и многим другим собакам. Например, доберманы-пинчеры делают это тоже очень охотно и не менее ловко.

Боксеры — порода молодая, официально признана лишь в 1925 году, хотя работать над ее выведением начали еще в прошлом веке. Лучшим представителем этой породы считался знаменитый Ремос, принадлежавший барону фон Пфальцгау. Пять лет подряд Ремос занимал первые места на всех выставках. Но собака постарела и на очередной выставке уступила первенство более молодой, заняв второе место. Рассвирепевший барон тут же на ринге застрелил своего пса — гордость немецкого собаководства.

Прошли боксеры, и на ринге появились собаки, которых, на первый взгляд, можно было бы принять за очень толстых доберманов-пинчеров. Во всяком случае, окраской — черные, с яркими желтыми подпалинами — они действительно похожи на доберманов. Но — лишь окраской. В остальном — не только непохожи, даже скорее противоположность доберманам. Ротвейлер — массивная и, как говорят собаководы, тяжелая собака. Ни быстроты, ни порывистости, свойственной доберманам, тут нет и в помине. Правда, кроме окраски, общее у ротвейлеров с доберманами — мужество и сила, но ротвейлеры более спокойны, уравновешенны, как и полагается быть собакам, охраняющим большие стада скота. А именно этим ротвейлер и занимался испокон веков. Ротвейлеров даже называли «мясными собаками», потому что служили они в основном немецким гуртоправам и мясникам и даже название свое по-

лучили в честь города Ротвейль-ам-Некар — центра торговли скотом, который механически стал и центром разведения ротвейлеров.

Сейчас ротвейлеры уже не сопровождают стада — их используют на караульной службе и как служебно-розыскных собак, а в некоторых странах они помогают пограничникам. А качества их характера — спокойствие, уравновешенность, преданность хозяину — позволяют любителям держать ротвейлеров дома.

Ну вот, прошли ротвейлеры, и на ринге появились... сенбернары. Да, те самые сенбернары — родственники и потомки знаменитого Барри, о котором мы говорили.

Сенбернары — прямые потомки тибетских догов и поэтому с полным правом участвуют в параде догообразных. Мы уже много говорили о сенбернарах и здесь особенно задерживаться на них не будем — полюбуемся лишь этими огромными, сильными и очень добрыми собаками. И обратим внимание: одни сенбернары — длинношерстные, у других шерсть покороче. Те, которые служили на Сенбернарском перевале, были не очень длинношерстные. Правда, и не короткошерстные, как доги или доберманы, но и не длинношерстные. Шерсть у них была густая, теплая, с густым подшерстком. Поэтому собаки не мерзли в любую стужу, в то же время такая шерсть не мешала сенбернарам и быстро двигаться. Длинношерстные были выведены потом в Англии. Но и длинношерстные и короткошерстные сенбернары — это одна порода, это совершенно идентичные (кроме, естественно, длины шерсти) собаки: добродушные и мужественные, выносливые и преданные, работящие и полные достоинства, снисходительно прощающие слабости взрослых и шалости детей и любящие своих хозяев так, как может любить полноправный член семьи.

А рядом с сенбернарами (или чуть позади) идут собаки, очень на них похожие, но еще более крупные. Да, похожи она на сенбернаров, но разница, конечно, есть. И как не быть, если эти собаки — представители новой породы, выведенной сравнительно недавно в нашей стране и получившей название московской сторожевой.

Собаки похожи на сенбернаров, потому что являются их прямыми потомками. Но они еще несколько напоминают и кавказских овчарок, потому что и их кровь тоже течет в жилах московских сторожевых. От сенбернаров московская сторожевая унаследовала могучее тело, громадную физическую силу, яркий и красивый окрас, от кавказских овчарок — бдительность, агрессивность, неприхотливость. Эти качества сделали ее отличной сторожевой собакой, способной нести наружную службу лучше, чем какая-нибудь другая собака.

Тот, кто хорошо знаком с английской живописью, посмотрев на собак, которые сейчас пройдут перед нами по рингу, может вспомнить довольно известную картину: большая белая с черными пятнами собака спасает тонущую девочку. Когда-то картина эта была очень популярна, и ее репродукции распространялись во многих странах мира.

Автор этой картины Эдвин Лендзир. Белые с черными пятнами собаки, проходящие сейчас по рингу, называются лендзирами — в честь художника, который очень любил их

рисовать. Но другие, тоже проходящие сейчас по рингу собаки — бронзовые, коричневые, серые, черные — специальных названий не имеют, все они, как и лендзиры, называются ньюфаундлендами, все они лишь одной породы и отличаются только окраской.

Ньюфаундленды относятся к догообразным собакам. Так считает большинство кинологов. По одной из версий, ньюфаундленды были завезены на Лабрадор и в Канаду англичанами, где местные жители стали разводить их и использовать в качестве ездовых собак. По другой версии, собаки попали в эти края примерно в 1000 году вместе с норвежским викингом Лайфом Эриксоном. Есть и третья версия: ньюфаундленды — это американские собаки, выведенные местными жителями и не вторично, а впервые попавшие в Европу. Но так или иначе, когда европейцы познакомились в XVII веке с ньюфаундлендами (если считать, что предки их попали в Новый Свет из Старого, то собаки за века очень изменились), они были поражены. И было чему удивляться. Европейцы увидали не только очень красивых, очень сильных и выносливых собак, хотя уже одно это достойно удивления. Ведь ньюфаундленды не боятся никаких морозов, тащат сани в самую сильную пургу, а если уж становится невмоготу, быстро вырывают в снегу ямы для себя и хозяина. Они спокойно плавают в ледяной воде, причем шерсть их, благодаря смазанной жиром ости, не намокает, а благодаря густому подшерстку, собака еще и легко переносит низкую температуру воды. Однако это не главные «чудеса», поразившие европейцев.

Европейцы знали, что такое рабочие собаки, знали, как они могут помогать человеку. Но ньюфаундленд превзошел все ожидания: объем работ, выполняемых этой собакой, был таков, что она вполне могла прокормить своего хозяина. Возможно, то, что рассказы о собаках, которые ныряли за сорвавшейся с крючка рыбой и доставали ее с глубины 3—4 метров, и преувеличение (может быть, отдельные собаки и были натренированы на это, но тоже маловероятно), но то, что они очень помогали рыбакам тянуть сети, — факт. А на острове, где рыболовство основное занятие, это очень важно!

Выловленную рыбу грузили на повозки, которые везли собаки. Добычу отвозили в город, а из города везли нужные для рыбаков вещи. И везли опять-таки на собаках. Ньюфаундленды транспортировали бревна с лесоповала, несли караульную службу, на них развозили почту, они даже помогали людям на охоте. Значение собак было так велико, что их изображения появились на марках Ньюфаундленда (по статусу Ньюфаундленд выпускал собственные марки), а когда один из выпусков марок совпал с коронацией английского короля Георга VI, собакам оказали особую честь — на марках этого выпуска они были изображены рядом с королем!

Однако постепенно значение ньюфаундлендов во многих областях снизилось. Тем не менее и сегодня они продолжают честно трудиться в Канаде и Финляндии на тех же работах, на которых трудились сотни лет. Но там, где не занимаются рыболовством и не ездят на собаках, ньюфаундлендам нашли другое применение — их еще используют как

спасателей на водах. Тут эти собаки непревзойденные мастера. Похоже, что вода — их вторая стихия, а спасение людей — их исконное призвание. Даже необученный ньюфаундленд бросается в воду, если ему покажется, что человек тонет. Не случайно же у них появилось и второе, почти официальное имя — водолаз. И не случайно на спасательных станциях многих стран часто «служат» ньюфаундленды. Они, в случае надобности, прыгают сейчас не только с лодок — их сбрасывают и с вертолетов, и собаки без заметной усталости проплывают по двадцать километров, транспортируя попавшего в беду человека.

Рабочие качества ньюфаундлендов известны давно, а вот другие — большинство любителей узнали недавно. Это — доброта, веселость, преданность и подкупающее достоинство, с которым ведут себя эти собаки. «Во взгляде и осанке ньюфаундленда нет ни капли заискиванья или подобострастия... — пишет прекрасный знаток этих собак генерал-лейтенант В. Сергеев. — Их внешний вид — отражение характера». Специалисты и те, кто держал у себя дома ньюфаундлендов, прекрасно знают, что эти собаки способны на бесконечную преданность, но лишь в том случае, если хозяин понимает: перед ним — друг, а не слуга. А каким ньюфаундленд может быть другом, свидетельствует широко известный среди собаководов эпизод: во время второй мировой войны в расположение канадских солдат была брошена японцами мощная граната. Находившийся поблизости ньюфаундленд схватил ее и успел отбежать с ней в сторону. Пес погиб, но спас многих людей.

Другой эпизод, о котором рассказал В. Сергеев: двухлетняя Кайра закрыла собой девочку от ножа пьяного хулигана.

Можно привести множество примеров подвигов этих собак и на суше и особенно на воде. Но даже не совершившие никаких подвигов, живущие рядом с нами ньюфаундленды прекрасны и благородны. К одному из ньюфаундлендов были обращены слова, которые можно отнести ко всем собакам этой породы: «Он обладал красотой без тщеславия, силой без высокомерия, смелостью без жестокости и всеми человеческими достоинствами без их недостатков». Это сказал еще сто восемьдесят лет назад Джордж Гордон Байрон.

И в заключение — близкий родственник ньюфаундленда, очень похожий на него внешне, но имеющий и дополнительные качества, полученные им от восточноевропейской и кавказской овчарок, — московский водолаз, который и на самом деле — водолаз, но еще и прекрасная сторожевая собака.

Можно было бы продолжить парад догообразных — их еще немало осталось за пределами ринга. Но нас торопят — слышите лай? Это зовут нас к следующему рингу.

РИНГ ЧЕТВЕРТЫЙ — ТЕРЬЕРЫ И ТАКСЫ

Слово «терьер» происходит от латинского «терра», то есть земля. Применительно к собакам оно имеет смысл — «земляные собаки», собаки, роющиеся или работающие в земле. А точнее — в узкопрофессиональном смысле — собаки, охотящиеся в норах. Именно для этого

и вывели англичане терьеров. Почему их не устраивали таксы, прекрасно зарекомендовавшие себя на норной охоте в остальной Европе, непонятно. Но англичане потратили немало сил, чтоб создать своих собственных норных собак. И создали.

Примеру англичан последовали немцы, создав породу ягдтерьеров, и австралийцы, которые вывели австралийских терьеров, и чехи — у них появился чешский терьер, и американцы, создавшие породу бостонтерьеров. Но больше всего пород терьеров вывели все-таки англичане. И так «увлеклись», что вывели терьера, совершенно неподходящего для норной охоты — более шестидесяти сантиметров ростом.

Но если для норной охоты такая собака не годится (в какую нору сможет она залезть!), то в остальном — собака прекрасная. Речь идет, конечно, об эрдельтерьерах, выведенных в Йоркширском графстве и получивших свое имя по названию протекающей здесь реки Эйр («терьер с долины Эйр»).

Нечего и говорить, что строгие педанты — любители «настоящих» терьеров — не хотели признавать в эрделе терьера, хотя их использовали в охоте на выдр, они хорошо брали след зверя. И долгое время они ходили в «эрдельских собаках» — во всяком случае, под таким именем они фигурируют в рассказах Джека Лондона.

Правда, первоначально эрдели были совсем не такими, какими мы их знаем сейчас. Свой теперешний облик они стали приобретать лишь после 1892 года, когда любители эрдельтерьеров создали специальный клуб и всерьез занялись их внешностью.

Однако широкой публике эрдель очень пришелся по вкусу. Настолько, что когда известный английский собаковод Бруклей, кому, собственно, и обязаны славой эрдели, захотел продать иностранцу своего знаменитого пса Монарха — неизменного призера всех международных выставок, публика буквально разгромила очередную выставку, где состоялась эта сделка. Накал страстей был таков, что и продавцу, и покупателю вместе с Монархом пришлось спасаться через черный ход.

Эрдельтерьер — собака удивительная во многих отношениях. На вид — благодушный плюшевый медвежонок. Но внешность обманчива — собака может быть «строга» и, если надо, достаточно агрессивна. Благодаря своей интеллигентности она пригодна для многих работ. Именно эрдельтерьеры стали первыми собаками-санитарами и первыми связистами, протягивавшими телефонный кабель. Они отлично работали по разминированию городов и дорог, они прекрасные сторожевые, используют их и как пастуших собак. Но чаще — это друг семьи, веселый и добрый, сообразительный и преданный пес.

Эрдельтерьеры были выведены лет сто назад. Другой терьер — тоже отнюдь не норный (он покрупнее даже эрделя) — выведен сравнительно недавно в нашей стране (работа началась в 1947 году и велась почти два десятилетия). И вот появилась новая порода — черный терьер. Терьером он назван, очевидно, потому, что в числе его предков был эрдельтерьер. От него черный терьер унаследовал сухость сложения, отвагу, неутомимость, устойчивость к болезням. Второй предок — рот-

Черный терьер — порода, выведенная недавно в нашей стране.

вейлер передал своему «потомку» мощное сложение и крепкие нервы. Третий, ризеншнауцер, — хорошие служебные качества, подвижность, уравновешенность.

Так появилась новая порода собак, способных ко многим видам сторожевой службы.

Ну, а теперь пойдут терьеры, которые полностью отвечают своему названию — «земляные собаки». И впереди всех вышагивают на ринге фокстерьеры.

Их две разновидности — гладкошерстные и жесткошерстные. Уже само название говорит о том, на какой охоте их использовали: «фокс» по-английски — «лиса», «терьер», мы уже говорили, — «земля». То есть назначение этих собак — выгонять из-под земли (то есть из норы) лисиц. И собаки, конечно, прекрасно справлялись и сейчас справляются с этой задачей. Гладкошерстным, правда, немного труднее, все-таки они менее защищены. Поэтому люди и вывели жесткошерстных фокстерьеров — их жесткая шерсть лучше сохраняет собаку от покусов. В остальном они совершенно одинаковые: энергичные, живые, с быстрыми резкими реакциями, темпераментные и сильные. Не мощные, как, допустим, доги или овчарки, а именно сильные, мускулистые. (У гладкошерстных фоксов под тонкой натянутой кожей хорошо видна плотная, рельефная мускулатура.)

Одно из отличительных качеств фокстерьера — отвага и задиристость. Непонятно, почему они считают своим долгом постоянно вступать в конфликт со своими сородичами. Может быть, виной тому легковозбудимый характер. Но драка — стихия любого порядочного фокстерьера. И ведь ввязывается он в драку не только с себе подобными по величине — нападает и на крупных собак. И чем собака крупнее, тем отважнее бросается в бой фокс, как правило обращая противника в бегство.

Впрочем, эти «охотничье-боевые» качества свойственны большей частью тем фокстерьерам, которых используют на охоте: «натаскивая», то есть обучая, собак охотничьим приемам, люди часто специально культивируют и развивают в них злобность. Но далеко не все фокстерьеры сейчас — охотники. Собаки эти так полюбились людям, что их заводят и те, кто никогда не брал в руки ружье и отрицательно относится к охоте. Поэтому фоксов на земле сейчас, наверное, столько, что, если бы они все охотились, ни одной лисы уже давно не осталось бы на планете.

Но фоксам нашли занятие: часто они сторожат склады и другие помещения, где водятся крысы. И фокстерьеры уже прославились как искусные и беспощадные истребители

этих опасных грызунов. Считается, что далеко не каждая кошка отважится вступить в схватку с крысами, особенно если крыс много. Фокса же не страшит количество грызунов. Еще одно преимущество — кошки ловят мышей и крыс, чтоб насытиться. Сытая кошка часто плохо «работает». Фокс же не поедает свою добычу — он истребляет крыс «по призванию».

Но и этим сейчас далеко не всегда занимаются фокстерьеры. Они часто живут в квартирах любителей собак и являются надежными сторожами, веселыми друзьями детей. Достаточно посмотреть на живые, хитрые глаза собаки, чтоб понять, как любит она игры, сколько прекрасных минут доставит она человеку своей веселостью, проказами, играми.

Если фокстерьеры — собаки удивительно красивые и многие любители собак именно за это держат их, то бультерьер красотой не отличается: потомок английского бульдога и и терьера, он унаследовал немало внешних бульдожьих черт. Однако не за красоту любят и ценят его люди (хотя кому-то он, безусловно, кажется красивым). Бультерьер вынослив и неутомим, настойчив и отважен (это — от бульдога), быстр, ловок, поворотлив (это — от терьера). В то же время — спокоен, ласков, игрив. Правда, если его хорошо воспитывать. А хорошо воспитывать — значит быть с ним терпеливым и ласковым, настойчивым, но не принуждать к повиновению. И тогда получится отличная собака.

Когда-то бультерьеров вывели для охоты на крупных животных. Правда, на быков с ним не охотились, но в охоте на кабанов бультерьер показал себя отлично. Сейчас и эта охота значительно уменьшилась, а бультерьер занял место друга семьи. Эта собака очень любит детей и охотно играет с ними, предана хозяину до последней капли крови, отважно защищает дом.

К тому же бультерьер — пес очень спокойный, никогда не вмешивается в скандалы, не затевает драк, но в случае надобности вступает в сражение с любым противником и одолевает собак значительно крупнее и сильнее, чем он сам. «Про него можно сказать, что он не драчун, а прирожденный гладиатор», — пишут Й. Найман и Й. Новотны.

А сейчас на ринге — ирландские терьеры. Они действительно выведены в Ирландии, они соответствуют своему назначению норных собак, хотя используются и для розыска подранков или раненых зверей. Но, глядя на этих собак, как-то забываешь об их прямом назначении и рука сама собой тянется, чтоб погладить эту собаку. И если собака знает, что это — добрая рука хозяина, она с нескрываемой радостью и удивительной преданностью подставляет голову или спину. Она сама ищет ласки хозяина. Но у этого доброго, уживчивого, ласкового пса — отважное сердце. Никто из терьеров не отличается трусостью, но ирландские даже среди терьеров выделяются. Недаром их зовут «смелыми дьяволами».

И конечно, правы охотники и собаководы, которые сокрушаются о том, что ирландские терьеры все меньше и меньше используются на охоте, но зато все чаще и чаще поселяются в домах людей. И теряют свои рабочие качества. Но ведь свои удивительные собачьи качества они не теряют. Даже наоборот — ста-

новятся еще добрее и еще отважнее рядом с человеком, который видит в собаке своего друга и товарища. И я не знаю, что важнее — выгнать ли из норы лису или в трудную для человека минуту положить ему голову на колени, заглянуть в глаза и сделать эту минуту менее трудной.

Прошли ирландские терьеры. И на ринге появилась собака, которую большинство любителей узнало лишь в начале нашего века, хотя в Англии, а еще конкретнее — в Уэльсе, ее знали очень давно: чернопалый терьер был описан в литературе еще в XVI веке. Сейчас он называется вельштерьер и уже хорошо знаком и охотникам, и просто любителям собак: вельштерьер и на охоте показал себя, и как сторож уже давно служит людям.

А теперь перед нами пройдут собаки, на которых редкий человек, увидав таких на улице, не обратит внимания.

Прямоугольное туловище на коротких ногах, непропорционально большая, тоже прямоугольная голова, задорно, даже с какой-то лихостью, приподнятый хвост, маленькие, острые, торчащие ушки, густая, длинная, чуть ли не до земли, жесткая шерсть...

Ну конечно же, это — шотландские терьеры, скотчтерьеры, или, как их часто называют, просто скотчи.

Этакая «геометричность» и непропорциональность, к тому же веселый, общительный характер, интерес и любопытство ко всему, что происходит вокруг, хитрые глазенки, которые блестят из-под густой челки, — все это делает шотландского терьера как будто бы несерьезной собакой. Но внешний вид обманчив: на «работе», то есть на охоте, скотч — собранная и внимательная, чуткая и смелая собака, отлично знающая свое дело.

Но они выполняют сейчас и другую «работу» — просто живут рядом с человеком, охраняют его дом (несмотря на небольшие размеры, эти собаки очень сильные), принимают активное, по возможности конечно, участие в жизни семьи, в которой они живут. Удивительная заинтересованность во всем, что происходит вокруг, и доброжелательное отношение ко всем знакомым людям делают скотча особенно обаятельным. А ее независимый, прямой и правдивый характер и полное отсутствие угодничества вызывают к этой небольшой собаке огромное уважение.

Терьеров много. Пожалуй, четвертая часть собачьих пород — терьеры. Есть и старые породы и молодые. Вспомним некоторые из них: это ягдтерьер — непритязательная универсальная егерская собака; или чешский терьер, хорошо служащий на охоте и являющийся отличным «компаньоном» для тех, кто не охотится; керриблютерьер, который хоть и выведен как норная собака (порода официально утверждена в 1922 году), но из-за своей обаятельной внешности и прекрасного характера почти сразу же превратился в комнатно-декоративную собаку. О них мы лишь упомянем здесь. О многих мы даже не имеем возможности упомянуть. Но еще один терьер все-таки пройдет по нашему рингу. Вернее, не пройдет, а прогалопирует перед нами. Иначе эта собака, которая называется бедлингтонтерьер, передвигаться не может. Для собак довольно необычный способ передвижения, но ведь

и сама собака довольно необычная. Внешне она очень напоминает овечку. К тому же добра и нежна, ласкается сама к людям и любит, чтоб ее ласкали. Но при всем при этом бедлингтонтерьер — настоящая собака: на охоте — энергичная, ловкая, смелая, с хозяевами понятливая и исключительно преданная им.

Свое название бедлингтонтерьер получил благодаря городу Бедлингтону в северной Англии — вблизи этого города в конце прошлого века началось разведение этих собак. Видимо, английские собаководы хотели вывести еще одну породу охотничьих норных собак, обладающих какими-то особыми качествами. Однако собаки эти хоть и проявляют себя на охоте достаточно хорошо, все-таки не стали типичными охотниками, как многие другие терьеры. Их держали в домах как сторожей, с ними английские шахтеры спускались в шахты, где собаки успешно боролись с крысами (охотники все-таки!), но очень скоро бедлингтонтерьер благодаря своей удивительной внешности и прекрасному характеру, стал комнатно-декоративной собакой. Такой он остается и сейчас. Очевидно, такой он будет и в дальнейшем.

Таксы никакого отношения к терьерам не имеют. Ни по внешнему виду, ни по происхождению. Такс знали еще в Древнем Египте; люди, возможно, и раньше хорошо их знали. Трудно сказать, для чего нужны были эти собаки египтянам: может быть, их использовали в борьбе с грызунами — бичом Древнего Египта. Во всяком случае, таксы — отличные истребители грызунов. И, возможно, эти качества сделали ее со временем отличной норной собакой. И эти качества позволили нам вывести такс на тот же ринг, на котором проходили и терьеры.

Таксы — собаки необычные: длинное туловище, очень короткие ноги и красивая, гордо приподнятая голова с умными глазами. Они — смелые и ловкие (несмотря на свое непропорциональное сложение) охотники на лис и барсуков (по-немецки «дакс» — «барсук»), и собак этих широко использовали во многих странах. Используют для этой цели их и сейчас. Но теперь чаще такса живет рядом с человеком в качестве члена семьи. Об уме этих собак рассказывают чудеса. Видимо, многое тут верно — собаки очень сообразительны, находчивы и в то же время — с характером. Может быть и упрямой и даже иногда непослушной. Но если таксу хорошо воспитывать и хорошо с ней обращаться, помнить, что эти собаки обидчивы и самолюбивы, очень чувствительны к несправедливости, и соответственно со всем этим вести себя — более домашнего, ласкового, доброго друга и желать не надо.

Это относится и к гладкошерстной таксе, и к жесткошерстной, во всем похожей на короткошерстную, но покрытой густой проволокообразной шерстью и густым подшерстком, и к длинношерстной таксе, похожей на своих сестер, но шерсть у нее длинная и шелковистая. Особенно длинна она на хвосте и ушах. Некоторые собаководы считают, что имеется три породы такс (по шерстному покрову). Другие считают, что такс девять пород, так как каждая из перечисленных может быть и нормальных для таксы размеров, и более мелких — карликовая такса, и совсем маленькая — миниатюрная.

Появление мелких такс было вызвано охотничьей практикой: в норы некоторых зверьков (например, кроликов) такса обычных размеров пролезть не может.

РИНГ ПЯТЫЙ — БОРЗЫЕ И ГОНЧИЕ

Охотничьих собак много — почти половина всех пород. И может быть, стоило бы всех сгруппировать и провести по одному рингу. Но, думается, это не целесообразно. Те же терьеры, которых мы видели на предыдущем ринге, хоть по сути своей собаки охотничьи, тем не менее некоторые уже перестали быть ими — выполняют иные работы, другие превратились в комнатно-декоративных, третьи вообще выведены не для охоты. А ведь все терьеры. Поэтому мы и предоставили им отдельный ринг. И еще потому, что на отдельном ринге лучше можно рассмотреть собак и познакомиться с некоторыми из них. Именно из этих соображений мы предоставили отдельный ринг и борзым — очень красивым и очень оригинальным охотничьим собакам. И первыми по этому рингу пройдут знаменитые русские псовые борзые.

Разговор о борзых обычно начинают с их истории: они были известны еще в далекой древности, их изображения встречаются на древнеегипетских памятниках, их хорошо знали в античном мире. Да, все это так, и мы уже говорили об этом в первой части. Но современная русская борзая лишь отдаленно похожа на тех, которых разводили в Древнем Египте. В России вывели совершенно новую породу. Недаром она называется русской. А слово «борзая» происходит от старорусского слова «борзо», что значит — «быстро». Наверное, это самое точное название: русская быстрая. Потому что выведена она в России и потому что эта собака — самая быстрая среди собак. (Некоторые специалисты считают, что вообще среди млекопитающих соперничать с ней может только гепард — общепризнанный чемпион по скоростному бегу в животном мире.)

Трудно подобрать достаточно точные слова, чтоб описать эту собаку. Да и стоит ли это делать после того, как писали о ней Пушкин, Некрасов, Толстой? Может быть, стоит только привести слова из одной французской книги по собаководству, выпущенной в прошлом веке: «Из всех пород собак самая прекрасная русская псовая борзая! Фигура могучая, поза гордая! При всей своей элегантности собака эта удивительно бесстрашная. Эти данные делают ее великолепным животным!»

Видимо, французы хорошо знали этих собак, коль скоро сумели так полюбить их. А ведь в Европу она проникла сравнительно недавно. Во всяком случае, при Петре Первом ее никто, кроме царя, не имел права продавать за границу. Ослушавшегося ждала смертная казнь.

В России борзые находились на особом положении — считались собаками аристократов. Безусловно, собаки эти были избранными: ведь участвовали они лишь в массовых, конных охотах, причем часто в компании с другими собаками, обычно гончими. (Различались так называемые «малые псовые охоты», в которых участвовало восемнадцать гончих и несколько борзых, и «большие псовые охоты» — сорок гончих и тридцать шесть борзых.) Заяц, ли-

сица почти никогда не уходили от этих собак. Недаром называли ее собака-выстрел. Как пули устремлялись борзые за зверем, едва спускали их со сворок. Впрочем, охоту собаки начинают лишь в том случае, если зверь убегает — на неподвижного они не обращают внимания. Объясняется это особенностью борзых: в отличие от других охотничьих собак, борзые пользуются не чутьем, а зрением.

Однако быстрота — не единственное достоинство этих собак: они, несмотря на свое изящество и даже некоторую хрупкость, очень сильны — хорошая борзая одна вступает в бой с волком и, как правило, побеждает. А уж если две — и говорить нечего. Недаром борзых в России часто называли волкодавами.

Но миновало время больших конных охот, и борзая осталась без работы. Или, во всяком случае, поле деятельности ее значительно сократилось. И начала исчезать эта собака — «гордость русского человека», как ее называли. Правда, в ряде стран, где имеются борзые, они продолжают охотиться. Но не на настоящих зайцев, а на искусственных: на стадионах устраиваются соревнования, когда собаки гонятся за «убегающим» от них муляжом или тряпичной куклой. Собаки не обращают внимания на подделку и мчатся с присущей им быстротой и азартом. Публике же главное — не добыча, а прекрасное зрелище — летящие как ветер борзые.

Однако это — лишь паллиатив. Большинство борзых действительно остается без работы. Многие кинологи обеспокоены этим. Ведь количество собак действительно уменьшается, а те, что остаются, — теряют

Русская псовая борзая на охоте.

свои рабочие качества, свой внешний вид. Однако другие кинологи считают иначе: они считают, что русская псовая борзая обладает многими достоинствами помимо охотничьих. Поэтому вполне может жить в городе и стать верным другом людей, не интересующихся охотой. Для этого у борзой есть все данные — красота и ласковость, доверчивость и терпимость.

Предки русской борзой попали в Россию во время монгольского нашествия вместе с ордами завоевателей. С тех пор они изменили свой вид до неузнаваемости и стали национальной собакой.

Национальные, если так можно сказать, борзые есть и у других народов. Например, среднеазиатская борзая, или таза. Она и по размерам, и по красоте значительно уступает русской борзой, но по рабочим качествам близка к ней — быстра, вынослива, к тому же хорошо приспособлена к жаркому климату.

В Афганистане издавна славилась и очень ценилась афганская борзая, служившая и охотничьей и пастушьей собакой. Формировалась порода на высокогорных пастбищах, в достаточно суровых условиях. Поэтому шерсть ее очень длинная и теплая, лапы тоже обросли длинной и густой шерстью, и кажется, что собака в валенках.

Собака эта была почти неизвестна за пределами страны, так как вывозить ее категорически запрещалось. Лишь после англо-афганской войны в 1880 году несколько собак попало в Англию, где их стали активно разводить. Однако в других европейских странах афганскую борзую долгое время не знали. А когда узнали — все, а не только собаководы — были поражены ее удивительной внешностью. Действительно, невозможно пройти мимо этой собаки, невозможно оторвать от нее взгляд. Кажется, она — сама нежность, сама доброта. И это действительно так на самом деле (если, конечно, собака не работает — не гоняет зверя или не охраняет стадо). В то же время собака обладает силой и выносливостью, ловкостью и быстротой. Движения ее мягки, гибки, пружинисты. Красота, гордая осанка, благородство в сочетании с отличным характером сделали свое дело — афганская борзая стала очень популярной и быстро начала распространяться по Европе. Здесь она не охраняет стада, хотя может быть отличным пастухом, и не охотится. Но нередко участвует в соревнованиях и вызывает восхищение публики, когда мчится за искусственным зверем, а вокруг, как облако, клубится ее удивительная длинная и очень тонкая шерсть!

Русская, среднеазиатская, афганская борзые имеют более или менее длинную шерсть и относятся к длинношерстным. Есть и короткошерстные борзые. Среди них самая знаменитая собака — грингаут, или английская борзая. И уж если вспомнить древнеегипетских борзых, то на них похож именно грингаут. В Англию эта собака попала еще во времена средневековья. Англичане не очень изменили египетскую борзую — лишь облагородили ее, сделали более легкой и изящной.

Грингаут, как и все борзые, очень быстронога, к тому же очень энергична и неутомима. В свое время она была собакой аристократов, участницей больших охот, но уже давно стала и героем стадионов. Во многих странах существуют сорев-

нования собак — собачьи бега. В Англии они так же популярны, как и лошадиные. И основные участники этих бегов — грингауты.

Однако любят собачьи бега далеко не все, а английских борзых любят многие. Любят за элегантность и грациозность, за красоту линий и резвость. И этого вполне достаточно, чтоб держать грингаута и относиться к нему как к члену семьи. И собака отвечает взаимностью — таковы собаки вообще, и эта в частности.

Уменьшенной копией грингаута является собака со странным названием — уиппет. Смысл его неясен, но ясно, что этот пес уже очень давно живет в Англии (более 600 лет) и служит людям не только как помощник на охоте. Уиппеты, как и грингауты, — «герои стадионов», участники собачьих бегов, которые проводятся в Англии уже более двухсот лет.

Заключает наш парад борзых самая маленькая из них — итальянская левретка. Она давно уже не охотится — несколько столетий назад люди поселили ее в своих домах, превратили в живую игрушку. Поэтому многие левретки изнежены, боятся простуды, трусоваты. Но если такая собака находится в хороших руках, она становится настоящей собакой, проявляя все благородные собачьи качества. И, несмотря на несколько субтильное сложение и малую величину (весит левретка 3—4 килограмма), может проявить незаурядную храбрость, защищая дом или хозяина. Левретка — старинная порода, пришедшая в Европу из Африки. Видимо, первоначально занялись ее разведением в Италии, отсюда и название. Но в XVIII веке инициативу перехватили англичане, затем немцы. Они и сейчас разводят самых лучших собак этой породы.

Борзые — собаки-аристократы. Особо любимые допускались когда-то во все комнаты барских имений, если же и содержались на псарнях, то в прекрасных условиях. Да и уход за ними требуется тщательный, особенно внимательно надо следить за шерстью у длинношерстных борзых.

Гончие — совсем иное: неприхотливы до крайности, нетребовательны ни в чем. Они могут спать где придется — в конуре и в сарае, под крыльцом или под стогом сена. В еде тоже неразборчивы — лишь бы она была. И на охоте эти собаки отличаются от других не только своей ролью, но и своим поведением. (А может быть, поведение как раз и связано с работой, выполняемой этими собаками.)

Обычно человек и собака составляют единое целое, дополняют друг друга и на прогулках, и на охоте, постоянно держат друг друга в поле зрения, так или иначе общаются.

Гончие — самые дикие из всех охотничьих (и не только, очевидно, охотничьих) собак. Они упрямы, независимы и фанатично преданы своей работе. А она состоит в том, чтоб найти след зверя и гнать его, часто руководствуясь лишь запахом, не отставая, не упуская, лаем извещая хозяина, где она в данную минуту находится.

Эти собаки должны обладать многими достоинствами. Во-первых, хорошо ориентироваться: даже уходя далеко от охотника, даже гоняя зверя в густых зарослях, собака должна безошибочно прийти в то место, откуда была выпущена на поиск. Во-вторых, должна быстро и умело рас-

путывать следы; в-третьих, должна быть, как говорят охотники, «вязкой», то есть, «привязавшись» к зверю, уже не упустить его след; конечно, должна быть сильной и выносливой (за одну охоту, случается, гончим приходится пробегать километров сто пятьдесят — двести).

Ценятся гончие и за голоса. Голос у гончей должен быть доносчивый, то есть звучный, и тембр должен меняться — быть то низким, басовитым, то высоким, заливистым.

Всеми этими, как и другими, о которых не упоминалось, достоинствами обладают самые знаменитые и самые популярные у нас русские гончие — одна из самых старых пород в нашей стране. Отличное чутье и выносливость позволяют ей очень долго держать след зайца или лисицы, к охоте на которых эти собаки приспособлены особенно хорошо.

«Фараонова гончая» существует в Египте и сейчас. И выглядит она так же, как тысячелетия назад.

А вот следующие за ней русские пегие, или, как их еще называют, англо-русские гончие, выведены специально для охоты на волков. Они одно время так и назывались — волкогонными гончими. Конечно, несмотря на свою силу, в одиночку такой собаке с волком не справиться. Но в одиночку они и не загоняли волков — загоняли стаей. Раньше из них составляли даже специализированные стаи, которые не отвлекались на всякую мелочь, вроде зайцев, а гнали лишь «красного зверя» — лисиц и волков.

Следом идут собаки, несколько похожие на русских пегих, но тем не менее заметно отличающиеся от них. Это эстонские гончие, выведенные недавно — официально порода признана лишь в 1954 году.

Надо сказать, что во многих странах есть свои «национальные» гончие. Различные породы есть и в нашей стране. И выведены они совсем не потому, что русская гончая чем-то плоха. Нет, она отвечает всем требованиям, предъявляемым этой породе. Но тем не менее существуют обстоятельства, существуют местные условия, в которых привыкшей к заснеженным просторам Центральной России русской гончей работать труднее. И вот, с учетом местных условий, выводят особые породы. Именно такая порода — эстонская гончая. Ее еще называют «пешей гончей» за сравнительно медленный бег. В иных условиях гончая-тихоход вроде бы и не нужна. А вот в Эстонии, где много косуль, такая собака очень подходит: молодая косуля не может убежать от быстроходной русской гончей и та, в охот-

Гончая словацкий копов.

ничьем азарте, может погубить ее.

Пешая же гончая косулю не догонит. Что же касается зайцев, то она их прекрасно преследует — ведь заяц рано или поздно вернется на то место, с которого его подняли собаки. А будет это быстрее или медленнее — значения особого не имеет. Во всяком случае, спасение косуль стоит того, чтоб лишний час-другой простоять на номере в ожидании зайца, которого гонят тихоходы — эстонские гончие.

Бигль предан, отважен и неутомим.

С учетом местных условий выведена в Чехословакии гончая, которая приспособлена в основном к охоте на кабанов: словацкий копов — выносливая, темпераментная собака, способная работать в горах по нескольку часов.

По этой же причине выведены свои породы и в Австрии (штирский бракк, тирольский бракк, таксообразный бракк и другие).

Есть свои традиционные и хорошо приспособленные к местным условиям гончие и в Англии — фоксхаунд, оттерхаунд, блюдхаунд, бигль.

Кстати, бигль сейчас становится довольно популярной собакой и в нашей стране. Эта небольшая собака (рост ее примерно 40 сантиметров), благодаря своему прекрасному характеру, красоте, податливости к дрессировке завоевывает все больше и больше сторонников не только среди охотников (он отлично гонит зайцев и лис, к тому же его удобно транспортировать), но и просто среди любителей собак. И в ряде случаев бигль уже превратился в комнатно-декоративную собаку — друга семьи.

РИНГ ШЕСТОЙ—ЛЕГАВЫЕ СОБАКИ

Название «легавые» произошло от слова «лежать». Когда-то на птиц охотились с сетями. В задачу собаки входило разыскать птицу, осторожно подойти к месту, где она затаилась, и лечь рядом. А охотник накрывал птицу и собаку сетью. Сейчас легавые называются «подружейными» собаками. Но задачи их остались в основном прежними: отыс-

кать птицу, сделать стойку — то есть неподвижно застыть на месте, потом, когда хозяин изготовится, по его команде вспугнуть птицу, заставить ее взлететь и тут же лечь на землю, чтоб не мешать выстрелу. А затем, опять-таки если хозяин прикажет, принести добычу.

Все это, как и сам поиск челноком — чтоб обследовать весь участок, не пропустить птицу, — наука нелегкая, и собак специально «натаскивают» (обучают правильному поведению на охоте). Но легавые собаки могут не только отыскивать и аппортировать (приносить дичь) — они могут выслеживать и копытных зверей, их можно обучить и многому другому — сделать «универсальную» собаку, как говорят в таких случаях. Легавые собаки обычно хорошо усваивают уроки — ведь охотятся с ними многие сотни лет (если порода старая). Если же порода молодая, все равно в числе ее предков — охотничьи собаки. Так что умение охотиться заложено в этих собаках генетически, оно, как говорится, у них в крови. А вот слиться с человеком воедино, не только помогать ему, но и соучаствовать в охоте дано не каждой собаке. Это зависит от характера собаки.

В этом смысле одна из лучших собак — пойнтер. Будто вылепленный искусным скульптором, высоколобый, с упругими рельефными мускулами под гладкой кожей, с тонким вытянутым сухим хвостом — прутом, он способен вдруг, с размашистого галопа, застыть, словно наталкивается на невидимую стеклянную стену. Глаза у него при этом горят, одна лапа поднята, будто для следующего шага. Но собака стоит неподвижно в «мертвой стойке». Недаром же само название породы «пойнтеры» происходит от английского «указывать», «делать стойку».

Впрочем, кое у кого это вызывает сомнение. О происхождении пойнтеров ведутся споры: англичане считают, что родина пойнтеров — Британские острова, испанцы же утверждают, что эта порода была выведена на Пиренейском полуострове. Там она называлась «перро-депуанто», что означает «собака на стойке». Получив в XVIII веке эту собаку из Испании и усовершенствовав ее, англичане на свой манер изменили и название, превратив «пуанто» в «пойнтера». Английский пойнтер очень популярен. Но все-таки в континентальной Европе более популярна другая собака — немецкая короткошерстная легавая, или курцхаар.

Эта порода сравнительно молодая: выведена в конце прошлого — начале нынешнего века. В крови курцхааров течет кровь многих пород собак, в том числе и пойнтеров. Однако работает курцхаар несколько иначе. Он так же красив и элегантен на охоте, но является как бы универсальной или, во всяком случае, более универсальной собакой. Пойнтеру, например, не разрешают подавать убитую птицу — у англичан для этого служат другие собаки — аппортеры, подносчики. Курцхаар сам приносит добычу, разыскивая ее в зарослях или доставая из воды.

Раз уж перед нами прошла немецкая короткошерстная, то пусть пройдет и жесткошерстная и длинношерстная.

Жесткошерстная легавая — дратхаар — умная, темпераментная, пригодная для всесторонней охоты, была выведена в 1924 году. Замысел создателей этой породы заключал-

ся в том, чтоб создать собаку, менее чувствительную к погодным условиям. Поэтому дратхаар покрыт довольно длинной, жесткой шерстью, предохраняющей ее и от холода, и от дождя.

Это же можно сказать и о немецкой длинношерстной собаке лангхааре. Она, в отличие от других немецких легавых, больше приспособлена к работе в лесу, нежели в поле. Обе они — и дратхаар и лангхаар — покажутся несколько неуклюжими не только в сравнении с женственно-прекрасными сеттерами и изысканными пойнтерами, но даже с курцхаарами. Однако они выносливые, сильные и, видимо, более энергичны.

Издавна в Германии была распространена веймарская легавая собака. Сейчас (выведено три типа — гладкошерстные, жестокошерстные и длинношерстные) они довольно широко распространены, используются не только охотниками, но и на сторожевой службе (особенно в США). Сила, красота, быстрота привлекают многих любителей. А для собаководов эта легавая еще и загадка: щенки у веймарской собаки до двухмесячного возраста серо-голубые с синими глазами, потом глаза становятся янтарными, а шерсть — серовато-серебристая, и лишь к году формируется окрас собаки — появляется медный отлив.

После веймарской перед нами пройдет венгерская легавая, имеющая давнюю историю. Но как порода она окончательно сформировалась в конце прошлого века. Собака универсальная и обладает многими качествами, делающими ее очень полезной в природных условиях Венгрии. Однако развитие и чисто собачьи достоинства уже сделали ее популярной и во многих странах.

Из других легавых мы покажем на нашем ринге чешского фоусека — одну из самых старых пород жесткошерстных собак, гриффона — самого лохматого из всех жесткошерстных собак, его охотно используют в местах с холодным климатом, и малого мюнстерлендера — самую маленькую, но почти самую старательную на охоте легавую собаку. Кроме того, она добродушна и в то же время — одна из самых неподкупных сторожей среди охотничьих собак.

Ну, а теперь настала очередь сеттеров. Их три типа: английский — белый с крапинами, ирландский — одноцветный, рыжий или красный, и шотландский — черный с желтыми подпалинами.

Все они отличаются удивительной мягкостью, какой-то изумительной женственностью, интеллектом.

Английский сеттер, или, как его еще называют, крапчатый, делая стойку перед дичью, присаживается. От английского слова sit, означающего «сесть» (а по другим данным, от английского set — «делать стойку») и пошло название всех сеттеров. А крапчатый, кроме того, называется еще и «лавераком» — в честь английского собаковода Эдуарда Лаверака, которому эта порода во многом обязана своей славой.

Ирландского сеттера, как следует понимать из названия, разводили главным образом в Ирландии. Он обладает теми же прекрасными охотничьими качествами, что и английский, и теми же отличными собачьими качествами — добротой, умом, привязанностью, за что его часто держат и те, кто не любит охоты и не собирается заниматься ею.

И, наконец, третий представитель сеттеров — шотландский — происходит из Шотландии, о чем свидетельствует его название. Второе имя этих собак — гордоны — дано им потому, что создателем этой породы был герцог Гордон.

Шотландский сеттер наиболее массивен и тяжел среди сеттеров, шерсть его длиннее и гуще. Но он и сильнее их, и более универсален, и более неутомим.

Надо сказать, что на нашем ринге, хоть и соблюдалась строгая дисциплина, как это и должно было быть (собаки шли все ровно, никто не задирался, никто не лаял слишком громко), порядок все-таки был нарушен. Но не собаками, а нами. Мы на этом ринге пустили их вперемежку, хотя у кинологов существует строгое разделение на английских легавых (например: пойнтеры и сеттеры) и континентальных легавых. А внутри этих групп свое разделение: на английских короткошерстных и длинношерстных и на континентальных короткошерстных, длинношерстных и жесткошерстных. Мы нарушили этот порядок, но на нашем ринге это допустимо. Думается, ничего плохого не произойдет, если тут же перед нами пройдут еще одни охотничьи собаки, которые к легавым отношения не имеют, но по работе близки многим из них. Речь идет о спаниелях (название «спаниель» — от испанского «эспаньол» — «испанский»).

В Испании эта собака известна с XV века. Спаниелей иногда называют сеттерообразными, хотя работают они совершенно иначе — не делают стойки, да и не увидишь ее в высокой траве, которая иногда бывает выше собаки. Задача спаниеля — выгнать птицу из травы или зарослей, заставить ее подняться на крыло. При этом собаке разрешается лаять, шуметь — пожалуйста, лишь бы было дело сделано. В принципе спаниель выполняет ту же работу, что и гончие, только те выгоняют на охотника зверя, спаниели же — птицу. Однако в отличие от гончей, спаниели и приносят подстреленную добычу, и прыгают за ней в воду — они отлично плавают, а многие и хорошо ныряют.

И все-таки недаром их называют сеттерообразными собаками — с сеттерами у них, помимо некоторого внешнего сходства (конечно, они отличаются величиной и пропорциональностью), много сходных черт характера — они, как и сеттеры, вежливые, смышленые, интеллигентные, ласковые и очень доброжелательные к людям, может быть, в этом даже превосходят сеттеров. Поэтому спаниелей часто держат не для охоты, а просто как радость и украшение в доме.

Существует более десяти пород спаниелей. Все они, в общем-то, сходны по внешности, всех их в принципе одинаково используют, и почти все они — «английского происхождения». (Из Испании спаниели в XVIII веке попали в Англию, и англичане всерьез занялись их разведением. В XIX веке там появились уже спрингер-спаниель, коккер-спаниель, фельд-спаниель и другие.) Исключение составляет немецкая перепелиная собака, которую из-за внешнего вида — она похожа немного на длинношерстную немецкую легавую — часто ошибочно принимают за легавую. Однако работает эта собака, как спаниель.

Второе исключение — русский спа-

ниель, выведенный в нашей стране и официально утвержденный как порода в 1951 году. Он обладает всеми качествами спаниелей, к тому же более рослый и сильный.

Из английских спаниелей самый популярный, пожалуй, коккер-спаниель, используемый в основном для охоты на вальдшнепов. Но благодаря своему нраву — доброте к своим и недоверчивости к чужим — его часто используют как сторожа в квартире.

Спрингер-спаниель крупнее, поэтому его в Англии используют для охоты не только на птиц, но и на зайцев. Это самая старая порода английских спаниелей, от которой пошли все остальные.

Еще один спаниель пройдет сейчас перед нами: вельш-спрингер-спаниель — отличный охотник, неутомимый «гонщик», как часто называют его в Уэльсе, где он особенно популярен.

Лайка-маламут — эскимосская ездовая собака.

РИНГ СЕДЬМОЙ — ЛАЙКИ

Когда говорят о лайках, часто добавляют — охотничьи, потому что есть и другие — ездовые. Впрочем, и охотничьих нередко запрягают в санки, нарты, и ездовые часто участвуют в охоте. Тем не менее все-таки разделение есть. Ездовые, особенно в Америке, — это и собаки разных пород, были бы крупные да сильные, это и помеси самых разных пород, но обладающие определенными свойствами и качествами. К этим собакам не предъявляют требований, которые предъявляют обычно к другим собакам, — например, не требуется определенная посадка головы или определенный рост. Для охотничьих же лаек имеются определенные стандарты, к ним применяются определенные требования и к каждой породе в отдельности, и ко всем лайкам в целом: у них должно быть крепкое сложение, высоко поставленные заостренные и подвижные уши, косой разрез темных глаз, плавный переход от лба к морде, пушистая, но не лохматая шерсть и кольцом, или «баранкой», хвост.

Лайки — одни из самых древних собак. Их разводили или приручали) очень давно на больших пространствах — от Скандинавии до Чукотки, они были и в Гренландии, и в Северной Америке. Но так как планета наша осваивалась не сразу, так как еще сравнительно недавно на Севере имелись огромные безлюдные пространства, а люди, жившие там, разделены были многими сотнями километров и почти не общались друг с другом, то собаки, разводимые этими людьми, отличались одна от другой. Были лайки ка-

рело-финские и ненецкие, остяцкие и вогульские, эвенкийские и ламутские, оленегонные и камчатские, олонецкие и амурские, зырянские и другие. Когда началось активное заселение и освоение Севера, там появились собаки других пород, да и местные породы зачастую стали путешествовать и переселяться вместе с людьми. Различные породы стали скрещиваться между собой, и все меньше оставалось чистокровных лаек. Кинологи и решили всерьез заняться этими собаками и из многочисленных разрозненных групп местных лаек создать несколько основных пород. Так появились в нашей стране карело-финская, русско-европейская, западносибирская и восточносибирская лайки.

Русско-европейская лайка считается собакой средней величины: максимальный рост ее — не более 60 сантиметров. Она обычно черно-белого цвета с относительно короткой мордой и широким лбом, маленькими треугольными ушами. Охотятся с ними на белок и на боровую дичь. Это, конечно, вовсе не значит, что с ними нельзя охотиться на других животных. Замечательное свойство лаек — их универсальность: каждая из них может охотиться и на птиц, и на мелких зверьков (белок, соболей, куниц), и на крупного зверя (медведей, кабанов). У них очень тонкое обоняние, они способны и к «верхнему чутью», то есть могут чувствовать зверя или его следы, не опуская головы, улавливают самые, казалось бы, незначительные запахи, которые доносит им малейшее дуновение ветерка, и идут на эти запахи с поднятой головой. Способны они и к «нижнему чутью» — идут по следу. Причем,

Зверь найден и загнан на дерево. Теперь надо оповестить об этом хозяина.

в отличие, скажем, от гончих, идут молча и, только догнав зверя, начинают облаивать его: мелких — на дереве, как бы указывая охотнику, где находится зверек; крупных — задерживают до прихода охотников; птицу облаивают как бы нехотя, даже повизгивая, будто понимают, что особенно громко лаять нельзя — иначе вспугнешь птицу. Могут лайки участвовать и в охоте на водоплавающую птицу, причем часто с удовольствием бросаются в воду и приносят хозяину добычу.

Сказанное выше относится ко всем лайкам выведенных пород. Но тем не менее специализация у них имеется, и часто она, если собаку не переучивают, передается из поколения в поколение по наследству, то есть генетически. Поэтому мы говорим, что карело-финская лайка, хоть и способна к охоте на разных зверей и птиц, большей частью используется при охоте на птиц и мелких зверьков, в частности — белок.

Карело-финская — самая маленькая из всех лаек (максимальный рост ее не более полуметра). Она очень нарядна и обаятельна.

Русско-европейские лайки тоже небольшие, немного больше карело-финских, черно-белой окраски. Они универсальны в охоте: с ними ходят на любого зверя и на птицу.

Западносибирская лайка выше русско-европейской, крупноухая, не имеющая, в отличие от предыдущих двух, строго определенной окраски, она может быть самых разных мастей.

Восточносибирская — самая большая. С ней, как и с западносибирской, чаще охотятся на крупных зверей, но она отлично выслеживает и мелких.

Любопытно, что карело-финские и русско-европейские лайки бегают галопом и работают быстро. Западносибирские и восточносибирские бегают рысью и работают медленно, особенно последняя. Она, скорее, не бегает, а ходит быстрым шагом, но зато способна ходить весь день, оставаясь работоспособной в самых тяжелых условиях, часто невыносимых для других лаек, хотя все они — собаки сильные, нетребовательные ни к еде, ни к условиям существования. Могут подолгу голодать, спать на снегу и при этом отлично работать. А вот чего они не терпят, так это насилия. Конечно, можно подчинить себе собаку принуждением. Собака будет слушаться хозяина, будет работать. Но радости ни у человека, ни у собаки от такого общения, радости, которую должно доставлять общение обоим, не будет.

Лайки — собаки независимые. И если человек будет уважать эту особенность их характера — собака станет его преданным другом.

РИНГ ВОСЬМОЙ — КОМНАТНО-ДЕКОРАТИВНЫЕ СОБАКИ

Это как раз те собаки, вокруг которых чаще всего вспыхивают споры, те собаки, против которых чаще всего восстают воинствующие мещане и эгоисты, те собаки, которые чаще других просто самим своим существованием удивляют равнодушных и сухих, черствых людей.

Зачем они? От тех, которые прошли перед нами, — явная польза: они сторожа и охотники, ищейки и пастухи. А эти? Ведь от них никакого проку.

Далеко не все еще понимают, что нельзя все измерить количеством

принесенной на охоте дичи и числом пойманных преступников. Собаки вообще — убедительное доказательство того, что нет глухой стены между человеком и миром, из которого он когда-то вышел и к которому он продолжает принадлежать, хотя постоянно забывает об этом. А комнатно-декоративные собаки — самое близкое звено в общении городского человека с природой. Через собаку он постигает радость общения с соседями по планете — они тут самые первые. А среди самых первых — наипервейшие — комнатно-декоративные собаки, специально созданные только для общения с человеком. Или те, которые раньше выполняли какие-то службы, а теперь стали просто друзьями человека.

В маленьких и в больших семьях собака — радость, верный друг, особенно в тех семьях, где есть дети: они помогают прививать любовь ко всему живому, искоренять эгоизм, облагораживать характер. И в этом — огромная польза комнатных собак.

Их много. Они очень разные. Между собой часто совершенно не связаны родством, происхождением. Наоборот — они часто связаны родством с крупными, служебными или охотничьими собаками, некоторые даже являются уменьшенными копиями их, как, например, карликовый пинчер или карликовый шпиц. Впрочем, и крупные шпицы стали сейчас комнатно-декоративными собаками, хотя и служат отличными сторожевыми.

Шпицы — собаки очень древние. (Считается, что самая древняя собака из известных пока, жившая, как полагают ученые, рядом с человеком 20 тысяч лет назад, была шпицем, точнее — шпицеобразной собакой.) Изображения шпицев имеются на древнейших памятниках, и мы можем по этому судить, что собаки эти за многие тысячелетия хотя, конечно, и изменились, но не столь уж значительно. Во всяком случае, они сохранили свои характерные черты: заостренную морду, острые стоячие уши и свернутый в кольцо и лежащий на спине хвост.

Шпицы были очень популярными собаками и в античном мире, и в средневековье. Поэтому их история довольно хорошо просматривается: изображение этих собак встречается довольно часто. Правда, мы не знаем, как они назывались в античном мире, но в средневековье уже появилось слово «шпиц».

Позже шпицев называли померанскими собаками (помимо основного названия). Это, конечно, не случайно: именно в Померании были выведены чистопородные шпицы, именно там были выведены различные породы этих собак: большой шпиц, вольф-шпиц и карликовый (миниатюрный) шпиц.

Все шпицы очень пушистые, с пушистым хвостом, но на мордочке, голове, лапах, ушах шерстка короткая. Полного великолепия шпицы достигают годам к трем-четырем — тогда у них шерсть становится особенно хороша, и особенно густым и красивым становится «воротник».

Шпицы похожи друг на друга. Различаются лишь по величине: вольф-шпиц (по стандарту) должен быть не менее 45 сантиметров в высоту, большой шпиц — не менее 40, а карликовый — не более 28 сантиметров. Различаются они и по окраске. Но всех их объединяет храбрость, верность и привязанность к человеку.

Впрочем, это относится не только к шпицам, а ко всем комнатно-декоративным собакам: «Все они, большие и малые, черные и белые, короткошерстные и длинношерстные, — все они прежде всего являются собаками со всеми присущими им особенностями — преданностью и любовью к человеку», — пишут Й. Найман и Й. Новотны. Это все применимо и к пуделям — очень умным и популярным комнатно-декоративным собакам.

Пудели, как и шпицы, считаются одними из самых древних собак. Происхождение их точно неизвестно — есть мнение, что они произошли от пастушьих собак; есть и другое мнение: они когда-то были собаками охотничьими, причем универсальными. В подтверждение первой версии приводят шерсть пуделя — длинную, густую, курчавую, какая могла быть у лохматых пастушьих собак. В подтверждение второй — то, что пудели могут делать стойку, как охотничьи собаки, охотно прыгают в воду и приносят охотнику убитых уток и, наконец, то, что этих собак легко приспосабливали для розыска популярных в Западной Европе грибов — трюфелей, которые растут в земле, причем иногда достаточно глубоко. Но существует и третья версия — пудели произошли в результате скрещивания пастушьих и «водяных» собак. Наверное, так оно и есть.

Но сейчас пудель и не охотничья, и не пастушья собака. Если он и работает, то чаще всего как артист. Видимо, смышленость (некоторые считают, что пудели — самые умные собаки), огромное собачье обаяние, способность легко усваивать то, чему учит его человек, его ловкость,

Шнуровой пудель пострижен по моде (стрижка «модерн»).

подвижность, прыгучесть, охотное исполнение различных команд и, наконец, необычная внешность издавна привлекали к этим собакам внимание бродячих артистов, шарманщиков, балаганщиков. И собаки стали выступать. Выступают они и сейчас на аренах цирка. Но чаще, конечно, они выступают в роли спутника и друга человека. Веселые, послушные, понятливые и внимательные, порывистые (плавные движения не свойственны пуделю) и темпераментные, ласковые, преданные — они становятся безусловными и полноправными членами семьи. Они — неизменные участники детских игр, шалостей, проказ, в которых не только охотно принимают участие, но и нередко сами становятся их инициаторами, несмотря на свою «аристократическую» внешность, которую придает им необычная, даже можно сказать, причудливая стрижка.

По характеру шерсти пудели бывают двух типов: кудрявые — шерсть у них завивается колечками и шну-

ровые — шерсть у них завивается длинными (по стандарту не менее 20 сантиметров) шнурками или спиралями. Но какими бы пудели ни были — кудрявыми или шнуровыми — по традиции они должны быть соответственно пострижены. Эта традиция очень давняя — на старинных изображениях пудели уже были красиво пострижены.

Раньше пуделей стригли «подо льва», оставляя большую гриву. Эта стрижка называлась «классической» и существовала много веков, пока с ней не начала соперничать другая — «модерн». Она появилась в 1925 году, но, несмотря на свою популярность у многих собаководов, не признавалась строгими «пуделистами» и официально была утверждена лишь в 1960 году. Сейчас признаются оба типа стрижки, и владелец собаки волен выбирать ту, которая ему нравится, или ту, которая больше идет собаке.

Помимо типа шерсти (кудрявая и шнуровая) пудели различаются и по цвету — бывают черные и белые, коричневые и серебристо-серые. Различаются и по величине: есть большие — их высота от 45 до 55 сантиметров, есть малые пудели — их высота от 35 до 45 сантиметров, есть, наконец, миниатюрные пудели, высота которых не должна превышать 35 сантиметров. Меньше — можно.

Но что бы мы ни говорили о необычной внешности или удивительных способностях пуделей, самое главное в этих собаках другое — отличный характер. Да, именно так. Пуделей с плохим характером не бывает. А если иногда и случаются злобные собаки, то это изъян, исключение. Не случайно же во многих странах на выставках оценивают этих собак по двум параметрам — по экстерьеру и по нраву. Злобный, сварливый, угрюмый пудель, как бы он ни был хорош внешне, не получает высокого балла, потому что нрав пуделей отмечен в стандарте пород и имеет чуть ли не решающее значение при оценке собак.

Пудели — добрые псы. И умные. Не случайно англичане, имея в виду эти качества, говорят с улыбкой о пуделях: «Еще не человек, но уже и не собака».

Вслед за пуделями на нашем параде пройдут собаки, совсем непохожие на них. Маленькие, коротконогие, с длинной шелковистой шерстью, с приплюснутыми мордочками и большими, выразительными, чуть выпуклыми глазами, с широким плоским лбом, в богатой пышной шубе с густым воротником, с пышным султаном на хвосте, эти собачки, при всей своей миниатюрности и некоторой карикатурности, производят впечатление солидных и важных. Недаром одна из разновидностей этой породы была в Китае до сравнительно недавнего времени священной (посвящена Будде), а собаки других пород жили только во дворце китайского императора, и никто не имел права разводить их.

Существует несколько версий того, как пекинесы — так называются эти собаки — попали в Европу. В одной из них рассказывается, что английский генерал Дани, служивший в Китае, перед отправкой на родину официально попросил разрешения привезти в дар английской королеве одну из таких собачек, но получил отказ. Однако перед отплытием к нему якобы подошел какой-то человек и вручил корзинку. Как

потом оказалось, в корзинке была собачка. Генерал подарил собачку королеве и был удостоен королевской милости, а Лули — как назвали ее — поселилась в королевском дворце. Так это было или каким-то другим путем попала Лули в 1860 году в Лондон — сейчас сказать трудно. Но факт, что попала. И художник Эдвин Лендзир — тот самый, который рисовал ньюфаундлендов и благодаря которому одна из разновидностей этих собак названа лендзирами, — нарисовал несколько «портретов» Лули.

Другая версия более правдоподобная. В 1860 году Англия и Франция воевали с Китаем. Европейцы разгромили войска китайцев и взяли Пекин. Спасаясь бегством, императрица приказала уничтожить всех остававшихся во дворце пекинесов, чтоб они не попали к европейцам. Но уничтожили не всех — пять собачек все-таки как-то уцелели или их не успели уничтожить, и они были захвачены англичанами.

В Англии и началось их активное разведение. Затем пекинесов стали разводить в Германии, причем там им создали поистине «императорские» условия: в Баден-Бадене был специально для них построен настоящий дворец, где содержались эти собаки в великолепных помещениях (самки и самцы — отдельно). В особом зале специальные парикмахеры стригли их и причесывали, чистили им зубы и делали маникюр. Специальные повара готовили собакам изысканные блюда из лучших сортов мяса. Но расходы на содержание собак оправдывались: пекинесов продавали за огромные деньги — собаки эти были долгое время редкостью.

Сейчас бывшая императорская собачка распространилась по всему миру. Она давно уже не пользуется такими почестями. Но свой гордый и независимый вид императорская собака сохранила. От этого она кажется очень забавной. Однако это не мешает ей быть преданной хозяину и смелой, проявлять незаурядную сообразительность и быть хорошим сторожем-«звоночком».

Вслед за пекинесами идут собачки, несколько похожие на них. Они тоже коротконогие и низкорослые, длинношерстные и плоскомордые. Но это другие собаки — хины. Даже родство между ними не установлено; некоторые кинологи считают хинов и пекинесов родственниками, другие отрицают это. Есть версия: хины — потомки завезенных в Японию голландцами спаниелей и болонок, которым японские собаководы придали вид современных хинов.

Другая версия: этих собачек когда-то вывели корейцы и платили ими налог японскому императору еще в XVIII веке. Есть и другие версии о происхождении хинов. Но каково бы ни было происхождение этих собак, уже очень давно они стали национальными собаками Японии, жили в храмах, где почитались как священные, и в некоторых особенно богатых аристократических домах. Даже имя у нее японское: «хин» в переводе означает «драгоценность».

В Европу хин, как и пекинес, попал в 1860 году; считают, что пару этих собачек привез туда английский адмирал Пирри, и долгое время они тоже были большой редкостью (собственно, имелись они только в Англии). Широко стали распространяться сравнительно недавно, но благодаря ласковому характеру,

понятливости и своеобразной красоте — легкой горделивой походке, высоко поднятой голове — быстро завоевали симпатии людей обоих полушарий.

Болонки. Это слово иногда употребляется чуть ли не как бранное. Во всяком случае, его применяют по отношению к изнеженному, бесполезному существу, которое только и способно лежать на диване и капризничать. Наверное, это и можно применить к избалованному человеку, но к болонке применимо не всегда. Конечно, есть изнеженные собаки, которые только и делают, что валяются на подушках. Но ведь так испортить можно не только болонку, а любую собаку. Если же болонку воспитывать правильно, то вырастет совершенно не ленивая, преданная своему хозяину собака с веселым, ласковым нравом. Возможно, болонок больше, чем других собак, держат в холе из-за их совершенно белой, шелковистой, очень мягкой и красивой шерсти. Их больше балуют. Но ведь виновата же не собака, а ее хозяева!

Есть две породы этих собак. И они существенно отличаются друг от друга. Мальтийская — очень старая порода собак — с удлиненным телом и коротковатыми лапами. Ее изображение было обнаружено на одной из античных ваз, которую ученые датировали X веком до новой эры. О ней писали римские ученые Плиний, Страбон и Колумелла. Называлась эта собачка в те времена мелитой (или собакой мелитинской, или собакой с Мелиты). В древности было два острова Мелита. На одном жила эта собачка, там ее разводили. На другом этих собачек не было. Когда решили упорядочить географические названия (это было в XVI веке), то один остров назвали Меледа, другой — Мальта. А собачку почему-то стали называть мальтийской болонкой, хотя как раз на Мальте-то она и не жила.

Чихуахуа — самая маленькая собачка в мире.

Произошло недоразумение с названием и другой болонки, которую вывели в Италии. Она крупнее мальтийской, у нее кудрявая шерсть (у мальтийской — прямая), она более пропорциональна, и поскольку выведена в Италии, то логично было бы назвать ее итальянской. Но называют ее почему-то французской.

О чихуахуа мы уже говорили в первой части. Здесь мы покажем ее и покажем других чихуахуа — московских, выведенных сравнительно недавно. Они крупнее мексиканских (до 20—23 сантиметров в высоту), шерстистые, хотя и чихуахуа из Мексики может быть очень лохматой, но может быть и гладкошерстной.

А сейчас перед нами пройдут две собаки, очень похожие друг на друга. Непосвященный может даже принять одну из них за взрослую собаку, другую за ее щенка. Но это собаки разные — просто пинчер (или гладкошерстный пинчер) и карликовый пинчер (или миниатюрный гладкошерстный пинчер). А обе эти собаки похожи на добермана-пинчера. Или точнее — доберман похож на них, так как в его жилах течет кровь гладкошерстного пинчера.

Гладкошерстный пинчер — средней величины собака, немного менее полуметра в высоту, стройная, элегантная, живая, смелая и в то же время добродушная. Этот пес — прекрасный сторож, верный друг, надежный товарищ. Он может часами лежать у двери, чутко прислушиваясь, стараясь уловить звук шагов хозяина, он очень любит детей и готов прощать им даже злые шутки, он игрив, и это качество сохраняет до глубокой старости.

Все это свойственно и карликовому пинчеру. Он — точная копия гладкошерстного, за исключением размеров: высота его не более 30 сантиметров. Но в груди этой крошечной, одной из самых маленьких собак бьется отважное сердце. Несмотря на свою величину, он готов защищать своего хозяина в любом случае. А чтоб произвести впечатление, собачка часто вскакивает на какое-нибудь возвышение и с него угрожает врагу.

Так же как карликовый пинчер — уменьшенная копия гладкошерстного, а тот, в свою очередь, — копия добермана, так и французский бульдог — уменьшенная копия английского бульдога. Некоторые кинологи считают, что французский произошел от английского. Однако другие считают, что породу вывели французы самостоятельно, без участия английских собак, использовав для выведения этой породы различных догообразных. Но так или иначе — порода получилась отличная: крепкая, сильная, хоть и небольшая (вес от 8 до 14 килограммов) собака — отличный сторож, добрый, ласковый и преданный друг семьи.

Наш парад на ринге комнатных собак завершит пес, который не очень похож на комнатного. Он довольно крупный (может быть более полуметра в высоту), крепкий, очень сильный. Называется он чау-чау.

Существует широко распространенная версия, что собак этих в Китае выращивали и специально откармливали на убой. Их даже в кинологической литературе часто называют «китайской мясной собакой» или «съедобной собакой». Однако цитировавшиеся уже Й. Найман и Й. Новотны — прекрасные знатоки собак и их истории — считают, что это «выдумка, совершенно не соответствующая действительности».

Когда-то чау-чау действительно жили лишь в Китае и, подобно пекинесам, пользовались особой благосклонностью императоров. Однако «следили» за ними не так строго и, кроме императорского дворца, они жили в домах некоторых знатных вельмож. Но теперешние чау-чау очень отличаются от китайских, хотя и сохранили удивительный признак — синий язык (такой только у чау-чау, и вряд ли у каких-нибудь других животных есть синий язык). В Европе, в частности в Англии, китайскую собаку сильно изменили внешне, вывели, собственно, новую особую породу, которая и распрост-

ранилась широко по странам Европы и Америки. И которую мы видим на нашем ринге. Мы не будем описывать ее внешность — одним она кажется похожей на льва, другим — на медведя (посмотри сам и реши). Не будем описывать и ее характер. А предоставим слово Й. Найману и Й. Новотны.

«На первый взгляд многим кажется, что это тупое, малоинтеллигентное животное. Но тот, кто имел возможность узнать его поближе, тот убеждается в обратном. Это собака с крепкими нервами, спокойная, не агрессивная, но в то же время абсолютно бесстрашная, безгранично преданная своему владельцу, проявляющая только ему, единственному, свое абсолютное доверие и готовая защищать его вплоть до самопожертвования. В своем поведении чау-чау абсолютно самостоятелен, независим и не позволяет поработить себя дрессировкой... Он величествен и серьезен... великолепный спутник того, кто любит спокойствие. Он избегает шума, ссор с другими собаками и хочет иметь в лице «своего» человека товарища, с которым у него установилось бы понимание без команд и излишних приказаний».

РИНГ ДЕВЯТЫЙ — ДВОРНЯЖКИ

Далеко не все породы собак прошли сейчас на нашем параде. Но представители основных породных групп и основных собачьих профессий прошли. И на этом мы могли бы закончить наш парад. Но он все-таки не был бы полным. Потому что в нем обязательно должны еще принять участие представители большого (он, наверное, больше, чем все остальные породные группы, вместе взятые) отряда собак, которых биологи называют «сложными полигибридами», а остальные люди — просто дворняжками.

Вот они появились на нашем ринге — большие и маленькие, длинноногие и коротконогие, лохматые и гладкие, веселые и грустные... Они не похожи друг на друга, потому что это — не порода, никто не следит за их внешностью, никто не заботится об их стандартах. Они не участвуют в официальных собачьих выставках, не получают дипломов и медалей. Но они живут вместе с нами. И они нужны нам.

Впрочем — нужны ли? Ведь говорят, бездомные дворняжки — очень опасные собаки, они разносят заразу, они могут покусать. И не случайно существует специальная служба, которая избавляет наши дворы от бездомных собак — дворняжек.

Не будем сейчас обсуждать необходимость такой службы. Подумаем лучше о том, как сделать, чтоб у этой службы было поменьше работы.

Откуда берутся бездомные дворняжки — задумываются не все. А ведь создаем их мы сами. Часто люди берут щенка — хорошенького, пушистого, игривого, ласкового. Щенок подрастает, превращается во взрослую собаку, которая требует, как и всякое живое существо, внимания и заботы. И тут у хозяев кончается запал — с хорошеньким щеночком возиться было приятно, взрослая собака уже не забавляет, даже раздражает, требует времени, которого часто и так бывает мало. Человек решает избавиться от собаки. Самый простой способ — выгнать ее на улицу. Конечно, с породистыми так не поступают — они все-таки стоят

денег. А дворняжка часто достается бесплатно — щенка кто-нибудь подарил или собака ощенилась где-то в подвале дома...

Или еще: взяли летом щенка на дачу, поиграли с ним. Потом надо в город. Городская квартира — не дача, тут все сложнее. Стоит ли усложнять жизнь? Все нужные вещи запакованы, погружены на машину. И только собака оставлена, как вещь ненужная.

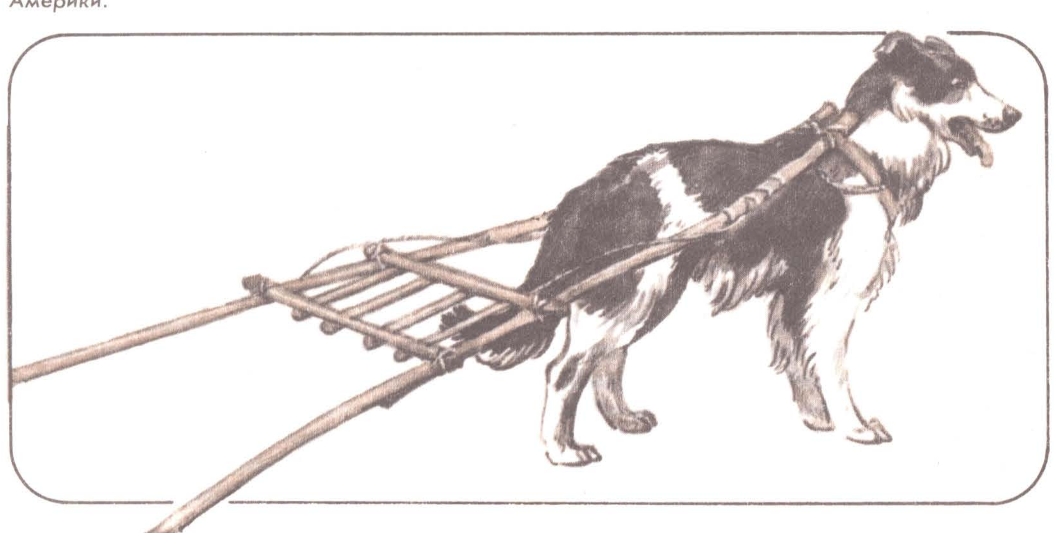
Может быть и такой вариант: захотелось мальчику или девочке иметь собаку — верного четвероногого друга. Но ведь собака — не игрушка. Надо с ней регулярно гулять, вставать на час раньше, чем обычно, иногда отказаться от того, чтоб пойти в кино или поехать куда-нибудь с товарищами и подругами. А на это не всякий способен. Собака начинает мешать жить. И ее выгоняют из дому или вывозят куда-нибудь далеко и оставляют на произвол судьбы.

Есть немало и других причин, порождающих бездомных собак. А ведь они — живые и тоже способны чувствовать, переживать. Наконец, они просто хотят есть, им нужно элементарное тепло зимой!

Конечно, далеко не все относятся так к беспородным собакам. Немало дворняжек живут в домах, считают себя полноправными членами семьи, любят своих хозяев и стараются быть как-то полезными, делать все, что в их собачьих возможностях.

И те люди, которые любят собак и держат у себя беспородных, не жалеют об этом. Ведь дворняжка — сложный полигибрид, как мы уже говорили. В ее жилах течет кровь многих и многих собак, в том числе и высокопородных. «Потомственные дворняжки» выработали стойкость к жизненным передрягам, приобрели выносливость и стали неприхотливыми, находчивыми и самостоятельными (ведь у них часто не было

На таких волокушах перевозят грузы с помощью собак индейцы Северной Америки.



заботливого хозяина, за них некому было заступиться в случае чего — вот и приходилось надеяться только на себя). С другой стороны, кровь благородных предков: от них дворняжки приобрели многие полезные качества. Недаром же в Сибири беспородные собаки — так называемые лайкоеды (в них — частица крови лаек) — отличные охотники, на севере они — отличные ездовые собаки, на Кавказе или в степных районах сильные и смелые беспородные собаки наряду с овчарками — прекрасные пастухи.

А какие они артисты — можно убедиться в любом цирке, где выступают дрессированные собаки. (Знаменитый дрессировщик Владимир Дуров вспоминал о самой способной «артистке» — дворняжке.)

Дворняжки прекрасно дрессируются, они очень привязываются к человеку и очень благодарны ему за малейшее проявление внимания и ласки, они умны и не менее благородны, чем настоящие собачьи аристократы.

Но дворняжки могут быть и опасными. Впрочем — дело тут не в том, дворняжка это или породный пес. Просто дворняжки гораздо чаще оказываются в безвыходном положении — бездомными — и вынуждены жить на пустырях, в парках, в лесу, объединившись в стаи. Стая таких одичавших собак опасна.

Ведь собаки — хищники. С человеком они утратили свои древние привычки, изменили их на диаметрально-противоположные. Без человека происходит обратное. Они охотятся в лесу, и там у собак просыпается инстинкт их хищных предков. А качества, воспитанные на протяжении веков в собаках человеком, — ум и сообразительность, смелость и находчивость, ловкость и многое другое, — делают их особенно опасными. К тому же собаки эти не только не боятся человека — они хорошо знают его нрав, его привычки и легко избегают встречи с ним или ловко уходят от преследования, если человек решает уничтожить собачью стаю в лесу.

Но это — одичавшие собаки, от которых человек отказался, предоставив им либо влачить жалкое существование в подворотне или в подвале, бродить по пустырям и украдкой пробираться к мусорным ящикам, либо, объединившись, разбойничать и таким образом бороться с тяжкой долей, на которую обрек ее опять же человек.

Если человек не отказывается от собаки и ведет себя с дворняжкой так, как и полагается вести себя с собакой, — она не уступит никакой породной. Дворняжки это доказали во время войны, служа отличными связистами и санитарами, миноискателями и ездовыми собаками. И если уж говорить честно — с дворняжками меньше возни.

Замечательный канадский писатель, прекрасный знаток животных, в том числе и собак, Сетон-Томпсон писал: «Попробуйте покинуть на необитаемом острове борзую, бульдога и дворняжку — которую из этих трех собак вы можете застать живой и здоровой спустя полгода? Без сомнения, это будет презренная дворняжка. Она не так быстронога, как борзая, но зато она не несет в себе зародыша легочных и кожных болезней. Она, конечно, не может сравниться по силе и безрассудной отваге с бульдогом, но у нее имеется нечто в тысячу раз более ценное —

здравый смысл. Здоровье и ум — такие качества, которые имеют немалое значение в жизненной борьбе, и если собак предоставить самим себе, они вымрут все, за исключением дворняжек».

Конечно, это вовсе не значит, что, предоставив ринг дворняжкам и продемонстрировав, что каждая из них по-своему красива, каждая из них может быть не менее преданна и привязана к хозяину, чем любая высокопородная собака, мы призываем всех завести дворняжек. Нет. Но мы очень хотим, чтоб люди поняли: дворняжка — собака. И собака настоящая! Это тоже «достойный член человеческого общества», если «человеческое общество» не выбрасывает их за борт!

Ну, а что касается всяких болезней, всякой заразы, которую якобы разносят дворняжки, то это — очень большое преувеличение. И, соблюдая элементарные правила гигиены, опасность заразиться можно практически свести к нулю.

Но опасность все-таки есть. Однако заразится лишь тот, кто предает собаку, — он заразится опаснейшей болезнью души. Называется эта болезнь — черствость, эгоизм, жестокость. Часто такие болезни бывают неизлечимыми и дают очень тяжелые осложнения.

КОШКИ

В отличие от собак, парад кошек будет значительно короче. Не потому, что кошек меньше на земле. А потому, что они, во-первых, более однозначны: собаки — и сторожа, и охотники, и спасатели, и так далее. Кошки — только мышеловы. Во-вторых, собаки очень разнообразны и внешне, кошки в принципе более однородны. Конечно, кое-какие отличия есть, особенно в окраске и длине шерсти.

С кошками никогда не велась серьезная селекционная работа. И потому, что дело это очень трудное (все-таки кошки очень своенравны, за ними нелегко уследить), и потому, что собаки выводились для разных целей, у кошки было всегда одно предназначение. И в таком виде, в котором она пришла к человеку, кошка его вполне устраивала. Тем не менее какие-то породные группы есть, есть, видимо, и кошачьи расы.

Не случайно же в Англии в 1871 году состоялась первая в мире выставка кошек, на которой было представлено более 300 живых экспонатов. Через сто лет на выставке в Англии демонстрировалось уже 500 кошек. Не 300 и тем более не 500 пород. А просто самых разных кошек.

На нашем параде — назовем его тоже выставкой — мы покажем гораздо меньше кошек, покажем лишь тех, которых многие ученые все-таки считают представителями определенных пород. (Другие ученые считают, что это — просто разновидности.)

Глобально кошки разделяются на длинношерстных и короткошерстных. Короткошерстные кошки — не название породы. Это, скорее, беспородные (за некоторым исключением), это те, которые распространены во всех странах Европы и Азии, те, которые живут в домах и бродят по улицам без всякого присмотра, те, которые живут в амбарах, сараях, подвалах, на чердаках. Ну, в общем — самые наши знакомые кошки.

Короткошерстные кошки очень разнообразны по окраске: есть бе-

лые и черные, рыжие и серые, трех- и четырехцветные (причем такими бывают только кошки — четырехцветных котов не существует), но особенно много пятнистых, двухцветных. Цвета варьируются в самых разнообразных комбинациях — например, белая с черными пятнами, черная с белыми, белая с рыжими и рыжая с белыми пятнами, есть черные с рыжими пятнами и белые с серыми. Пятна могут быть большие, и небольшие, и совсем мелкие. Есть кошки полосатые (тигровые, причем и фон тоже может быть разнообразным — и серым, и рыжим).

Различаются кошки и по величине. Не просто — одни побольше, а рядом — чуть поменьше. Нет, кошки, живущие в северных районах, вообще покрупнее, они более ширококостные, голова у них крупнее, а шерсть гуще. Кошки, живущие в южных районах, мельче, шерсть у них короче и реже, голова тоже относительно меньше туловища, чем у кошек, живущих на севере. Однако закономерности — чем жарче, тем шерсть реже — не прослеживается. Правда, в Кении, где очень жарко, есть совершенно безволосые, так называемые кенийские кошки — то ли это порода, то ли разновидность, то ли кто-то специально занимался выведением таких кошек, то ли сами они в конце концов превратились в таких безволосых — неизвестно.

Но если кенийская кошка — существо неясное и мало распространенное, то сиамская — это уже явно представительница особой породы, уже достаточно широко распространена по всему миру. (Одна из немногих ясно выраженных пород гладкошерстных кошек.)

О сиамской кошке рассказывают много легенд. Например, утверждали, что они охраняли сокровища в буддийских храмах, стоящих среди джунглей Таиланда (так теперь называется Сиам), что они были единственными товарищами заточенных в храмах принцев и принцесс. Но это сейчас проверить, конечно, невозможно. Даже более поздние сведения об этих кошках покрыты тайной: одни утверждают, что название сиамская — выдуманное и никогда в Сиаме эти кошки не жили, другие (и таких большинство) считают, что они родом именно из Сиама. Французский журнал «Ля ви де бет» даже рассказывает, как эти кошки попали в Европу: их подарил король Сиама на память бывшему британскому консулу, когда тот уезжал на родину, и от этой пары пошли все сиамские кошки, которые сейчас распространены во многих европейских странах. Однако и это — не очень точные сведения. Точно известно лишь то, что впервые они были показаны в Лондоне в 1884 году на очередной кошачьей выставке и что это — одна из немногих явно выраженных пород гладкошерстных кошек (и вообще — одна из немногих пород), выведением которой люди занимались всерьез. За сто лет англичане значительно изменили облик сиамских кошек (позже этими кошками серьезно стали заниматься и в Германии) — вывели много разновидностей, отличающихся друг от друга по общей окраске и по цвету пятен на морде — «маске», на ушах и лапах. Но какой бы расцветки сиамские кошки ни были — у них есть общие, характерные для всей породы, признаки: треугольная мордочка, голубые глаза, продолжающий линию лба прямой нос, клиновидная голова, длин-

ное тело и задние ноги значительно длиннее передних. У всех сиамских кошек котята рождаются совершенно белыми, с красными глазами, которые лишь в трехмесячном возрасте становятся голубыми. В этом же возрасте или чуть позже меняется и окраска, появляются характерные для этой породы темные отметины.

Характер у сиамских кошек довольно сложный. Вернее, становится сложным, если ее плохо воспитывать, — она не терпит шума и гама, не любит суматохи, и ее артистичная натура требует доброго и ласкового обращения. Выросшая в неподходящей для нее обстановке, сиамская кошка может стать недоверчивой, злой, угрюмой. Воспитанная же в подходящей обстановке, она ласковая, нежная, преданная, любящая хозяина чуть ли не по-собачьи и даже готовая броситься на его защиту, если ей покажется, что хозяину грозит опасность.

Наиболее распространенная сиамкая кошка имеет короткую шерсть. Но есть сиамская кошка и длинношерстная. Несмотря на разный шерстный покров — это кошки несомненно одной породы. А вот длинноволосые ангорские кошки — представители другой породы. Предки ангорских кошек неизвестны — имеются различные мнения на этот счет. Но известно, что происходит она из Малой Азии и названа в честь города Ангора (теперь это — Анкара).

Ангорские кошки окрашены одноцветно — белые, красные, дымчато-серые, изредка встречаются черные. Шерсть у них длинная, и это придает кошкам какой-то вальяжный и несколько ленивый вид, что подчеркивается еще и ее медлительностью. У ангорских кошек довольно короткие лапы и маленькая голова, отчего туловище кажется непропорционально удлиненным. На щеках — длинные бакенбарды, на ногах — длинные волосы, образующие «штаны». Хвост очень пушистый.

Ангорских кошек еще называют персидскими (в нашей стране так их называли, потому что попадали они к нам с персидскими кораблями через Астрахань).

У всех кошек торчащие уши. И лишь у представителей одной породы уши висят. А поскольку основное место ее разведения — Китай, то полное имя — китайская вислоухая кошка. Это сравнительно крупная кошка, большей частью рыжая. Келлер считает, что висячие уши — «дело рук» человека: в результате селекции и отбора китайцы вывели именно таких кошек.

Если для китайских кошек наиболее характерный или, по крайней мере, наиболее бросающийся в глаза признак — висячие уши, то для кошек с острова Мэн (так называемых мэнских) характерен короткий хвост или отсутствие его. Кошки эти считаются некрасивыми — портят их непропорционально-длинные задние ноги. Но жителям острова, расположенного в Ирландском море, видимо, нравятся эти кошки, раз они вывели их. А может быть, им импонирует необычное поведение этих животных — в частности, их любовь к воде, их способность ловить рыбу. Может быть.

Кстати, насчет воды и рыбы. Известно, что рыбу кошки любят, а воду не переносят. Кто не видел, как кошка, случайно ступив в лужу, как-то брезгливо поднимает и отряхивает лапу. Однако это характерно не для всех кошек. Известно немало кошек-

рыболовов, которые с удовольствием ловят рыбу: сидя на берегу, «подчерпывают» приблизившуюся к берегу рыбешку своей когтистой лапой. Но есть кошки, которые плавают и ныряют за рыбами.

А на одном из необитаемых островков в Тихом океане в норах живет огромное количество кошек, которые питаются исключительно рыбой (больше им есть нечего). При этом они устраивают коллективную охоту на рыбу, заплывают далеко в море. Однако это — не признак породы. Кошки на остров, видимо, попали с какого-то корабля — это обыкновенные домашние одичавшие кошки. «Любители-рыболовы» тоже обыкновенные кошки, даже неодичавшие. Просто они любят рыбу или их увлекает сам процесс рыбной ловли.

Еще одна порода — сибирские кошки. Однако происходят они не из Сибири — туда кошки попали поздно и выведением пород в Сибири никто не занимался. Просто плотная густая шерсть и густой подшерсток (возможно, появился он у кошек, живших в достаточно суровых условиях) делают эту кошку пушистой и на вид «морозоустойчивой». Это действительно так, хотя сибирские кошки относятся к гладкошерстным (как и сиамские), а не к длинношерстным, как ангорские.

Кроме основных пород, которые представлены здесь, на нашей выставке, и которые признаются большинством любителей и специалистов, есть еще несколько не общепризнанных. Мы уже говорили о кенийской кошке.

На острове Сардиния выведена очень красивая по окраске кошка, названная почему-то абиссинской.

Во Франции существует короткошерстная кошка — бирманская, а в СССР, точнее, на юго-востоке страны — длинношерстная, несколько похожая на ангорскую, только более мелкая — бухарская кошка.

На нашей выставке мы можем увидеть картзейскую голубую кошку и короткохвостых — голландскую, мадагаскарскую, кохинхинскую.

Есть и другие породы (или разновидности) кошек. Но большинство живущих на земле — это либо обычные гладкошерстные домашние, либо помеси. Но все они — красивые, грациозные и вполне могут участвовать в нашей выставке.

ЛОШАДИ

Парад лошадей мы будем принимать на манеже. Здесь лошади спокойно и не торопясь пройдут перед нами, и мы сможем посмотреть на них. Ах, как хотелось бы, наверное, некоторым рвануться вперед, пробежать перед нами рысью или проскакать галопом! Впрочем, многих мы уже видели в работе в первой части — ведь сейчас пройдут лошади тех пород, которые участвовали в сражениях и мчали гонцов, которых запрягали в тройки и в экипажи, которые возили различные грузы и которые принимали и принимают участие в скачках и бегах. Пройдут и «просто лошади» — лошади не высоких кровей и не знатных родов. Просто лошади, без которых люди не могли обойтись, которые нужны людям и сейчас.

Но прежде чем начать парад, надо сказать следующее: в параде будут участвовать лошади самых различных цветов. Однако при определении цветов лошадей мы должны при-

держиваться особых правил, поскольку мы теперь не просто зрители, а в какой-то степени уже и специалисты. А специалист никогда не скажет «цвет лошади», а скажет — «масть». Это во-первых. Во-вторых, если неспециалист может себе позволить сказать, что лошадь, допустим, черная, то специалист этого себе никогда не позволит. Он уверен, что черной лошади не бывает — бывает вороная. То есть вороные лошади, конечно, тоже черные, но правильнее говорить: вороной масти.

Кроме того, цвет гривы и хвоста часто отличается от основного окраса. И это тоже зафиксировано в названии масти. Так что масть — это не только какой-то определенный цвет или общее сочетание цветов — это еще и общая окраска лошади, плюс цвет хвоста и гривы.

Итак — перед нами могут пройти черные лошади (вóроные!). Вороными называются лошади, у которых грива и хвост черные и туловище покрыто черными волосами. А вот вороная в загаре — это лошадь, у которой концы волос несколько отличаются по цвету: они как бы порыжели. К разновидностям черных лошадей относится и караковая: черная вся, только в определенных местах — в паху, вокруг губ и глаз — волосы рыжие или коричневые. (Такие более светлые пятна у лошадей, как и у собак, называются подпалинами.)

Следующая масть — рыжая. Тут все ясно. Скажем лишь, что рыжая масть может быть и темной и светлой.

А вот рыжая, но с черным хвостом и гривой лошадь (кроме того, у нее черными могут быть и «чулки» — нижние части ног) называется уже «гнедой». Еще одна рыжая лошадь, но хвост и грива у нее гораздо светлее, а подпалины на морде и в паху — темнее. Лошадь такой масти называется «каурой».

Буланая — это желто-песочная лошадь с черным хвостом, гривой и ногами.

Соловые лошади по цвету похожи на буланых (могут быть и светлее), а хвост и грива — совсем светлые (могут быть даже белыми).

Саврасая. Это лошадь гнедой или буланой масти, но верхняя ее часть окрашена темнее, нижняя — светлее (бывает и белой), а грива и хвост — напротив, темные, чаще всего — черно-бурые.

Серая — понятно. Но часто говорят — серая в яблоках, серая в гречке. В яблоках — это серая, покрытая темными крупными пятнами, в гречке — мелкими (с гречишное зернышко).

В яблоках бывают лошади, которые называются «игреневыми». Они шоколадного или светло-шоколадного цвета (тогда называются «светло-игреневой») с белой гривой и хвостом. Мышастая — тоже серая. Но если обычной серой такой цвет придают смешанные черные и белые волоски, то у мышастой волосы действительно серые все (цвета золы или пепла), а хвост, грива и полоса вдоль спины («ремень») — черные.

Если у мышастой имеются на морде и в некоторых других местах желто-коричневые или рыжие пятна, она называется «мухортой».

У пегой лошади на любом фоне — большие, неправильной формы белые пятна.

Если же пятна черные (могут быть и других цветов), небольшие, разбросаны по белому фону — это уже не пегая, а чубарая.

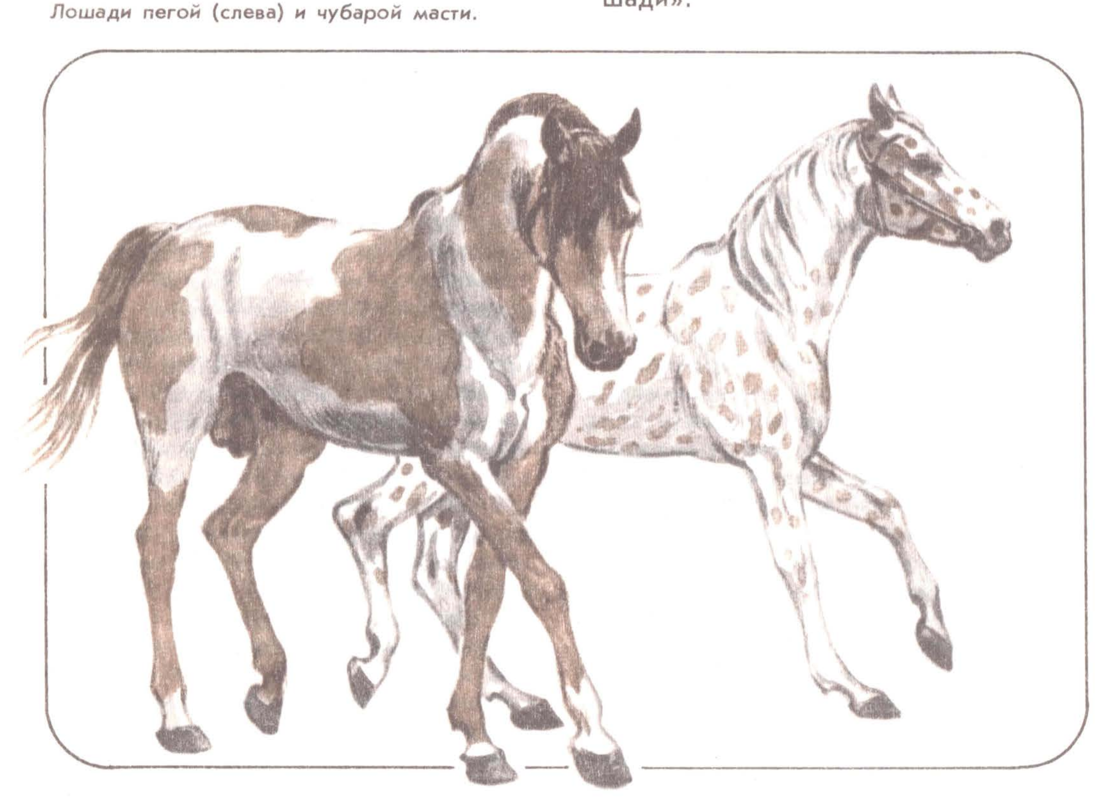
Есть и другие масти. Но мы привели наиболее распространенные.

Ну, а теперь — парад лошадей.

Первыми по традиции пройдут две породы — арабская и чистокровная верховая (ее часто до сих пор называют английская чистокровная). Потом пойдут чистопородные. Разница в том, что чистопородные соответствуют всем признакам и требованиям породы. Но выведены эти породы благодаря смешению кровей других пород. И прилитие крови тех же арабских или английских лошадей улучшает качества новой породы.

А вот чистокровные — иное дело: потомки этих лошадей, полученных от скрещивания с другими породами (так называемые полукровки), многое теряют. Поэтому, разводя арабских лошадей, строго следят за «чистотой крови».

Вот сейчас такая чистокровная арабская лошадь и проходит перед нами. Трудно описать ее — я, во всяком случае, не берусь это сделать. Скажу лишь, что, видимо, именно об этих лошадях сочиняли стихи арабские поэты. «Лошадь, кроме человека, самое очаровательное создание», — утверждают они; видимо, об этих лошадях складывали песни и легенды; о них было сказано, что и «рай земной покоится на спине лошади».



Лошади пегой (слева) и чубарой масти.

Арабская лошадь появилась в VII веке — захватив множество земель, арабы получили возможность отбирать лучших лошадей, имевшихся в Персии и в Египте. Из этих лучших, самых лучших лошадей и начали формировать эту породу.

Мы уже говорили, что лошади — «дети степей»: именно в степях человек впервые приручил лошадь, именно там появились первые коневоды и селекционеры. И именно степи с их просторами и травами, казалось бы, были лучшим местом для жизни лошадей. Наверное, так и есть. И тем не менее одна из самых удивительных лошадей была выведена в самых неподходящих условиях — в пустынях Аравийского полуострова. Конечно, не в песках — в пустынях Аравии имелось достаточно оазисов, достаточно пищи и воды для лошадей. Это были все-таки не степи. Поэтому лошадей значительную часть времени содержали в конюшнях. Естественно, в конюшнях великолепных (многие лошади вообще содержались при дворцах), естественно, уход за ними был идеальный (купание в родниковых водах, самый тщательный туалет), естественно, кормили их так, как не кормили лошадей нигде (отборным зерном, верблюжьим молоком). Благодаря всему этому лошади вырастали прекрасными по экстерьеру (то есть по внешнему виду). Но какие же могут быть рабочие качества у этих избалованных и изнеженных лошадей? Однако во время войн (а войны были в те времена на Востоке очень часто) эти лошади показывали чудеса выносливости и неприхотливости!

Перед нами пройдут все разновидности арабских лошадей. Их три. Вот идет очень красивая, ну просто идеальная лошадь светло-серой масти. Это сиглави. Она — меньше других, и, как говорят специалисты, легче в костяке. Другая разновидность, гнедой масти, — кохейлан — повыше и покрепче сиглави, но не так идеально красива. И, наконец, самая сильная, крупная и выносливая из всех арабских лошадей — хадбан. Это лошадь рыжей масти. Арабские лошади бывают иногда и других мастей, но наиболее типичные именно те, которые прошли сейчас перед нами.

Именно на таких лошадях атаковали арабы неуклюжих рыцарей и именно за этими лошадьми стали «охотиться» европейцы.

Однако заполучить арабского скакуна было очень трудно: вывозить этих лошадей из стран исламского мира категорически запрещалось. Так продолжалось долго, но арабские скакуны в конце концов все же попали в Европу.

Теперь и в Европе, и на других континентах имеется достаточно арабских лошадей, ставящих рекорды резвости, силы, выносливости. Так, например, в США арабский жеребец в соревнованиях на скорость пробега по пересеченной местности (а тут важна не только и даже не столько резвость, сколько сила) прошел за 12 часов 16 минут дистанцию в 160 километров. В Австралии арабский жеребец прошел то же расстояние за 11 часов 24 минуты. Правда, здесь нельзя говорить об абсолютных рекордах: ведь условия в разных местах обязательно отличаются — лошади никогда не бывают в одинаковом положении. Но о рабочих качествах этих лошадей в данном случае говорить, конечно, можно — их результаты свидетельствуют и о силе и о резвости.

А вот другой пример выносливости арабских лошадей: английский ученый Фрезер проехал на лошади этой породы 2650 километров всего за 18 дней.

Теперь показатель быстроты (впрочем, и выносливости тоже): в 1952 году в СССР арабский жеребец Намет прошел пятидесятикилометровую дистанцию за 1 час 38 минут.

Арабские лошади сами по себе представляют большую ценность. Но «заслуга» их еще и в том, что благодаря им была выведена вторая чистокровная порода — самая резвая в мире — чистокровная верховая. Вот она проходит перед нами.

О происхождении этой лошади известно много, и в то же время трудно отделить легенды от истины.

Одни считают, что родоначальником английских лошадей был знаменитый Годольфин Барб, о котором рассказывают особенно много легенд.

Доподлинно известно, что правитель Туниса подарил французскому королю Людовику XV несколько лошадей. (Когда это произошло — вопрос спорный: одни утверждают, что в 1730 году, другие — в 1760-м.) Среди этих лошадей был один жеребец, никого не подпускавший к себе. Далее судьба этого коня имеет несколько версий — по одной, он был продан какому-то маркизу, в свою очередь тот продал его еще кому-то, потом лошадь еще несколько раз продавали, пока она не оказалась у извозчика. А дальше — как в святочном рассказе, которые любили печатать дореволюционные газеты и журналы под рождество: несчастную, голодную, худую лошадь увидел на улице какой-то лорд, сразу оценил ее, купил, отвез в свое имение, и там лошадь стала такой же прекрасной, как была когда-то.

От этого жеребца пошли все английские чистокровные лошади.

По другой версии, этот арабский конь прибыл в Париж вместе со своим немым конюхом Агабой. (Кстати, легенды окружают не только лошадь, но и этого конюха.) Французы не оценили Шама — так звали лошадь: для них, привыкших к массивным рыцарским лошадям, Шам был слишком малорослый, горячий и нервный. Сначала его запрягали в повозку (к чему Шам был совершенно не приспособлен), а потом вовсе избавились от него. Начались злоключения лошади (а вместе с ней и верного Агабы): она переходила от одного владельца к другому, терпела голод, холод, побои, ее мучили и над ней издевались. Но — опять-таки счастливый случай помог лошади: о Шаме узнал крупный английский конезаводчик лорд Годольфин и купил его. Пройдя еще через много испытаний, лошадь эта в конце концов добилась признания: три ее сына показали удивительную резвость на состязаниях.

Правда, кроме Шама (после признания он получил имя Годольфин Барб — по фамилии своего владельца), в создании чистокровной верховой породы участвовали и другие арабские лошади — в частности, потомки захваченного во время нашествия турок на Европу в 1683 году жеребца, получившего впоследствии имя своего нового владельца Беверли, и потомки жеребца Дарли Арабили, купленного в 1706 году в Сирии английским консулом Дарли (и в данном случае — фамилия владельца стала именем лошади).

Считается, что эти три лошади стоят у истоков и знаменитой чистокровной верховой породы, которая окончательно сформировалась в конце XVIII века. И среди ее родоначальников, кроме сыновей знаменитого Шама, был и сын жеребца Дарли, имя которого до сих пор не забыто.

Звали эту легендарную лошадь Эклипс. С точки зрения знатоков и ценителей экстерьера, Эклипс был не красавец, бежал он тоже как-то не «классически». Тем не менее не было ни одного соревнования, где бы Эклипс не пришел к финишу первым.

Когда после смерти лошадь анатомировали (Эклипс умер в 1789 году в возрасте 25 лет), то даже видавшие виды специалисты были поражены: сердце Эклипса весило более шести килограммов, в то время как обычно у скаковых лошадей оно весит примерно килограммов пять. У других лошадей (не чистокровных) вес сердца не превышает четырех с половиной килограммов. Советские ученые установили, что это, как и объем легких (в покое лошадь выдыхает 40 литров воздуха, во время быстрых аллюров — 2000 литров), как и количество крови, как и содержание в ней эритроцитов и гемоглобина, — физиологические свойства чистокровных лошадей.

Конечно, английская чистокровная лошадь давно уже перешагнула границы Великобритании, сейчас они разводятся во многих странах, в том числе и в нашей стране.

Ну вот, прошли рыжие, караковые и гнедые английские чистокровные верховые, и на манеже теперь — золотисто-рыжие, золотисто-буланые, золотисто-гнедые ахалтекинцы.

Когда шли арабские лошади, казалось, что красивее и совершеннее их нет. Потом пошли английские чистокровные, и стало ясно, что у арабских есть соперники. Но вот появилась ахалтекинская порода, и уже трудно сказать, какие лошади самые совершенные — те, что прошли, или те, которые проходят сейчас.

Когда-то на Руси были знаменитые лошади — их воспевали в песнях и сказаниях. Назывались они «аргамаки». Сейчас мы называем их ахалтекинцами, потому что выведены они в оазисе Ахал-Теке, а создатели их — представители маленького племени теке, жившего на территории теперешней Туркмении.

Много веков создавали, совершенствовали текинцы своего коня, отбирая лучшие качества у персидских и египетских, ассирийских и варварийских лошадей. (Оазис лежал на перекрестке торговых путей, и текинцы имели возможность покупать лошадей.) Много сил и выдумки потратили они на то, чтоб воспитывать и выращивать лошадей. У текинцев не было возможности держать большие табуны — ведь ни лугов, ни степей в их распоряжении не имелось. Туркмены-теке воспитывали каждую лошадь в отдельности, кормили ее с рук зерном, ухаживали, как за самым близким существом. (Впрочем, конь у них был фактически членом семьи.)

Но, как и арабских коней, такое воспитание не избаловало ахалтекинцев. Они могут и голодать, если приходится, могут и пятидесятиградусную жару перенести легко, и без воды обходятся дольше, чем другие лошади. И при этом не уступают в резвости чистокровным арабским, а иногда и английским. Они и прыгуны

отличные: рекордный прыжок ахалтекинца (на сегодняшний день) — 8,72 метра в длину и 2,12 — в высоту.

Донские казаки пользовались разными лошадьми — часто привозили они из походов и карабахских и персидских и других восточных лошадей, которых называли аргамаками. А на Дону были в основном ногайские лошади — крепкие, выносливые, честно служившие казакам. Но ведь как говорят: лучшее — враг хорошего. Так почему бы не улучшить эту самую ногайскую лошадь, если появились и аргамаки? И вот началось выведение новой породы. Официально Платов — будущий герой войны 1812 года — организовал первый на Дону конезавод. В начале XIX века порода уже сформировалась и получила название «донской». Она сочетает в себе лучшие качества своих предков — выносливость, силу, быстроту. Не случайно же именно донские были в основном в кавалерии в русской армии, а сейчас их активно используют в спортивных состязаниях. Лошади эти очень выносливые и сильные — как пример можно привести рекорды двух дончаков, которые — один в 1947-м, другой в 1948 году — прошли за сутки почти триста километров, причем последние 4600 метров они промчались за 8 минут!

Вот они, дончаки — рыжей и бурой масти, — сейчас проходят перед нами.

Вслед за ними идут тоже рыжие и тоже дончаки. Но это уже не донская, а буденновская порода. Она еще очень молода — официально зарегистрирована лишь в 1949 году, но уже успевшая «сменить специальность»: выведены эти кони были как верхово-упряжные. Но так как сейчас на полях у них работы нет, превратились в отличных спортивных лошадей.

Атаман войска Донского Матвей Иванович Платов (1751—1818).

Когда-то, еще во времена ковбоев, в Америке стали очень популярны соревнования в гонке на четверть мили (400 метров). Видимо, родились эти соревнования потому, что короткий быстрый рывок нужен был ковбоям в каких-то их ковбойских делах (отнюдь не киноковбойских, где ковбой только и делает, что гонится за кем-нибудь и стреляет в кого-нибудь, а в настоящих их делах — ведь «ковбой» в переводе значит «коровий мальчик», «пастух»). Сначала использовались мустанги (мы уже говорили об этом), а потом были выведены специальные «четвертьмильные» лошади, которые умеют прямо с места брать в галоп и на полном скаку останавли-

ваться как вкопанные, умеют ловко маневрировать, а на «своей» дистанции (400 метров) развивают скорость не меньшую, чем английская чистокровная.

Называется эта порода квотерхоз.

Еще одна американская порода — морган (по фамилии владельца того жеребца, который стал родоначальником породы). Не удивляйся, что три лошади этой породы, которые сейчас проходят перед нами, так непохожи друг на друга. За двести с небольшим лет, прошедших со времени появления этой породы, появились три ветви морганов: легкоупряжных рысаков, верховых и рабочих лошадей. Но все они — небольшие, крепкие, широколобые. Масти большей частью рыжие и гнедые.

Порода морган разделилась на три типа — «по специальности». А вот сейчас настала очередь лошади, которая совмещает в себе несколько специальностей, которая, как говорили когда-то в народе, годится «и под воду и под воеводу». Конечно, воду на этих лошадях не возили, да и воеводы вряд ли ездили. Но что лошадь годится и под седло и в упряжку — это факт. Называется эта лошадь орловский рысак.

Во второй половине XVIII века граф Алексей Орлов был фигурой очень приметной: участвовал в убийстве царя Петра III, помогал водворению на престол его жены Екатерины Второй, командовал флотом во время русско-турецкой войны и за блестящую победу, которую русский флот одержал над турками, граф к своей фамилии прибавил вторую — Чесменский (победа была одержана в Чесменской бухте). Но настоящую славу принесла ему не «прибавка» к собственной фамилии, а, наоборот, прибавка собственной фамилии к лошади. Ведь о Чесменской победе сейчас известно лишь специалистам, орловских же рысаков знают, наверное, все.

Орловские рысаки, как и многие породы лошадей, имеют четкую историю, известна и генеалогия лучших представителей породы. (Даже генеалогия лучших ахалтекинцев — во всяком случае, многих из них — известна, хотя неграмотные тогда туркмены не могли записывать родословную своих лошадей. Но они заучивали ее наизусть. И лишь в 1927—1928 годах советский коневод К. И. Горелов собрал устные предания, наметил основные племенные линии — то есть проделал титаническую работу, чтоб поставить коневодство на научную основу.) С орловскими рысаками проще — их история не уходит в далекую древность; она начинается с конца XVIII века. Правда, самое начало ее несколько туманно.

Существует версия, что во время войны Орлов захватил в плен турецкий корабль. Корабль русские оставили у себя, а пленных отправили на родину. Турецкий паша не остался в долгу. То ли он откуда-то знал, что Орлов — владелец самого большого в Европе конного завода, где содержалось около трех тысяч отборных лошадей, то ли знал, как высоко ценятся породистые лошади в России, но так или иначе, за своих приближенных паша прислал Орлову подарок — двенадцать лошадей. Лошади были все как на подбор, но особенно выделялась одна, белая.

Есть и другая, более прозаическая версия появления у Орлова белого жеребца, которому суждено было

Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1737—1807/8).

прославить графа: он купил его за огромные деньги. Затем, как повествует легенда (а может, это так и было), жеребца, получившего за свой белый цвет имя Сметанка, повели пешком из Турции в Россию. Сколько добирался Сметанка до села Остров под Коломной, где был конезавод Орлова, мы не знаем. Но известно, что прожил жеребец там недолго — всего один год. Через год он заболел и умер. Однако остались у него сыновья. От сына Сметанки Полкана I появился удивительный жеребенок Барс I, очень походивший на своего деда Сметанку. От него и от других сыновей и внуков Сметанки благодаря скрещиванию их с арабскими, датскими и голландскими лошадьми и появилась знаменитая порода орловских рысаков.

Отличаются они многими качествами. Они красивы, легки и быстры как верховые. Но верховые плохо идут в упряжи. Хорошо идущие в упряжи часто бывают недостаточно быстры. А вот орловские рысаки и быстры, и сильны, и красивы! Недаром же эта порода сейчас — одна из самых популярных в мире.

Сметанку привели (или привезли) под Коломну. Но вскоре Орлов перевел свой конезавод в Воронежскую губернию. Там-то и началось фактически выведение орловских рысаков. И занимался им крепостной графа Орлова В. Шишкин, который, по сути, и вывел этих рысаков, принесших славу графу.

Там же, на этом конезаводе, стоявшем на реке Битюг, стали выводить и тяжеловозов, получивших название битюги.

Они проходят на нашем параде впереди других тяжеловозов (пусть уж, раз они «земляки» с орловскими рысаками). Но по справедливости надо было бы пустить вперед старейшую породу тяжеловозов — брабансонов — так назвали их по имени бельгийской провинции Брабант, где находился этот завод.

Огромные и могучие, самые крупные среди лошадей (средний рост брабансона 167 сантиметров, рекордный рост зарегистрирован в 198 см, вес — в 1304 кг), они медлительны и добродушны, как и полагается быть силачам. Когда-то выращивали их для рыцарей. Но рыцари ушли в прошлое, а брабансоны остались. И потомки рыцарских лошадей сейчас заняты самым мирным трудом — земледелием.

Кроме роста, у бельгийского тяжеловоза есть еще одна особенность: лошади эти быстро «мужают»; для других лошадей два года почти жеребячий возраст, брабансоны же в этом возрасте уже возят достаточно тяжелые телеги и фургоны.

Першероны тоже тяжеловозы. Но, в отличие от бельгийских, более резвые и темпераментные. Выведены в начале XIX века во французской провинции Ла Перш.

Англичане тоже имеют своих тяжеловозов — шайров. Ростом они лишь немного уступают брабансонам, весом почти такие же: весят более тонны.

В Шотландии, на реке Клайд, была выведена порода могучих лошадей, получивших название клейдесдали.

Но если шайры — одна из старейших лошадей Англии и один из старейших (если не самый старый) тяжеловозов Европы, то советские тяжеловозы, пожалуй, самые «молодые» — порода официально утверждена лишь в 1952 году. Но, несмотря на «молодость», именно эта порода дала непревзойденного пока рекордсмена мира Форса, который на расстояние 35 метров перевез груз весом 22 тонны 991 килограмм!

Конечно, это не значит, что до появления советских тяжеловозов в нашей стране таких пород не было. Напротив, лошади тяжелого, богатырского сложения давно существовали на Руси. Издавна подбирались наиболее могучие кони для ратного дела, а при Иване Грозном уже был организован специальный завод (на севере от Москвы, близ Гаврилова-Посада), где разводили исключительно крупных лошадей.

С развитием капитализма в России, с появлением фабрик и заводов конный транспорт стал необходим, особенно в промышленных центрах. И в разведении тяжеловозов начали специализироваться целые уезды. Привозились тяжеловозы и из-за границы. От скрещивания английских и шотландских тяжеловозов с лошадьми местных пород были получены владимирские тяжеловозы — гнедые могучие лошади с белыми отметинами на лбу и на ногах.

Ну, коль скоро перед нами прошли самые сильные и самые крупные лошади, то мы должны хотя бы мельком посмотреть и на самых маленьких лошадок.

Пони. Да, пони.

Специалисты насчитывают около тридцати пород маленьких — высотой от 75 до 110 сантиметров — лошадок: шотландская, сицилийская, ирландская, исландская, готландская и другие. Название всех пород непременно связано с названием островов. Недаром же этих лошадок называют «островными». Да, они появились на островах. Но появились, конечно, не сами по себе. Предками пони были обычные лошади.

Когда-то эти лошади были завезены или попали другим путем на острова. Например, существуют предания, что несколько лошадей спаслись во время кораблекрушения и оказались на необитаемом острове. Через какое-то время, когда люди прибыли на остров, их встретило стадо низкорослых лошадок. Почему они стали низкорослыми?

Если познакомиться с природой островов, на которых появились и до сих пор живут пони, то нетрудно понять: природа здесь суровая. Растительность скудная, да и ее было не очень-то много. Лошади жили впроголодь. Уже одно это многое значи-

ло. А ведь еще и другое очень важно: на острова новых лошадей не завозили, так что притока свежей крови не было, поэтому скрещивались близкие родственники. А это приводило к измельчанию животных.

Но у жителей островов выбора не было, и им пришлось пользоваться маленькими лошадками. Однако очень скоро выяснилось, что эти малыши даже удобнее, чем рослые лошади. Они прекрасно ходят по узким каменистым тропинкам и горным склонам, они нетребовательны и неприхотливы, к тому же выносливы, работящи, добры, послушны.

Прошло время, и маленькие лошадки появились на континенте. И тут они нашли подходящее дело. Например, их использовали в шахтах. Но главное — пони стали любимцами детей всех стран. И не только прокатиться — погладить, даже просто посмотреть на этих маленьких лошадок большое удовольствие для ребят!

Оценив пони, люди всерьез занялись селекцией, выведением новых пород. В ряде стран появились «собственные» пони, выведенные с учетом местных условий. Эти маленькие лошадки обладают удивительной силой и выносливостью. Правда, в соревнованиях на ипподромах или в конку́рах они не участвуют, но рекорды поставить могут. Для этого не нужны соревнования — достаточно посмотреть пони в работе. Ну, а уж если говорить о зафиксированных примерах силы и выносливости этих лошадей, то можно вспомнить маньчжурского пони, который в начале нашего века под всадником прошел более шести тысяч километров, причем на пути его были и горы и пустыни, днем солнце палило так, что столбик термометра поднимался до 50-градусной отметки, ночью опускался ниже нуля. И тем не менее лошадка выдержала эти испытания, пройдя весь путь за 176 дней.

Однако пони — не самые маленькие лошадки сейчас. Лет сто пятьдесят назад в Аргентине начали выводить мини-лошадок. Разведение их идет медленно, но успешно: сейчас уже существуют лошадки, вес которых не превышает 25 килограммов, а рост — 50 сантиметров! Конечно, их еще мало (хотя и в других местах сейчас пытаются выводить лошадей-лилипутов), и пока никакой практической пользы они не приносят. И неясно, какая от них вообще может быть практическая польза, хотя лошадки эти для своей величины и сильны и выносливы. Но разве только в практической пользе дело? Разве не чудо — лошадка ростом со среднюю собаку? Пусть на ней нельзя ездить верхом или перевозить груз. Но может быть, эти лошадки станут когда-нибудь такими же друзьями людей, как декоративные собаки, друзьями, понимающими своего хозяина и готовыми идти за него в огонь и в воду? Ведь лошадь способна на это!

Сейчас на нашей планете насчитывается примерно 250 пород лошадей. Конечно, все они перед нами пройти не могут. Даже те породы, которые имеются в нашей стране, тоже не пройдут перед нами — их ведь около шестидесяти. (Только за годы Советской власти выведены русская рысистая, торийская, латвийская, литовская тяжелоупряжная, терская, кустанайская, новокиргизская, украинская, кушумская, англо-кабардинская, упоминавшийся уже советский тяжеловоз и другие.)

Бурятская аборигенная лошадка — самая низкорослая в нашей стране.

Мы показали здесь лишь отдельных представителей разных ветвей лошадиного племени.

Ахалтекинцы и арабские лошади— представители одной, будем считать, первой ветви.

Неутомимые дончаки и выносливые казахские лошади — представители второй ветви.

Третья ветвь — верхово-вьючные горные лошади, незаменимые в горах. Это они безошибочно выбирают нужный путь в сложных условиях, на них вполне можно надеяться, когда они идут по узким тропинкам над ущельями и пропастями. Лучшие горные породы лошадей на Кавказе — азербайджанская, карабахская, кабардинская, мегрельская и самая, пожалуй, выносливая — тушинская, в Карпатах — гуцульская, в горах Средней Азии — локайская, карабаирская, киргизская.

Четвертая ветвь — тяжеловозы.

Пятая — северные лесные лошади, приспособленные к суровым условиям существования, к сильным морозам, глубоким снегам. Это вятская, нарымская, приобская, мезенская, бурятская, якутская породы. Они медленно пройдут перед нами. И мы поймем, что на ипподромах этим лошадям нечего делать.

Бурятская лошадь, например, самая низкорослая в нашей стране — рост ее чуть больше 130 сантиметров. К тому же она коренастая и кажется очень массивной (при своем росте выглядит поэтому неуклюжей). Действительно, бегает она плохо. Зато мало кто может сравниться с ней по выносливости.

На севере, в Якутии, давно уже работают вездеходы и автомашины. Проложены дороги, и по ним идут мощные грузовики. Но лошадь — вот эта самая, коротконогая и волосатая, большеголовая и короткошеяя, совсем не «элитная», так непохожая на своих сестер-призеров, очень нужна.

Эти лошади живут в Якутии испокон веков. Лошади не боятся морозов, поэтому им не нужны конюшни. Их не надо очень уж подкармливать — разгребут снег копытами, даже если он глубокий, даже если он смерзся — выроют яму и достанут с земли мерзлую траву. И тем будут сыты.

До сих пор живут в Якутии табуны лошадей. До сих пор не могут обойтись без них люди. И наверное, не скоро еще смогут обойтись. Если вообще смогут когда-нибудь.

Тут надо напомнить, что большинство пород лошадей, которые сейчас прошли перед нами, — созданы, то есть выведены, человеком. А так называемых лесных, к которым отно-

сится и якутская, никто специально не выводил — породы сформировались сами и существуют очень-очень давно, давно приспособились к местным условиям: они имеют густую шерсть, толстую кожу, под которой за лето накапливают по нескольку десятков килограммов жира — запасы на зиму.

В 1968 году на прииске Селерикан в толще вечной мерзлоты экскаваторщик выкопал труп лошади. Обыкновенной якутской лошадки, которая неизвестно как попала на глубину нескольких метров. Возможно, тут была яма или трещина, и лошадь провалилась. Так, наверное, решили рабочие или подумали о чем-нибудь в этом роде, и выбросили труп лошади в отвалы. И каково же было их удивление, когда ученые, узнавшие об этой находке, стали осторожно выкапывать лошадь и тщательно отыскивать ее голову — то ли экскаваторщик, не заметив, повредил труп лошади, то ли лошадь попала в яму или трещину уже в таком виде. Но голову отыскать не удалось. И очень жаль: ведь эта лошадь погибла не несколько лет назад, как предполагали рабочие, а пролежала в земле 33—35 тысяч лет. И сохранилась потому, что находилась все это время в вечной мерзлоте. Значит, жила она в те времена, когда по земле разгуливали мамонты, пещерные львы и шерстистые носороги. А рабочие спутали ее с обычной лошадью. Впрочем, это не удивительно: когда сравнили находку с типичной якутской лошадью, живущей сейчас, то увидели: за тысячи лет она совершенно не изменилась — даже длина шерсти осталась такой же!

В русской азбуке для детей, изданной в 1848 году, были такие слова: «Не наделив человека крыльями, небо взамен их даровало ему лошадь. Это — статное и красивое животное, которое с быстротой молнии переносит его с одного места на другое».

Может быть, автор имел в виду аргамаков или рысаков. Но относится это и к якутской лошади, и к обыкновенной крестьянской сивке-бурке, без которой крестьянину было не обойтись. Пусть они не призеры и не чемпионы. Они — просто лошади. И этим все сказано.

КОРОВЫ

Коровы на нашем параде пройдут по выводному кругу — так называется место, где люди демонстрируют коров на различных выставках. Коровы вообще не быстроходные животные (хотя при необходимости могут пуститься и рысью и галопом). На выводном же круге они идут особенно медленно, чтоб все успели их разглядеть.

Коровы не так отличаются друг от друга, как, скажем, собаки. Или даже лошади. Тем не менее явные отличия есть. По породам, а главное, как говорят зоотехники, по направлениям или типам. Их три: молочные, мясо-молочные (молочно-мясные) и мясные.

Всеобщее «увлечение» молоком, росшее вместе с ростом городов, появление различных продуктов из молока привело к тому, что если раньше по-настоящему ценились лишь быки (тягловая сила!), то теперь на первое место вышли коровы. А среди коров впереди всех — те,

которые дают больше всего молока. Их и пустим впереди. А первой среди них пройдет голландская.

Еще Цезарь и Тацит упоминали в своих сочинениях о замечательных коровах, которых разводят по берегам Северного моря. Наверное, они имели в виду скот, получивший впоследствии название голландского. Этими коровами люди занимались, во всяком случае, в XIII веке и добились огромных успехов — уже в XVI веке Голландия стала первой в мире страной по производству молока и затем — молочных продуктов. Голландские коровы и сейчас дают самый высокий в мире надой молока — до двадцати тысяч литров в год.

Кровь этих коров переливают многим другим породам, чтоб сделать их наиболее продуктивными. Благодаря голландским коровам появилась и наша знаменитая холмогорская.

Петр I в 1725 году закупил в Голландии большую партию скота. Коров везли через Архангельск. По каким-то причинам большинство коров (а затем и партия быков, купленная в Голландии) осталось в Архангельской губернии. Скрещиваясь с местными породами, они дали прекрасную породу, названную по имени северного русского города Холмогоры.

Но Россия — большая, Архангельск — на краю государства. Не возить же молоко и масло за тысячи верст. Конечно, в России были свои коровы, но часто — малопродуктивные и мелкие. Правда, они обладали большой выносливостью. Это качество сохранилось у новой породы, созданной благодаря скрещиванию местных пород с холмогорской. Коровы новой породы, выведенной в Ярославской губернии и получившей название ярославской, давали молоко повышенной жирности — Ярославская губерния издавна славилась своим маслом. Однако ярославские коровы знамениты и большими удоями. Именно корова ярославской породы установила мировой рекорд в 1941 году, который не побит до сих пор: за сутки она дала более 82 литров молока! Ну, это, конечно, рекорд. Но и средние ярославские коровы, как и холмогорские, дают много молока.

Ярославские коровы бывают двух мастей — обе сейчас пройдут перед нами — черная белоголовая и красная белоголовая.

Если ярославская — одна из самых старых отечественных пород молочного скота, то костромская — сравнительно молодая: официально зарегистрирована в 1945 году. Однако, несмотря на «молодость», порода уже прославилась своей продуктивностью — удои коров костромской породы не уступают надоям холмогорских и ярославских, а в совхозе «Караваево», где среднегодовые удои особенно высокие, даже значительно обогнали ярославских и холмогорских. (Ярославские и холмогорские дают в год примерно четыре с половиной — пять тысяч литров, в караваевском стаде среднегодовые надои — до шести тысяч литров.) Корове костромской породы принадлежит и наивысший пожизненный рекорд: за тринадцать лет она дала более 120 тонн молока.

А сейчас перед нами на выводном кругу — тагильская порода. Получилась она как бы случайно: на Северном Урале вокруг горных заводов были прекрасные пастбища, на которых паслись не очень-то продуктив-

ные местные породы. В разные времена на Урал завозили различные иностранные породы. Они скрещивались с местными, и таким образом постепенно возникла и выносливая и высокоудойная, очень ценная порода.

Но если тагильская порода, в общем-то, в своем распространении достаточно ограничена, то красный рогатый скот можно увидать и в Сибири, и в Поволжье, в Узбекистане и Молдавии, на Украине и в Грузии, в Азербайджане и Туркмении. Появился он в XVIII веке на территории теперешней Запорожской области и, благодаря своей неприхотливости и способности приспосабливаться к любым условиям, благодаря своей высокопродуктивности и устойчивости к болезням, быстро завоевал популярность по всей нашей стране, быстро расселился и стал самым многочисленным среди молочного скота.

Но больше всего в нашей стране симментальских коров. Это уже не просто молочные, а молочно-мясные. Впрочем, молока эти коровы дают много — до пяти тысяч литров в год — не уступают иным молочным породам.

Симментальская — одна из самых старых в мире пород, ее вывели в Швейцарии еще в V веке. В Россию она попала в середине прошлого века, широко распространилась, а от скрещивания симменталов с местными породами появились костромские, которые прошли уже перед нами, и некоторые другие.

Все прошедшие сейчас перед нами породы — молочные (за исключением мясо-молочных симменталов). Они разные по окраске, могут отличаться и по величине, но контуры тела у них у всех определенного типа: они напоминают усеченный треугольник, где вершина — относительно маленькая голова, затем — неглубокая грудь, но сильно развитая брюшная часть, широкий таз и большое вымя.

Это — контуры молочных коров. А сейчас пойдут коровы, контуры которых приближаются по форме к параллелограмму: небольшая голова, короткие ноги, широкое туловище.

Так выглядят коровы пород мясного направления. И первой среди них пройдет шортгорнская. Она была выведена в Англии в XVIII веке, когда в связи с ростом городов сильно увеличился спрос на мясо.

В те же времена в Англии были выведены герефорды — очень крупные и скороспелые животные.

Однако англичане не ограничиваются разведением и совершенствованием старых пород — они создают новые. Так, одна из самых молодых английских пород и самая скороспелая (может быть, вообще самая скороспелая среди всех представителей крупного рогатого скота) — абердин-ангусская.

С XIX века скотоводство широко развито на юге США, развито оно сейчас в Аргентине, Уругвае, Австралии.

Мясное скотоводство широко развито и в нашей стране. У нас выращены знаменитая сычевская, лебединская, алатауская породы. В их создании участвовали симменталы и швицы (швейцарские породы). Отличные мясные породы — калмыцкая и казахская белоголовая. Возможно, они и уступают другим породам, но живут-то они в очень трудных условиях — в сухих степях.

Можно продолжить наш парад.

Но, очевидно, для общего знакомства достаточно.

Однако может возникнуть вопрос — для чего люди разводят рогатый скот разных пород? Собаки — понятно: у них разное назначение, разная служба. Лошади — тоже понятно. А вот коровы? Ну есть порода, дающая много молока, и пусть остается — зачем новая?

Или мясная — тоже, если она устраивает людей, зачем выводить другие?

Ну, во-первых, люди — существа беспокойные, они прекрасно понимают, что для усовершенствования нет предела. Ведь корову фактически сделал человек: если в начальной стадии одомашнивания от коровы получали по 500—600 литров молока в год, то сейчас — тысячи, если когда-то коровы весили не более 100 килограммов, то теперь есть и такие, которые потянут и тонну.

А во-вторых, в одних природных условиях одни коровы чувствуют себя хорошо, в других — не очень. В одних дают больше мяса и молока, в других — меньше. Но сосредоточить весь скот только в тех местах, где условия благоприятные и коровы чувствуют себя хорошо, — нельзя, просто невозможно. Нашли другой выход—вывели, так сказать, идеальные породы, то есть такие, которые приспособлены к тем или иным условиям. Так появились породы, приспособленные к жизни в северных и южных районах, в степях или горах. Допустим, тот же красный скот. Он кое в чем уступает холмогорскому. Однако, если пустить холмогорских коров на те пастбища, на которых пасется красный скот, — неизвестно еще, что получится. А в горах наверное, и та и другая не смогут жить или, во всяком случае, не будут такими продуктивными. Вот почему появились десятки новых пород, и каждая порода — самая лучшая, потому что приспособлена к определенным условиям и в этих условиях дает все, что может, все, что требуют от нее люди.

Сейчас на земле более миллиарда голов крупного рогатого скота. И количество его будет увеличиваться и качество, ибо коровы очень и очень нужны человечеству.

Человек—при всем своем величии и разуме — биологический вид. Природа его биосоциальна. В своем социальном развитии человек подчиняется социальным законам, оставаясь при этом (и оставаться будет всегда) в своем физиологическом развитии видом биологическим. Поэтому продукты естественные он никогда не сможет заменить продуктами искусственными. Человек сможет нормально существовать лишь тогда, когда будет получать продукты естественные: физико-химические процессы обмена веществ, эволюционно запрограммированные, основаны именно на естественных продуктах. Искусственные добавки, предметы быта (вроде синтетических тканей, искусственного меха, фармакологии, искусственной кожи и так далее) — все это может существовать, но не как основное, а как дополнение к естественному. А естественное дают человеку, главным образом, домашние животные. И немалое место среди домашних животных в этом смысле занимают коровы.

Люди давно уже не могут существовать без коров. И не смогут существовать никогда!

А теперь
посмотри на таблицы.
На них ты увидишь многих
собак, кошек, лошадей и коров,
о которых рассказывалось
в этой книге.

СТОРОЖЕВАЯ СОБАКА.
ДРЕВНЕРИМСКАЯ МОЗАИКА.

ВОЛК

КОЙОТ

ШАКАЛ ОБЫКНОВЕННЫЙ

ШАКАЛ ЧЕПРАЧНЫЙ

БОГ С СОБАЧЬЕЙ ГОЛОВОЙ — АНУБИС.
ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЙ ПАПИРУС (фрагмент).
ШОТЛАНДСКАЯ ОВЧАРКА
(колли)
НЕМЕЦКАЯ ОВЧАРКА
(восточноевропейская)
КАВКАЗСКАЯ
ОВЧАРКА

ТАБЛИЦА 3

РИЗЕНШНАУЦЕР
ЭРДЕЛЬТЕРЬЕР
ДОБЕРМАН-ПИНЧЕР
РОТВЕЙЛЕР

НЬЮФАУНДЛЕНД-ЛЕНДЗИР
МОСКОВСКИЙ ВОДОЛАЗ
МОСКОВСКАЯ СТОРОЖЕВАЯ
СЕНБЕРНАР КОРОТКОШЕРСТНЫЙ

ВОИН С БОЕВОЙ СОБАКОЙ. ДРЕВНЕАССИРИЙСКИЙ БАРЕЛЬЕФ.

АНГЛИЙСКИЙ БУЛЬДОГ

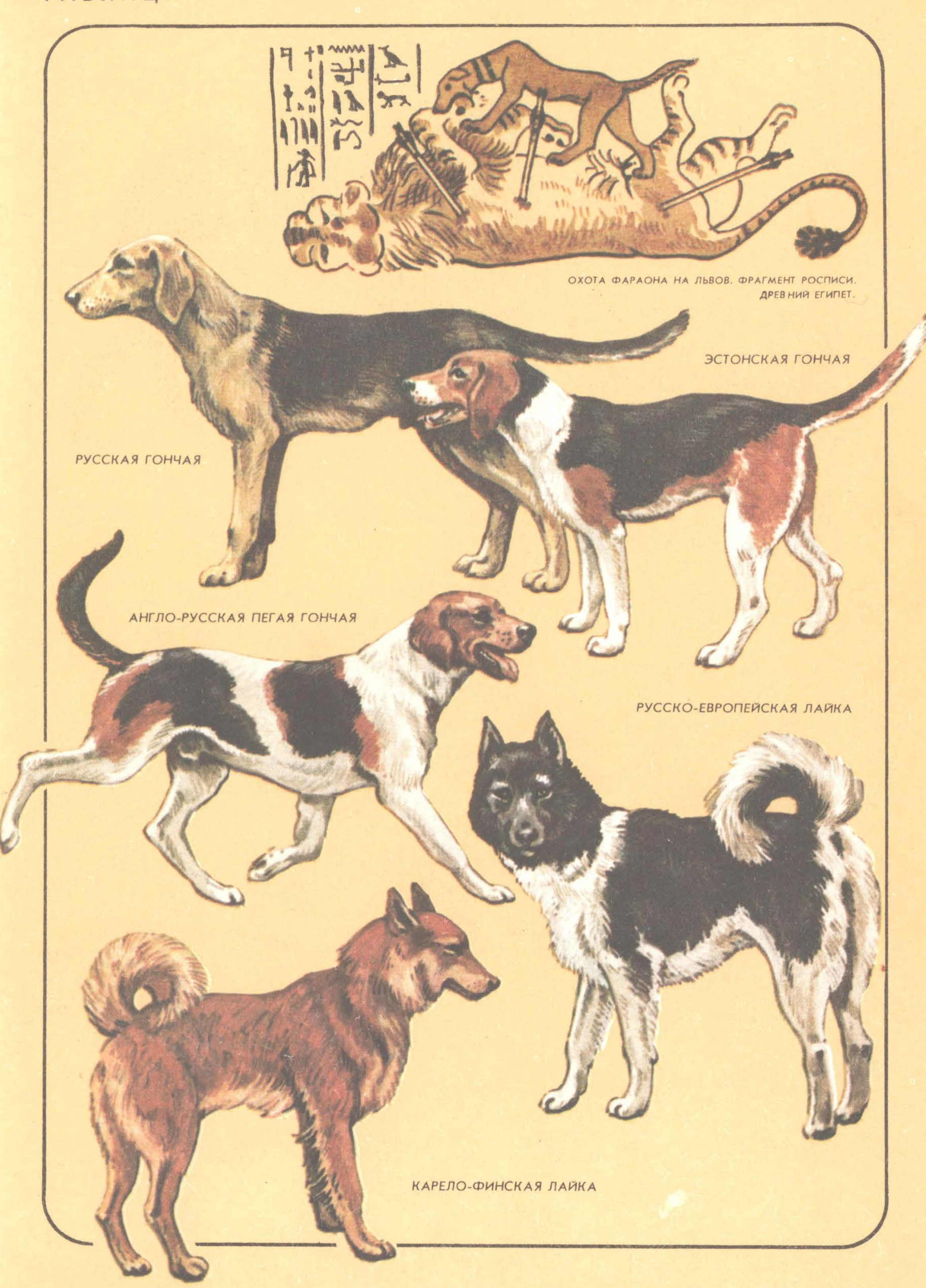
ФРАНЦУЗСКИЙ БУЛЬДОГ

АНГЛИЙСКИЙ ДОГ (мастиф)

БОКСЕР

НЕМЕЦКИЙ ДОГ (два варианта окраски)
БУЛЬТЕРЬЕР (два варианта окраски)

СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ БОРЗАЯ (та́зы)
АФГАНСКАЯ БОРЗАЯ
АНГЛИЙСКАЯ БОРЗАЯ (грингаут)
РУССКАЯ БОРЗАЯ


ОХОТА ФАРАОНА НА ЛЬВОВ. ФРАГМЕНТ РОСПИСИ. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ.
ЭСТОНСКАЯ ГОНЧАЯ
РУССКАЯ ГОНЧАЯ
АНГЛО-РУССКАЯ ПЕГАЯ ГОНЧАЯ
РУССКО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛАЙКА
КАРЕЛО-ФИНСКАЯ ЛАЙКА

НЕМЕЦКАЯ ДЛИННОШЕРСТНАЯ ЛЕГАВАЯ (лангхаар)
НЕМЕЦКАЯ КОРОТКОШЕРСТНАЯ ЛЕГАВАЯ (курцхаар)
ВЕЙМАРСКАЯ ЛЕГАВАЯ
НЕМЕЦКАЯ ЖЕСТКОШЕРСТНАЯ ЛЕГАВАЯ (дратхаар)
ЧЕШСКИЙ ФОУСЕК

ОХОТА НА КАБАНА. ФРЕСКА. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ.
АНГЛИЙСКИЙ СЕТТЕР
ИРЛАНДСКИЙ СЕТТЕР
ПОЙНТЕР
ШОТЛАНДСКИЙ СЕТТЕР
(гордон)

ТАКСООБРАЗНЫЙ БРАКК
СПРИНГЕР-СПАНИЕЛЬ
РУССКИЙ СПАНИЕЛЬ
КОККЕР-СПАНИЕЛЬ
ГЛАДКОШЕРСТНАЯ ТАКСА
ДЛИННОШЕРСТНАЯ ТАКСА
ЖЕСТКОШЕРСТНАЯ ТАКСА

ТАБЛИЦА 13

ГЛАДКОШЕРСТНЫЙ ФОКСТЕРЬЕР

ЖЕСТКОШЕРСТНЫЙ ФОКСТЕРЬЕР

ЯГДТЕРЬЕР ЖЕСТКОШЕРСТНЫЙ

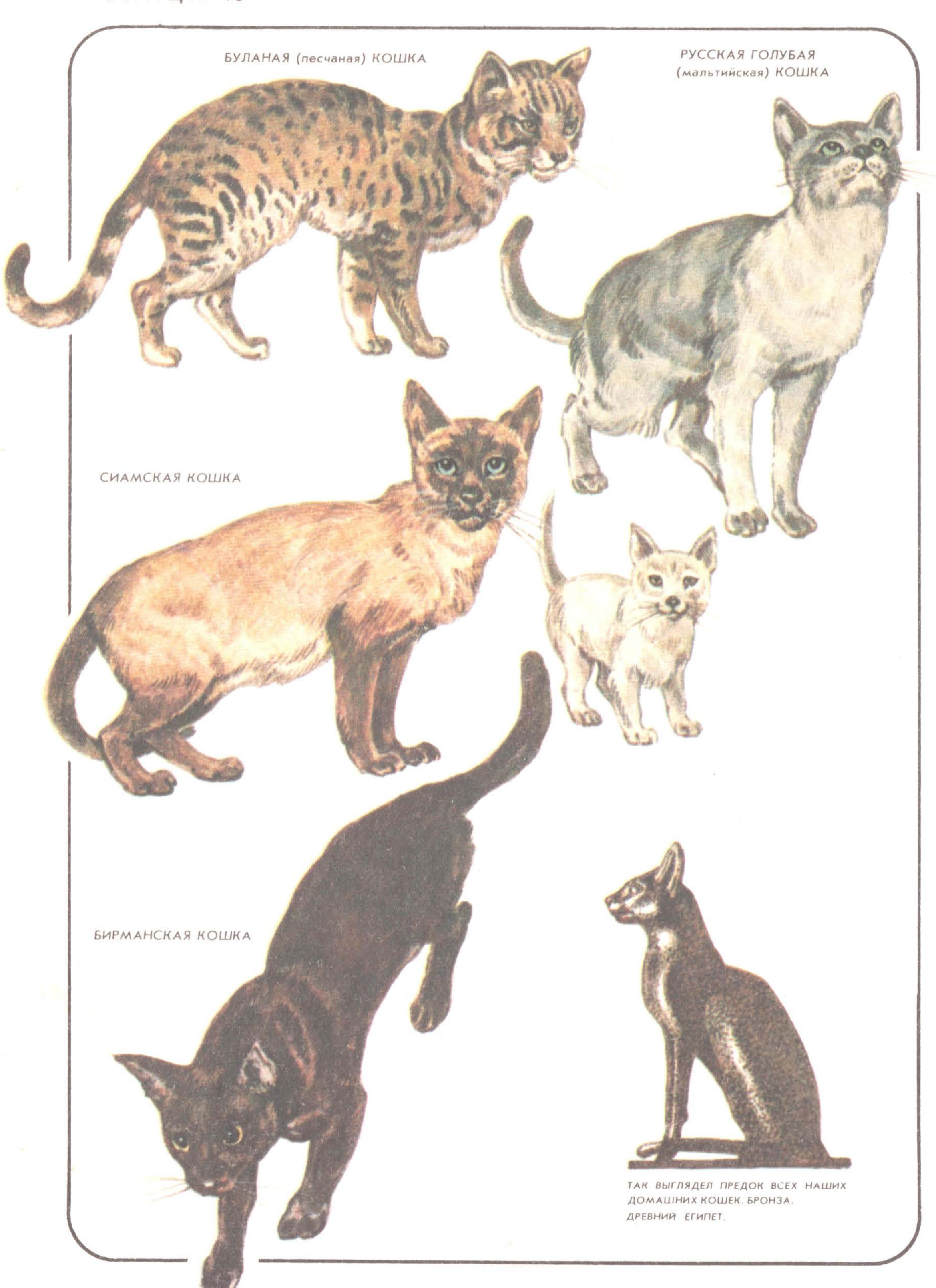
СКОТЧТЕРЬЕР (шотландский терьер)

ВЕЛЬШТЕРЬЕР

БЕДЛИНГТОНТЕРЬЕР

ЧАУ-ЧАУ
ПЕКИНЕС
КАРЛИКОВЫЙ ШНАУЦЕР
КАРЛИКОВЫЙ ПИНЧЕР
КОРОЛЕВСКИЙ ПУДЕЛЬ
КАРЛИКОВЫЙ ПУДЕЛЬ

ТАБЛИЦА 15
ВОЛЬФ-ШПИЦ
МАЛЫЙ ШПИЦ
ХИН ЯПОНСКИЙ
МАЛЬТИЙСКАЯ БОЛОНКА
(мелита)
ФРАНЦУЗСКАЯ БОЛОНКА
ЛЕВРЕТКА



ТАК ВЫГЛЯДЕЛ ПРЕДОК ВСЕХ НАШИХ ДОМАШНИХ КОШЕК. БРОНЗА. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧЕРНАЯ КОШКА
ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРЕХЦВЕТНАЯ КОШКА
АБИССИНСКАЯ (эфиопская) КОШКА
КАРТЗЕЙСКАЯ ГОЛУБАЯ КОШКА
ЕВРОПЕЙСКАЯ ПАЛЕВАЯ КОШКА

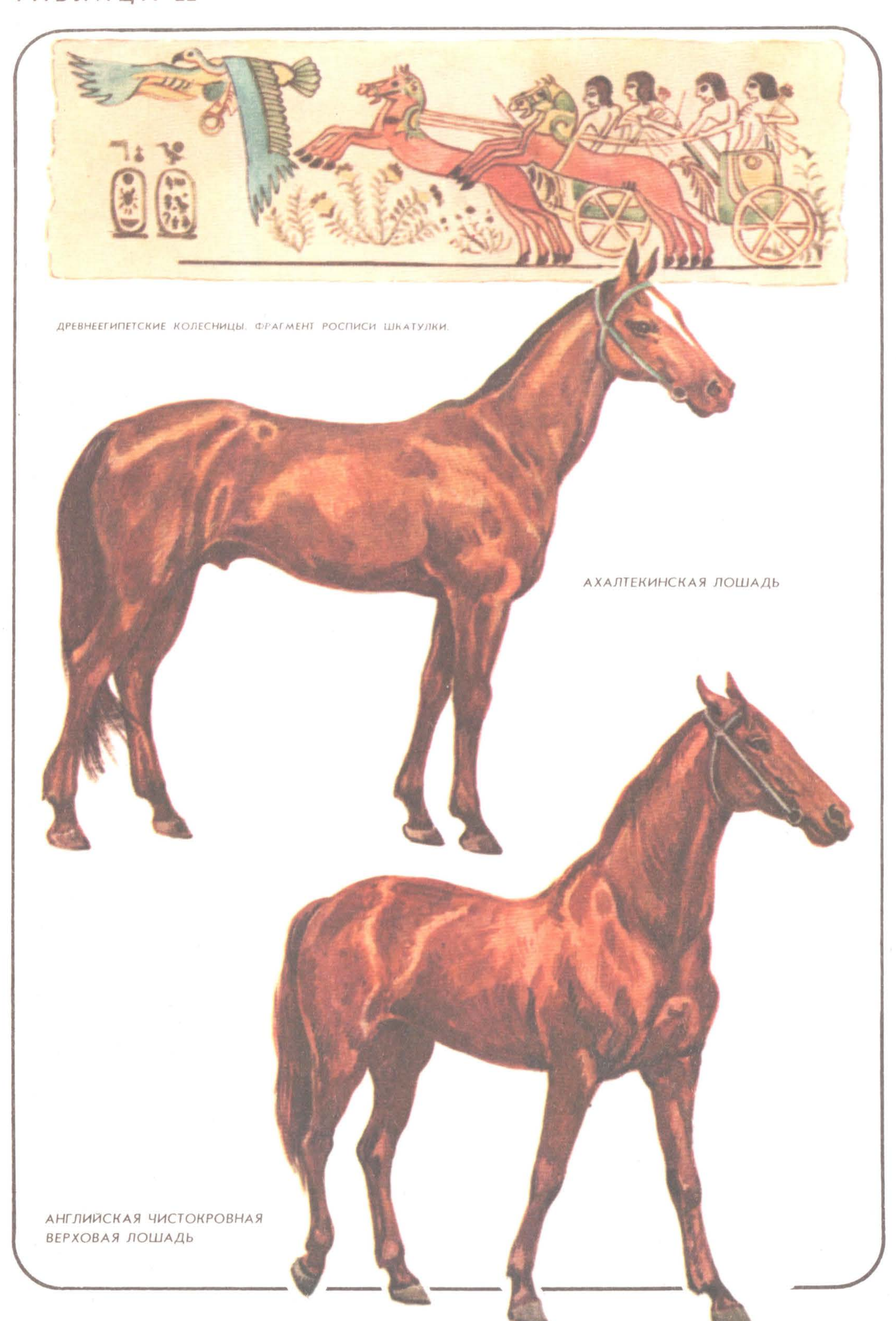
КИТАЙСКАЯ ВИСЛОУХАЯ КОШКА
КЕНИЙСКАЯ БЕСШЕРСТНАЯ (голая) КОШКА
СИБИРСКАЯ ТИГРОВАЯ КОШКА
МЭНСКАЯ БЕСХВОСТАЯ КОШКА (кошка острова Мэн)
СИБИРСКАЯ ДВУХЦВЕТНАЯ КОШКА

ПЕРСИДСКАЯ (ангорская) КРАСНАЯ КОШКА
ПЕРСИДСКАЯ (ангорская)
ГОЛУБАЯ КОШКА
ПЕРСИДСКАЯ (ангорская) БЕЛАЯ КОШКА
КХМЕРСКАЯ КОШКА

ТАБЛИЦА 20

ГОЛОВА ЛОШАДИ, ВЫРЕЗАННАЯ ИЗ КОСТИ.
ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ.
ТАРПАН
ЛОШАДЬ ПРЖЕВАЛЬСКОГО
ЯКУТСКАЯ ЛОШАДЬ
КАЗАХСКАЯ ЛОШАДЬ

МОНГОЛЬСКАЯ ЛОШАДЬ
КИРГИЗСКАЯ ЛОШАДЬ
АЛТАЙСКАЯ ЛОШАДЬ
НАСКАЛЬНЫЙ РИСУНОК ПОВОЗКИ С ЛОШАДЬМИ.



ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИЕ КОЛЕСНИЦЫ. ФРАГМЕНТ РОСПИСИ ШКАТУЛКИ.

АХАЛТЕКИНСКАЯ ЛОШАДЬ

АНГЛИЙСКАЯ ЧИСТОКРОВНАЯ ВЕРХОВАЯ ЛОШАДЬ

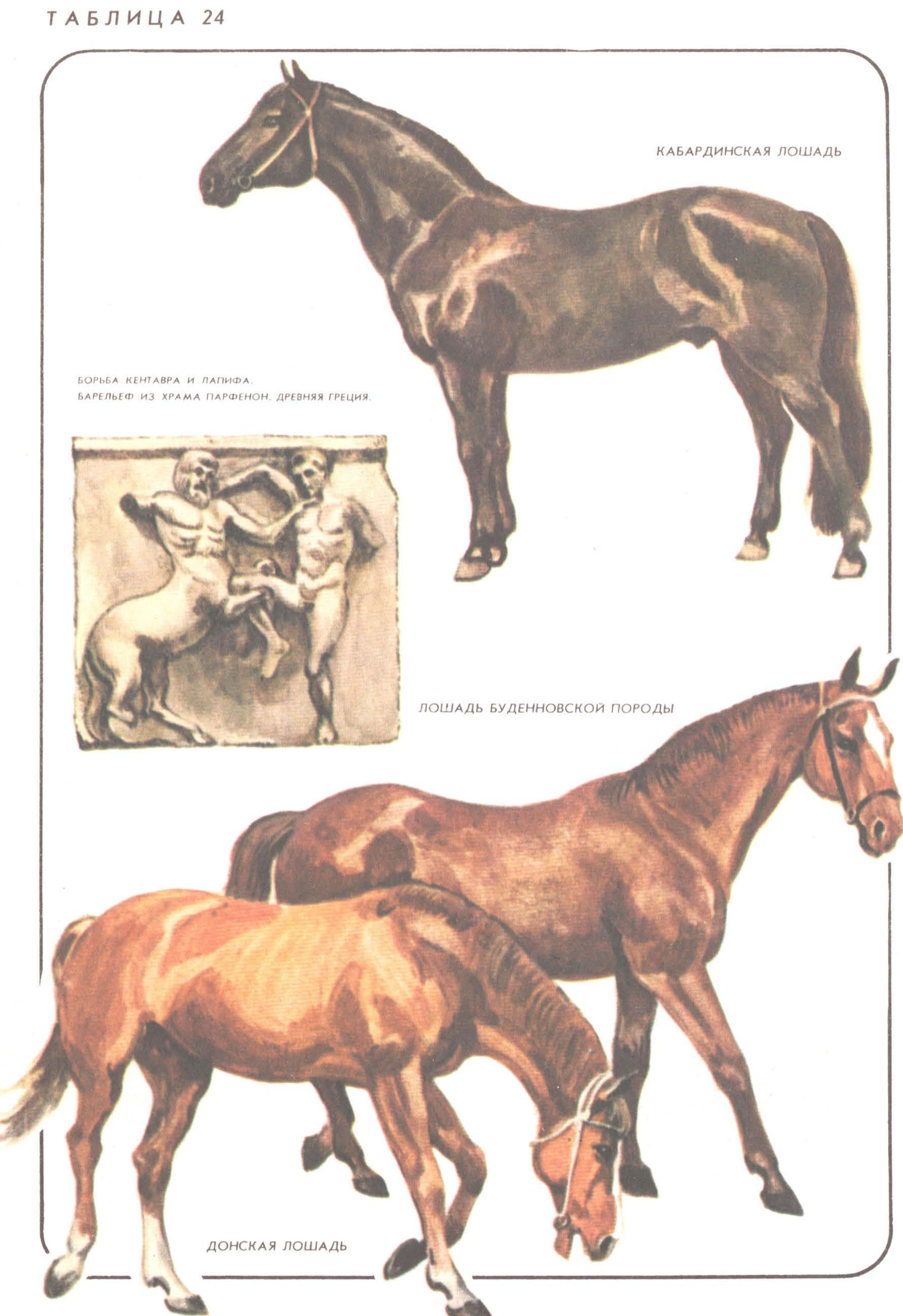
АРАБСКИЕ ЛОШАДИ:

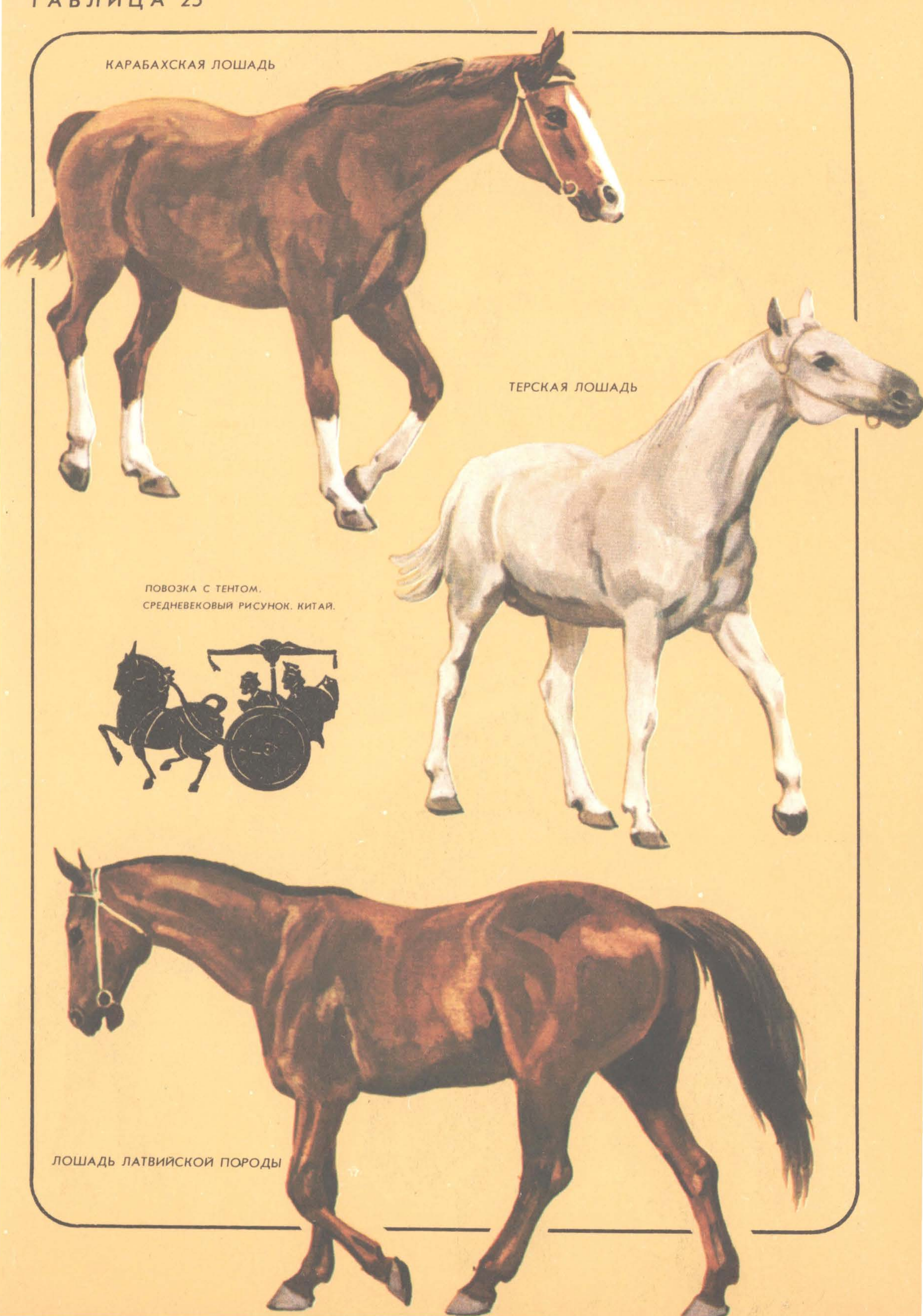
СИГЛАВИ

КОХЕЙЛАН

ХАДБАН

ГРЕЧЕСКИЙ ВСАДНИК. ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ВАЗЕ. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ.


КАБАРДИНСКАЯ ЛОШАДЬ
БОРЬБА КЕНТАВРА И ЛАПИФА.
БАРЕЛЬЕФ ИЗ ХРАМА ПАРФЕНОН. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ.
ЛОШАДЬ БУДЕННОВСКОЙ ПОРОДЫ
ДОНСКАЯ ЛОШАДЬ

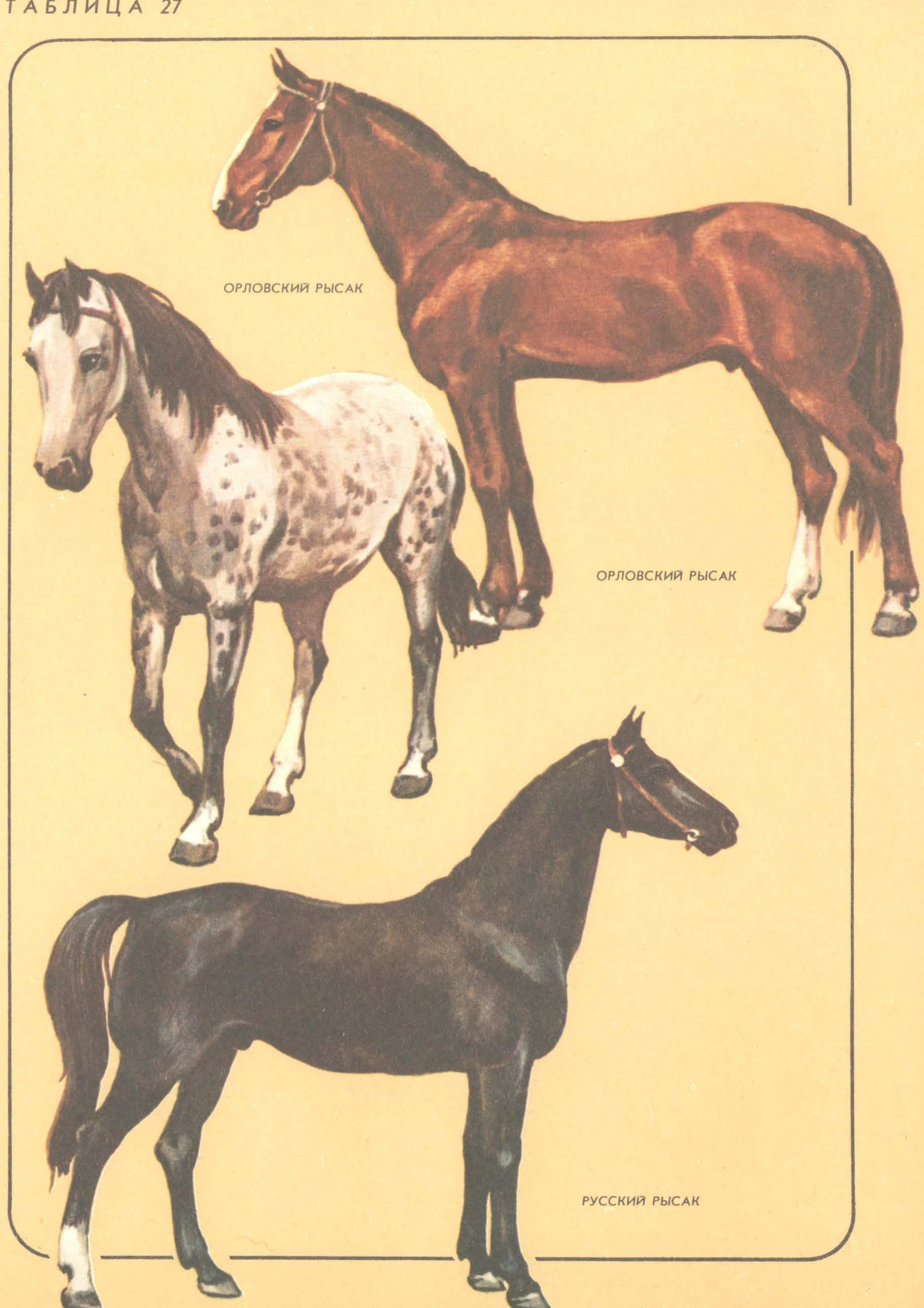

КАРАБАХСКАЯ ЛОШАДЬ
ТЕРСКАЯ ЛОШАДЬ
ПОВОЗКА С ТЕНТОМ.
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ РИСУНОК. КИТАЙ.
ЛОШАДЬ ЛАТВИЙСКОЙ ПОРОДЫ

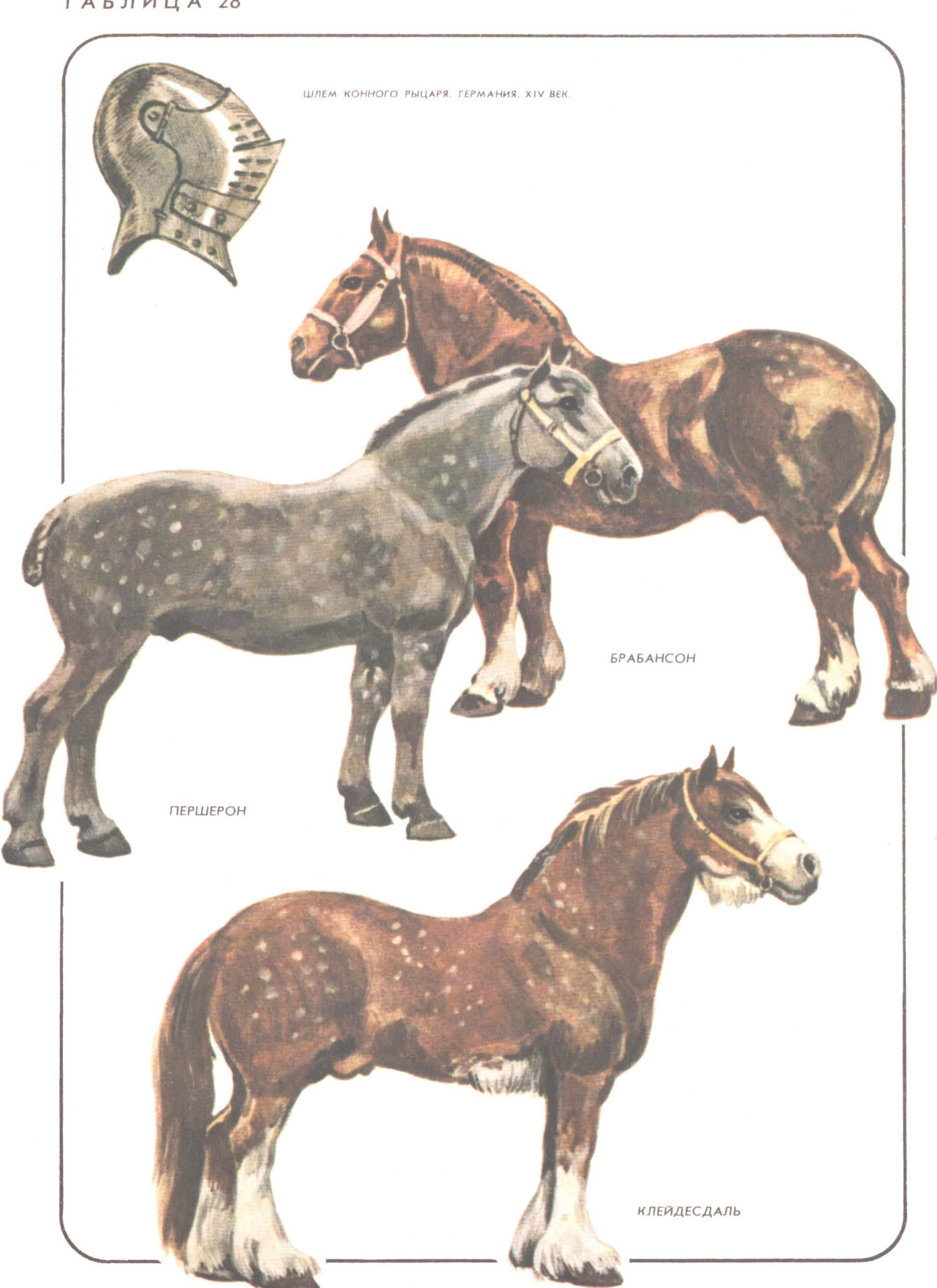
СКИФ, СВЯЗЫВАЮЩИЙ НОГИ КОНЮ. ИЗОБРАЖЕНИЕ НА МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ВАЗЕ ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА.

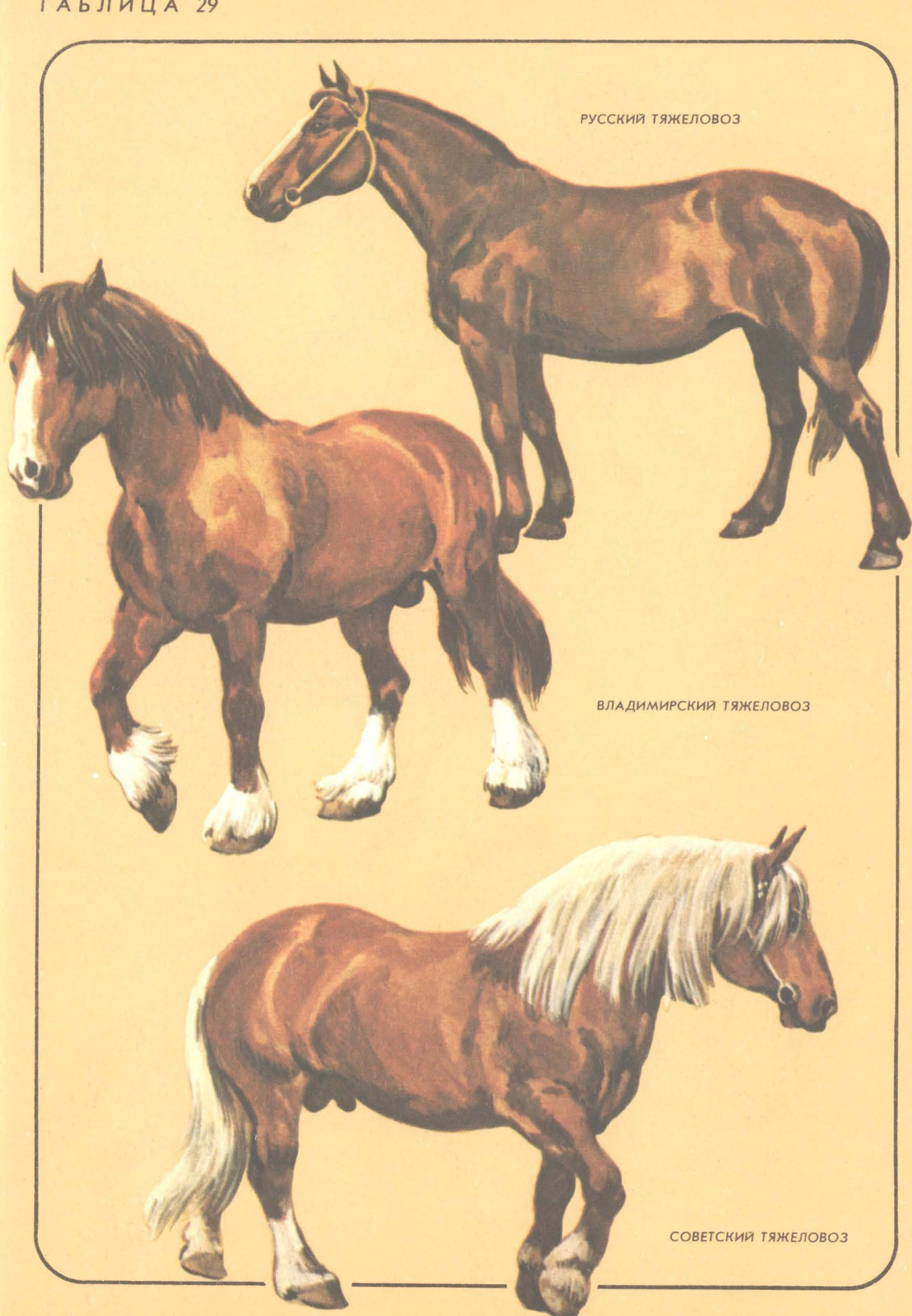
ЛОШАДЬ ВЯТСКОЙ ПОРОДЫ

ЛОШАДЬ МЕЗЕНСКОЙ ПОРОДЫ

ПОНИ


ОРЛОВСКИЙ РЫСАК
ОРЛОВСКИЙ РЫСАК
РУССКИЙ РЫСАК


ШЛЕМ КОННОГО РЫЦАРЯ. ГЕРМАНИЯ. XIV ВЕК.
БРАБАНСОН
ПЕРШЕРОН
КЛЕЙДЕСДАЛЬ


РУССКИЙ ТЯЖЕЛОВОЗ
ВЛАДИМИРСКИЙ ТЯЖЕЛОВОЗ
СОВЕТСКИЙ ТЯЖЕЛОВОЗ

МАСТИ ЛОШАДЕЙ:

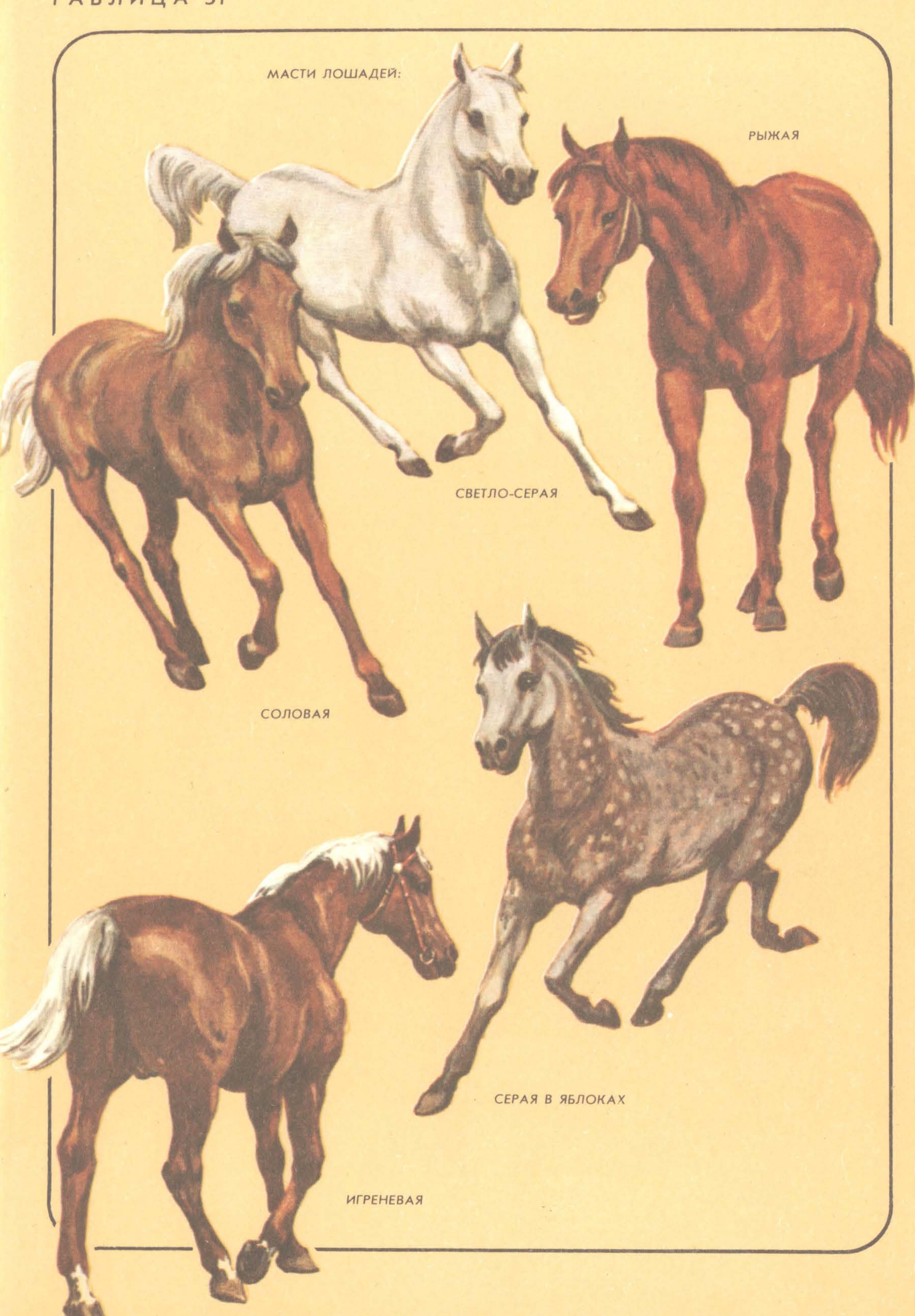
КАРАКОВАЯ

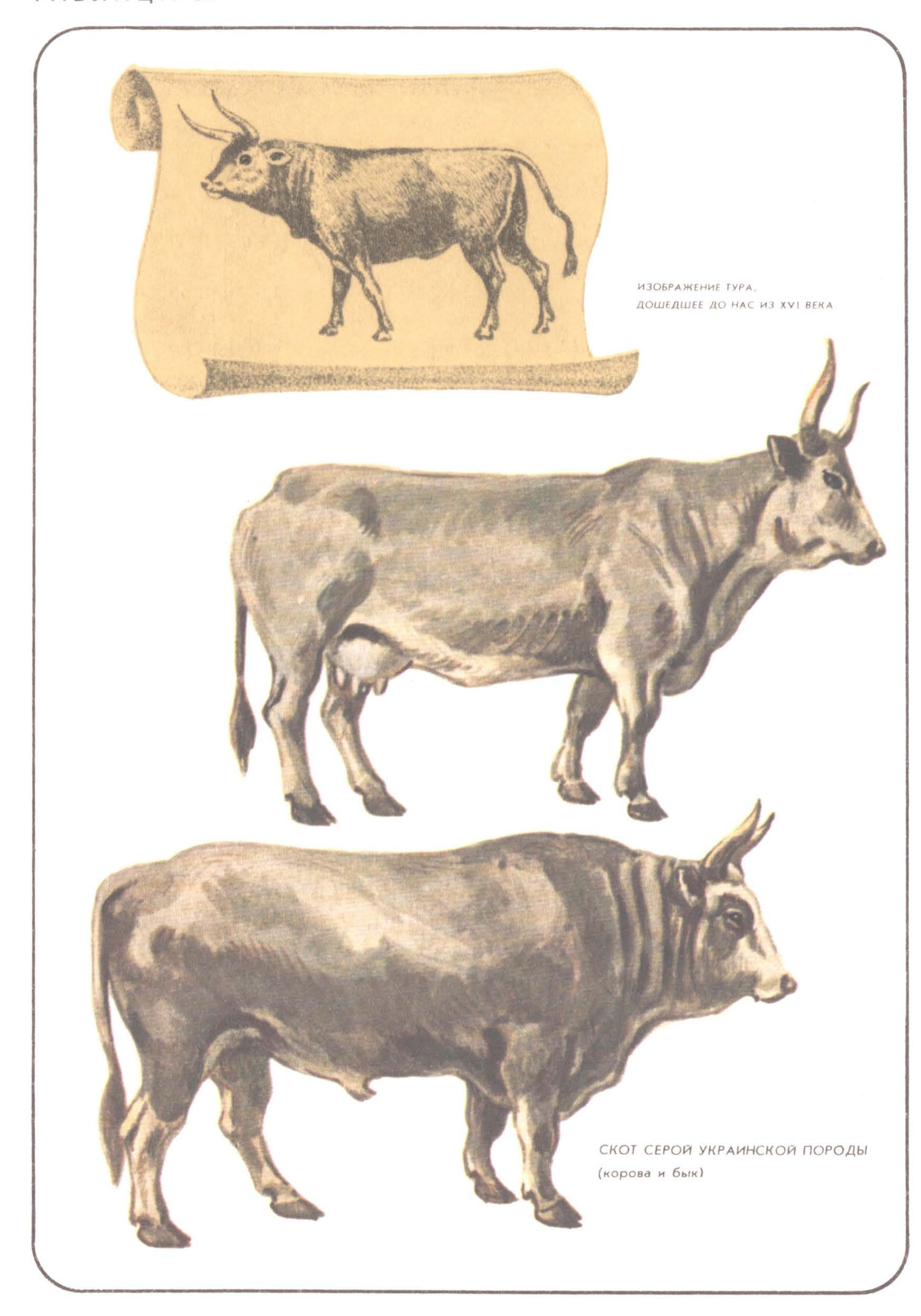
ЧАЛАЯ

ГНЕДАЯ

ВОРОНАЯ

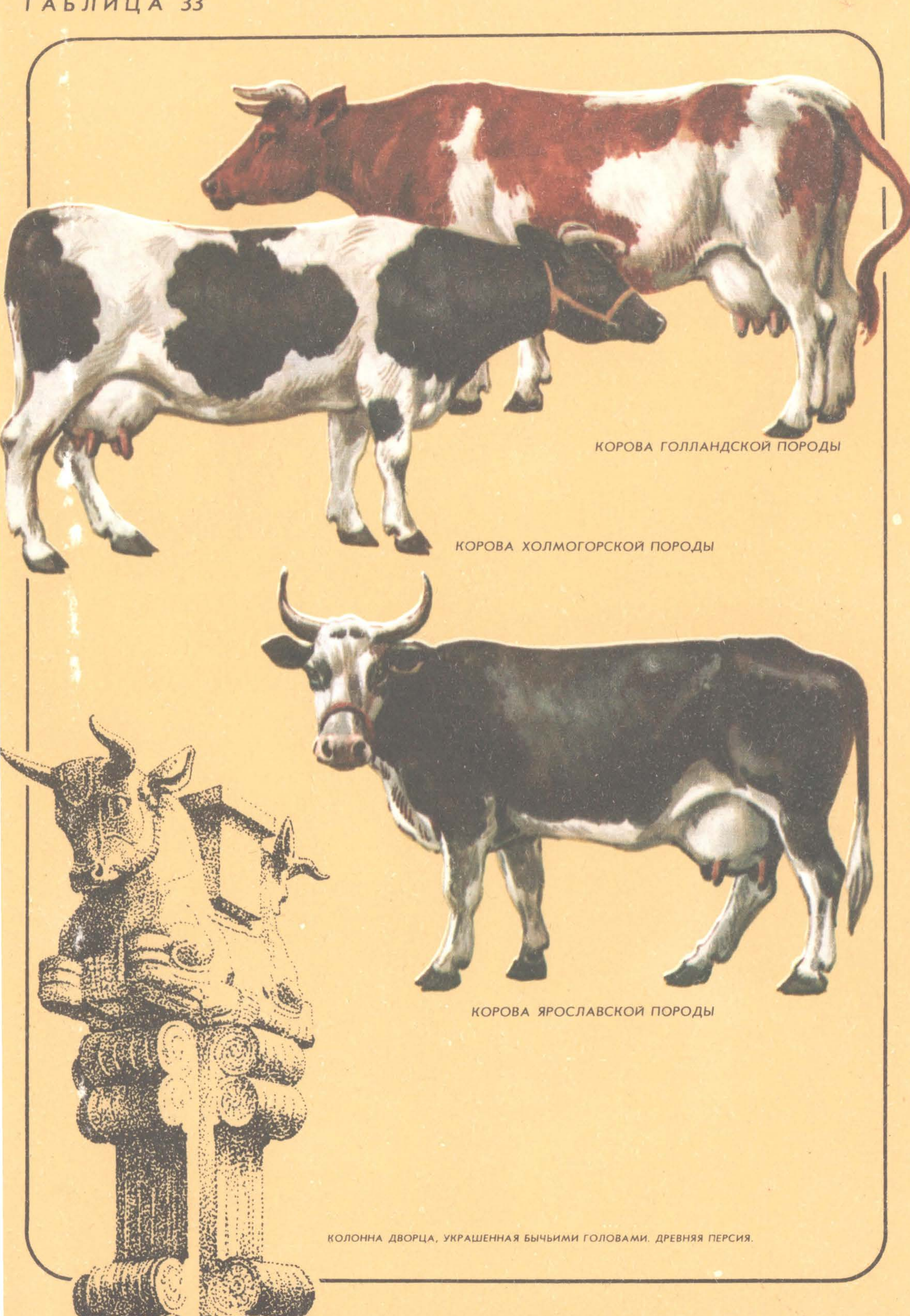
БУЛАНАЯ


МАСТИ ЛОШАДЕЙ:
РЫЖАЯ
СВЕТЛО-СЕРАЯ
СОЛОВАЯ
СЕРАЯ В ЯБЛОКАХ
ИГРЕНЕВАЯ



ИЗОБРАЖЕНИЕ ТУРА, ДОШЕДШЕЕ ДО НАС ИЗ XVI ВЕКА

СКОТ СЕРОЙ УКРАИНСКОЙ ПОРОДЫ (корова и бык)

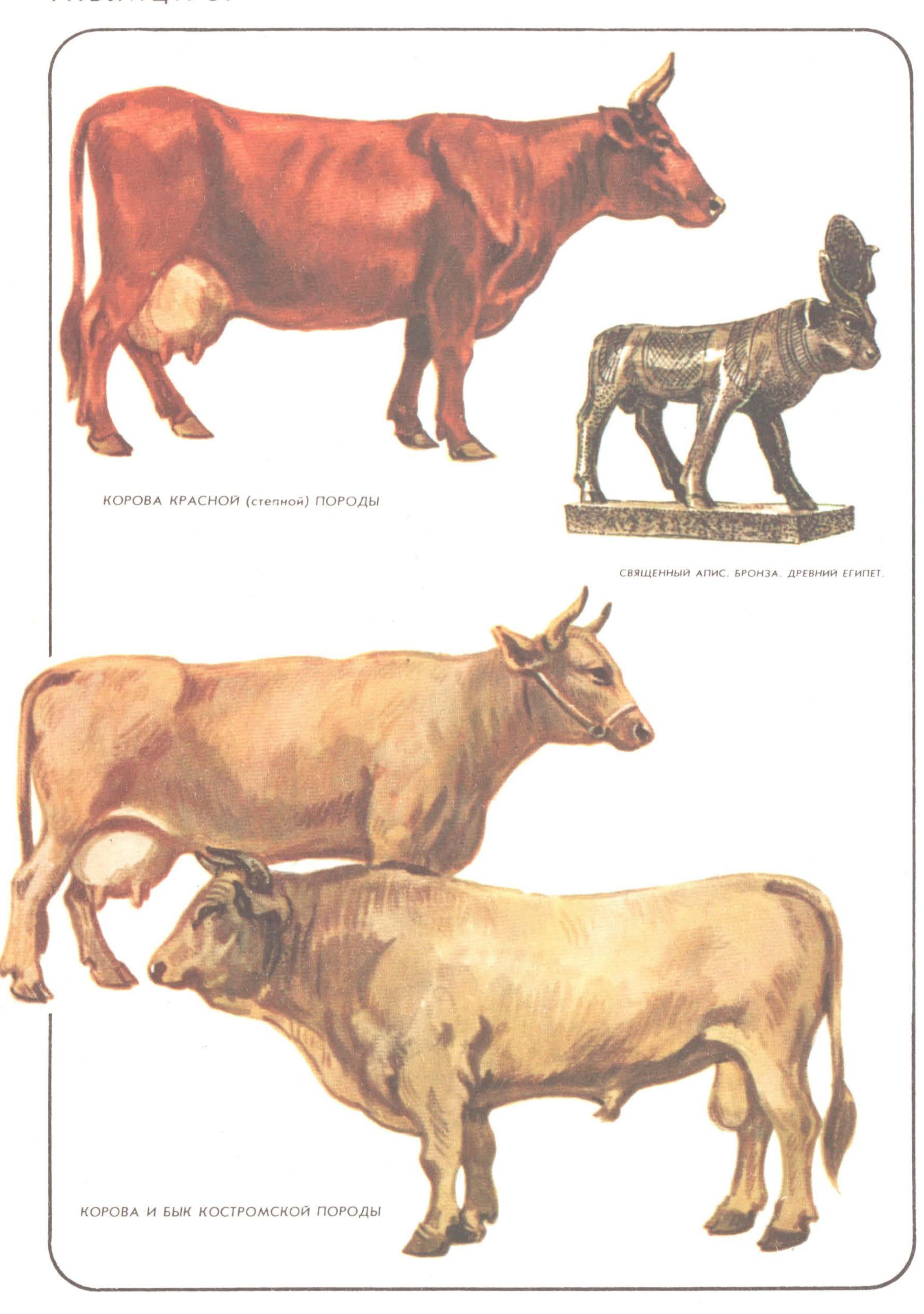


КОРОВА ГОЛЛАНДСКОЙ ПОРОДЫ

КОРОВА ХОЛМОГОРСКОЙ ПОРОДЫ

КОРОВА ЯРОСЛАВСКОЙ ПОРОДЫ

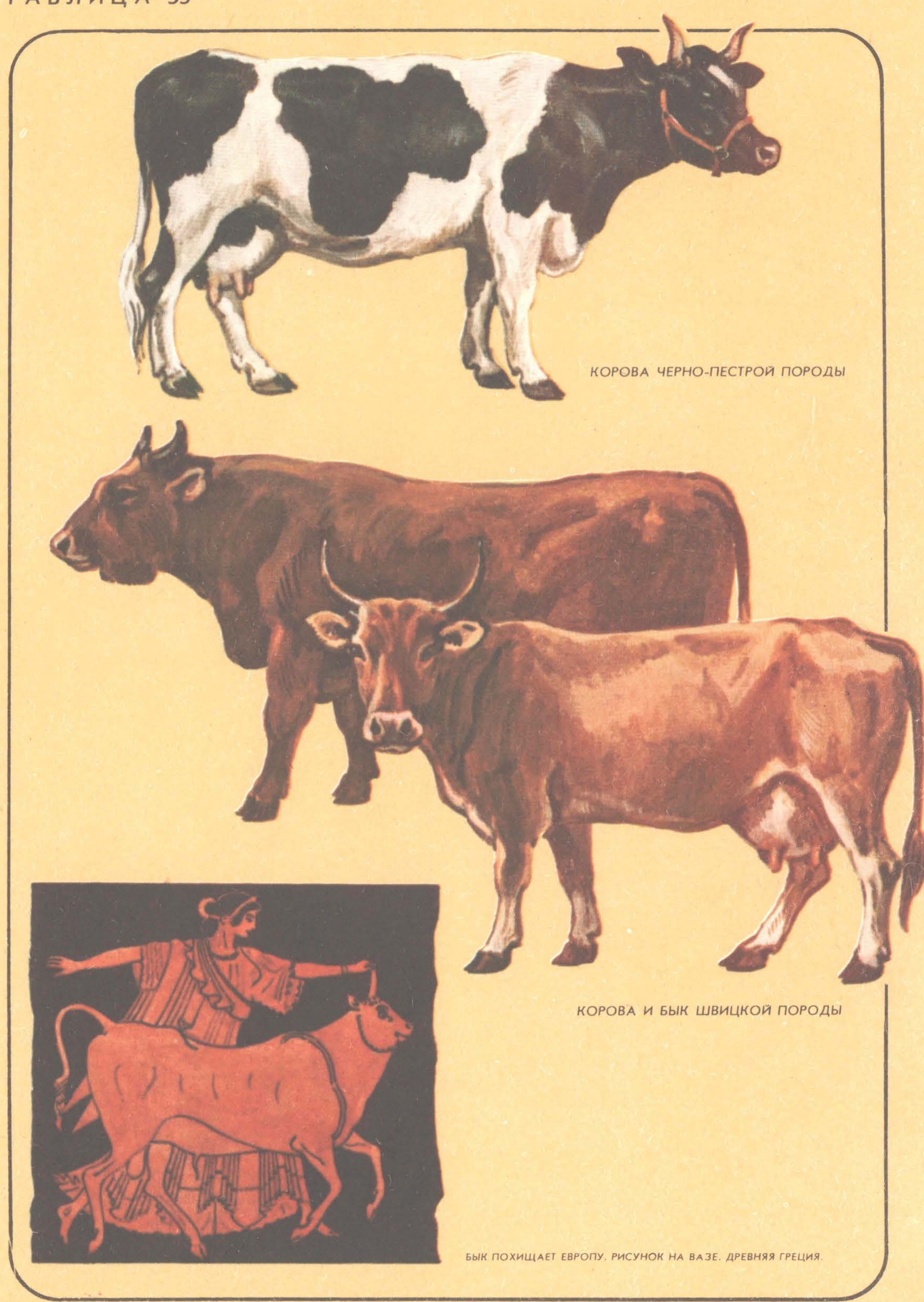
КОЛОННА ДВОРЦА, УКРАШЕННАЯ БЫЧЬИМИ ГОЛОВАМИ. ДРЕВНЯЯ ПЕРСИЯ.



КОРОВА КРАСНОЙ (степной) ПОРОДЫ

СВЯЩЕННЫЙ АПИС. БРОНЗА. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ.

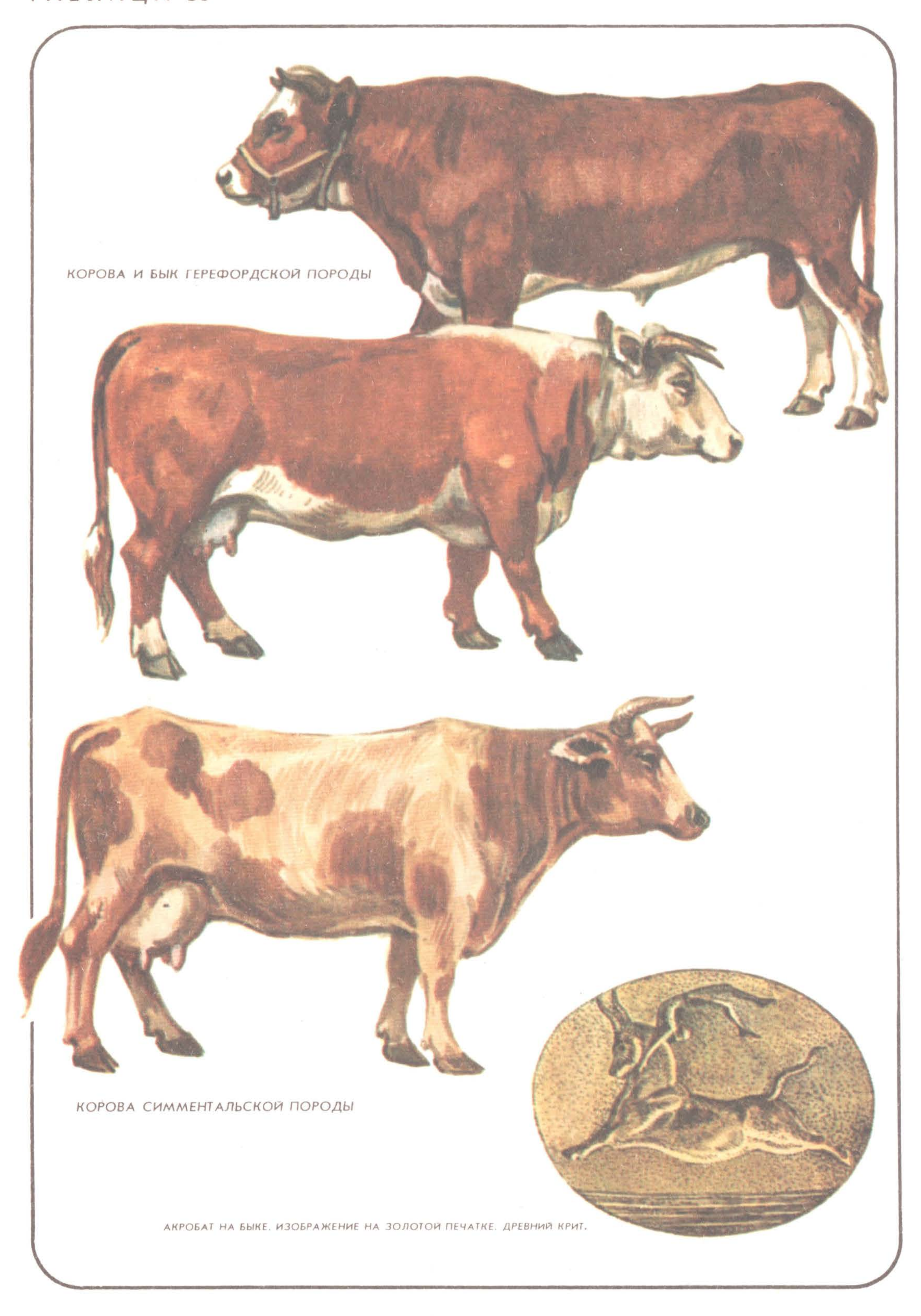
КОРОВА И БЫК КОСТРОМСКОЙ ПОРОДЫ



КОРОВА ЧЕРНО-ПЕСТРОЙ ПОРОДЫ

КОРОВА И БЫК ШВИЦКОЙ ПОРОДЫ

БЫК ПОХИЩАЕТ ЕВРОПУ. РИСУНОК НА ВАЗЕ. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ.



КОРОВА И БЫК ГЕРЕФОРДСКОЙ ПОРОДЫ

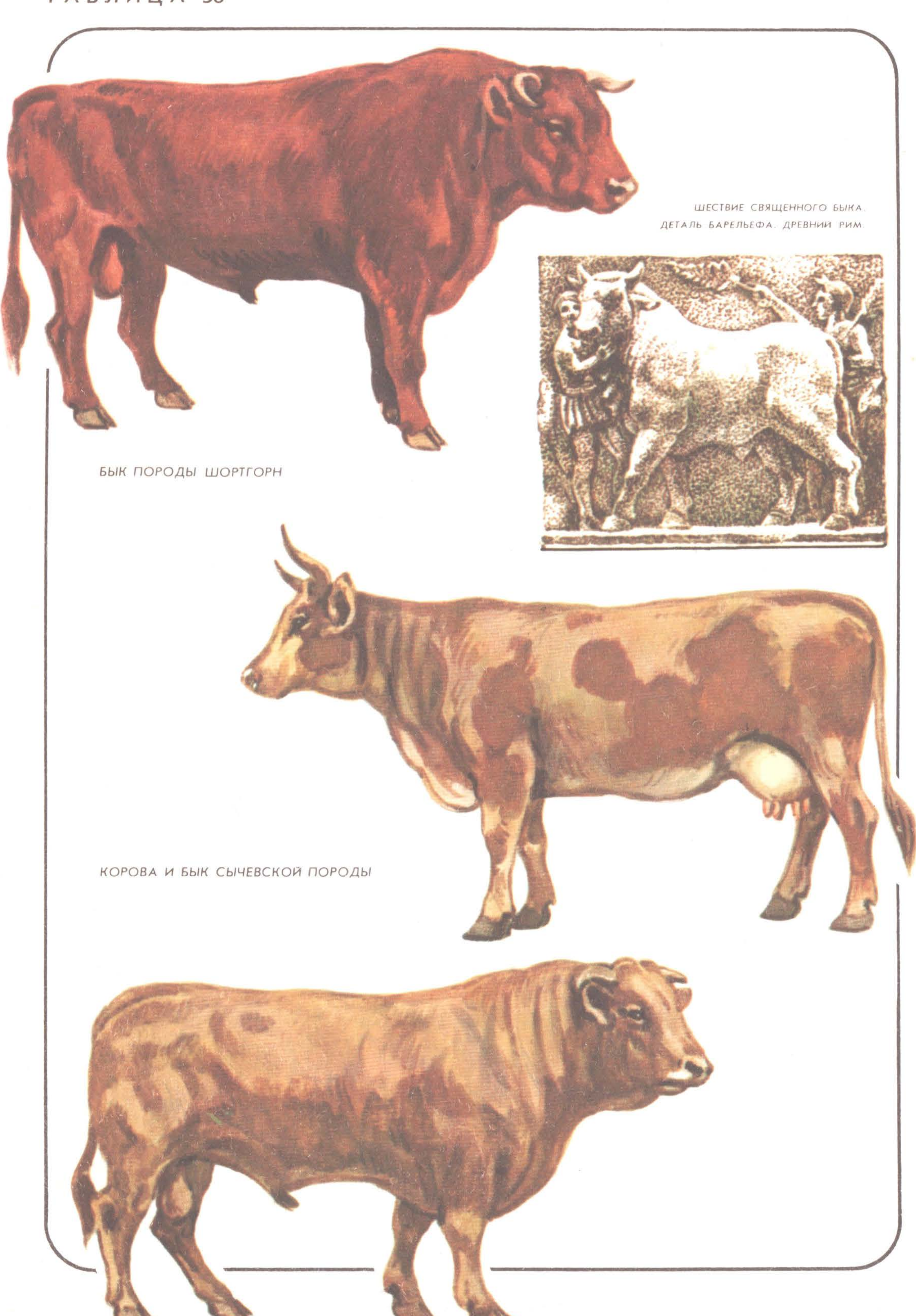
КОРОВА СИММЕНТАЛЬСКОЙ ПОРОДЫ

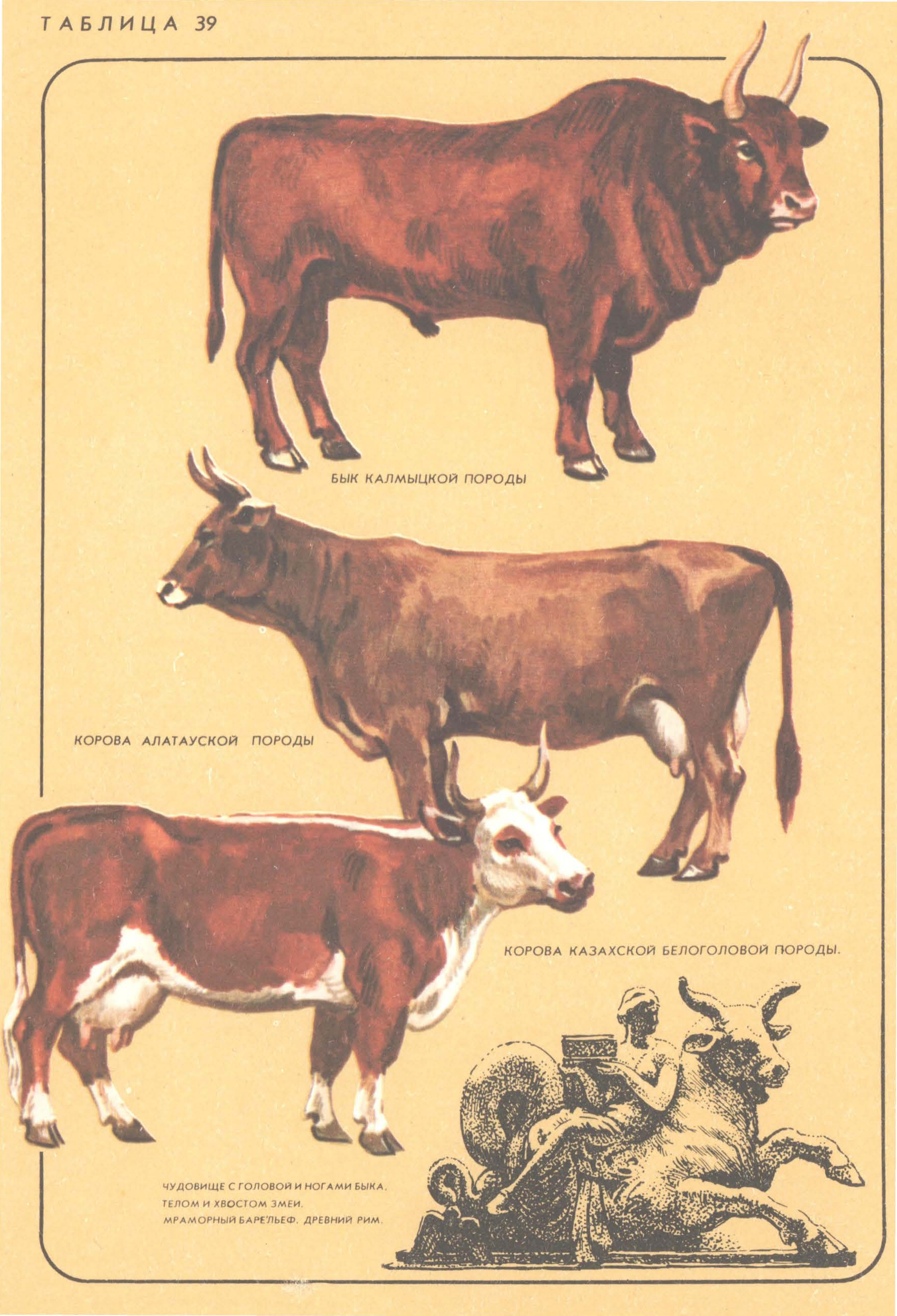
АКРОБАТ НА БЫКЕ. ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ЗОЛОТОЙ ПЕЧАТКЕ. ДРЕВНИЙ КРИТ.

БЫК АБЕРДИН-АНГУССКОЙ ПОРОДЫ

ХЕТТСКОЕ БОЖЕСТВО НА БЫКЕ.
КОЛОННА ХРАМА. XI—IX ВЕК
ДО Н. Э.

КОРОВА И БЫК ЛЕБЕДИНСКОЙ ПОРОДЫ


ШЕСТВИЕ СВЯЩЕННОГО БЫКА.
ДЕТАЛЬ БАРЕЛЬЕФА. ДРЕВНИЙ РИМ.
БЫК ПОРОДЫ ШОРТГОРН
КОРОВА И БЫК СЫЧЕВСКОЙ ПОРОДЫ



БЫК КАЛМЫЦКОЙ ПОРОДЫ

КОРОВА АЛАТАУСКОЙ ПОРОДЫ

КОРОВА КАЗАХСКОЙ БЕЛОГОЛОВОЙ ПОРОДЫ.

ЧУДОВИЩЕ С ГОЛОВОЙ И НОГАМИ БЫКА, ТЕЛОМ И ХВОСТОМ ЗМЕИ. МРАМОРНЫЙ БАРЕЛЬЕФ. ДРЕВНИЙ РИМ.

Научно-художественная литература

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Юрий Дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ —

домашние животные

ИБ № 12210

Ответственный редактор
Л. А. ЧУТКОВА

Художественный редактор
Е. М. ЛАРСКАЯ

Технические редакторы
Т. Д. ЮРХАНОВА,
М. В. ГАГАРИНА

Корректоры
Т. В. БЕСПАЛАЯ,
Е. А. СУКЯСЯН

Дмитриев Ю. Д.

Д 53 Соседи по планете — домашние животные: Научно-художественная лит-ра/Худож. В. Лаповок и О. Кондакова. — М.: Дет. лит., 1990. — 288 с.: ил.

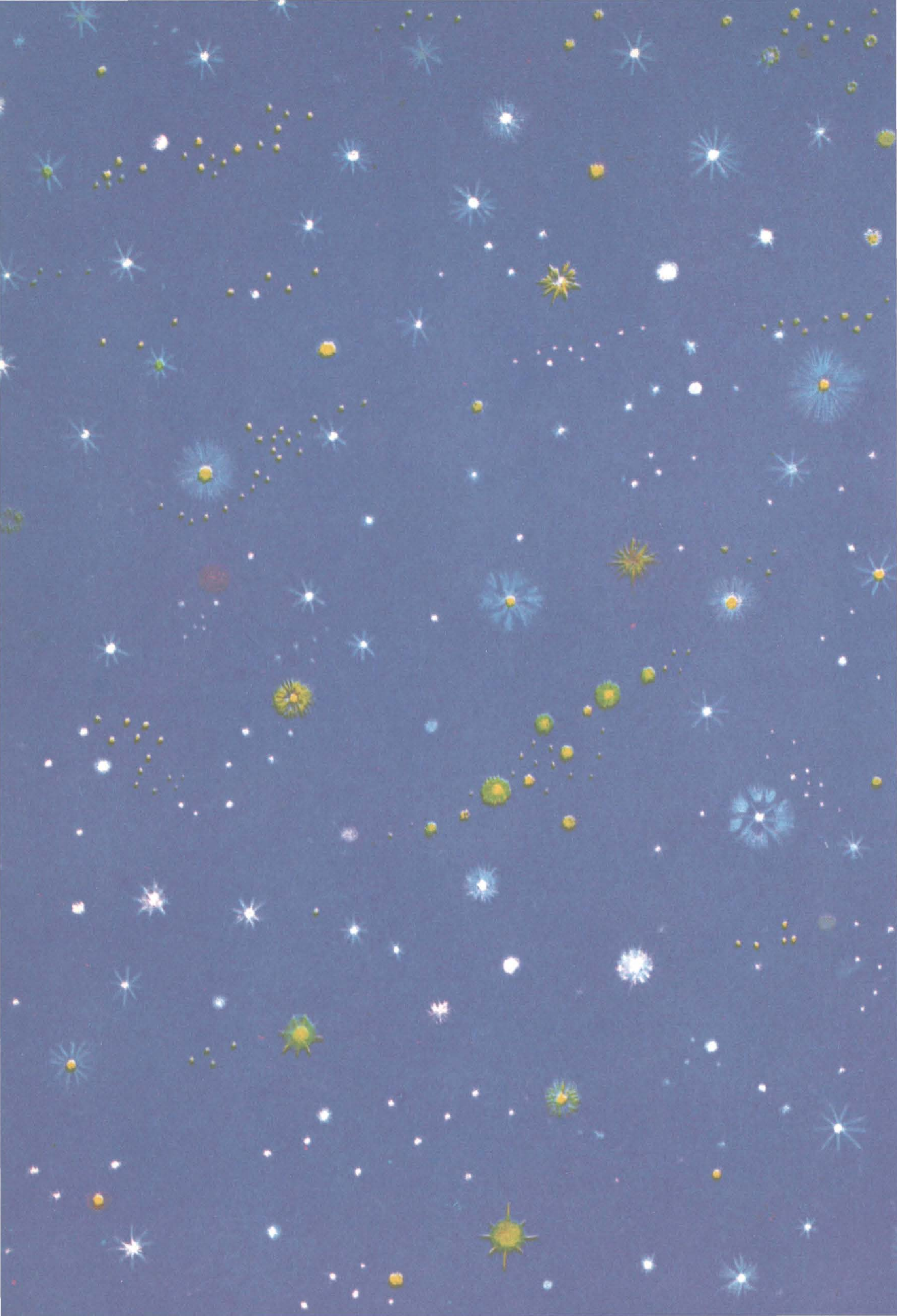
ISBN 5—08—001804—6

Книга посвящена домашним животным — самым близким для людей соседям по планете, сыгравшим решающую роль в развитии человечества. Особое внимание уделяется актуальной проблеме одомашнивания, выведения новых пород животных. В книге использованы новейшие данные биологической и сельскохозяйственной науки.

Д $\frac{\textbf{4802020000—094}}{\textbf{М101(03)—90}}$ **032—90** **ББК28.693.36**

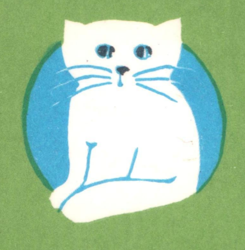
ISBN 5—08—001804—6

Сдано в набор 10.05.89. Подписано к печати 27.12.89. Формат 70×100 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт журнально-рубленый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,65. Усл. кр.-отт. 62,4. Уч.-изд. л. 21,84 + 20 вкл. = 25,99. Тираж 100 000 экз. Заказ № 532. Цена 2 р. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.



2 р.

домашние животные



Собаки, кошки, лошади, коровы... Как часто, казалось бы, мы их видим, как хорошо знаем! И все же далеко не всегда представляем себе, какую огромную, решающую роль сыграли они в истории человечества.

А ведь без домашних животных — и не только тех, о которых говорится в этой книге, — люди просто не смогли бы существовать, и в будущем их роль станет, возможно, еще значительнее.

Далеко не все знают, что животные, которых изучают различные специалисты, остаются во многом загадочными, хранят множество тайн. Перед учеными и практиками стоит еще немало жизненно важных проблем, связанных с домашними животными.

Об истории собак и кошек, лошадей и коров, об их сложном и долгом пути к человеку, об использовании домашних животных в самых разных областях жизни и деятельности людей, об удивительных открытиях и нераскрытых загадках, о взаимоотношениях людей и домашних животных в прошлом и перспективах на будущее — обо всем этом рассказывается в книге Юрия Дмитриева.

Юрий Дмитриев

СОСЕДИ ПО ПЛАНЕТЕ